

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№12 2013

Казань - 2013

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №12 2013г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2013. – 338.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-46452.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*С.В. Барабанова – д.ю.н., проф.; Л.А. Бурганова – д.соц.н, проф.;
Р.И. Зинурова – д.соц.н., проф.; А.А. Иванов – д.и.н., проф.; В.В. Кондратьев – д.п.н., проф.;
Ю.М. Кудрявцев – д.п.н., проф.; Г.П. Меньчиков – д.филос.н., проф.;
Г.Ф. Мингалеев – д.э.н., проф.; А.Л. Салагаев – д.соц.н., проф.;
Р.Р. Хуснуллина – д.фил.н., проф.; Ю.А. Цагарелли – д.псих.н., проф.;
Р.С. Цейтлин – д.и.н., проф.; Л.М. Яо – д.соц.н., проф.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Обращение Главного редактора</i>	11
<i>Ю.М. Кудрявцев, У.А. Казакова</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ НЕПРЕРЫВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА	12

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Р.Р. Бариев, Э.И. Никонова</i> СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.Л. ЦЫМБУРСКОГО	19
<i>Р.Р. Бариев, Э.И. Никонова</i> СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.Л. ЦЫМБУРСКОГО	22
<i>В.Н. Гильденберг</i> ОБРАЗ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	25
<i>А.М. Губайдуллин</i> БУЛГАРСКИЕ КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)	28
<i>А.М. Губайдуллин</i> К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА	33
<i>А.С. Жулаева</i> ОБРАЗ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНОК СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	39
<i>А.И. Кортунув</i> ПРОШЕНИЯ МЕЩЕРЯКОВ О ЗАЧИСЛЕНИИ В СОСТАВ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	42
<i>О.Ю. Лютых</i> РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В 2008-2012 ГГ.	45
<i>К.В. Моряхина</i> ПЕРСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ УСЬВИНСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ЛОМОВАТОВО-РОДАНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ	48
<i>А.К. Ситдикова, Б.М. Ягудин</i> КУРДСКИЙ ВОПРОС И ПОПЫТКА ЕГО РЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ А.Х. АЛЬ-БАКРА В ИРАКЕ (1968 – 1979 гг.).	52
<i>А.А. Титова</i> ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)	55
<i>О.В. Фидченко</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ САМОДЕРЖАВИЯ СРЕДИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	63
<i>И.А. Юрков</i> ЦВЕТНЫЕ МЕТАЛЛЫ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ КАЛИНСКОГО СЕЛИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2011-2013 ГГ.)	66

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Л.Р. Амирханова, Е.Е. Будник, С.Ф. Рахматуллина</i> ОПТИМИЗАЦИЯ ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ ПРЕДПРИЯТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АУТСОРСИНГА	70
<i>Н.А. Аюбов</i> КОНТРОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКЕ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ МСФО	75
<i>Н.А. Аюбов, П.В. Попова</i> ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ РАБОТЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ	79
<i>О.Н. Балабанова</i> ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	83
<i>Ю.Ю. Бравая</i> СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ	86

<i>М.Н. Бурмистрова</i> ИНТЕГРАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРЕРАБОТКИ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ	90
<i>Е.А. Гладышева</i> МЕХАНИЗМ АККУМУЛЯЦИИ И ИНВЕСТИРОВАНИЯ ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ	93
<i>З.В. Ефимова, М.Ю. Борисов</i> УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ	98
<i>И.В. Жуплей</i> МЕТОДИКА АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ СТРУКТУРЫ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕГИОНА	104
<i>С.В. Ильин, Л.А. Ильина</i> ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ПРИ ИНВЕСТИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ	108
<i>М.Г. Корицкая</i> РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ	112
<i>А.А. Ломов, С.В. Сухов, В.Д. Сухов</i> ОЦЕНКА И НОРМИРОВАНИЕ ТРУДОЗАТРАТ В СЕРВИСНЫХ КОМПАНИЯХ	116
<i>Д.А. Маринцев</i> ОЦЕНКА РИСКОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ	119
<i>Д.А. Маринцев</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАДЁЖНОСТЬ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА	122
<i>А.П. Панов</i> АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ	125
<i>В.К. Поспелов</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОДНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕГИПТА	128
<i>М.И. Сычев</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (понятие, структура, развитие)	131
<i>И.В. Филимоненко</i> РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА	136
<i>В.П. Черданцев, С.А. Шаклеина</i> РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СВИНИНЫ С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ	142

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Е.В. Фидченко</i> СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	147
<i>Д.Г. Шабалин</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВОГО ПРОЦЕССА	150

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>О.Г. Берестова</i> СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДИКАТА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	153
<i>Н.Г. Бурмакина</i> КОММУНИКАТИВНЫЙ ЖАНР ЭКЗАМЕНА	156
<i>А.И. Конова</i> К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ТУКАЯ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДЕТАМ	163
<i>И.В. Кумичев</i> СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЗМЕЯ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЖИМА MORRISONA (РОК-ГРУППА «THE DOORS»)	169

<i>О.Е. Носова</i> КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ	176
<i>Д.Ф. Сагандыкова</i> КОННОТАЦИЯ И ЕЕ МИКРОКОМПОНЕНТЫ	181
<i>М.А. Солод</i> ГЛАГОЛ <i>ШАРКАТЬ</i> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ (СЕВЕРНОРУССКИХ И ЮЖНОРУССКИХ)	184
<i>Ф.Н. Ульбашева, Л.Х. Хараева</i> ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ» - «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ» В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ	190
<i>А.Я. Хусаинова</i> ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ МУЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)	193

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>И.В. Белобородова</i> К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ	197
<i>А.Р. Валиева</i> О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИСПОЗИТИВНЫХ НОРМ ПРАВА	201
<i>А.Ю. Верин</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	204
<i>Д.А. Герасименко</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУПЕЧЕСТВА	208
<i>И.В. Мирошниченко</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА	214
<i>Д.А. Пономарев</i> ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН В ДОГОВОРЕ ПОДРЯДА С УЧАСТИЕМ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	217
<i>Э.М. Султанова</i> СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	221
<i>К.Р. Файзрахманов</i> ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В АСПЕКТЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА	225
<i>М.А. Фастова</i> ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	229

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>И.П. Белов, Т.Г. Белова</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКЕ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА	232
<i>И.Ф. Гарафутдинова</i> АКТИВИЗИРУЮЩИЙ И ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	237
<i>П. Голестан</i> ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ – ФИЛОЛОГОВ	241
<i>В.Г. Иванова</i> АВТОРСКИЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКО-ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ СКД В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ И УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ	244
<i>В.Г. Иванова</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИИТ И РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СКД В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ	247

<i>Т.О. Катербарг</i> ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ	250
<i>Е.В. Курилина</i> ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ	254
<i>Х.Ф. Макаев</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ КАК ГАРАНТИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ	259
<i>М.Х. Мальсагова</i> ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	262
<i>Н.А. Никитин, Г.Ш. Аишафуллина</i> ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПО СИСТЕМЕ «БОДИФЛЕКС»	266
<i>О.Л. Серебренникова</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕСЕННОЙ МУЗЫКИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	270

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>О.Л. Гончарова</i> СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ КАК ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ	275
<i>А.И. Егорова, А.П. Макарова</i> ОЦЕНКА ТРАДИЦИОННЫХ МОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ САХА ЖЕНЩИНАМИ РАЗНОГО ПОКОЛЕНИЯ	278
<i>А.А. Калинин</i> БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ	282
<i>Е.В. Каширская</i> АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ	286
<i>Е.В. Царева</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ АГРЕССИИ СПОРТСМЕНА КАК ФАКТОРА ДОСТИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	292

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>В.Т. Ананьина</i> ТЕОРИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ	295
<i>О.В. Лисина</i> СПЕЦИФИКА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО ВУЗОВ	301
<i>В.Т. Литвиненко</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ	304
<i>А.Э. Ушамирский</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ	308

АННОТАЦИИ	315
------------------	-----

THE RELEASE MAINTENANCE

<i>The reference of the Editor-in-chief</i>	11
Y.M. Kudryavtcev, U.A. Kazakova ENSURING THE INTEGRITY OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL TRAINING AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF THE EDUCATORS OF HIGHER SCHOOL	12

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

R.R. Bariev, E.I. Nikonova STRUCTURE OF THE RUSSIAN CIVILIZATION IN V.L.TSYMBURSKY'S GEOPOLITICAL THEORY	19
R.R. Bariev, E.I. Nikonova STRATEGY OF THE RUSSIAN CIVILIZATION IN V.L.TSYMBURSKY'S GEOPOLITICAL THEORY	22
V.N. Gildenberg IMAGE OF PEASANT CHIEFS IN THE MINDS OF THE PEASANTS IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES	25
A.M. Gubaidullin BULGAR FORTIFICATIONS (TO STUDYING HISTORY)	28
A.M. Gubaidullin TO HISTORY OF STUDYING OF ANCIENT SETTLEMENTS OF THE KAZAN KHANATE	33
A.S. Zhulaeva LIFESTYLE PEASANT WOMEN IN THE SIBERIAN REGION IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET POWER IN THE HISTORICAL LITERATURE	39
A.I. Kortunov PETITION MESHCHERYAK ABOUT ENLISTMENT AS THE ORENBURG COSSACK ARMY AS A HISTORICAL SOURCE	42
O.Y. Lyutykh REFORMING OF POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA IN 2008-2012	45
K.V. Moriakhina RINGS USVINSKOY GROUP OF MONUMENTS SOUTHEASTERN OPTION LOMOVATOV-RODANOVSKOY COMMUNITY	48
A.K. Sitdikova, B.M. Yagudin KURDICH QUESTIONS AND ATTEMPTS OF ITS DECISIONS BY A.H. AL-BAKR'S GOVERNMENT IN IRAQ (1968 – 1979 YEARS)	52
A.A. Titova INFLUENCE OF EDUCATION ON THE CONTENT EVERYDAY LIFE OF THE URBAN POPULATION IN LATE XIX - EARLY XX CENTURIES (ON THE EXAMPLE OF THE KURSK PROVINCE)	55
O.V. Fidchenko ACTIVITIES TO STRENGTHEN THE SECULAR AUTHORITY AMONG RUSSIAN NOBILITY AUTOCRACY AT THE END OF XIX – AT THE BEGINNING OF XX CENTURIES	63
I.A. Yurkov NON-FERROUS METALS OF JEWELRY KALINSKY SETTLEMENT (ON MATERIALS OF EXCAVATION OF 2011-2013)	66

ECONOMIC SCIENCES

L.R. Amirhanova, E.E. Budnik, S.F. Rahmatullina OPTIMIZATION OF ORDERS IN THE DEFENDED INDUSTRIAL COMPLEX WITH THE USE OF OUTSOURCING	70
N.A. Ayubov CONTROL OF EXECUTION OF ACCOUNTING POLICIES IN ACCORDANCE WITH IFRS	75
N.A. Ayubov, P.V. Popova ORGANIZATION AND METHODS OF CONTROL AND AUDIT WORK FOR ENTERPRISE	79
O.N. Balabanova EFFICIENCY INDICATORS OF THE STATE SYSTEM OF SMALL ENTREPRENEURSHIP SUPPORT	83
Y.Y. Bravaya MODERN FACILITIES AND METHODS OF DISTANCE LEARNING IN THE EDUCATIONAL SPHERE	86
M.N. Burmistrova INTEGRATION AS THE MOST IMPORTANT FACTOR OF INCREASE OF FUNCTIONING EFFICIENCY AT ENTERPRISES PROCESSING AGRICULTURAL PRODUCTION	90

<i>E.A. Gladysheva</i> MECHANISM OF ACCUMULATION AND INVESTMENT OF VENTURE CAPITAL IN SCIENTIFIC AND TECHBICAL RENOVATION OF ENTERPRISES	93
<i>Z.V. Efimova, M.Y. Borisov</i> MANAGEMENT OF TECHNOLOGICAL PROCESSES IN DAIRY CATTLE BREEDING	98
<i>I.V. Zhupley</i> METHODS OF THE ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF PRODUCERS ON THE EFFICIENCY OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN THE REGION	104
<i>S.V. Ilyin, L.A. Ilyina</i> APPLICATION OF THE MECHANISM OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP FOR INFRASTRUCTURE INVESTMENT	108
<i>M.G. Korickaya</i> SERVICE MARKET OF PRESCHOOL EDUCATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE RESEACH	112
<i>A.A. Lomov, S.V. Sukhov, V.D. Sukhov</i> THE RESEARCH OF THE LABOUR RATIONING IN SERVICE COMPANIES	116
<i>D.A. Marintsev</i> VALUATION OF RISK OF THE ECONOMICS SUBJECTS	119
<i>D.A. Marintsev</i> THE ECONOMICS RELIABILITY AS THE BASE OF THE REALIZATION OF THE CLUSTER APPROACH	122
<i>A.P. Panov</i> CONDITION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN CONSUMER'S COOPERATION OF NOVOSIBIRSK REGION	125
<i>V.K. Pospelov</i> SECURING WATER REQUIREMENTS OF EGYPTIAN AGRICULTURE	128
<i>M.I. Sychev</i> THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE ECONOMIC POTENTIAL OF (concept, design, development)	131
<i>I.V. Filimonenko</i> ROLE OF LOCAL MARKETS IN SUSTAINING ECONOMIC GROWTH IN THE REGION	136
<i>V.P. Cherdantsev, S.A. Shakleina</i> THE RESERVES OF THE INCREASE IN PORK PRODUCTION TAKIHG INTO ACCOUNT THE POPULATION DEMAND ON THE TERRITORY OF PERM KRAI	142

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>E.V. Fidchenko</i> SYNERGETIC BASIS OF COMMUNICATION PRACTICES: PHILOSOPHICAL ANALYSIS	147
<i>D.G. Shabalin</i> THE PROBLEM OF THE BASES OF COMMUNICATION-NOTION PROCESS	150

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>O.G. Berestova</i> SEMANTIC TYPES OF THE STATE SUBJECTS IN MODERN RUSSIAN	153
<i>N.G. Burmakina</i> THE COMMUNICATIVE GENRE OF EXAMINATION	156
<i>A.I. Konova</i> ON THE PROBLEM OF TRANSLATION OF G. TUKAY'S POETRY DEVOTED TO CHILDREN IN TO THE TURKISH LANGUAGE	163
<i>I.V. Kumichev</i> THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF THE SERPENT AND ITS SEMANTIC REFLECTION IN JIM MORRISON'S SUNG POETRY (ROCK BAND "THE DOORS")	169
<i>O.E. Nosova</i> CULTURAL CODE AND LINGUACULTURAL INTERPRETATION OF NONVERBAL COMMUNICATION IN ENGLISH INTERCOURSE	176
<i>D.F. Sagandykova</i> CONNOTATION AND ITS MICROCOMPONENTS	181
<i>M.A. Solod</i> THE VERB <i>TO SHUFFLE</i> IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE AND IN THE RUSSIAN DIALECTS (NORTHERN AND SOUTHERN DIALECTS)	184
<i>F.N. Ulbasheva, L.H. Charaeva</i> PRAGMATIC INVERSION «RATIONAL»-«EMOTIONAL» IN THE RUSSIAN AND KARACHAY-BALKAR LANGUAGES	190

<i>A.J. Husainova</i> THE VOCABULARY OF MATERIAL CULTURE OF TATAR RESETTLEMENT DIALECTS OF ORENBURG (ON THE EXAMPLES OF THE NAMES OF SOME PASTRY	193
--	-----

JURISPRUDENCE

<i>I.V. Beloborodova</i> TO THE QUESTION ABOUT UPGRADING OF CRIMINAL LEGAL STEPS DIRECTED TO PREVENT CHILD PORNOGRAPHY	197
<i>A.R. Valieva</i> ON THE LEGAL NATURE AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVE IN THE CONTEXT OF DISPOSITIVE NORMS LAW	201
<i>A.Y. Verin</i> THE LEGAL LIABILITY IN THE STRUCTURE OF JUVENILE LEGAL STATUS	204
<i>D.A. Gerasimenko</i> THE LEGAL STATUS OF MERCHANTS	208
<i>I.V. Miroshnichenko</i> ON THE FEATURES OF CIVIL LAW REGULATION OF THE CONTRACTUAL RELATIONSHIP IN PROFESSIONAL SPORTS	214
<i>D.A. Ponomarev</i> THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PARTIES IN CONTRACTOR'S AGREEMENT WITH PARTICIPATION OF INTERNAL AFFAIRS INSTITUTIONS	217
<i>E.M. Sultanova</i> SOCIO-LEGAL ASPECTS OF FORMATION OF PROFESSIONAL ETHICS OF THE SUBJECT OF LEGAL ACTIVITY	221
<i>K.R. Fayzrakhmanov</i> TO (ABOUT) THE PROBLEM OF ALLOCATION OF INTERBRANCH CIVIL-LEGAL MEANS IN THE ASPECT OF THE INSTRUMENTAL THEORY OF LAW	225
<i>M.A. Fastova</i> MEDIATION AS A FORM OF PUBLIC RELATIONS: THEORETICAL AND LEQAL ASPECTS	229

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>I.P. Belov, T.G. Belova</i> THE RESEARCH METHOD OF TEACHING IN FOREIGN PEDAGOGICS IDEA FORMATION UNTIL THE MIDTH OF THE XIX-th CENTURY	232
<i>I.F. Garafutdinova</i> ACTIVATING AND INTENSIFYING POTENTIAL OF GAME TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF WILLINGNESS OF HIGH SCHOOL STUDENTS FOR FAMILY LIFE	237
<i>P. Golestan</i> TYPOLOGY OF MISTAKES IN RUSSIAN WRITINGS OF IRANIAN STUDENTS	241
<i>V.G. Ivanova</i> AUTHOR'S MODELS OF CREATIVE AND PRODUCTIVE ACTIVITY DEVELOPMENT OF SCA EXPERTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF CULTURE AND ARTS AND CULTURAL INSTITUTIONS	244
<i>V.G. Ivanova</i> IMPROVEMENT OF IIT AND DEVELOPMENT OF CREATIVE AND PRODUCTIVE ACTIVITY OF SCA EXPERTS IN CULTURAL INSTITUTIONS	247
<i>T.O. Katerbarg</i> STRUTURAL AND METHODICAL SUPPORT OF REALISING TEACHERS' PROFECCIONAL SKILLS IN SCHOOL ENVIRONMENT	250
<i>E.V. Kurilina</i> THE PROBLEM OF THE RECONSTRUCTION AND THE INTRINSIC CHARACTERISTICS OF A PROGNOSTIC MODEL OF FORMATION OF THE MANAGERIAL COMPETENCE OF FUTURE SPECIALISTS-MANAGERS	254
<i>Kh.F. Makayev</i> PSYCHOLOGICAL COMFORT AS A GUARANTEE FOR FORMING OF NATURAL COMMUNICATION SKILLS	259
<i>M.Kh. Malsagova</i> PROBLEM AREA OF ETHNOPEDAGOGICAL RESEARCHES	262
<i>N.A. Nikitin, G.S. Asrafullina</i> PHYSICAL TRAINING OF GIRL STUDENTS, DEALING WITH THE «BODYFLEX»	266

<i>O.L. Serebrennikova</i> PECULIARITIES OF STUDENTS' PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT BY MEANS OF ORIGINAL ENGLISH SONGS IN TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY	270
--	-----

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>O.L. Goncharova</i> SOCIAL ADAPTATION OF DISABLED PERSONS AS PERSONAL DEVELOPMENT	275
<i>A.I. Egorova, A.P. Makarova</i> ASSESSMENT OF TRADITIONAL MORAL ORIENTATIONS IN CULTURE SAKHA TO WOMEN OF DIFFERENT GENERATION	278
<i>A.A. Kalinenko</i> BASIC VALUES PERSONS IN CONDITIONS OF SOCIAL DEPRIVATION	282
<i>E.V. Kashirskaya</i> ALTERNATIVE STRATEGIES OF FORMATION SPEECH AND MENTAL AKTIVITY OF FUTURE PSYCHOLOGISTS	286
<i>E.V. Tsareva</i> THE EXPERIMENTAL PROGRAMME FOR THE PREVENTION OF AGGRESSION ATHLETE AS A FACTOR TO ACHIEVE THE PSYCHOLOGICAL SECURITY	292

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>V.T. Ananina</i> THE THEORY OF THE TRANSNATIONAL MIGRATION: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND OPPORTUNITIES FOR PRACTICAL APPLICATION	295
<i>O.V. Lisina</i> SPECIFICS OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR STUDENTS OF TECHNOLOGICAL AND THEOLOGICAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS	301
<i>V.T. Litvinenko</i> FOREIGN EXPERIENCE OF FORMATION OF PUBLIC CONTROL	304
<i>A.E. Ushamirsky</i> SOCIAL FACTORS OF HUMAN RIGHTS VIOLATIONS ARE IN REGIONAL CONFLICTS	308

ABSTRACTS	315
------------------	-----

Уважаемые читатели журнала и коллеги,

представляем вашему вниманию очередной выпуск «Казанская наука». Традиционно на его страницах опубликованы статьи по экономическим, юридическим, психологическим, социологическим, историческим наукам.

Такой широкий спектр публикаций по различным научным направлениям позволяет, на наш взгляд, налаживать более тесные информационные связи между читателями и нашими авторами, более успешно распространять опыт передовых исследований в области фундаментальных разработок и знаний.

Большое внимание мы продолжаем уделять работам аспирантов и молодых ученых. В этом выпуске на безвозмездной основе размещено 8 таких статей.

Этот выпуск является завершающим в 2013 году. Уверен, что в результате нашей совместной работы, журнал станет еще более эффективной информационной площадкой для обмена достижениями, а также позволит сделать вашу научную и практическую деятельность еще более эффективной.

Желаю всем нам дальнейшей продуктивной работы!

Журнал – рецензируемый, создан при сотрудничестве Казанского Издательского Дома и ведущих высших учебных заведений г. Казани. Контроль за качеством статей осуществляет штат профессиональных рецензентов и редакционный совет, в который вошли известные и уважаемые ученые по соответствующим направлениям.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки России журнал «Казанская наука» вошел в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С уважением к авторам и читателям,

Главный редактор журнала

Артур Рафаэлевич Шагимуллин

13.00.08

Ю.М. Кудрявцев, У.А. Казакова

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский технологический университет»,
кафедра методологии инженерной деятельности,
Казань, kudryavtsevum@mail.ru, kazakova-ulyana@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ НЕПРЕРЫВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОФЕССОРСКО- ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

В последнее время обострились противоречия между объективной необходимостью переподготовки преподавателей высшей школы к профессионально-педагогической деятельности в современных динамично меняющихся условиях и узкопредметной организацией подготовки в аспирантуре, докторантуре и факультете повышения квалификации.

Ключевые слова: *педагогическая подготовка, повышение квалификации, преподаватель технического вуза.*

В настоящее время во всем мире идет поиск новых систем подготовки, переподготовки и повышения квалификации вузовских преподавателей, причем единой точки зрения ни на содержание, ни на организационные формы такой работы нет. В одних случаях обновляется содержание традиционных форм подготовки (вводятся новые курсы в системе факультетов повышения квалификации – ФПК, нетрадиционные формы занятий, индивидуализируется и дифференцируется обучение и т. д.), в других – исходя из концептуальных основ новой парадигмы образования, предлагаются и создаются специальные центры переподготовки и повышения квалификации (ЦП и ПК).

Современная педагогическая деятельность характеризуется не просто количественным усложнением психолого-педагогических объектов, увеличением числа их компонентов и связей, расширением объема научных знаний, используемых педагогом. Главное – изменилась и продолжает постоянно меняться сама структура педагогической деятельности и ее задачи.

Наиболее обобщенная цель профессиональной переподготовки и повышения квалификации преподавателя высшей технической школы определяется как обретение им максимально возможной компетентности в выполнении педагогических функций и широкого круга образовательно-воспитательных задач при обучении специалистов в области инженерного образования.

Концептуальное рассмотрение предлагаемых современных теоретико-методологических аспектов педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава вузов с позиций личностно-социально-деятельностного подхода как показателя качества педагогической деятельности преподавателей в своем широком содержательном поле возможно при использовании общенаучных принципов системности и целостности. Проведённое нами исследование также показало, что добиться сдвигов в повышении эффективности педагогической деятельности преподавателей в учебном процессе ФПК или ЦП и ПК, можно, если в организационно-педагогическом плане данный процесс будет отвечать требованиям принципов целостности и непрерывности.

Известно, что система является полноценной в том случае, когда ее отдельные части находятся в функциональной зависимости друг от друга, а состояние каждого элемента системы есть следствие состояния другого элемента, когда невозможно их самостоятельное

существование, а изменение одной составляющей ведет к изменению других. Объективная необходимость и значимость организационно-педагогической целостности профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов обусловлены тем, что:

- в процессе формирования профессионально-педагогической культуры участвуют несколько субъектов, поэтому требуется кооперация и слаженность в их работе;
- подготовка и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава вузов являются органичной частью деятельности высшей школы и отдельно, вне этого процесса эффективно функционировать не могут;
- в процессе подготовки и повышении квалификации действующие и будущие преподаватели высших учебных заведений овладевают цельной теорией профессиональной деятельности, что осуществляется с помощью комплексных форм и методов;
- изучение теоретических основ педагогической специальности ведется одновременно и в тесной связи с освоением практики, благодаря чему достигается монолитность овладения фундаментальными основами необходимых знаний и обретение навыков и умений реальной учебной, методической, научной и воспитательной работы;
- в процессе подготовки и повышении квалификации преподавателей не только совершенствуется деятельность и педагогическое мастерство преподавателей, но и формируется, изменяется в целом их личность и индивидуальные качества;
- целостность подготовки и повышения квалификации вытекает из их социальной заданности; она проектируется в вертикали механизма реализации единых государственных требований к преподавателю-профессионалу [2].

На пока еще слабую в подавляющем большинстве случаев связь или вообще ее отсутствие между различными ступенями профессиональной подготовки и имеющимися в настоящее время знаниями, наработками в области педагогики указывают многие ученые. Например, Д.В. Чернилевский справедливо отмечает, что «любые преобразования, реформы и инновации, коль скоро они претендуют на успешную реализацию и реальную поддержку в сфере образования, должны начинаться с системы опережающего эти реформы и инновации педагогического образования, с подготовки будущих педагогов, а в особо экстремальных и неотложных ситуациях – с переподготовки педагогов, уже действующих» [4].

Комплексное теоретическое и опытно-экспериментальное изучение проблем профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов, детерминирующих во многом своим состоянием степень успешности эффективной педагогической деятельности, показало, что для качественного обучения или переобучения на ФПК либо в ЦП и ПК необходимы следующие условия функционирования рассматриваемой системы:

- организационно-структурная целостность;
- целостность и дифференциация профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации всех субъектов;
- целостность содержания, методов и организационных форм подготовки и повышения квалификации преподавателей;
- целостность нормативно-регулятивной базы.

Обязательным элементом содержательного наполнения понятия *организационно-структурной целостности* выступает категориальная определенность понятий «подготовка» и «повышение квалификации» преподавателей. Сегодня не существует единого мнения о содержании этих понятий; иногда они вообще употребляются как синонимы. Ряд авторов придерживается той точки зрения, что подготовка научно-педагогических кадров для высших учебных заведений предусматривает отбор и различные формы обучения лиц соответствующей специальности и квалификации, имеющих склонность совмещать научные исследования с преподавательской деятельностью. Повышение же квалификации – это углубление знаний и совершенствование профессионально-педагогической культуры преподавателей высшей школы.

Через Центр переподготовки и повышения квалификации преподавателей ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ЦППКП КНИТУ) за последние пять лет прошло до 80% всех преподавателей вузов Республики Татарстан. Тем не менее, за последние пять лет в высших учебных заведениях существенно снизилось общее количество преподавателей с учеными степенями и учеными званиями, утрачены ряд научно-педагогических школ. К примеру, уже три года как существенно сокращено количество часов выделяемых на изучение дисциплин психолого-педагогического и социально-экономического цикла. И это при том, что главной причиной тормозящей процесс совершенствования качественного состояния системы высшего профессионального образования является то, что преподаватели технических дисциплин, часто сами выпускники технических вузов, недостаточно четко представляют себе: «Как и чему учить и каким образом воспитывать своих студентов?».

Необходимы комплексные меры организационного и методического плана, направленные на совершенствование технологий образовательного процесса высшей школы. Опыт использования технологии проблемно-деятельностного обучения в ЦППКП КНИТУ и ряде других высших учебных заведений позволил выявить основные педагогические условия ее эффективной реализации, к которым относятся:

- интенсификация мышления обучаемых;
- объективизация процесса мышления;
- индивидуальные самостоятельные действия обучаемых в ходе процесса разрешения профессиональных проблем;
- повышение профессионально-педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава.

Вузовская практика свидетельствует о том, что реализация в образовательном процессе технологии проблемно-деятельностного обучения в значительной степени способствует совершенствованию и интенсификации подготовки слушателей программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации, повышению его конкурентоспособности среди подобных учебных заведений. Важным путем совершенствования реализации современных педагогических технологий в образовательном процессе университетов и институтов в современных условиях является повышение эффективности использования информационных, мультимедийных и компьютерных технологий. Современные федеральные законы и ведомственные документы предъявляют вполне конкретные требования к использованию данного вида технологий в образовательном процессе высшего учебного заведения. Кроме того, эти параметры контролируются при лицензировании, аттестации и аккредитации вузов [1].

С целью повышения эффективности использования указанных технологий в образовательном процессе высшей военной школы нужны как минимум сами мультимедийные средства, причем в количестве необходимом для их массового использования. Наряду с этим нужно чтобы профессорско-преподавательский состав вузов был обучен их применению в процессе учебных занятий на курсах переподготовки или повышения квалификации.

Анализ практики образовательного процесса с использованием мультимедийных технологий показывает, что в целом ряде технических вузов и других высших школ в этом вопросе сделано немало. Например, в КНИТУ количество компьютерных классов увеличилось, появилась электронная библиотека. Они постоянно используются в ходе занятий с преподавателями, проходящими переподготовку. За последние два года созданы учебные аудитории, в которых можно проводить учебные занятия с использованием всех мультимедийных средств, половина из них – это лекционные аудитории. Сайт нашего вуза переведен на несколько иностранных языков. Анализ практики образовательного процесса в ряде высших учебных заведений показывает, что в этом направлении еще достаточно неиспользованных резервов. Так, изучение современной деятельности профессорско-преподавательского состава показало, что значительная его часть не задействует

возможности современных инновационных технологий в образовательном процессе со студентами и слушателями. И причиной тут не всегда является недостаток компьютерных и других технических средств, а неподготовленность самих преподавателей.

В результате проведенного исследования, в том числе анализа и сопоставления мирового и отечественного исторического опыта, теоретического моделирования, было установлено, что основными группами мер, повышающими организационно-структурную целостность профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов на основе развития обоснованных концептуальных теоретико-методологических аспектов педагогической деятельности могут служить:

- органичное включение подготовки и повышения квалификации преподавателей технических вузов в общую систему и процесс подготовки и повышения квалификации педагогических кадров в стране;
- разработка и внедрение научно обоснованных процедур отбора кандидатов на профессорско-преподавательские должности;
- установление в качестве обязательного этапа в подготовке педагогических кадров технических вузов их специального базового профессионально-педагогического обучения.

Представляется, что первая группа мер вытекает из общенаучного положения о том, что любая замкнутая система приходит в упадок. Проведенный анализ организации, содержания и методики подготовки педагогических кадров высших учебных заведений развитых государств показал открытый характер этих систем, функционирование их как части общих систем подготовки научно-педагогических кадров в данных странах.

Среди выявленных мер, повышающих качество подготовки педагогических кадров технических вузов на базе использования возможностей системы высшего образования такие как:

- расширение практики повышения квалификации преподавателей вузов;
- обеспечение более широких возможностей преподавателям технических-профильных дисциплин, имеющим научно-педагогические способности, прикрепляться в качестве соискателей ученых степеней к кафедрам гуманитарной, психолого-педагогической направленности;
- реализация преподавателями-педагогами и преподавателями-предметниками технического вуза совместных программ.

Особое значение в высших технических учебных заведениях придается связи учебного процесса с реалиями социального запроса в области промышленности и современных технологий. Для осуществления такой связи и требуется регулярное плановое повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, включающее обязательное знакомство с новшествами производственного процесса на конкретных предприятиях.

Возможно, что эти меры, будучи осуществленными, в российской высшей технической школе, позволили бы продуктивнее использовать потенциал высшей школы страны в деле развития педагогической деятельности преподавателей вузов, повышения уровня их профессионально-педагогической подготовки на базе закрепления разработанных теоретико-методологических аспектов педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава в современных условиях подготовки студентов и слушателей.

Необходимость разработки и внедрения научно обоснованных процедур отбора кандидатов на преподавательские должности обуславливается признанием сложности и интеллектуальной насыщенности педагогического труда и особенно признанием факта наличия индивидуальной предрасположенности людей к профессии преподавателя.

Если к педагогической деятельности преподавателя подойти с позиции христианской педагогики, базирующейся на соблюдении таких взаимосвязанных принципах, как высокий уровень самосознания, чувства собственного достоинства, самоуважения, самостоятельность, самодисциплина, независимость суждений, сочетаемая с уважением к мнению других людей, способность к ориентировке в мире духовных ценностей и в ситуациях окружающей жизни, умения принимать решения и нести ответственность за свои

поступки, осуществлять свободный выбор содержания своей жизнедеятельности, линии поведения, способов своего развития и другое, то на звание настоящего педагога высшей профессиональной школы претендовать способен далеко не любой, желающий занять эту должность.

Основой для специального изучения проблемы отбора кандидатов на преподавательские должности могут послужить исследования отечественных ученых В.А. Сластенина, И.А. Алехина, А.Н. Каменева, В.И. Вдовюка, В.П. Давыдова, В.Н. Новикова, В.В. Кондратьева, Л.И. Гурье, занимающихся, в частности, диагностикой профессиональной пригодности абитуриентов педагогических институтов к педагогической деятельности.

Определенную пользу в процессе отбора может принести педагогический инструментарий, разработанный в ряде исследований для выявления уровней педагогического мастерства и профессионально-педагогической культуры.

Исследование показывает, что преподаватели узко-профессиональных дисциплин имеют слабую гуманитарную подготовку, не могут быстро, гибко и качественно перестроить свое мышление и поведение с предметно-научной деятельности на преподавательскую [3]. Для этой категории преподавателей, как показывает практика, 2–3 месяцев переподготовки недостаточно, поскольку многие личностные качества, определяющие успех в овладении педагогическими и психологическими знаниями, у них не успевают сформироваться и развиваться. В таких случаях повышения квалификации крайне не достаточно и следует задуматься о программах профессиональной переподготовки, в которых объем часов, интенсивность занятий, психолого-педагогические тренинги в большей степени могут способствовать развитию необходимых знаний, умений, навыков и, вместе с тем, профессионально-педагогических компетенций.

Важным фактором является также коллективный характер процесса обучения для формирования некоторых важнейших педагогических качеств, профессионально-коммуникативных навыков педагога-предметника, которые трудно или нельзя развить самостоятельно.

Возможными путями решения названной проблемы могут быть:

а) создание в технических вузах центров, отделений, на которых преподаватели профильных дисциплин могли бы пройти профессиональную переподготовку по программам «Педагогика высшей школы», «Психология профессиональной деятельности». Как отмечается в исследованиях А.В. Барабанщикова, А.А. Кирсанова, И.Я. Курамшина, М.Г. Рогова, В.Н. Герасимова, А.К. Быкова, В.Н. Новикова, А.И. Каменева, В.В. Кондратьева, В.И. Иванова, Л.И. Гурье, П.Н. Осипова, Ю.М. Кудрявцева этот путь является эффективным и продуктивным, так как не потребует значительных капитальных вложений, создания новой материально-технической, учебной и методической базы, серьезных кадровых перемещений.

б) ЦППКП КНИТУ уже много лет успешно осуществляет реализацию подобных программ дополнительного профессионального образования. Продолжительность программ профессионально подготовки составляет более 500 аудиторных часов, программы повышения квалификации от 72 часов. Так как преподаватели-предметники обладают достаточно высокой специальной подготовкой, то усилия необходимо сосредоточить на психолого-педагогической подготовке [4]. Данная специализация является дополнительной к основной специальности, т. е. предполагается, что будущий педагог в совершенстве владеет содержанием учебных дисциплин, которые он будет преподавать. Ответ на вопрос, будет ли достаточно квалифицированной подготовка преподавателей гуманитарных и социально-экономических дисциплин за четыре месяца, если в настоящее время среди выпускников технических вузов, претендующих на преподавательские должности практически нет дипломированных специалистов гуманитарного профиля, видится только отрицательным.

Переподготовка преподавателей технических высших школ планируется к осуществлению во многих негуманитарных вузах, в том числе и тех, у кого научно-технический потенциал на уровне преподавателей психолого-педагогических дисциплин

настолько мал, что не позволит обеспечить качественную профессионально-педагогическую и духовно-нравственную подготовку будущих преподавателей.

Как уже указывалось, в процессе развития профессионально-педагогической культуры профессорско-преподавательского состава вузов участвуют несколько субъектов. Эффективность их деятельности зависит от уровня подготовки, единства взглядов на проблемы педагогического труда и взаимопонимания на этой основе. По результатам осуществленного исследования, нам представляется, что для реализации разработанной комплексной программы развития обоснованных концептуальных теоретико-методологических аспектов педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава вузов такого плодотворного сотрудничества в интересах общего дела можно достигнуть при условии целостностной профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации субъектов исследуемого процесса. Он проявляется, с одной стороны, в обязательности и единой теоретической базе подготовки, а с другой стороны – в ее дифференциации по категориям субъектов, а именно:

- а) руководство технического вуза;
- б) руководство институтов, факультетов кафедр;
- в) преподаватели, имеющие педагогический опыт (педагогический стаж более 2-х лет);
- г) вновь назначенные преподаватели (педагогический стаж до 2-х лет).

Анализ профессионально-педагогической подготовленности руководства кафедр (по материалам учебно-методических сборов с преподавательским составом, другим документам), беседы с руководителями технических вузов, личные наблюдения дают основание для заключения о необходимости организации с ними коллективных форм занятий в рамках повышения их квалификации. Несмотря на то, что администрация вуза – это, как правило, люди с большим жизненным, служебным, педагогическим опытом, имеющие ученые степень и звание, глубоко знающие свой предмет, не все из них являются мастерами педагогического дела.

Результаты проведенного исследования, особенно в аспекте его социально-педагогической составляющей, убедительно показывают, что в обеспечении организационно-педагогической целостности профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов значительное место принадлежит такому ее компоненту, как *целостность нормативно-регулятивной базы* этого процесса. Важность данного вопроса диктуется тем, что вся жизнедеятельность высших учебных заведений, в том числе деятельность профессорско-преподавательского состава, регламентируется руководящими документами. От того, насколько научно обоснованно, комплексно, взаимосвязано реализуется их регулирующая функция, зависит эффективность образовательного процесса в высшем учебном заведении и качества подготовки студентов и слушателей.

В русле личностно-социально-деятельностного подхода к развитию профессионально-педагогической культуры преподавателей следует подчеркнуть, что именно через нормативные положения, разрабатываемые государственными и руководящими административными органами, обеспечивается целостная система мер по выполнению социального заказа на подготовку, повышение профессионального уровня профессорско-преподавательского состава вузов различных учебных дисциплин.

С другой стороны, педагогическая культура преподавателей как совокупность передовых образцов педагогического труда, педагогического мастерства сама является эталоном, мерой, нормой качественной педагогической деятельности, показателем результативности профессионально-педагогической подготовки и повышения квалификации преподавателей и достижение этой нормы предполагает соблюдение других норм, связанных с качественным выполнением функциональных обязанностей по подготовке к учебным занятиям и др.

Целостность нормативно-регулятивной базы – многосторонняя, многоаспектная проблема, требующая постоянного внимания со стороны разрабатывающих ее органов. По результатам исследования, целостность нормативно-регулятивной базы процесса подготовки

и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социально-экономических дисциплин в том случае благотворно сказывается на развитии их профессионально-педагогической культуры, если она предполагает:

1) целостность регламентации нормативными актами системы и процесса подготовки и повышения квалификации преподавателей на содержательном, организационном и методическом уровне;

2) нормативную взаимосвязанность подготовки и повышения квалификации преподавателей с актами, регламентирующими организацию педагогического труда преподавателей в технических вузах;

3) содержательную взаимосвязь нормативных актов, регламентирующих подготовку и педагогическую деятельность преподавателей, по вертикали: федеральные законы, нормативные акты Министерства образования; методические указания, наставления и другие документы органов управления высшим профессиональным образованием; приказы, методические указания и другие документы регламентирующего свойства, издаваемые непосредственно в технических вузах [5].

При проектировании «опережающего» содержания психолого-педагогического образования исходим из следующих положений.

1. Психолого-педагогические и другие смежные с ними умения, необходимые преподавателю, должны соответствовать сложившимся формам, методам и средствам обучения, новым педагогическим технологиям с использованием современных технических средств обучения. В данном случае содержание педагогической подготовки как бы приспосабливается к уже сложившемуся реальному уровню развития теории и практики. Научное предвидение возможно постольку, поскольку будущее рассматривается как продолжение прошлого: если известны законы развития, определяющие конкретные формы прошлого бытия, то понимание направленности развития позволяет установить и формы бытия грядущего, поскольку оно вырастает из настоящего так же, как настоящее выросло из прошлого.

2. Содержание психолого-педагогической и других аспектов переподготовки и повышения квалификации преподавателя должно носить опережающий характер.

Второй подход в проектировании предполагает построение модели развития содержания переподготовки преподавателя независимо от сложившихся в прошлом и настоящем тенденций его развития.

Список литературы

1. Аухадеев Э.И., Гурье Л.И., Дмитриева Л.М. и др. Учебно-программное обеспечение профессионально-педагогической подготовки преподавателя высшей технической школы. Казань: Карпол, 1997. 300 с.
2. Иванов В.Г. Проектирование содержания профессионально-педагогической подготовки преподавателя высшей технической школы. Казань: Карпол, 1997. 258 с.
3. Кудрявцев Ю.М., Казакова У.А. Психолого-педагогическая подготовка преподавателей высших учебных заведений к воспитательной работе с социально запущенными студентами // Казанская наука. 2012. № 7. С. 12–20.
4. Кудрявцев Ю.М., Толок Ю.И. Роль центра подготовки и повышения квалификации преподавателей вузов КНИТУ в формировании педагогических и научных кадров // Казанская наука. 2012. № 7. С. 12–17.
5. Кудрявцев Ю.М., Макарова О.Ю. Основные принципы и закономерности функционирования и развития воспитательной системы высшего учебного заведения // Вестник Казанского технологического университета: Т. 15. № 8. 2012. С. 56–63.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

07.00.10

Р.Р. Бариев, Э.И. Никонова

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
строительный факультет, кафедра социологии,
Казань, pismo-ruslanu@mail.ru, nik-elina@yandex.ru

СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.Л. ЦЫМБУРСКОГО

Авторы продолжают серию публикаций по истории геополитической науки в России в конце XX – начале XXI вв. Этот вопрос является недостаточно освещенным в современных исследованиях [1–4]. В этой статье анализируется концепция известного филолога и политолога В.Л. Цымбурского [5–8]. Этот автор выделяет «ядро» российской цивилизации, «Остров Россия» и ее «полипериферию», «Великий лимитроф» («Евразию»).

Ключевые слова: геополитика, В.Л. Цымбурский, цивилизация, структура, «Остров Россия», «Великий Лимитроф» («Евразия»).

Вадим Леонидович Цымбурский (1957–2009) – кандидат филологических наук (1987), научный сотрудник в Институте США и Канады АН СССР (1986–1990), Институте Востоковедения РАН (1990–1995), Институте философии РАН (1995–2009).

В.Л. Цымбурский получил известность в качестве геополитика после публикации в журнале «Полис» статьи «Остров Россия». Поэтому «текст Цымбурского» (по аналогии с выражением В.Л. Цымбурского «текст Неклессы» [6, с. 486–520]) можно представить как статью «Остров Россия» и примечания к ней (выражение «Большое примечание к статье «Остров Россия»» см.: [6, с. 44–64]). Этот «текст» состоит из серии статей, разбросанных по труднодоступным изданиям. Однако в 2000–2011 гг. издаются и переиздаются три сборника работ автора [5–8]. «Текст В.Л. Цымбурского» постоянно исправлялся и дополнялся, перерабатывался. В эволюции этого «текста» можно выделить несколько периодов в зависимости от исследовательских приоритетов данного автора: 1. геополитический делится на доостровной (с 1991 г.) (о «Демократическом Севере» (объединенная Европа, Япония, Северная Америка и Россия-СССР) см.: [6, с. 409, 416, 417]) и «островной» (с 1993 г.); 2. «островной» в свою очередь также делится на «долимитрофный» (с 1993 г.) и «лимитрофный» (с 1995–1997 гг.); 3. «островной» можно также разделить на центро-обновленческий (с 1993 г.) и геоэкономический (с 1999 г.). Особенности этих периодов раскрывается в следующих понятиях и образах: «Остров Россия», «трудные пространства» на востоке и «территории-проливы» на западе и на юге, «Великий Лимитроф» («Евразия»), «похищение Европы», «обновление Центра», «Великий океан» и «Великий Лимитроф» («Евразия»). Широкое использование В.Л. Цымбурским художественных образов можно объяснить его специализацией в таких областях, как герменевтика и геополитика, что так или иначе предполагает работу с образами или их создание. Как пишет президент Института национальной стратегии М. Ремизов, в отношении концепции В.Л. Цымбурского используются такие клише, как «изоляционизм», «изоляционистская идея», ««цивилизационный» подход», хотя, как считает сам М. Ремизов, в текстах В.Л. Цымбурского пишется об «Острове Россия», ««островной» идее», ««островном» мифе» [6, с. 3, 4]. Таким образом, возможность использовать в исследовании еще недавно труднодоступные работы этого автора, а также стремление преодолеть стереотипы в отношении его концепции

обусловили актуальность дополнительного изучения содержания и развития взглядов В.Л. Цымбурского на российскую цивилизацию, ее структуру и стратегию.

Согласно В.Л. Цымбурскому, «Остров Россия» – это проект цивилизационной геополитики для России. Геополитика – это политическая практика, которая имеет проектный характер: она создает историко-географические обобщения, которые позволяют обосновать современную политику. Геополитика бывает: 1. по направлению: внутренняя – внутри России; внешняя – вне ее; 2. по отраслям: геостратегия – контроль над пространством; геоэкономика (термин Э. Лутвака) – манипулирование ресурсными потоками; геокультура (термин И. Валлерстайна) – оперирование культурными признаками, позволяющими отличать «своих» и «чужих»; в рамках геокультуры также выделяется геоапокалиптика (термин Г. Кремнева) – геокультурное прочтение «Апокалипсиса» Иоанна Богослова. В.Л. Цымбурский выступил против теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В рамках «культургеографической методики» автор выдвинул следующие положения: 1. в цивилизациях должны различаться «ядра» и «периферии»; 2. цивилизации отождествляются с их «ядрами»; 3. «периферии» соседних цивилизаций образуют межцивилизационное пространство. По его мнению, распад СССР и мировой системы социализма в 1989–1991 гг. означает распад российской цивилизации на «ядро» и «периферию». «Ядро» российской цивилизации – это «Остров Россия». «Остров» (от рус. острый) – это любой «локус» (от лат. место), положительно маркированный относительно его фона. «Остров Россия» – это русские в России в ее до- или постимперских границах: 1. Московское царство (XVI–XVII вв.); 2. Российская Федерация (конец XX – начало XXI вв.). «Остров Россия» противопоставляется другим народам и государствам: 1. «ядрам» соседних цивилизаций; 2. межцивилизационной периферии [2, с. 23]. В связи с этим автор отмечает, что в первой половине 1990-х гг. под влиянием теории «хризалид» (духовных центров) М.В. Ильина он надеялся на геополитическое «окукливание» («изоляции») «Острова России» «территориями-проливами», «лимитрофами» (периферией) как промежуточную ступень для органической модернизации России [6, с. 127–131]. Периферия российской цивилизации делится В.Л. Цымбурским на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя периферия называется «Евразия в России». Под внутренней периферией понимаются национальные регионы в составе Российской Федерации. Особо выделяются: 1. Среднее Поволжье и Северный Кавказ; 2. северная и южная части Восточной Сибири. Внешняя периферия обозначается: 1. в 1993, 1994 гг. – «территории-проливы» на западе и на юге; 2. с 1995–1997 гг. – «Великий Лимитроф» («Евразия»). В первой («долимитрофной») версии (1993, 1994 гг.) используется понятие «территории-проливы». Это понятие возникло под влиянием теории английского геополитика Х. Макиндера [6, с. 414]. «Территории-проливы» включают в себя: 1. «территории-проливы» на западе – периферия романо-германской Европы (Восточная Европа между Россией и Западной Европой); 2. вторичные «территории-проливы» на юге – периферия России (Кавказ и Средняя Азия между Россией и Ближним и Средним Востоком). Однако далее образ «территорий-проливов» (периферии) расширяется до видения «Великого Лимитрофа» («Евразии») («полипериферии»). Поэтому в последней («лимитрофной») версии (с 1995–1997 гг.) уже используется понятие «Великий Лимитроф» («Евразия»). Концепция «Великого Лимитрофа» («Евразии») восходит к российскому историку С.В. Хатунцеву [6, с. 187, 188] и английскому геополитику Х. Макиндеру [6, с. 414]. В.Л. Цымбурский напоминает, что в Древнем Риме «лимитрофами» назывались пограничные районы Римской империи. В связи с этим автор уточняет: «Лимитроф – промежуточное пространство между Империями или цивилизациями» [6, с. 212, 307]. Согласно В.Л. Цымбурскому, «Великий Лимитроф» («Евразия») – это переходящие друг в друга периферии всех цивилизаций «Евро-Азии»: романо-германской (Западная Европа); арабо-иранской (Ближний и Средний Восток); индийской; китайской; российской. Он включает в себя четыре сектора: 1. Восточная Европа с Балканами; 2. Кавказ; 3. «новая» (постсоветская) Центральная Азия; 4. «старая» Центральная Азия [2, с. 23, 24]. Таким образом, «Великий Лимитроф» («Евразия») – пограничная полоса, которая разделяет и

связывает между собой цивилизации «Евро-Азии». Он окаймляет Россию по всему периметру ее сухопутных границ от Финляндии до Кореи.

Исходя из этого, В.Л. Цымбурский выводит геополитическую формулу России. Эту формулу автор выражает «прямоугольником, вписанным в овал». Под «прямоугольником» он подразумевает внутреннее строение России. Россия делится на три части, которые образуют «российский географический триптих»: две фланговые – европейскую и дальневосточную; одна срединная – урало-сибирская. Коммуникации окаймляют Россию, образуя коммуникационный «прямоугольник». В угловых регионах долготные и широтные коммуникации пересекаются друг с другом, образуя пять «регионов-скреп»: 1. Северо-Запад; 2. Юго-Запад; 3. Юго-Восток; 4. Северо-Восток; 5. «Центр» (Восточный Урал и Юго-Западная Сибирь). Под «овалом» подразумевается внешнее окружение России. «Овал» – это воды и земли, окружающие Россию. Этот «овал» отделяет «Остров Россия» от ядер других цивилизаций. Он состоит из двух дуг: 1. «Верхнюю дугу» образуют воды Северного Ледовитого и Тихого океанов. 2. «Нижнюю дугу» – «Великий Лимитроф» («Евразия»).

Итак: 1. Российская цивилизация – это «ядро», «Остров Россия», русские в России в ее до- или постимперских границах: Московское царство XVI–XVII вв., Российская Федерация конца XX – начала XXI вв. 2. Ее «фон» – это «периферия», «полипериферия», «территории-проливы» на западе и на юге, «Великий Лимитроф» («Евразия»): Восточная Европа с Балканами, Кавказ, «новая» (постсоветская) Центральная Азия, «старая» Центральная Азия. Таким образом, в период распада СССР и мировой системы социализма («потопление») В.Л. Цымбурский предложил сохранить и модернизировать русскую государственность в рамках Российской Федерации («Острова Россия»). Его проект «государства-нации» предусматривал: 1. торможение процесса дальнейшего дробления в рамках РФ; 2. консервацию проблемы национально-территориального устройства в бывшем СССР.

Список литературы

1. Бариев Р.Р. Геополитическая концепция Э.А. Позднякова: Россия как «балансир» мировой политики // Казанская наука / Каз. Издат. Дом. – 2012. – № 1. – С. 10–12;
2. Бариев Р.Р., Мухинова Н.А. Понятие «геополитика» в российской науке конца XX – начала XXI вв. // Казанская наука / Каз. Издат. Дом. – 2012. – № 2. – С. 22–24;
3. Бариев Р.Р., Мухинова Н.А., Падерин В.К. Геополитика в России в конце XX – начале XXI вв.: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / сост. Р.Р. Бариев. – Казань, 2012. – 56 с.;
4. Бариев Р.Р. Мировая геополитика: аннотированный указатель российской литературы: учеб.-метод. пособие для вузов / сост. Р.Р. Бариев. – Казань, 2012. – 42 с.;
5. Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени: геополит. и хронополит. интеллектуал. исследования / ред.-сост.: Г.Б. Кремнев и Б.В. Межуев. – М.: Европа, 2011. – 372 с. – ISBN 978-5-9739-0197-4;
6. Цымбурский В.Л. Остров Россия: геополит. и хронополит. работы, 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007. – 544 с. – (Политология России). – ISBN 978-5-8243-0870-9;
7. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 144 с. – (Избранная социально-философская публицистика). – ISBN 5-8360-0075-1;
8. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Изд 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 144 с. – (Избранная социально-философская публицистика). – ISBN 978-5-354-01227-5.

07.00.10

Р.Р. Бариев, Э.И. Никонова

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
строительный факультет, кафедра социологии,
Казань, pismo-ruslanu@mail.ru, nik-elina@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.Л. ЦЫМБУРСКОГО

Авторы продолжают серию публикаций по истории геополитической науки в России в конце XX – начале XXI вв. Этот вопрос является недостаточно освещенным в современных исследованиях [1–4]. В новой статье также анализируется концепция известного филолога и политолога В.Л. Цымбурского [5–8]. Этот автор характеризует стратегию российской цивилизации, «островитянство».

Ключевые слова: геополитика, В.Л. Цымбурский, цивилизация, стратегия, «островитянство».

В.Л. Цымбурский предпринял попытку определить отношения между: 1. ядром российской цивилизации, «Островом Россия»; 2. ядрами соседних цивилизаций: романо-германской (Западная Европа), арабо-иранской (Ближний и Средний Восток), индийской, китайской; 3. межцивилизационной периферией: Восточная Европа с Балканами, Кавказ, «новая» (постсоветская) Центральная Азия, «старая» Центральная Азия. Для этого автор выделил и оценил в истории России XVI–XX вв. три периода: 1. «доимперский» (XVI–XVII вв.); 2. «имперский» (начало XVIII – конец XX вв.); 3. «постимперский» (с конца XX в.). Он построил свою периодизацию на попытке определить: 1. идентичность России («Остров Россия», «Россия-Европа»); 2. ее стратегию («островитянская» стратегия, стратегия «похищения Европы»). В.Л. Цымбурский охарактеризовал эти периоды следующим образом.

1. «Доимперский» период – Московское царство (XVI–XVII вв.). Период оценивается положительно. В этот период господствовали концепция «Остров Россия» и «островитянская» стратегия. «Остров Россия» – это ядро российской цивилизации, русские в России в ее доимперских границах, Московское царство в XVI–XVII вв. Концепция «Остров Россия» определяла «островитянскую» стратегию России. «Островитянская» стратегия – это внутренняя стратегия. Под внутренней стратегией понимается освоение «трудных пространств» на востоке. «Трудные пространства» на востоке – степи, тайга и др. между Россией и Китаем. В результате в этот период происходит развитие ядра российской цивилизации, «Острова Россия», Московского царства в XVI–XVII вв.

2. «Имперский» период – Российская империя и СССР (начало XVIII – конец XX вв.). Период, наоборот, оценивается отрицательно. На данном этапе доминировали концепция «Россия-Европа» и стратегия «похищения Европы». Концепция «Россия-Европа» имела две модификации: 1. «Россия-Европа» (Россия как часть Европы) – базисная концепция; 2. «Россия-Евразия» (Россия как часть Евразии) – ее модификация. Концепция «Россия-Европа» предопределяла стратегию «похищения Европы». Стратегия «похищения Европы» – это имперская стратегия. Термин «Похищение Европы» был заимствован В.Л. Цымбурским из названия книги П. Вареса и О. Осиповой «Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX в.» (Таллин, 1992). Под «похищением Европы» он подразумевает политику аннексий России в Европе в начале XVIII – конце XX вв. Экспансия России осуществлялась в следующих направлениях: 1. основное направление – Западная Европа (европеизм); 2. вторичное направление – в периоды вытеснения России из Европы начиналось продвижение России в сторону европейских колоний в Азии (евразийство). В результате: 1. к «Острову Россия» были присоединены «территории-проливы» на западе и

на юге, секторы «Великого Лимитрофа» («Евразии»): Восточная Европа, Кавказ и Средняя Азия; 2. возникла система цивилизаций «Европа – Россия», в которой Европа – цивилизация-хозяин, а Россия – цивилизация-спутник: на первом этапе произошло втягивание России в балтийско-черноморскую «конфликтную» систему (БЧС); на втором – она пытается стать «восточным» центром романо-германской Европы.

3. «Постимперский» период – Российская Федерация (конец XX – начало XXI вв.). Период оценивается противоречиво. В это время между «Островом Россия» и «романо-германской Европой» (Западной Европой) вновь проявились «территории-проливы», секторы «Великого Лимитрофа» («Евразии»). В этом есть как свои плюсы, так и свои минусы: плюсы – сложившаяся в начале XVIII – конце XX вв. система цивилизаций «Европа – Россия» разрушена; минусы – существует опасность потопления «Острова Россия» в «Великом Лимитрофе» («Евразии»), его превращения в «евразийскую Атлантиду» (о влиянии термина В. Межуева «Атлантида» на понятие В.Л. Цымбурского «евразийская Атлантида» см.: [6, с. 308]). Этот период характеризуется противостоянием двух концепций и стратегий: 1. концепции «Россия-Европа» и стратегии «похищения Европы»; 2. концепции «Остров Россия» и «островитянской» стратегии.

Первая концепция и стратегия – «Россия-Европа» (ее модификация – «Россия-Евразия») и «похищение Европы» (вторичное направление – евразийство). В связи с этим В.Л. Цымбурский уделяет большое внимание критике идеологии: 1. евразийства; 2. «новых правых» (неоевразийства) [6, с. 419–474]. Автор доказывает, что отношения «Острова Россия» и «Великого Лимитрофа» («Евразии») должны перестроиться от модели «Россия-Евразия» к модели «Россия в Евразии».

Вторая концепция и стратегия – «Остров Россия» и «островитянская» стратегия В.Л. Цымбурского. «Островитянская» стратегия В.Л. Цымбурского прошла два этапа развития: 1. первый этап (с 1993 г.) – «центро-обновленчество»; 2. второй этап (с 1999 г.) – «геоэкономика». Говоря об этапах развития «островитянской» стратегии В.Л. Цымбурского, также следует иметь в виду, что в примечании к статье (2006 г.) ««Европа – Россия»: «третья осень» системы цивилизаций» (1997 г.) В.Л. Цымбурский признал, что в статье «Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения» (1994 г.) он был достаточно близок к т.н. доктрине «балансирующей равноудаленности» российского геополитика К.Э. Сорокина [6, с. 129].

Первый этап (1993–1999 гг.) – «центро-обновленчество». В.Л. Цымбурский считал, что Россия должна: 1. использовать в качестве прикрытия «территории-проливы» на западе и на юге, «Великий Лимитроф» («Евразию»): Восточную Европу; Кавказ; «новую» (постсоветскую) Центральную Азию; 2. продолжить освоение «трудных пространств» на востоке (степи, тайга и др. между Россией и Китаем); 3. провести «обновление Центра». Под «обновлением Центра» понимается поворот к внутренней геополитике, который должен быть закреплён переносом столицы России в «Урало-Сибирь» (Восточный Урал и Юго-Западная Сибирь). Эти «поворот» и «перенос» обосновываются следующим образом. Как писалось в предыдущей статье, Россия делится на три части, которые образуют «российский географический триптих»: две фланговые – европейскую и дальневосточную; одна срединная – урало-сибирская. Коммуникации окаймляют Россию, образуя коммуникационный «прямоугольник». В угловых регионах долготные и широтные коммуникации пересекаются друг с другом, образуя пять «регионов-скреп»: 1. Северо-Запад; 2. Юго-Запад; 3. Юго-Восток; 4. Северо-Восток; 5. «Центр». Таким образом, В.Л. Цымбурский пытается доказать, что «центр» России находится в «Урало-Сибири» (Восточный Урал и Юго-Западная Сибирь). Перенос столицы позволит России: 1. ослабить внутренние и внешние угрозы территориальной целостности; 2. провести модернизацию экономики. Далее происходит трансформация «центро-обновленчества».

Второй этап развития «островитянской» стратегии В.Л. Цымбурского (с 1999 г.) – «геоэкономика». В.Л. Цымбурский пишет о противостоянии России и «Евро-Атлантики» на «Великом Лимитрофе» (в «Евразии») как борьбе между многополярностью и

униполярностью. Геоэкономическая стратегия автора разрабатывается под влиянием геоэкономического проекта 1992 г. аналитиков Главного управления стратегического анализа МВЭС А.И. Неклессы и В.Ю. Юртаева [6, с. 325]. Он предлагает создать «тихоокеанский плацдарм в глубине материка» – коммуникационную систему, в которой Россия станет авангардом Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) на западе. Согласно этому проекту, три линии коммуникаций должны будут соединить между собой: 1. «Великий океан» (Азиатско-Тихоокеанский регион); 2. «Урало-Сибирь» (Восточный Урал и Юго-Западная Сибирь); 3. «Великий Лимитроф» («Евразию») (Восточная Европа, Кавказ и «новая» (постсоветская) Центральная Азия). В результате должны быть обеспечены: 1. экспорт АТР на запад; 2. интеграция России в АТР; 3. безопасность и модернизация России. Исходя из этого, В.Л. Цымбурский выстраивает следующую иерархию геоэкономических и геостратегических направлений: на первом месте – тихоокеанское; на втором – центрально-азиатское; на третьем – закавказское; на четвертом – балто-черноморское.

Таким образом, В.Л. Цымбурский негативно относился к «растворению» (ассимиляции) ядра российской цивилизации («Острова Россия»): 1. в ядре европейской цивилизации («романо-германской Европе»); 2. в перифериях («территориях-проливах» на западе и на юге или «Великом Лимитрофе» («Евразии»)) [2, с. 24]. Автор считал, что существовала концепция «Россия-Европа»: «Россия-Европа» (Россия как часть Европы) – базисная концепция; «Россия-Евразия» (Россия как часть Евразии) – ее модификация. Эта концепция определяла стратегию «похищения Европы» (имперскую стратегию): европеизм; евразийство. Поэтому он настаивал, что должна существовать концепция «Остров Россия». Эта концепция должна определить «островитянскую» стратегию (внутреннюю стратегию): «центро-обновленчество»; «геоэкономика».

Список литературы

1. *Бариев Р.Р.* Геополитическая концепция Э.А. Позднякова: Россия как «балансир» мировой политики // *Казанская наука* / Каз. Издат. Дом. – 2012. – № 1. – С. 10–12;
2. *Бариев Р.Р., Мухинова Н.А.* Понятие «геополитика» в российской науке конца XX – начала XXI вв. // *Казанская наука* / Каз. Издат. Дом. – 2012. – № 2. – С. 22–24;
3. *Бариев Р.Р., Мухинова Н.А., Падерин В.К.* Геополитика в России в конце XX – начале XXI вв.: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / сост. Р.Р. Бариев. – Казань, 2012. – 56 с.;
4. *Бариев Р.Р.* Мировая геополитика: аннотированный указатель российской литературы: учеб.-метод. пособие для вузов / сост. Р.Р. Бариев. – Казань, 2012. – 42 с.;
5. *Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени: геополит. и хронополит. интеллектуал. исследования / ред.-сост.: Г.Б. Кремнев и Б.В. Межуев. – М.: Европа, 2011. – 372 с. – ISBN 978-5-9739-0197-4;
6. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: геополит. и хронополит. работы, 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007. – 544 с. – (Политология России). – ISBN 978-5-8243-0870-9;
7. *Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 144 с. – (Избранная социально-философская публицистика). – ISBN 5-8360-0075-1;
8. *Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Изд 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 144 с. – (Избранная социально-философская публицистика). – ISBN 978-5-354-01227-5.

07.00.02

В.Н. Гильденберг

Омский государственный педагогический университет,
факультет истории, философии и права, кафедра отечественной истории,
Омск, Gildenvit@yandex.ru

ОБРАЗ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В данной статье образ крестьянских начальников в сознании крестьян рассматривается сквозь призму крестьянской ментальности, сформировавшейся в конце XIX – начала XX веков в Российской империи в целом и в Западной Сибири в частности.

Ключевые слова: *крестьянские начальники, крестьяне, крестьянская ментальность, чиновники, административное управление.*

В конце XIX – начале XX веков Россия по-прежнему оставалась крестьянской страной. По данным «Первой Всероссийской переписи населения 1897 года» 77 % жителей империи были крестьяне [17]. На протяжении долгих лет у крестьянского населения сформировалась определенная совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, которые сформировали их представления и способы видения мира. Речь идет о крестьянской ментальности, под которой понимается «совокупность общественных навыков и культурных особенностей народа, социальной группы или отдельного человека, проявляющихся в поведении, мировосприятии, умонастроении» [1]. Другими словами это устойчивый склад ума крестьянского населения, имеющий системный характер.

Исследователи отмечают, что в конце XIX – начале XX веков крестьянской ментальности были присущи следующие черты: коллективизм, патриархальность, неприятие частной собственности, трудолюбие, консерватизм, недоверие к законам и желание от них отступить, осмотрительность в отношении представителей власти [5, с. 3].

Крестьянская ментальность также имела и региональные проявления. Так, например, в Западной Сибири в конце XIX – начале XX веков в силу удаленности региона мировосприятие крестьянским населением властных структур строилось на взаимоотношениях с местной властью. Причем больше всего крестьяне общались с сельским старостой, достаточно регулярно с волостным писарем, реже с мировыми судьями и крестьянским начальником [2, с. 152]. С губернской властью крестьяне общались в исключительных случаях, а личность губернатора для них была вообще «мифологизирована» [10].

Крестьянское население Западной Сибири традиционно стремилось отгородиться от властных структур, но это противоречило планам имперской власти по «огосударствлению» отдаленных территорий. В русле тенденции встраивания крестьянского самоуправления в общегосударственные структуры и контроля над крестьянским населением региона 2 июня 1898 года и был создан институт крестьянских начальников с большими властными полномочиями [9, с. 404], просуществовавший до 1917 года [6, с. 175].

Крестьянское население по своей ментальности, как уже было сказано, проявляло осмотрительность в отношении представителей власти, и институт крестьянских начальников не был исключением. Чтобы развеять эти сомнения уже в сентябре 1898 года в местной прессе появились статьи, в которых говорилось, что в лице крестьянских начальников «темное население сибирской деревни» [16] получило «добросовестных и дельных советников, истолкователей нужд крестьян, их ходатаев и защитников их интересов» [15]. Но опубликованные материалы за 1898 год не могли основываться на реальной деятельности крестьянских начальников, так как последние приступили к

исполнению своих служебных обязанностей в Западной Сибири только 15 декабря 1898 года. К 1901 году ситуация поменялась, появились статьи о злоупотреблениях по службе [12, Д. 29. Л. 72], казнокрадстве [12, Д. 95. Л. 45], безразличии к крестьянской жизни [11] и «неблаговидных поступках» [3, Д. 1232. Л. 23; 4, Д. 74. Л. 13] крестьянских начальников. Материалы местной прессы нашли подтверждение в официальных документах, а именно: в отчетах непеременимых членов по ревизии делопроизводства крестьянских начальников [3, Д. 317. Л. 6 – Л. 10. об. 1.; 12, Д. 62. Л. 37], в «делах о службе крестьянских начальников», которые велись Губернским управлением на протяжении всего существования института [3, Д. 1844, Д. 1924; 12, Д. 29. Л. 100], в прошениях крестьян на имя губернатора [3, Д. 1232. Л. 23], в конфиденциальной переписке прокурора Омской судебной палаты с тобольским губернатором и даже в судебных решениях.

Проанализировав источниковую базу, мы выделили черты образа крестьянских начальников в сознании крестьян, расположив их в порядке убывания частоты упоминания.

1. Крестьянский начальник – «конкурент». Традиционно крестьяне стремились обрести экономическую независимость, но в лице крестьянских начальников они встречали настоящих конкурентов, способствовавших только ещё большему их разорению.

Крестьяне отмечали, что некоторые крестьянские начальники «имели от природы коммерческую жилку», «особое чутье к наживе» и «доставшееся по наследству в крови кулачество», объясняя деятельность «сельских хозяинов» [12, Д. 6. Л. 32. об. 1]. К примеру, крестьянский начальник 1 участка Каинского уезда Томской губернии Лагофет из опасения конкуренции своему маслodelьному заводу не разрешил крестьянину Абрамову открыть в деревне Чумаковой маслodelьный завод [12, Д. 362. Л. 9]. Крестьянский начальник Чудновский при помощи труда военнопленных на коммерческих основаниях устроил столярную мастерскую, оборудовал пекарню, завёл ломовщину, первым молот на мельнице зерно, у местных предпринимателей забирал продукты по цене, которую устанавливал сам, а иногда и бесплатно [3, Д. 1924. Л. 5]. Крестьянский начальник Хабаров прошел «вне конкуренции» по арендованию переселенческого участка [12, Д. 45. Л. 2] и другие. Всё это формировало образ «конкурента» в сознании крестьян.

2. Крестьянский начальник – «подлец и взяточник». Крестьянский начальник Коростовцев делал постоянные мелочные займы денег у волостных писарей после проигрышей в карты, или «недостатке денег на дорожные расходы», «вымогал деньги в займы» у волостных писарей и назначал таких писарей, которые «умели угодить постоянными займами денег» [3, Д. 216. Л. 21]. Крестьянский начальник Харитонов нанимал крестьян, а после выполнения ими работ платить отказывался, ссылаясь на то, что в договоре указывалась оплата ежемесячно [13].

3. Крестьянский начальник – «вор». Крестьянские начальники активно использовали «общественные суммы» в личных целях. Растраты крестьянского начальника Карновича составляли 9303 рублей [4, Д. 66. Л. 6], Хабарова – 12700 рублей [12, Д. 43. Л. 66]. Данное явление было весьма распространенным [2, С 26 – 29], так по Башкирской волости таких «позаимствований» было на сумму 500 руб., по Нижне-Алабернской волости – 1500 руб., по Глядянкой волости – 400 р. и т. д. [4, Д. 66. Л. 6]. В 1911 году в адрес крестьянского начальника Мальцева крестьяне высказывались следующим образом: «Будет уже ему обкрадывать нас! Довольно! Насаждали мошенников! Под суд!» [12, Д. 29. Л. 100].

4. Крестьянский начальник – «пьяница». Представители сельской власти, в частности крестьянские начальники, злоупотребляли спиртными напитками. Так, например, крестьянский начальник Логинов, в пьяном виде разгуливал по улицам села Голышмановского [3, Д. 1231. Л. 1]. Крестьянский начальник Бураковский «пил запоем», растратив все казенные деньги [3, Д. 1232. Л. 1. об. 1]. Крестьянский начальник 3 участка Тюкалинского уезда Философ Петрович Барсуков напивался до такой степени, что падал на улице, и вообще трезвым его видели только тогда, когда он принимал участие [3, Д. 1232. Л. 6. об. 1].

Итак, черты образа крестьянских начальников в сознании крестьян изначально формировались на основе крестьянской ментальности, затем складывались из практической деятельности крестьянских начальников. Архивные материалы позволили выделить часто встречающиеся черты образа крестьянских начальников в сознании крестьян и расположить их в порядке частоты упоминания, а именно: «конкурент» «подлец и взяточник», «вор», «пьяница». Следовательно, в сознании крестьян институт крестьянских начальников представлялся не с самой хорошей стороны, что порождало враждебность крестьянского населения, еще большее неприятие власти. Некоторые крестьянские начальники даже были вынуждены сменить участок из-за «враждебности» к ним крестьянского населения [3, Д. 276. Л. 124 – Л. 128]. Такие «недоброжелатели» были, например, у крестьянского начальника 7 участка Тюкалинского уезда Теодоровича [12, Д. 63. Л. 71]. Иногда крестьянским начальникам приходилось терпеть побои [14], а в некоторых случаях и вообще подвергать свою жизнь опасности - крестьянского начальника 2 участка Томского уезда Студенкина пытались четыре раза поджечь [12, Д. 66. Л. 105. об. 1]. Так крестьяне поступали с неугодными им крестьянскими начальниками. В целом образ крестьянских начальников в сознании крестьян способствовал «дискредитации правительственной власти в глазах крестьянского населения».

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Гильденберг В.Н. Сельская власть в Тобольской губернии в конце XIX – начале XX вв.: отражение практики «неблаговидных поступков» в официальных документах. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов I Всероссийской молодежной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2011.
3. ГОТ О ГА в г. Тобольске. Ф. 335. Оп. 1.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 479. Оп. 2.
5. Ерин Павел Викторович. Сельское правосудие и местное самоуправление русских крестьян в конце XIX – начале XX века (на материалах Тамбовской губернии): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2013. – С. 3.
6. Никулин В.Н. Крестьянские начальники Сибири (1898 – 1917 гг.) // Вопросы истории. - 1987. - № 1. - С. 175.
7. ИАОО. Ф 190. Оп. 1. Д. 43. Л. 2 – Л. 22 – Л. 23.
8. ИАОО. Ф 25. Оп. 1. Д. 208. Л. 2 – Л. 96.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1881 – 1913): Том 18 (1898): Часть 1: Законы (14861 – 16309). - С. 404. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.12.2013).
10. Почеревин Е.В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX века. // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. - № 4 - 3. – С. 148.
11. РГИА Ф. 1282. Оп. 3. Д. 552. Л. 56 – Л. 92.
12. РГИА Ф. 1291. Оп. 30.
13. РГИА Ф. 335. Оп. 1. Д. 1003. Л. 26, Л. 27.
14. РГИА Ф. 573. Оп. 25. Д. 1243. Л. 94.
15. К предстоящему введению института крестьянских начальников. // Сибирская жизнь. – 1898. - № 207. - С. 1.
16. По поводу нового закона о крестьянских начальниках. // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. – 1898. - №195. - С.2.
17. Турчанинов Н.В. Население Азиатской России. Статистический очерк / Н. В. Турчанинов [Текст] // Азиатская Россия. – СПб., 1914. - С. 258.

07.00.06

А.М. Губайдуллин к.и.н.

Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, airg_g@mail.ru

БУЛГАРСКИЕ КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ (К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)

Статья посвящена началу истории изучения фортификации Волжской Булгарии. Здесь рассматривается зарождение и последующее развитие интереса разных слоев общества к столь неординарным памятникам древности, которые до сих пор возвышаются над окружающей территорией и привлекают к себе внимание исследователей. Также прослеживается и эволюция взглядов на отдельные аспекты болгарского военного зодчества.

Ключевые слова: *Волжская Булгария, городища, фортификация, история изучения.*

Оборонительные сооружения выступали важным гарантом существования любого государства древности, в том числе и Волжской Булгарии. Неоднократно крепостные стены болгар останавливали различных завоевателей. Своим наличием болгарские укрепления сыграли не последнюю роль и в тринадцатилетнем сдерживании армий монгольских ханов, вплоть до 30-40х гг. XIII в.

Далеко не случайно, что вот уже на протяжении более чем двух столетий памятники фортификации привлекают к себе внимание исследователей. В истории ее изучения выделяется очень важный этап, связанный с первоначальным периодом накопления сведений – это XVIII–первая треть XX вв. Он содержал в себе поиск, выявление и описание остатков укрепленных поселений и их оборонительных линий, т.е. предшествовал началу непосредственных крупномасштабных археологических раскопок.

Интерес к ним возникает с наступлением просвещенного XVIII века. Первые известия об оборонительных сооружениях Болгарского городища относятся к 1712 г. и связаны с построением Болгарского Успенского монастыря, когда «дьяк Андрей Михайлов, приехав на то прежде бывшее Болгарское городище, древнее строение, что в окружном земляном валу ныне есть, описал». Кроме «окружного земляного вала» он упомянул также внутреннее укрепление – «малый окоп, где был царский дом» [13: 528]. Сделанная им выписка из межевых книг Успенскому монастырю явилась началом накопления исторических сведений по данной теме.

В 1732 г. подполковником Никоном Савенковым и геодезистом Исаем Крапивиным были сняты оборонительные линии Болгарского городища. Они измерили и описали основные крепостные сооружения XIV в., «замошный вал», Малый городок, а также ныне не существующие укрепления в северо-восточной части памятника, т.н. «окоп Савенкова» [26: 571]. Это, пожалуй, было самой первой профессиональной фиксацией остатков крепостных сооружений Болгара и, в первую очередь, не дошедших до нас укреплений домонгольского периода. Она стала и основой для последующих археологических изысканий нашего времени.

Исторические достопримечательности Болгарского городища продолжали привлекать внимание различных специалистов. Так наряду с архитектурными развалинами, описание крепостных валов Болгара в 1765 г. сделал и подполковник Правительствующего Сената А.И. Свечин, который проводил ревизию лесов в Поволжье [5]. Кроме этого, особый вклад в исследования укрепленных поселений внесли и академические экспедиции. Например, зимой 1768 г. Болгарское городище посетил знаменитый путешественник, ученый-энциклопедист П.С. Паллас и кратко описал его линию обороны [15: 186].

В то время наиболее серьезное внимание болгарским укреплениям было уделено адъютантом Императорской Академии наук, капитаном Н.П. Рычковым, описавшим развалины Билярского, Елабужского («Чертова») городищ [20: 13, 45] и других памятников. Например, у первого памятника он отметил «...пространные и порядочные валы, суть ясные свидетели огромных тех времен строений» и далее: «Укрепление его состояло из трех глубоких рвов и в толиком числе валов, обнесенных вокруг городских развалин...» [23: 13]. Ему же принадлежит заслуга и в составлении первого плана Билярского городища, основанного на его собственных измерениях [23: 23-24].

Во всех местах, где бывал Н.П. Рычков, он не только описывал городища, но и пытался их интерпретировать, увязывать с тем или иным народом [21]. Здесь уже виден новый подход в плане изучения памятников фортификации. Так от простого описания оборонительных сооружений исследователи начинают переходить к их анализу.

ЗаклЮчить изыскания XVIII века можно сведениями, составленными работавшим в Казанской межевой конторе уездным землемером, этнографом К.С. Милковичем. На базе собранных им в конце XVIII – нач. XIX вв. данных, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятниках [6: 497-518].

Дальнейшим подъемом интереса к истории знаменуется XIX век. Именно в это время активизируются археологические обследования и раскопки. В первой половине XIX века Болгарское городище еще раз подвергается топографической фиксации губернским архитектором А. Шмитом [25]. Затем съемку валов и рвов памятника произвел полковник А.М. Штраус. Составленный по его обмерам план городища был опубликован в 1870 г. в книге А.Ф. Риттиха [19].

Возрастает также интерес и к другим укрепленным поселениям. По этому поводу необходимо отметить работы редактора «Казанских губернских ведомостей» А.И. Артемьева, которого можно по праву считать родоначальником критического направления исторической школы в Казанской губернии. Ему принадлежит честь установления местонахождения городища Джукетау, дано описание и анализ его оборонительных линий, а также линий укреплений Билярского городища и упомянуто еще около 30 памятников [1: 3-4, 6-11]. По поводу крепостных валов Биляра А.И. Артемьев даже выдвинул предположение о том, что у Билярска в XVII веке «...древние укрепления были дополнены новыми». Возможно это связано с отмеченным им «...рядом валов, в иных местах как бы с батареями или шанцами и ретраншаментами» [1: 13].

Интересно его замечание, касающееся и количества линий обороны поселений болгар: «Тремя валами, как думают, укреплялись резиденции сильнейших князей, тогда как прочие города обводимы были только одним валом. Впрочем, такому объяснению противоречат городища Иски-Казань и Болгарское (Успенское), имеющие также по одному валу» [1: 13].

Достаточно любопытные замечания о линиях обороны Болгарского городища оставил известный востоковед, профессор Казанского Императорского университета И.Н. Березин: «...кроме рва и вала город был обведен, без всякого сомнения деревянной стеной... если б у Болгара существовала каменная стена, то следы ея где-нибудь уцелели бы; отсутствие же всякой стены у столицы болгарского царства невероятно» [4: 11]. Малый городок же автор трактовал как аналог персидскому арку, в котором находился ханский дворец, и в подтверждение своих слов им был приведен план города Тебриза [4: 12]. Это довольно интересное предположение для того времени и действительно, если смотреть с точки зрения планиграфии и аналогов, можно провести такие параллели.

Со временем все более увеличивается тяга к изучению родной старины и вовлекает в свой круг все больше исследователей. Например, корреспондент Губернского статистического комитета С.Е. Мельников публикует серию статей в «Казанских губернских ведомостях», посвященных Большеотрабинскому городищу. В них автор дал довольно подробное описание оборонительных линий памятника, их состояния, а также датировал его основание «во времена Батыевы, и разоренный Русскими еще до покорения Казани» [11: 293-295] [12: 302-

304]. О возросшем интересе к древности говорит, например, и наличие примечания редакции газеты к первой статье: «Жаль, что автор не упомянул, нельзя ли, при разрытии этих валов, ожидать каких-нибудь археологических находок» [9: 304].

В Российской империи во второй половине XIX в., в связи с общей тенденцией роста интереса к объектам старины начинают проводиться и археологические съезды. В 1871 г. на I Археологическом съезде в Москве был сделан обобщающий доклад членом-корреспондентом Императорской Академии наук, профессором К.И. Невоструевым, который привел и описал уже 36 болгарских городищ [13]. Его работа явилась одной из последних по историографии краеведческих исследований того времени.

Через три года выходит в свет большой труд Члена-секретаря Губернского статистического комитета, надворного советника Н.Н. Вячеслава, составленный на основе сообщений волостных управлений, в которых приводятся данные по более чем 70 городищам. Им были отмечены также не только сами городища, но и их месторасположение, топографические особенности и характер оборонительных линий [7].

Для территории Среднего Поволжья важнейшим вкладом в изучении памятников древности и, в частности, болгарских городищ стала книга профессора Казанского Императорского университета С.М. Шпилевского «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии». В ней были собраны все имеющиеся сведения по известным к тому времени поселениям. Работа, вышедшая в 1877 г., накануне проведения в Казани IV Археологического съезда, до сих пор заставляет нас обращаться к ней как интереснейшему источнику [26]. С.М. Шпилевский указывал и на высокую значимость для науки рукописной карты Генерального межевания, что, затем, подвигло других исследователей к ее более пристальному рассмотрению и, как результат, выявлению ранее неизвестных памятников древности.

Значительная часть работ этого периода времени принадлежат перу различных по профессии и образованию авторов и очень редко касаются оборонительных сооружений волжских болгар. Исключение составляют две статьи, вышедшие в 1884 г. В первой, В.А. Казаринов, детально описал укрепления Билярского, Балынгузского и Николаев-Баранского II городищ [10: 89-127]. Нужно отметить, используя свои довольно точные личные наблюдения, исследователь совершенно справедливо считал Балынгузское городище, расположенное на возвышенности к северу от Билярского, единым целым [10: 119-120, 121]. В наше же время оно было ошибочно разделено на два отдельных памятника – Балынгузское и Горкинское II городища.

Следующая статья явилась первой попыткой определения функциональных особенностей городищ Волжской Булгарии. Ее автор профессор Казанского Императорского университета Н.А. Толмачев писал: «Помещение укреплений на таких возвышенных местах...давало их гарнизонам возможность зорко следить за окрестностью, делать внезапные набеги, защищаться за окопами в случае надобности и властвовать над окружающей местностью. Весьма неправильный способ распределения их по местности и незначительность размеров не говорят в пользу предположения о том, что они могли быть возведены в видах защиты государства от нападения многочисленных армий. Напротив, вышеприведенные особенности говорят скорее в пользу того мнения, что укрепления...могли быть возведены для обитания мелких владетелей страны, подобных средневековым баронам в Германии...и представлять таким образом аналогию замкам последних; с тою разницею, что болгарские укрепления построены были не из камня, как германские, и оставили к настоящему времени по сие одни только земляные валы и рвы» [24: 88].

Автор совершенно верно обратил внимание на распределение городищ на местности, что позволяет выйти к анализу их пространственного размещения. Особо примечательно – доктор медицины Н.А. Толмачев имел такие разносторонние знания и интересы, позволявшие ему рассматривать памятники фортификации древности, что, впрочем, было свойственно и многим другим исследователям того времени.

Продолжают выходить и очерки посвященные только каким-то конкретным болгарским

памятникам. В 1891 году во втором томе Трудов IV археологического съезда публикуется статья Е.Т. Соловьева о городище у с. Русские Кирмени. В ней, помимо прочего, уже дается не только простое описание, но и попытка осмысления топографических особенностей этого болгарского поселения и его оборонительных свойств [23: 249-251].

Необходимо также отметить и серьезные исследовательские работы П.А. Пономарева «Данные о городах Камско-Волжской Булгарии» опубликованные в Известиях ОАИЭ. Автору удалось связать известные по письменным источникам города болгар с конкретными археологическими объектами. П.А. Пономаревым был дан обширный материал, включающий, в частности, сведения о городищах, их укреплениях и военно-политических событиях [16][17].

В конце XIX века публикуются две работы - А. Обрезкова и Г. Ахмарова. Первый автор уделил внимание описанию оборонительных линий Кураловского (Старокуйбышевского) городища [14], второй же впервые отметил, что у Луковского (Япанчино) городища укрепления имеют ломаную форму [2][3]. Это замечание, кстати, очень существенно для анализа фортификационных сооружений, их особенностей и функциональных отличий. Нужно отметить, что подобная конфигурация оборонительных линий применялась булгарами довольно широко. К сожалению, большинством исследователей, за редким исключением, это не замечалось или не бралось во внимание.

В начале XX в. в Известиях ОАИЭ вновь публикуется статья, посвященная актам Генерального межевания. В ней автор, С.И. Порфирьев, основываясь на данных документах, а также карте Генерального штаба, попытался уточнить имеющиеся сведения по древностям Казанского края, а также довольно подробно дал описание местонахождения некоторых городищ и их укреплений [18: 6-14]. Кроме того, он выявил и памятники, которые к тому времени уже не сохранились или позже были «забыты» исследователями. Однако думается, что в процессе работ по Генеральному межеванию такие исторические объекты, как городища, не могли быть не замечены и, тем более, не отмечены.

Происшедшие после 1917 года политические и социальные изменения, не повлияли на подход к изучению болгарских памятников. Вопрос же об изучении военного дела и, в частности, фортификационных сооружений не ставился. Нам, в то же время, интересна работа В.Ф. Смолина «Археологический очерк Татарской Республики», где автором был сделан ряд наблюдений. Он считал, что «длинные валы» являлись защитой для отдельных феодальных владений, а об укреплениях Билярского городища писал: «... в местах прорыва валов были, по-видимому, деревянные укрепления, бойницы, башни, под которыми проходил проезд в город» [22: 48, 53].

В очередной раз подобные заключения хоть и были довольно любопытными, но также являлись чисто умозрительными и, к сожалению, не основывались на археологических исследованиях. Лишь в конце 20-х гг. XX века было положено начало непосредственного изучения остатков крепостных сооружений булгар, которое продолжается и до настоящего времени.

Список литературы

1. *Артемов А.* Древний Болгарский город Жукотин // ЖМВД. - 1851. - Ч. XXXIII. - Кн. 1. - С. 3-4, 6-11, 13.
2. *Ахмаров Г.* Городище Япанчино на реке Кубне // ОРРК. - Казань. - 1891. - Л. 1.
3. *Ахмаров Г.* Городище Япанчино на Кубне // ИОАИЭ. - 1894. - Т. XII. - Вып. 4. *Березин И.Н.* Булгар на Волге. - Казань. - 1853. - С. 11, 12.
5. *Борисов В.Л.* Описание развалин города Булгара подполковником Свечиным в 1765 г. // ИОАИЭ. - 1898¹. - Т. XIV. - Вып. 5.
6. *Борисов В.Л.* «Историографическое описание о Казанской губернии» Капитона Милковича // ИОАИЭ. - 1898². - Т. XIV. - Вып. 5. - С. 497-518.
7. *Вячеслав Н.* Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в

Казанской губернии. – Казань. - 1874.

8. Знаменитые люди о Казани и Казанском крае. Казань: - Kazan-Казань. - 1999.

9. Казанские губернские ведомости. – Казань. - 1856. - № 39. – С. 304.

10. *Казаринов В.А.* Описание Билярских и Баранского городищ // ИОАИЭ. - 1884. - Т. III. – С. 89-127.

11. *Мельников С.Е.* Село Покровское - Большая Тояба тож // КГВ. - N 38. - 1856¹. – С. 293-295.

12. *Мельников С.Е.* Село Покровское - Большая Тояба тож // КГВ. - N 39. - 1856². – С. 302-305.

13. *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Тр. I АС. – М. – 1871. - Т. II. – С. 528.

14. *Обрезков А.* Следы древнего поселения в окрестностях г. Спасска Казанской губернии // ИОАИЭ, 1892. Т. X, вып. 2.

15. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб. - 1773. - Ч. I. - С. 186.

16. *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Владения липовогорских князей // ИОАИЭ. - 1892. - Т. VIII. - Вып. 5.

17. *Пономарев П.А.* Данные о городах Камско-Волжской Булгарии. Тубулга-Тау и неопределенные города // ИОАИЭ. - 1893. - Т. XI. - Вып. 4.

18. *Порфирьев С.И.* Древности казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. – 1904. - Т. XX. - Вып. 1-3. – С. 6-14.

19. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. – Казань. - 1870.

20. *Рычков Н.* Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. - СПб. - 1770. – С. 13, 23-24, 45.

21. *Рычков Н.* Продолжение журнала или дневных записок путешествия по разным провинциям Российского государства, 1770 году. - СПб. - 1772.

22. *Смолин В.Ф.* Археологический очерк Татреспублики // МИТ. - 1925. - Вып. II. – С. 48, 53.

23. *Соловьев Е.Т.* Топография древнего города около с. Русских Кирменей (Мамадышского уезда, Казанской губернии) // Тр. IV АС. – Казань. – 1891. - Т. II. - Отд. 7. – С. 249-251.

24. *Толмачев Н.А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Тр. IV АС. – Казань. – 1884. - Т. I. - Отд. I. – С. 88.

25. *Шмит А.* Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. - М. - 1832.

26. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. – Казань. - 1877. – С. 571.

Список сокращений:

ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел

ОРРК – Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского гос. университета

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского Императорского университета

КГВ – Казанские губернские ведомости

Тр. АС – Труды археологического съезда

МИТ – Материалы исследований в Татарии

07.00.06

А.М. Губайдуллин к.и.н.

Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан,
Казань, airg_g@mail.ru

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Статья посвящена истории изучения фортификации городищ Казанского ханства. В ней рассматривается возникновение и развитие интереса к остаткам крепостных сооружений XV-XVI веков со стороны разных социальных слоев общества. В первую очередь, он был связан с изучением истории столицы государства, а также других населенных пунктов. Здесь же анализируются и различные точки зрения, касающиеся исторического облика города Казани, которые существуют до нашего времени.

Ключевые слова: *Казанское ханство, фортификация, история изучения.*

Вопросы военного зодчества Казанского ханства малоизученны и давно требуют внимательного рассмотрения. Несомненно, что с развитием военной техники, тактики и стратегии осады и обороны крепостных сооружений на протяжении нескольких веков не могли не происходить изменения в фортификации. Основа их была заложена еще в период существования Волжской Булгарии. В «казанскую» же эпоху военно-оборонительное строительство достигло своего пика. Одной из задач исследования, в первую очередь, и является рассмотрение возникновения интереса к памятникам крепостного зодчества XV-XVI веков, которое развивалось на общем фоне повышения внимания в обществе к различным древностям родного края.

В XVII и XVIII вв. литературы затрагивающей вопросы фортификации Казанского ханства практически не выходило. Определенное исключение составляли краткие сообщения различных путешественников, посещавших Поволжье. К их числу относятся немецкий ученый Адам Олеарий (1647 г.), служащий Ост-Индской компании Ян Стрейс (1676 г.), голландский художник Корнелис де Бруин (1711 г.), которые отмечали, что город Казань, помимо части кремля, окружен деревянными стенами с башнями [16: 36, 44] [36: 217]. Здесь необходимо заметить – в те времена еще сохранялись остатки дерево-земляных оборонительных сооружений ханской Казани [29: 69-70] [28: 376].

Эти незначительные и малоинформативные упоминания можно заключить выдержкой из статистико-географического труда обер-секретаря Сената И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства...» (1731 г.): «Город Казань прежде был построен...деревянный, и в 7061 году...взят от российских войск штурмом, и после того построен каменный на горе...» [16: 47].

Только в XIX в. после длительного перерыва среди некоторых представителей общества нарождается серьезный интерес к памятникам старины и возникает новый этап, направленный на их изучение. Начинают выходить различные периодические издания. Так в 30-х годах XIX века стал издаваться журнал «Заволжский муравей», в котором публиковались материалы и по истории Казанского края. Перу его редактора М.С. Рыбушкина принадлежат некоторые статьи на различные исторические темы. Они посвящались археологии, Билярскому и Болгарскому городищам, а также «Старой Казани» и Казани [14]. В последнем случае вызывает интерес его неожиданное суждение о характере строения Кремлевского холма. Он отметил, что грунт под крепостью состоит из «дикого камня, расположенного плитами» и сделал заключение, что «...ежели не вся сия возвышенность искусственная, то, по крайней мере, некоторая часть оной приведена в правильное положение руками человеческими» [14].

В другой своей работе «Краткая история города Казани» М.С. Рыбушкин пишет, что город в 1552 г. «...был вдвое меньше нынешнего...», а крепостная стена его имела 12 ворот «...срубленная из толстых, в два ряда, бревен...» [29: 4]. Далее он приводит более подробные сведения: «...город обнесен был еще деревянною стеною, вокруг которой находился ров. Стена эта с ее воротами и башнями построена была из чрезвычайно толстых дубовых бревен, связанных внутри такими же крестообразными перемычками. Наполненная камнями, песком и глиною, она имела ширины до 4¹/₂ саж.» [29: 85-86].

Начиная с середины XIX века и всю его вторую половину среди исследователей велась полемика об облике древней Казани и, в первую очередь конечно, ханской Казани. Здесь нужно отметить публикации в «Казанских губернских ведомостях» [12: 170-185], работы М. Лаптева [23: 555-557], С.М. Шпилевского [44: 431-473], П. Заринского [15], М.Н. Пинегина [26: 62-67], а также сведения «Спутника по Казани» Н.П. Загоскина [34].

Во многом эти дискуссии касались границ и размеров города, местонахождения крепостных стен и башен, что, в конечном итоге, постепенно подводило исследователей к выработке общих основных концепций.

В конце XIX в. выходят работы М.А. Богдановского и В.Л. Борисова, посвященные осаде Казани в 1552 г. В обеих на основе исторических источников авторы анализируют имеющиеся сведения и делают попытку реконструкции комплекса фортификационных построек города [2][3][4]. Также, в статье С.И. Порфирьева, посвященной древностям Казанского края и основанной на актах Генерального межевания дается краткая информация по городам Арск и Казань. В первом им отмечена «старинная шестиугольная крепость, на коей по углам было шесть башен деревянных, из коих только одна существует», а также земляной вал со рвом с северной стороны [27: 12]. Из описания Казани автор заимствовал сведения, касающиеся Тайницкого ключа, который «впадает в изыскиваемую реку Казанку...по которому изнутри крепости был сделан потаенный ход» и далее «но ныне окоп обвалился, а виден его не(ко)торой остаток вне города у сих ворот возле стены...» [27: 13].

Важным итогом изучения истории ханской Казани и ее фортификации можно считать труды М.Г. Худякова. В «Очерках по истории Казанского ханства» автор пишет: «Казань, расположенная на крутых утесах, была сильно укреплена самой природой, и стены постоянно находились в превосходном оборонительном состоянии. Казанская крепость по справедливости считалась неприступною...» [42: 229]. М.Г. Худяков отмечал устройство крепостных стен «в виде городен, наполненных землей и камнями», подтверждая сообщением из «Царственной книги»: «Стена городная обгоре, и земля из города сыпая: бе бо весь град насыпан землею и хрящем» [42: 264].

Исследователь считал, что в эпоху Казанского ханства «город был окружен деревянной стеной с башнями и воротами», которая являлась только посадской, а отдельной крепости на Кремлевском холме не было [42: 256-265]. Кроме того, одной из причин падения государства М.Г. Худяков полагал отсутствие каменных крепостей, не умение противодействовать подкопам, отсталость военной техники от иностранцев: «В лице английского инженера западно-европейская военная техника нанесла поражение искусству восточных народов» [42: 232, 243].

В другой работе «Татарская Казань в рисунках XVI столетия» на основе картины «Апофеоз взятия Казани» М.Г. Худяков провел анализ изображенных на ней построек, в том числе ворот и башен. Он также сделал и важное заключение, что зодчество казанцев «находилось в тесной связи с архитектурой болгар...казанское зодчество являлось непосредственным продолжением болгарской архитектуры...было тесно связано с болгарским искусством предыдущей эпохи» [41: 50, 52].

В 20 – 30-х и 40 – 50-х гг. XX в. на территории Казани и Казанского кремля проводились археологические исследования Н.Ф. Калинин, В.Ф. Смолиным, И.Н. Бороздиным. В это время были выявлены остатки рва ханского периода, расположенного к северу от Спасской башни, остатки крепостной стены в виде дубовых бревен толщиной 60-70 см во дворе

воинской части в районе Тезицкого оврага, а также деревянный помост около Тайницкой башни [5: 37-40] [20: 128] [21: Л. 245] [33: 16, 18, 19].

В 60 – 70-е гг. XX в. продолжились археологические наблюдения и раскопки, возглавленные А.Х. Халиковым. В ходе них были зафиксированы возможные следы посадского вала и рва на месте будущего здания физкорпуса КГУ [38]. По результатам изучения кремлевских крепостных стен и башен А.Х. Халиков, С.С. Айдаров и Л.С. Шавахин связали постройку Северной башни с эпохой Казанского ханства [39: 179-181] [33: 24]. По мнению А.Х. Халикова казанская крепость XV-XVI вв. занимала площадь в 13 га и ограждалась, как и посад, дубовыми крепостными стенами [19: 159].

В этот же период времени были достигнуты значительные результаты в изучении исторической топографии средневековой Казани и другими исследователями. Здесь следует отметить работы С.С. Айдарова, И.П. Ермолаева, В.П. Остроумова [19: 158-161] [13] [25].

Детальному рассмотрению облика Казани ханского времени были посвящены и работы архитекторов Г.Н. Айдаровой-Волковой и Н.Х. Халитова. Авторы на основе изобразительных и письменных источников, а также данных геологии дают свое видение различных объектов, в том числе и военного зодчества. Так, по мнению Г.Н. Айдаровой-Волковой, крепостные башни города «были в основном каменными», а стены сделаны из дубовых городней заполненных камнем и землей. Кроме же острожной посадской стены острогом ограждались и слободы: Кураишева, Армянская, Биш-Балта, Куль-Маметова [1: 23]. В свою очередь Н.Х. Халитов, поддерживая точку зрения о каменных башнях, пришел к выводу, что и крепостные стены в нижней части высотой до 5 м были белокаменными с востока и кирпичными с запада, а над ними «шли деревянные мощные стены, зафиксированные летописцами и Курбским» [40: 63, 79].

В начале XXI в. исследователи на основе письменных источников и полученных археологических данных продолжают, так или иначе, анализировать историческую топографию ханской Казани [9: 24-26] [31: 160-206] [8: 39-47] [35: 23-27] [43: 96-100] [17: 85] [18: 33, 34, 78, 101, 102]. Это время можно назвать новым этапом в изучении памятников фортификации Казанского ханства. Значительное количество накопленного материала выводит на новый уровень исследования, позволяет во многом конкретизировать некоторые аспекты рассматриваемой темы.

В эти годы публикуются также работы и по фортификации других памятников эпохи Казанского ханства, основанные на новых археологических исследованиях – Чаллынского, Камаевского, Арского, Утернянского, Кукморского(?), Мало-Сундырского городищ [10: 138-142] [6: 246-267] [7: 256-261] [24].

Длительная история изучения фортификации Казанского ханства продолжается, таким образом, и в современных исследованиях. Благодаря археологическим материалам мы можем более полно представить себе военное зодчество этого государства в XV-XVI вв. Заключить исследование можно двумя научными изданиями, опубликованными в 2006 г. Это сборник «Казань в средние века и раннее новое время» и книга А.Г. Ситдикова «Казанский кремль: историко-археологическое исследование».

В первом издании публикуются материалы Всероссийской научной конференции, в которой освещены малоизученные и дискуссионные проблемы истории Казани. Новые данные по топографии города даются в статье А.Г. Ситдикова, результаты исследований Северной башни и ее датировка приводятся А.М. Губайдуллиным [32: 21-22] [11: 49-57]. Интересные сведения мы находим в публикации С.П. Саначина, где автор привлекая письменные, археологические и изобразительные источники убедительно связывает остатки Северной башни с «великой башней» А.М. Курбского, а рядом располагает Елбугины ворота [30: 66-74].

Обобщающей работой по истории Казани стала книга А.Г. Ситдикова, в которой приводятся данные разного рода источников, в том числе, преимущественно, и археологических. Особое место в ней занимает Казань ханского времени, когда она становится столицей государства. Здесь нашли свое отражение качественные изменения в ее

облике, увеличение размеров самого города и его кремля, а также формирование мощных на то время оборонительных сооружений [33].

Таким образом, были проведены существенные по объему исследования укрепленных поселений Казанского ханства, которые дали интересные результаты. Тем не менее, они, в основном, были посвящены изучению остатков только конкретных объектов. Также и объем полученного материала требовал осмысления всего комплекса данных, чего, зачастую, не делалось. Это и не позволяло как можно более полно подходить к раскрытию всей темы. Здесь, как и в случае с памятниками военного зодчества Волжской Булгарии, требуется обобщение и серьезный анализ всех имеющихся сведений.

Список литературы

1. *Айдарова-Волкова Г.Н.* Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI-XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. - Казань: Казанская архитектурно-строительная академия. - 1997. - С. 23.
2. *Богдановский М.* Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060-7061 г.г. (1552). - СПб. - 1898.
3. *Богдановский М.* К вопросу о расположении городской стены казанского посада в 1552 г. - СПб. - 1899.
4. *Борисов В.Л.* Критическая статья по поводу книги Богдановского «Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060-7061 (1552) гг.» // ИОАИЭ. - 1898. - Т. XIV. - Вып. 6.
5. *Бороздин И.Н.* Археологические разведки в Кремле. Разведка близ Киприановой церкви // МОРРПТ. - 1929. - Т. III. - С. 37-40.
6. *Бурханов А.А.* Археология Казанского ханства (история изучения, итоги последних исследований и перспективы) // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. - Казань: Фэн. - 2002. - С. 246-247.
7. *Бурханов А.А., Замалтдинов Р.Р.* Изучение средневековых памятников в Заказанье в 2001 году // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности. - Москва-Казань, 2003. - Вып. 36. - С. 256-261.
8. *Валиев Р.Р.* Исследования Северной башни и прилегающей к ней стены Казанского кремля (по раскопкам 2003 г.) // Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории АН РТ за 2003-2004 г. - Казань. - 2004. - С. 39-47.
9. *Губайдуллин А.М.* Археологические исследования Северной башни Казанского кремля // АО в Татарстане: 2000 год. - Казань: Мастер-Лайн. - 2001. - С. 24-26.
10. *Губайдуллин А.М.* Некоторые заметки о фортификации Казанского ханства // Вопросы древней истории Волго-Камья. - Казань: Мастер-Лайн. - 2002. - С. 138-142.
11. *Губайдуллин А.М.* Северная башня Казанского кремля (время возникновения, реконструкция) // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции. - Казань: Институт истории АН РТ. - 2006. - С. 49-57.
12. *Древняя Казань глазами историков и современников / Составители и авторы комментариев Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдинов.* - Казань: Фест. - 1996. - С. 170-185.
13. *Ермолаев И.П.* Город Казань по писцовой книге 1565-1568 годов // Страницы истории города Казани. - Казань: Издательство КГУ. - 1981.
14. *Заволжский муравей.* - Казань. - 1832. - Ч. 1. - №. 2.
15. *Заринский П.* Очерки древней Казани, преимущественно XVI века. - Казань. - 1877.
16. *Знаменитые люди о Казани и Казанском крае.* Казань: - Kazan-Kazan. - 1999. - С. 36, 44, 47.
17. *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. - Казань: Институт истории АН РТ. - 2004. - С. 85.
18. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Очерки. - Казань: Институт истории АН РТ. - 2005. - С. 33, 34, 78, 101, 102.
19. *Казань в памятниках истории и культуры.* Казань: Таткнигоиздат. - 1982. - С. 158-161.

20. Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. - Казань. - 1955. - Вып. I. - С. 128.
21. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVII века. - Дисс. на соискание ученой степени док. ист. наук. Машинопись // Архив ИЯЛИ. - Казань. - 1957. - Ф. 8. - Оп. I. - Ед.хр. 202, 203. - Л. 245.
22. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Казанская губерния. - СПб. - 1861. - С. 555-557.
23. Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). - Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. - 2006.
24. Остроумов В.П. Казань. Очерки по истории города и его архитектуры. - Казань: Издательство КГУ. - 1978.
25. Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города. - СПб. - 1890. - С. 62-67.
26. Порфирьев С.И. Древности казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ. - 1904. - Т. XX. - Вып. 1-3. - С. 12, 13.
27. Пупарев А.Г. Казанские губернаторы // КГВ. - 1856. - № 47. - С. 376.
28. Рыбушкин М. Краткая история города Казани. - Казань. - 1849. - Ч. II. - С. 4, 69-70, 85-86.
29. Саначин С.П. К вопросу реконструкции фортификации Казани 1550-х годов // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции. - Казань: Институт истории АН РТ. - 2006. - С. 66-74.
30. Ситдилов А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. - Казань: ФЭН. - 2002. - С. 160-206.
31. Ситдилов А.Г. Топография средневековой Казани в свете археологических работ в исторической части города // Казань в средние века и раннее новое время. Материалы Всероссийской научной конференции. - Казань: Институт истории АН РТ. - 2006¹. - С. 21-22.
32. Ситдилов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. - Казань. - 2006². - С. 16, 18, 19, 24.
33. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города / Под редакцией профессора Н.П. Загоскина. - Казань. - 1895.
34. Старков А.С. Казанский Кремль во второй половине XVI в. // Проблемы истории Казани: современный взгляд. - Казань: Институт истории АН РТ. - 2004. - С. 23-27.
35. Стрейс Я.Я. Три путешествия. - Рязань: Александрия. - 2006. - С. 217.
36. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. - Казань. - 1983.
37. Халиков А.Х., Мухамадиев А.Г., Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО - 1976. - М. - 1977. - С. 179-181.
38. Халитов Н.Х. Очерки по архитектуре Ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. - Казань: Мастер Лайн. - 1999. - С. 63, 79.
39. Худяков М.Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // ВНОТ, № 9-10, Казань. - 1930. - С. 50, 52.
40. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. - Казань. - 1990. - С. 229, 232, 243, 256-265.
41. Хузин Ф.Ш., Ситдилов А.Г. Древняя Казань. - Казань: Издательство КГУ. - 2005. - С. 96-100.
42. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. - Казань. - 1877. - С. 431-473.

Список сокращений:

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АО – Археологические открытия

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского Императорского университета

КГВ – Казанские губернские ведомости

КГУ – Казанский гос. университет

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

МОРРПТ – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников в ТССР

07.00.02

А.С. Жулаева к.и.н.

Сибирский государственный технологический университет, Красноярск, socrab@sibstu.kts.ru

**ОБРАЗ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНОК СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ПЕРВЫЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Данная работа раскрывает актуальность исследования образа жизни крестьянок сибирского региона в первые десятилетия советской власти. Работа содержит обзор советской, зарубежной и современной исторической литературы по изучаемой проблеме. Автор изучает эволюцию гендерных и женских исследований в истории.

Ключевые слова: *гендерные аспекты истории, женское движение, женское образование, женский вопрос, образ жизни, социальные проблемы женщин.*

Историографическое исследование, проведенное автором, показало, что нет специальных исторических работ, посвященных теоретическим и конкретным проблемам изучения истории сельских женщин сибирского региона в первые десятилетия советской власти.

История жизни сельских женщин сибирского региона органично связана с этнографией, культурологией, социологией, психологией и философией. В историографии образа жизни сибирских крестьянок можно выделить следующую тематику исследований. В первую группу вошла литература, посвященная аграрной политике Советской власти; вопросам национально-государственного строительства и формированию нового уклада жизни селян. Во вторую – работы статистико-демографического характера; а так же труды и научные публикации, исследующие экономическую и социальную историю села сибирского региона. В третью – работы, изучающие вопросы культуры, социальной психологии и ментальности крестьян в целом, и сельских женщин, в частности.

Кроме того, весь комплекс работ, так или иначе относящихся к интересующей нас проблеме исследования, целесообразно разделить на блоки. Первый состоит из работ, посвященных изучению образа жизни и нравов всего сельского населения СССР. Данные работы необходимо учитывать, так как женщины составляли половину сельского населения (причем большую – 53 %). Ко второму относятся исследования советских, современных, российских и зарубежных ученых, посвященные советской женщине. Сибирский регион являлся значимой в территориальном, ресурсном, духовном плане частью СССР. Поэтому основные направления политики в женском вопросе, генерируясь в Москве, внедрялись по всем регионам. К сожалению, в обобщающих работах по стране мало учитывалась фактическая база изучаемого нами региона. Третья группа содержит исследования, касающиеся непосредственно изучения сельских женщин Сибири. Отсутствуют исторические работы, содержащие анализ архивных источников, а так же использующие научные социологические (анкетный опрос, интервьюирование) методы при исследовании истории женщин сибирского региона в послеоктябрьский период.

Наиболее изучены в рамках «женской» истории темы: история женского движения и образования в СССР, политика советского государства в решении женского вопроса, а так же социальные проблемы советских женщин [3].

Хорошо изучены социальные проблемы советских женщин на примере Западной Сибири [7].

Гендерные исследования начали формироваться в России с начала 90-х XX века. К этому времени в западных общественных науках уже сложилась многолетняя традиция изучения истории с точки зрения гендерного подхода. Повышенным вниманием пользовалась у зарубежных историков проблема формирования образа новой советской женщины, особо исследовались вопросы ее частной, семейной жизни, а так же вопросы любви, рождения

детей, моды [8]. В оценке данных работ, необходимо учитывать недоступность для зарубежных исследователей архивов СССР, что затруднило научно-исследовательскую деятельность.

Интерес к изучению советской женщины – крестьянки не угас у зарубежных исследователей и в 2000-е годы.

В 1990-2000-е годы создаются научные центры гендерных исследований (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Иваново, г. Тверск, г. Кострома). Отдельные вопросы «женской» истории исследуемого периода с использованием новой методологии изучены авторами: Е.А. Шабатура, Ю. Градскова, Н.Б. Лебина, А.И. Черных, Т. Осипович, И.С. Кон, С. Голод, И. Мерненко, Л.Н. Денисова.

Наиболее серьезные обобщающие работы по «женской» истории созданы Н.Л. Пушкаревой, Л.П. Репиной [6], а так же О.А. Хасбулатовой, В.И. Успенской, И. Юкиной, Н. Быковой. Разработка новой гендерной методологии, расширение исследовательской проблематики представлена в работах Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной, О.А. Ворониной, Н.Л. Пушкаревой и Л.П. Репиной [5].

Гендерная история развивается сегодня в различных научных центрах и университетах, как специализированная научная отрасль знаний о человеке, являясь важным направлением отечественной историографии.

Таким образом, гендерный подход, предполагая не вычленение «женской истории» из общенациональной или противопоставление ее традиционной «мужской», позволяет глубоко и всесторонне изучать механизмы взаимодействия и взаимовлияния полов в историческом процессе.

Список литературы:

1. Адам и Ева // Альманах гендерной истории; под ред. Л.П. Репиной. – №8. – Москва: ИВИ РАН, 2004. – С. 152.
2. Градскова, Ю. «Обычная» советская женщина - обзор описаний идентичности [Текст] / Ю. Градскова. – М., 1999; Лебина, Н.Б. Повседневная жизнь советского города: 1920-1930-е годы [Текст] / Н.Б. Лебина. – СПб., 1999; Черных, А.И. Проблемы семьи и брака в первое десятилетие Советской власти [Текст] / А.И. Черных // Социалистический идеал: вчера, сегодня, завтра. – М., 1992. – С. 165-202; Осипович, Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов [Текст] / Т. Осипович // ОНС. – 1994. – № 1. – С. 161-171; Кон, И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке [Текст] / И. С. Кон. – М., 1997; Голод, С. XX век и тенденции сексуальных отношений в России [Текст] / С. Голод. – СПб., 1998; Мерненко, И. Конструирование понятия аборта: дискуссия от разрешения к запрету (СССР, 1920-1936 годы) [Текст] / И. Мерненко // Гендерные исследования. – Харьков, 1999. – № 2 (3). – С. 151-165.
3. Григорьева, Г.Н. «Советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX века» [Текст] / Г.Н. Григорьева // Дис.... к.и.н. – Москва, 2004; Костенко, Ю.А. «Женское движение в России в 1920-30-е гг.» [Текст] / Ю.А. Костенко // Дис.... к.и.н. – Москва, 2006; Тарабина, О.А. «Политика советского государства в решении «женского вопроса» в годы гражданской войны (ноябрь 1917-1920 гг.): замыслы и реалии» [Текст] / О.А. Тарабина // Дис.... к.и.н. – Москва, 2006.
4. Денисова, Л.Н. Русская крестьянка в XX веке [Текст] / Л.Н. Денисова // Гендер и общество в истории. – М.: Алетейя, 2007. – 696 с.
5. Здравомыслова, Е.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России [Текст] / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6; Пушкарева, Н.Л. Гендерные исследования и исторические науки [Текст] / Н.Л. Пушкарева // Гендерные исследования. – Харьков, 1999. – № 3. – С. 166-186; Репина, Т.Б. От «истории женщин» к социокультурной истории: гендерные исследования.

Обзор [Текст] / Т.Б. Репина // Культура и общество в средние века. Раннее новое время, методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. – М., 1988. – Т. 1. – С. 171-209; Т. 2. – С. 66-99.

6. *Пушкарева, Н.Л.* Семья, женщины, сексуальная этика в православии и католицизме: перспективы сравнительного подхода [Текст] / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 3; Пушкарева, Н.Л. Гендерная история: рождение, становление, методы и перспективы [Текст] / Н.Л. Пушкарева // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 76-86; Пушкарева, Н.Л. История частной жизни в России глазами российских и зарубежных историков [Текст] / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. – 1998. – № 3. – С. 208-213; Пушкарева, Н.Л. Гендерные исследования и исторические науки [Текст] / Н.Л. Пушкарева // Гендерные исследования. – Харьков, 1999. – № 3. – С. 166-186; Репина, Т.Б. От «истории женщин» к социокультурной истории: гендерные исследования. Обзор [Текст] / Т.Б. Репина // Культура и общество в средние века. Раннее новое время, методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. – М., 1988. – Т. 1. – С. 171-209; Т. 2. С. 66-99.

7. *Шевцова, О.Н.* Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1926-1929 гг.) [Текст] / О.Н. Шевцова // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Кемерово, 1999; Рябцева, И.А. Женщины Западной Сибири 1920-1930-ых: Демографические и социальные проблемы [Текст] / И.А. Рябцева // Дис.... к.н.н. – Новосибирск, 1996; Балахнина, М.В. Социально-бытовое положение женщин-работниц Западной Сибири, 1921-1929 гг. [Текст] / М.В. Балахнина // Дис.... к.и.н. – Новосибирск, 1997; Куликова, Д.Н. Социальные проблемы женщин Западной Сибири и пути их решения (1921-1925 гг.) [Текст] / Д.Н. Куликова // Дис.... к.н.н. – Барнаул, 2004

8. *Stites R.* The Womens Liberation Movement in Russia: Feminism, Nigilism, and Bolshevism, 1860-1930. Princeton, 1978; Swafford M. Sex differences in Soviet tarnings // American Sociological Review. 1978. 43. № 5. p. 45-61; Clements, B.E. Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontai. - Bloomington, 1979; Farnsworth B. Alexandra Kollontai: Socialism, Feminism, and Bolshevik Revolution. – Stanford, 1980; Buckley M. Women and Ideologu in the Soviet Union. N.-Y, L., Toronto, 1989; Goldman W. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917-1936. – Cambridge, 1993; Farnsworth B. Rural Women and the Law: Divorce and Property Rights in the 1920 // Russian Peasant Women. – N.-Y., 1992. – P. 167-188; Viola L. Bab'i Bunty and Peasant Women's Protest During Collectivisation // Russian Peasant Women. – N.-Y., 1992. – P. 189-205.

07.00.02

А.И. Кортунов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
Институт исторического и правового образования, кафедра Отечественной истории,
Уфа, kortunov@rambler.ru

ПРОШЕНИЯ МЕЩЕРЯКОВ О ЗАЧИСЛЕНИИ В СОСТАВ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В работе проводится анализ прошений мещеряков о зачислении в состав Оренбургского казачьего войска, датированные первой половиной XIX в. В исторической литературе это первый опыт их специального исследования. Особое внимание автор уделяет фактической содержательности данных источников и их значимости для исследователя. Исследуемые источники позволяют выявить новые исторические факты, связанные с историей мещеряцкого народа.

Ключевые слова: зачисление, служба, мещеряки, Оренбургское казачье войско, Южный Урал.

Особую часть военной истории Южно-Уральского региона последних нескольких столетий составляет история иррегулярных войск. После принятия башкирами русского подданства и проведения важной по своему значению Оренбургской экспедиции здесь формируются несколько казачьих и национальных войск (Яицкое, Оренбургское, Башкиро-Мещерякское и др.). Большинство иррегулярных военных образований на Южном Урале было создано российским правительством для специальных целей (в основном для налаживания постоянной и качественной охраны Оренбургской пограничной линии).

В XVIII в. российское правительство уже осознало особое значение казачества в процессе расширения и укрепления границ государства, поэтому процесс освоения Россией Южного Урала сопровождался формированием здесь казачьего контингента. Отсутствие в регионе обширной этносоциальной казачьей базы было компенсировано тем, что государство впервые по собственной инициативе законодательным путем учредило на территории вновь образованной Оренбургской губернии Оренбургское иррегулярное войско.

Этноконфессиональное многообразие Оренбургского края предопределило полиэтнический состав войска. Первый штат, утвержденный в 1755 г., состоял из 5877 служащих казаков, среди которых были: местные городовые казаки и дворяне, исетские казаки, калмыки, малороссияне, нагайбаки, мещеряки, чуваша, мордва и др. Точный национальный состав оренбургских казаков середины XVIII в. определить довольно трудно, имеются только примерные данные. [1]

Известный дореволюционный историк Оренбургского казачьего войска Ф.М. Стариков в своей работе «Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска...» писал, что в середине XVIII в. оренбургское казачество состояло на пятьдесят процентов из природных, потомственных казаков края, на двадцать пять процентов из казаков-малороссиян, станичных и городских, переведенных на Оренбургскую пограничную линию с Симбирской, Корсунской и других линий. Оставшаяся четверть войска состояла из нагайбаков, татар, калмыков, мещеряков и русских крестьян. [5, с. 74-76]

Целью нашего исследования является анализ прошений мещеряков о зачислении в Оренбургское казачье войско, датированных первой половиной XIX в. В российской историографии данная проблема не получила должного освещения ввиду как раз не разработанности многих письменных источников, в частности находящихся на хранении в исторических архивах. Отметим, что до настоящего времени не публиковалось специальных

научных работ, посвященных анализу прошений инородцев о зачислении в состав Оренбургского войска.

При первом поверхностном изучении выделенного комплекса источников становится ясно, что в Оренбургском казачьем войске на службе находились в основном крещеные мещеряки, принявшие православную веру и получившие новые фамилии. Например, в Государственном архиве Оренбургской области (в фонде 6) мы обнаружили дело, датированное маем 1801 г., о причислении мещеряка Петрова к казакам г. Уфы [2] и др.

Но как оказалось это лишь единичные случаи. Групповые зачисления инородцев в Оренбургское казачье войско начинаются с 1830-х гг., когда проводится активная работа по систематизации охраны Оренбургской пограничной линии и выделения казакам земель вдоль границы на всем ее протяжении. Не желая уезжать с обжитых территорий и терять свой военный статус, многие жители приграничных территорий подавали прошения о зачислении их в казачье сословие и оставлении на прежних местах жительства. Именно в такую ситуацию попали мещеряки.

Отдельный блок архивных источников составляют групповые и единичные прошения мещеряков о зачислении в Оренбургское казачье войско, датированные 30-50-ми гг. XIX в. Основная группа подобных документов находится на хранении в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (в фонде И-2), в частности: «Дело по прошению Уфимского уезда 3-го мещеряцкого кантона деревни Каратековой урядника Абдулминаея Абдулмезитова, мещеряков Зейняш Абдулсалимова с товарищами о причислении их в числе 52 душ из настоящего места жительства Оренбургского уезда на реку Илек (1831-1832 гг.). Переселение разрешено, а зачисление в войско не произошло» [7]; «Дело по просьбе мещеряка 2-го кантона, деревни Карагушевой, Ильяса Бикташева о причислении его с товарищами в числе 28 душ в Оренбургское казачье войско (1846 г.). Отказано без причин» [8] и др.

Особую группу составляют прошения от мещеряков, находящихся в составе 24-го и 25-го кантонов (по реформе кантонной системы управления в Башкирии в 50-х гг. XIX в. мещеряки 3 и 4 мещеряцких кантонов вошли в состав 24 и 25 башкирских кантонов), о зачислении их в Оренбургское войско, датированные 1859-1862 гг. Жители этих кантонов просили переселить их целыми селениями в Новолинейный район Оренбургского казачьего войска в окрестности Ябук-Карагайского леса (современное название – Джабык-Карагайский бор, расположен в Карталинском районе Челябинской области), по рекам Хаят (современное название – Аят), Тугузак (Нижний Тогузак) и Бадбахты (Бахта) с последующим зачислением в состав Оренбургского войска. В прошении им было отказано.[9]

В Российском государственном историческом архиве (в фонде 383) обнаружено отдельное прошение, поданное мещеряками, проживающими в 24-м башкирском кантоне в деревне Ерминой, Нижней Тюрмя, Сафаровой и Идрякбашиной. Документ датирован сентябрем 1859 г. и переведен с татарского языка. [3]

В данном источнике мещеряки сообщают, что на службе у русских царей находятся с давних времен. В прошении говорится, что: «...будучи в 1844 г. отставленными от нашей службы, мы впали в уныние как будто бы душа оставила тело, тосковали о верной службе, мечтая о том, когда она к нам возвратиться. Государь Император не забыл усердной службы предков наших и 14 Августа 1848 г. Высочайше разрешить соизволил: желающим из Мещеряков переходить в Оренбургское или Уральское войско. Будто душа возвратилась в наши трупы, так мы обрадовались возвратиться в службу предков наших и в следующем же 1849 г. подали прошение Г. Военному Генерал-Губернатору, прося причислить нас к Оренбургскому казачьему войску и переселить с семействами в Троицкий уезд в окрестности так называемого Ябук-Карагайского леса по рекам Хыять и Тугузак... ». [3] Ответа на данное прошение не последовало.

Также в РГИА (в фонде 1284) находится на хранении дело «о мещеряках деревни Ахуновой находящихся на Оренбургской линии». [4] Основание поселку Ахуновскому положил в 1777 г. мещеряк Шадринского уезда Пермской губернии Абдулла Дашаев,

носивший духовный сан ахуна, с товарищами в числе 42 семейств. Деревня эта по сану своего основателя получила название «Ахуновой». [6, с. 44]

В источнике сообщается, что: «в 1828-м году поверенный от чиновников... изъяснял, что деревня Ахунова, состоящая на принадлежащей им по размежеванию земле, отстоит от Оренбургской линии в 25-ти верстах, жителей их всего чиновников и рядовых 278 душ ..., и что они издавна наравне с башкирцами несли линейную службу, равно земские и все другие повинности исполняли всегда безостановочно, но в июне 1827 г. бывший Оренбургский Военный Губернатор Генерал Эссен предписал вступить им в сословие Оренбургского казачьего войска, угрожая в противном случае лишением их собственной земли...». [4]

Далее говорится, что в начале 30-х гг. XIX в. Оренбургский Военный Губернатор Сухтелен настаивал на их переводе в Оренбургское казачье войско, доказывая, что разорение для них в этом не будет с добавлением к ним русских казаков. Дело заканчивается 1834 г. и решения по причислению или переселению мешеряков на новые земли не было принято. [4]

Продолжение тяжбы по переводу жителей деревни Ахуновой в казачье сословие обнаружено в ЦИА РБ. В частности в «Деле по рапорту управляющего Башкиро-мешерякским войском и обращении деревни Ахуновой в Оренбургское казачье войско (1847-1852 гг.)» сообщается, что в деревне Ахуновой с 40-х гг. проживало более ста русских казаков, переселенных сюда с внутренних оренбургских казачьих кантонов. Также говорится о коллективном прошении жителей деревни, которые наконец-то изъявили желание остаться на прежних местах жительства и перейти на службу в Оренбургское казачье войско. Опять же к 1852 г. данное дело не было решено положительно. [10]

Таким образом, можно утверждать, что значение комплекса источников – прошений мешеряков о зачислении в состав Оренбургского казачьего войска, имеет определенную историческую ценность. По исследованным архивным материалам мы можем определить датировку прошений, территориальную принадлежность просителей, их численность, причины подачи просьб о зачислении в казачье сословие, законодательные источники, связанные с увеличением численности Оренбургского войска, причины зачисления в казачье сословие или отказа в прошении и др.

Проблемной стороной в изучении обозначенного комплекса источников является их разбросанность по различным региональным и центральным архивам Российской Федерации (ГАОО, РГИА, ЦИА РБ и др.). Также отметим, что исследованные документы, к сожалению, не дают полной картины процесса зачисления мешеряков в состав Оренбургского казачьего войска в 30-50-х гг. XIX в., что способствует продолжению поиска в данном направлении.

Список литературы

1. *Витевский В. Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: в 3 т. Т.1. – Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. – 292 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф.6 Оп.2 Д.711/1. Л.1.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф.383 Оп.31 Д.60 ЛЛ.3об.-5.
4. РГИА Ф.1284 Оп.232 Д.1 ЛЛ.34-35.
5. *Стариков Ф. М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте Оренбургских казаков. – Оренбург: Типография К. Бреслина, 1891. – 249 с.
6. *Стариков Ф. М.* Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. – Оренбург: Тип. К. Бреслина, 1891. – 77 с.
7. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ) Ф.И-2. Оп.1. Д.3015.
8. ЦИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.5638.
9. ЦИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.10143. ЛЛ.1-18об.
10. ЦИА РБ. Ф.И-2. Оп.1. Д.5952. Л.1.

07.00.02

О.Ю. Лютых

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
кафедра экономической теории и управления,
Красноярск, oleg.lyutykh@yandex.ru

РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В 2008-2012 ГГ.

В статье анализируется процесс реформирования политической системы России в период 2008-2012 годов. В статье представлены предварительные выводы результатов реформирования, дана характеристика современной политической системы страны.

Ключевые слова: *модернизация, политические реформы, гражданское общество, новейшая история России.*

Избрание президентом РФ Д.А. Медведева в 2008 году создало новую политическую ситуацию в российском обществе: произошло разделение власти между фактическим национальным лидером В.В. Путиным и президентом РФ Д.А. Медведевым.

Лидеры Российского государства проявляли озабоченность состоянием политической системы, которая, по словам Д. Медведева, должна была стать более справедливой, отвечающей интересам, как правящей партии, так и политической оппозиции.

Осознание технологической отсталости, фиксация стагнации культурной и социально-экономической жизни, нарастание протестных настроений привело к процессу реформирования, получившего названия «модернизации». Модернизация была призвана решить целый комплекс насущных вопросов, в первую очередь привести политическую систему в соответствие с современным уровнем экономического развития, преодолеть накопившиеся в предшествующие годы негативные тенденции и последствия.

Но политическая модернизация предполагает выполнение ряда условий: рационализацию государственной власти, формирование культуры власти, содержание которой состоит в выстраивании конструктивных, уважительных отношений с обществом, отдельными социальными группами и их представителями. Речь идет о приближении государственной власти к нуждам общества, повышении эффективности функционирования власти и специализации ее функций; дифференциации государственных структур, обусловленной специализацией их функций; увеличении совокупного объема политической власти как следствие вовлечения в политическую сферу новых больших групп населения[6]. Кроме того, модернизация должна осуществляться системно в соответствии с ранее разработанной программой реформ.

Целью написания данной работы является попытка системного анализа реформирования политической системы российского общества в период 2008-2012 гг. Хронологические рамки исследования совпадают с пребыванием Д. Медведева на посту Президента РФ.

Программой, рассчитанной на долгосрочную перспективу, стала статья Д. Медведева «Россия, вперед!». В ней глава государства изложил ряд важных аспектов развития российского общества. Д. Медведев обратил внимание на примитивный характер отечественной экономики, связанной с сырьевым сектором, хроническую коррупцию, низкую конкурентоспособность, острые демографические проблемы, слабость гражданского общества и неэффективность самоуправления. Президент РФ верно расставил акценты, самокритично выявил слабые места и упущения в ходе реформирования: «Мы сделали далеко не всё необходимое в предшествующие годы, далеко не всё сделали правильно»[4].

Д. Медведев поставил ряд важных стратегических задач по преодолению отсталости страны в различных областях: преодоление вековой экономической отсталости, коррупции, достижение межнационального мира, развитие демократических институтов и др.

Пожелания хорошие. К этим пожеланиям надо было добавить целенаправленную политическую волю, но все осталось на прежних местах. Отсутствовал в статье Д. Медведева и механизм достижения поставленных стратегических задач, а без формирования такого механизма невозможно добиться эффективных результатов реформирования.

Отсутствие у Д. Медведева реальных рычагов государственной власти привело к тому, что большинство его начинаний так и осталось либо нереализованными, либо свелось к частичным реформам, таким, как переименование милиции в полицию.

В связи с нерешенностью выдвигаемых задач в области преобразований в российском обществе стали нарастать негативные тенденции и явления, на которые руководство государством хотя и реагировало, но не добивалось ощутимых результатов в их устранении. Такое состояние власти и общества привело к тому, что слова лидеров государства стали все больше расходиться с реальной действительностью, отрываясь от нее.

На негативные тенденции в российском обществе обратили внимание ученые. По мнению В.Б. Пастухова, Россия к этому времени напоминала СССР «эпохи упадка». «Перед нами вялое общество, управляемое изможденным государством. Население преимущественно пребывает в «политически бессознательном» состоянии, а замеры общественного мнения с регулярной повторяемостью фиксируют утрату гражданами всякого интереса к политике. Все это напоминает состояние советского общества времен «позднего застоя»[9].

Подобное положение общества было вызвано монополизацией государственной власти со стороны правящей партии «Единая Россия», использованием административного ресурса в целях удержания политической власти, отсутствием в обществе конструктивной политической оппозиции, плюрализма идей и мнений, конкурентной политической среды, сокращением демократического пространства.

Застойные явления в политической системе общества были порождены также сохранением и усилением роли кланов в государственном руководстве. «Клановая структура в России до сих пор господствует над политической», - считает Б.В. Межуев[7]. Клановая структура заинтересована в сохранении существующего политического режима, обеспечивающего членам кланов доступ к природным ресурсам страны и получению на этой основе максимальных прибылей. Находящиеся у власти кланы не заинтересованы в проведении экономической и политической модернизации, в изменении политической системы, в осуществлении эффективным реформ. Единственный их интерес - сохранить существующее положение дел, монополию на власть.

В ряду проблем, решавшихся государством в ходе преобразований социально-политической сферы, выдвигался вопрос о формировании механизма контроля за деятельностью государства со стороны общества, т.е. о становлении гражданского общества. Гражданское общество является необходимым атрибутом демократического государственного и общественного устройства. Необходимо осуществлять эффективный контроль над действиями властных структур начиная с принятия решений до практической их реализации. Без такого контроля невозможно построить провозглашенное в Конституции РФ правовое государство, зрелое гражданское общество.

Однако на практике указанные выше предложения Д. Медведева остались по ряду причин нереализованными. Главная из этих причин состояла в том, что фигура Д. Медведева, в конечном счете, оказалась несамостоятельной в политическом плане, отражением более сильного, опытного и влиятельного лидера, каким является В. Путин. Надежды на углубление либеральных реформ со стороны части российского общества провалились, особенно после объявления Медведевым и Путиным о своей давней договоренности относительно следующего президентского цикла. Оказалось, что Д. Медведев только замещал вакантное президентское кресло на четыре года, чтобы затем передать его Путину. Медведев в этих обстоятельствах был лишен возможности реально влиять на политический курс страны[5].

В целом в российском обществе в период 2008-2012 годов продолжали нарастать авторитарные тенденции, свертывание и без того слабых демократических начал.

В. Пастухов в этой связи отмечает: «Российский авторитаризм «атипичен» по своей природе и внутренне нестабилен. С одной стороны, Россия выглядит как классическое «недоразвитой государство» с характерным для него слабостью институтов, господством патерналистских отношений между властью и обществом, коррупцией, протекционизмом и приоритетом обычного права перед писанным. С другой стороны, в исторический код России встроен уникальный «ген развития», который в критических ситуациях, в отличие от типичных «недоразвитых государств» Азии, Африки и Латинской Америки, включает механизм самообновления системы»[8].

Передача власти от Ельцина Путину в 2000 году и от Путина Медведеву в 2008 году стала лишь формальным демократическим волеизъявлением народа. Российское общество проявило удивительно равнодушное отношение к свертыванию реальной демократии в стране. Одной из причин такого состояния, на наш взгляд, стало отсутствие прочной демократической традиции в государстве. По данным социологов, 48 % респондентов не считали Россию демократическим государством [2]. Социологи отмечали также низкий уровень интереса большинства российских граждан к политической жизни и политическим институтам (выборы, политические партии, свобода слова, парламент)[3]. Одной из причин гражданского протеста зимой 2011 года стало обнародование предварительной договоренности относительно рокировки Путина и Медведева на высших государственных постах в сентябре 2011 года. Фраза «сядем и договоримся» прозвучала как издевательство и над системой равного, тайного избирательного права, и над Конституцией, и над правами граждан.

При этом важно подчеркнуть, что политическая система российского общества все же претерпела определенные изменения в сравнении с началом 2000-х годов. И.М. Бусыгина и М.Г. Филиппов, определяя характер современного политического режима, считают его переходной гибридной формой, сочетающей элементы авторитаризма и избирательной демократии [1]. Подобного рода гибридные режимы, по их мнению, менее устойчивы в сопоставлении с последовательно авторитарными или либеральными демократическими режимами.

Данный тезис можно принять в его основных положениях. Важно подчеркнуть тенденцию дальнейшего свертывания демократических элементов и укрепления авторитарных начал в политической системе, которая по-прежнему является максимально закрытой от общества.

Список литературы

1. Бусыгина И.М. Политическая модернизация в России как условие роста ее международного влияния / И.М. Бусыгина, М.Г. Филиппов // Полис.- 2010.- № 5.- С.97.
2. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред.М.К. Горшкова и др.- М.: Весь мир, 2011.- С. 183.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред.М.К. Горшкова и др.- М.: Весь мир, 2011.-С.318.
4. Известия.- 2009.- 11 сентября.
5. Иноземцев В.Л. Перспективы развития России в новом политическом цикле / В.Л. Иноземцев//ПОЛИС.-2012.-№3.-С.7.
6. Масарский М.В. Неустойчивость порядка: очерки философии истории / М.В. Масарский.- М.: РОССПЭН52010.-С.490.
7. Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России / Б.В. Межуев // ПОЛИС.- 2010.- №6.-С.17.
8. Пастухов В.Б. «Перестройка» - второе издание. Революция и контрреволюция в России / В.Б. Пастухов // ПОЛИС.- 2011.- №1.- С.7.
9. Пастухов В.Б. «Перестройка» - второе издание: Революция и контрреволюция в России / В.Б. Пастухов // ПОЛИС.- 2011.- № 1.- С. 19.

07.00.06

К.В. Моряхина

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
исторический факультет, кафедра древней и средневековой истории России,
г. Пермь, kmoreyaxina@mail.ru

ПЕРСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ УСЬВИНСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ЛОМОВАТОВО-РОДАНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ¹

В статье представлены результаты исследования перстяных украшений памятников юго-восточного варианта ломоватово-родановской общности: классификация, техника изготовления, химический состав изделий. Были сделаны выводы об особенностях перстяных украшений данного региона.

Ключевые слова: перстяные украшения, ломоватово-родановская общность, средневековье.

Средневековые памятники, расположенные в бассейне р. Чусовой и ее притоков, принято объединять в юго-восточный вариант ломоватово-родановской общности. Данные памятники компактно расположены и несколько обособлены от остальных средневековых памятников Пермского Предуралья. По мнению С. Л. Островского, особенность этой группы памятников проявляется в погребальной обрядности: прямоугольные могильные ямы, расположенные рядами; погребения ориентированы ногами к югу; отмечаются следы культа огня; богатый и разнообразный инвентарь (керамика, бусы, ножи, погребальные маски и др.) [6].

Юго-восточный вариант ломоватово-родановской общности можно разделить на девять территориальных групп. Наиболее изученная группа – Усьвинская. В нее входят такие памятники, как Саламатовское I, II городища, селище и могильник Телячий Брод, Антыбарский могильник, городище Лисьи Норы. Памятники Усьвинской группы датируются VIII-XIII вв.

В исследовании были рассмотрены перстяные украшения Саламатовского I городища, селища и могильника Телячий Брод, Антыбарского могильника. Всего было рассмотрено 40 экземпляров.

Важными признаками при составлении классификации ювелирных изделий являются форма и технология изделия, т.к. они позволяют выявить возникновение и развитие состава и форм ювелирных украшений во времени и пространстве [7].

В классификации перстяных украшений отделы выделены по наличию щитка, типы в зависимости от технологии изготовления изделия, подтипы – от формы. Декор является второстепенным признаком, и на основе него выделяются варианты.

Химический состав изделий был определен на рентгенофлуоресцентном анализаторе BRUKER S1 SORTER.

Отдел А – Бесщитковые (15 экз.).

Тип 1 – Литые (7 экз.).

Подтип 1.1 – Псевдовитые (3 экз.; рис 1/5).

Данные перстни были сначала отлиты, а затем на них нанесены насечки. Перстни такого типа были широко распространены у славянских племен в XI-XIV вв. Выполнены они были либо из свинцово-оловянистого сплава, либо из оловянистой бронзы. По мнению М. В. Седовой, такие перстни являются славянским этномаркером [10].

Подтип 2.1. – Кольцеобразные, округлые в сечении (4 экз.; рис. 1/11).

¹ Материал подготовлен при поддержке проекта 050-М Программы стратегического развития ПГГПУ

Материал – бронза, свинцово-оловянный сплав. Подобные изделия встречаются в Новгороде в слоях XI-XII вв., в вымских могильниках XI-XIV вв. [9].

Тип 2 – Спиральновитые, сделанные из проволоки (4 экз.).

Изготовлены из проволоки, сложенной в несколько рядов вокруг округлой болванки. Материал – свинцово-оловянный сплав, серебро. Спиральновитые перстни широко распространены в Пермском Предуралье (Анюшкар, Рождественский могильник, памятники Верхней Камы) [2], у финно-угров и балтов X-XI вв, в Новгороде в слоях XI-XIII вв. [10], у мордвы [11], в вымских могильниках XI-XIV вв. [9].

Тип 3 – Витые (3 экз.)

Подтип 3.1 – Витой из двух проволок (1 экз.)

Двойной витой перстень со сканной перевитью. Материал – оловянная бронза. Подобные перстни встречаются в Новгороде в слоях XI-XII вв., в древностях Прибалтики, Скандинавии XII-XIII вв. [10].

Подтип 3.2 – Крученный (2 экз.)

Крученный перстень из одной проволоки вокруг своей оси. Материал – оловянная бронза. Аналогические перстни встречаются в вымских могильниках XI-XIV вв. [9].

Тип 4 – Кованный пластинчатый (1 экз.; рис. 1/20)

Материал – свинцово-оловянный сплав. Аналогичные перстни известны на Рождественском могильнике, на городище Анюшкар [2], в вымских могильниках XI-XIV вв. [9], на Белоозере на памятниках X-XIII вв. [5].

Отдел Б – Щитковые (25 экз.).

Тип 1 – Цельнолитые (15 экз.).

Подтип 1.1 – С прямоугольным щитком (1 экз.; рис. 1/13)

Щиток орнаментирован окружностью с полушарными выступами с зачерненным фоном, на боковых гранях композиции в виде треугольников. Подобные перстни распространены на территории Волжской Булгарии в домонгольский период и, по мнению А. М. Белавина, отсюда они поступали на территорию Пермского Предуралья [1].

Подтип 1.2 – С овальным щитком (8 экз.)

Вариант 1 – Орнаментированные псевдозернью по краям и по центру (2 экз.; рис. 1/18). Аналогичные перстни встречаются на Деменковском могильнике [4], в Белоозере на памятника X-XIII вв. [5].

Вариант 2 – Орнаментированные тонкими линиями, расходящимися веером (3 экз.; рис. 1/1). Линии процарапаны. Боковые грани могут быть украшены выступами. Материал – оловянная бронза. Подобные перстни известны в Пермском Предуралье, например, на могильнике Модгорт, который датируется XII-XIII вв. [12].

Вариант 3 – Орнаментированный знаком бесконечности (1 экз.; рис. 1/6). Материал – оловянная бронза.

Вариант 4 – Орнаментирован двумя монограммами буквы «N» (1 экз.; рис. 1/4). Материал – оловянная бронза. Перстни с подобным орнаментом известны в вымских могильниках XI-XIV вв. [9].

Вариант 5 – Орнаментированный четырех лепестковой розеткой (1 экз.; рис. 1/7). Материал – свинцово-оловянный сплав. Подобные перстни встречаются в Новгороде в слое XIII-XIV вв., сделанные из того же материала [10].

Подтип 1.3 – С шестиугольным щитком (5 экз.).

Вариант 1 – Орнаментированный треугольниками по бокам щитка и циркульным орнаментом по центру и в треугольниках (2 экз.; рис 1/14).

Вариант 2 – Орнаментирован шестиугольником внутри щитка (3 экз.; рис. 1/15). Перстни такого типа получили широкое распространение на Средней Волге с XII в. [8].

Подтип 1.4 – С восьмиугольным щитком (1 экз.; рис. 1/16).

Щиток орнаментирован по центру восьми лепестковой розеткой. На боковых гранях орнамент в виде ромбов и перекрестий.

Тип 2 – Вырезанные из пластины с прямоугольным щитком (7 экз.).

Изделие вырезано из тонкого листа металла по шаблону, после чего душки перстня были загнуты. У таких изделий душки зачастую ломаются у основания щитка, либо гнуться.

Подтип 2.1 – Неорнаментированные (3 экз. рис. 1/3).

Материал – оловянно-свинцовая бронза, оловянная бронза, медь. Подобные перстни встречаются в материалах Новгорода в слоях XI-XII вв. [10].

Подтип 2.2 – Орнаментированные (4 экз.).

Вариант 1 – С зигзагообразным орнаментом по периметру щитка (1 экз.; рис. 1/8). Орнамент представляет собой лабиринт из зигзагообразных линий. Орнамент нанесен по технике чеканки. Материал – бронза.

Вариант 2 – С шестью крестообразными линиями (1 экз.; рис. 1/2). Орнамент процарапан. Материал – оловянная бронза. Изделия с крестообразным орнаментом известны в Плотниковском могильнике и датируется XIII в. [3], в вымских могильниках XI-XIV вв. [9].

Вариант 3 – Орнаментированный плетенкой (2 экз.; рис. 1/21). Щиток орнаментирован двумя пересекающимися волнистыми линиями (плетенка), по периметру щитка расположена рубчатая ленточка, боковые грани украшены треугольниками. Орнамент нанесен чеканом. Материал – оловянно-свинцовая бронза, серебро. Перстень из серебра, несмотря на то, что разломан на несколько частей, выполнен качественнее, чем бронзовый. Изделия с орнаментом по типу плетенки известны в Плотниковском могильнике [3], в вымских могильниках XI-XIV вв. [9]. Данные перстни датируются XIII-XIV вв.

Тип 3 – Кованные с прямоугольным щитком (2 экз.).

Все изделия данного типа орнаментированные. Орнамент нанесен по технике чеканки.

Вариант 1 – Орнаментированные волнистыми линиями (1 экз.; рис. 1/12). Линии расположены вдоль щитка шестью линиями. Материал – серебро. Подобные изделия известны на памятниках Волжской Булгарии и датируются XI-XIII вв. [1].

Вариант 2 – Орнаментированный галочками (1 экз.; рис. 1/19). Орнамент нанесен хаотично. Возможно, изделие наделано. Материал – серебро.

Тип 4 – Изделия со щитком в виде серебряного полушария, украшенного сканью и пирамидками зерни (1 экз.; рис. 1/10)

На щиток в виде серебряного полушария из тонкого листа (на «колпачок») припаивались скань и зернь. Изделия сохранилось фрагментарно, поэтому была ли вставка из камня или стекла заключить невозможно. Материал – серебро. Подобные «колпачки» широко распространены в памятниках Пермского Предуралья XI в., например, на могильниках Степаново Плотбище, Огрудинский, Рождественский, Бояновский. Аналогичные изделия встречаются в Приобье и на Вычегде [2].

Украшениям рук, найденные на памятниках Усвинской группы, имеют свои особенности. Первое, что необходимо отметить, это частая встречаемость перстных украшений, которая не свойственна для других одновременных памятников Пермского Предуралья. Второе – это преобладание в данной группе памятников перстней над браслетами, что также не свойственно для средневековых памятников Пермского Предуралья. Такая ситуация характерна и для памятников вымской культуры XI-XIV вв. (республика Коми) [9].

Большинство перстных украшений памятников Усвинской группы датируются XI-XIII вв. Изделия в основном изготавливались из оловянной бронзы и свинцово-оловянных сплавов. В Восточной Европе данные сплавы использовались для изготовления перстней, найденных в слоях XII-XIII вв. [13], и что соответствует датировке перстней с памятников Усвинской группы.

Перстные украшения, так же как и другие ювелирные украшения с данных памятников, тяготеют к Новгородским и Вымским изделиям XI-XIV вв.

Список литературы

1. Белафин А.М. Камский торговый путь. – Пермь: ПГПУ, 2000. – с. 103-104.
2. Белафин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – с. 368-369.
3. Брюхова Н.Г., Лычагина Е.Л., Руденко К.А. Перстни Плотниковского могильника (по материалам раскопок 2010 г.) // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2010. – Вып. 3. – с. 4-6.
4. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: ИрГУ, 1985. – с. 36.
5. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере X—XIII вв. – М.: Наука, 1973. – с. 136-143.
6. Островский С.Л. Археологические памятники юго-восточного локального варианта ломоватово-родановской общности. История и проблемы комплексного изучения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2003. – Вып. 3. – с. 118-122.
7. Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: дис. канд. ист. наук. – Казань, 2009. – с. 39.
8. Руденко К.А. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI-XIV вв. // Новые исследования по археологии Поволжья и Приуралья. Материалы полевого симпозиума. – Ижевск, Глазов, 1999. – с. 100.
9. Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – с. 128-129.
10. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука, 1981. – с. 122-135.
11. Смирнов А.П. Очерки по древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – 1952. – № 28. – с. 124.
12. Спицын, А.А. Древности камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. – 1902. – №26. – Табл. XV.
13. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А.А. Коновалов, Н.В. Енисосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – с. 41.

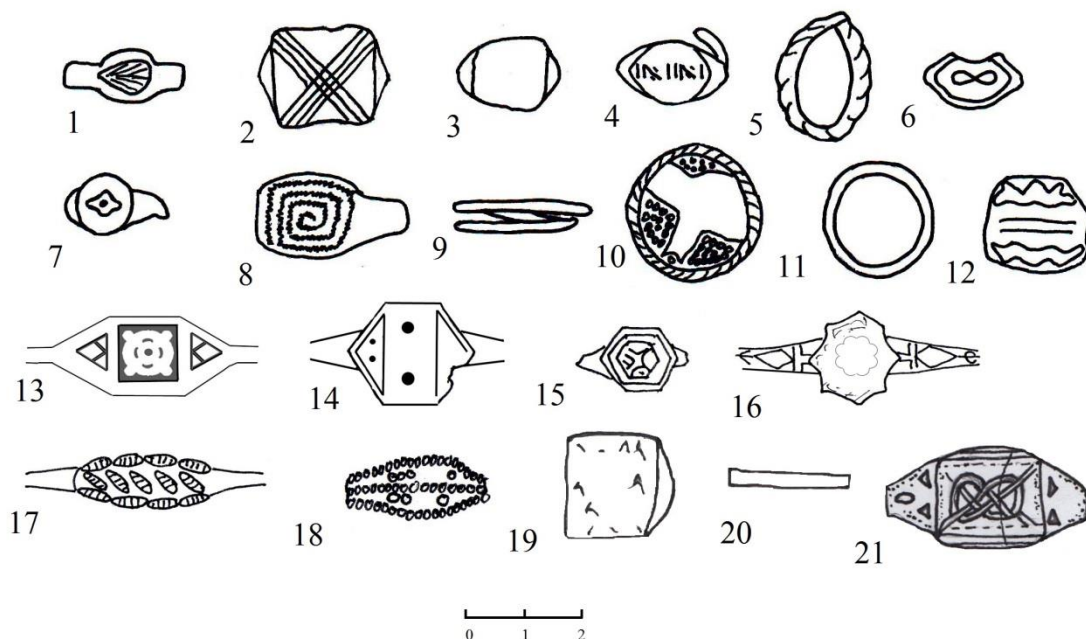

Рис. 1. Перстни Усвинской группы памятников.
1-12, 20, 21 – Телячий Брод; 1, 9, 13-18 – Саламатово; 5, 9, 11, 19 – Антыбары

07.00.03

А.К. Ситдикова, Б.М. Ягудин

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений, истории и востоковедения,
кафедра зарубежной истории и регионоведения,
Казань, asitdikova@yandex.ru, b.yagudin@gmail.com

КУРДСКИЙ ВОПРОС И ПОПЫТКА ЕГО РЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ А.Х. АЛЬ-БАКРА В ИРАКЕ (1968 – 1979 гг.).

Данная статья посвящена проблеме национально-освободительного движения курдов в Ираке. Прослеживается эволюция отношений Партии Арабского Социалистического Возрождения с Демократической Партией Курдистана во главе с М. Барзани. Освещаются причины неудачной политики правительства А.Х. аль-Бакра по курдскому вопросу.

Ключевые слова: *Ирак, Курдистан, курды, Партия Арабского Социалистического Возрождения (Баас), Демократическая партия Курдистана (ДПК), А.Х. аль-Бакр, М. Барзани, С. Хусейн.*

Курдистан всегда занимал ключевое геополитическое и геостратегическое положение в ближневосточном регионе. Борьба курдов за национальное освобождение всегда делала курдский вопрос актуальной проблемой в Ираке, Иране, Турции и Сирии. Так же он был и острейшим вопросом в мировой политики. А открытие крупнейших запасов нефти в Иракском Курдистане и начало ее добычи в 1930-х гг. еще более актуализировало значение курдского вопроса в мире, особенно в связи с бурным подъемом национального движения.

Свержение иракской монархии в 1958 г. посеяло надежду, как у арабов, так и у курдов на изменение ситуации в стране. Во временной Конституции, принятой 26 июля 1958 г., впервые за все годы существования Иракского государства декларировалось равноправие курдского народа с арабским: «Арабы и курды рассматриваются как партнеры, и их национальные права в рамках единого Ирака гарантируется конституцией»[3]. Однако все провозглашённые права курдов оставалось лишь на бумаге, а непоследовательная политика правительства А.К. Касема стала причиной начала войны между курдами и правительственными войсками Ирака. Ничего не изменилось и после переворотов 1963 г. Багдад продолжил военные действия в Курдистане. Сам президент А.С. Арэф в одной из своих речей прямо заявил: «Мы не отдадим ни пяди земли нашей родины, арабская родина останется для арабов»[5, 232]. Поэтому к 1968 г. курдский вопрос не был решен мирным путем, а война, начавшая еще в 1961 г., приняла затяжной характер и не привела к победе ни одной из сторон.

17 июля 1968 г. произошел очередной государственный переворот. К власти вторично пришли баасисты. Правительство А.Х. аль-Бакра сразу же изложило программу своих действий, в которой одним из основных пунктов стояло мирное решение курдского вопроса[1]. Баасистам необходимо было укрепить свои позиции во власти и стабилизировать положение в стране. По предшествующему опыту было очевидно, что без решения «хронической проблемы Севера», серьезные политические шаги нового правительства были обречены на провал. Но самое главное в том, что курдский вопрос угрожал Ираку как единому государству, поднимая вопрос о распаде страны на три части — курдскую, шиитскую и суннитскую. Это, в свою очередь, превратило бы Ирак в нечто нежизнеспособное, учитывая, что примерно две трети нефтедобычи и нефтезапасов страны приходился на территорию, заселенную преимущественно курдами[2]. С другой стороны многолетние военные действия отрицательно сказались на курдских районах, на их экономике, финансовом положении[7]. Поэтому обе стороны были заинтересованы в

ведении переговоров. А.Х. аль-Бакр специально назначает заместителя председателя Совета Революционного Командования и вице-президента Саддама Хусейна специальным представителем иракского руководства для «ведения дел» с курдами. Долгие и трудные переговоры закончились подписанием 11 марта 1970 г. С. Хусейном и лидером курдов М. Барзани соглашения о мирном урегулировании курдского вопроса – так называемый «Мартовский манифест» («Программа 11 марта»)[5, 287]. По нему за курдским народом признавалось право на автономию. Также курдам предоставлялось право участие в законодательных органах государства, одним из вице-президентов должен был быть избран курд. Предполагалось, что конкретно закон об автономии будет разработан в течение четырёх лет.

Однако сразу после заключения соглашения возникли вопросы, по которым стороны вряд ли могли договориться. Например, одним из самых спорных вопросов было определение административных границ курдского района. Речь шла прежде всего о Киркуке, одном из крупных нефтяных центров в Ираке, дающим 2/3 нефтедобычи страны. Согласно соглашению 11 марта, вопрос о включения Киркука в арабскую или курдскую зону должен быть решен путем проведения переписи населения провинции. В связи с этим возникала сложная проблема возвращения курдского населения в те районы, откуда оно было выселено во время военных действий.

Ситуация в регионе опять стала накаляться. Лидер курдского национально – освободительного движения Мустафа Барзани и члены Демократической Партии Курдистана (ДПК) относились с недоверием к правительству А.Х. аль-Бакра, ведь Багдад до этого уже не раз обманывал ожидания курдов. М. Барзани давно уже понял, что провал курдских восстаний в первой половине XX в свидетельствовал о том, что без активной поддержки извне практически невозможно было бы добиться успеха в борьбе за национальную автономию. ДПК активно начала вести переговоры о сотрудничестве с Ираном (шах Ирана тайно покровительствовал курдам еще с 1963 г., надеясь с их помощью пересмотреть невыгодные для него условия пограничного договора с Ираком). После подписания в апреле 1972 г. Багдада с Москвой Договора о дружбе и сотрудничестве курды обратились за помощью к США. Американцы незамедлительно отреагировали. Уже в мае 1972 г. Ричард Никсон утвердил план ЦРУ, предусматривающий передачу М. Барзани на протяжении трех лет 16 миллионов долларов[4]. В обмен М. Барзани, по некоторым данным, обещал США установить контроль над нефтяными месторождениями Киркука и предоставить их в концессию американским компаниям[9].

Четырехлетний срок подходил к концу, а никакого определенного соглашения об автономии так и не было выработано.

Но 11 марта 1974 г. правительство А.Х. аль-Бакра, безо всякого согласования с курдами, опубликовало закон о предоставлении автономии Курдистану (Закон № 33)[6]. Этот закон был первым законодательным актом в истории Ирака, признающим автономию курдов. Тем не менее, в Курдистане данный закон в большинстве своем вызвал отрицательную реакцию. Недовольство было вызвано тем, что значительная часть Курдистана, а именно нефтеносные районы Киркук, Ханекина, Шангала оказывалась вне автономии.

В марте 1974 г. началась очередное курдское восстание, которое в 1975 г. было подавлено правительственными войсками. Поражение курдов можно связать с тем, что в 1975 г. между Ираком и Ираном было заключено Алжирское соглашение, по которому были пересмотрены правила навигации по реке Шатт-эль-Араб и удовлетворены все пограничные притязания Ирана. Взамен, шах обещал Ираку прекратить поддержку курдов.

После подавления восстания правительство А.Х. аль-Бакра с 1975-1979 гг. предприняло ряд мер по ликвидации возможностей его возобновления. Во-первых, баасисты попытались изменить национальный состав Иракского Курдистана. Для этого начался процесс переселения курдов в южные и центральные районы Ирака. Для высланных курдов иракские власти создали специальные «жилые комплексы», которые охранялись вооруженными

отрядами. К началу 1979 г. число насильственно изгнанных из родных мест достигло 700 тыс. человек[8].

Во-вторых, в пограничной полосе с Турцией и Ираном создавался так называемый арабский пояс шириной 25 км для прекращения контактов между курдами Ирака, Ирана и Турции. Но переселение арабов в курдские села привело только к обострению отношений между арабами и курдами.

В третьих, началась массовая чистка среди представителей ДПК. Баасисты начали отстранять от власти даже тех лидеров, которые во время событий 1974-1975 гг. выступали против курса М. Барзани и сотрудничали с Баас.

В четвертых, Ирак начал налаживать отношения с бывшими союзниками по Багдадскому пакту (Ираном и Турцией) и договорился с ними о совместной борьбе в случае «курдской опасности». Так в 1978 г. было заключено ирако-турецкое соглашение, где в ст. 4. прописывалось о координации усилий двух стран в курдском вопросе[8].

Подводя итог, можно сказать, что в течение долгих лет правящие режимы в Ираке не признавали прав курдского народа на самоопределение и курдское национальное движение на долгие годы стало главной проблемой для политического руководства страны. С приходом к власти баасистов во главе с А.Х. аль-Бакром в 1968 г. и подписанием в 1970 г. соглашения о признании прав курдов на национальную автономию дало надежду курдам на решение конфликта мирным путем. Но дальнейшие события показали, что Багдад был не заинтересован в автономии Иракского Курдистана, а принятый 11 марта 1974 г. закон был лишь временной уступкой. Военные успехи в 1975 г. позволили иракскому правительству приступить к реализации политики «арабизации» курдских провинций.

Список литературы

1. Агаев Р.Г. Ирак революция и диктатура: (опыт создания фронта национального единства, 1941 – 1982 гг.). Баку: АН Азербайджана, Ин – т востоковедения, 1991. – С. 53.
2. Андайк Р.Дж. Саддам Хусейн. Политическая биография. Серия: «След в истории». Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – С. 47.
3. Иракская республика. Материалы и документы 1958 – 1959 гг. / сост. А. Бендик. М., 1959.
4. Комаров Д. Барзани и борьба южных курдов / Материалы к 100-летию Мустафы Барзани. - <http://www.kurdistan.ru/Barzani/bar14.htm>
5. Мгои Ш.Х. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958 – 1970). Ереван: Изд – во АН АрмССР, 1977.
6. Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М.: Наука, 1991. – С. 291 – 293.
7. Степанова Н.В. Курдская проблема в Ираке // Аналитические записки НКСМИ. – сентябрь 2005. – № 10. М., 2005. – С. 12.
8. Iraqi Letter. 1979, №1. P. 27-28.
9. Le Monde, 11.07.1974

07.00.02

А.А. Титова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
факультет историко-филологический, кафедра российской истории,
Белгород, shabanova.alesya@rambler.ru

**ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ГОРОЖАН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Статья позволяет расширить представление о влиянии развития образования и образовательного уровня городского населения, в том числе и вчерашних крестьян, на изменение практик провинциальной городской повседневности в условиях модернизационного развития Российской империи на рубеже XIX - XX веков.

Ключевые слова: *Курская губерния, городское население, образование, уровень грамотности, повседневность.*

На рубеже XIX и XX столетий в период активного процесса урбанизации, развития капиталистических отношений и бурного роста экономики потребность в грамотных людях резко возрастает. Уровень грамотности населения являлся своеобразным показателем готовности потенциальных рабочих к деятельности в постоянно совершенствовавшихся отраслях промышленности. В прямой зависимости от уровня и качества образования находились и возможности населения к освоению культурного богатства, к сознательному участию в общественно-политической жизни страны. Образование всегда более востребовано в среде, для которой характерны развитии производительных сил, процессы модернизации.

Новые капиталистические отношения требовали более высокого культурного уровня общества, предполагающего не только распространения элементарной грамотности, но и более глубокую образованность граждан. Это было обусловлено расширением сферы приложения общеобразовательных и специальных знаний в экономике, науке, различных административных и общественных структурах [2, с. 216]. Потребовались «высококвалифицированные рабочие, одновременно интегрированные в систему буржуазной культуры, что привело к переходу от экстенсивного пути овладения знаниями к необходимости интенсивного просвещения» [7, с. 5]. В этот период «...и для правительства и для буржуазии становится явной социально-экономическая необходимость развития различных форм и средств просвещения народа и, наконец, сам народ ощущает настоятельную потребность в новом подходе к образованию и культуре» [7, с. 28].

Одной из главных проблем в этой сфере был низкий процент грамотности среди горожан. В 1897 г. грамотность городского населения всей России составляла 61,1%, из них мужского – 71,0%, женского – 48,5% [4, с. 69]. В городах Курской губернии процент грамотности составлял 39,4%, в том числе среди мужчин грамотных было 63,6%, а среди женщин – 36,4%. Однако если посмотреть грамотность у представителей наиболее активного трудоспособного возраста, то есть исключить из расчета детей до 10 лет, большая часть которых не могла быть грамотной в силу возраста, и людей старше 50, показатели заметно возрастут и составят 53,2% [8, с. 67]. В материалах переписи 1897 г. обращает на себя внимание более широкое распространение грамотности в молодых группах населения (до 30 лет), обучавшихся уже после реформ 60-х гг.

Помимо дворянства и духовенства, которое всегда имели больше возможностей для получения образования, городские сословия, среди которых преобладало мещанство, были более грамотны по сравнению с крестьянством. В городах Курской губернии процент

грамотных среди городских сословий (почетные граждане, купцы, мещане и другие) от 10 до 49 лет составлял 66,4%, а среди крестьянских сословий – 40,3% (табл.). Доминирование крестьян в составе горожан (57,7%) существенно снижало уровень грамотности в городе. Если посчитать уровень грамотности городских сословных групп без выходцев из села, то она соответствовала 74%.

Таблица – Грамотность по сословным группам в городах Курской губернии (по материалам переписи 1897 г.) [8, с. 62-91]

Сословные группы		Насе- ление	%	Грамотных		Неграмотных	
				Абс.	%	Абс.	%
1. Дворяне потомственные и личные, чиновники	Всего	12684	100	10443	82%	2241	18%
	Муж	5769	100	4845	84%	924	16%
	Жен	6915	100	5598	81%	1317	19%
Дворяне от 10 до 49 лет	Всего	8367	100	8906	97%	271	3%
	Муж	4006	100	3955	99%	51	1%
	Жен	4361	100	4141	95%	220	5%
2. Лица духовного звания всех христианских исповеданий	Всего	3481	100	2926	84%	555	16%
	Муж	1881	100	1721	91,5%	160	8,5%
	Жен	1600	100	1205	75%	395	25%
Духовенство от 10 до 49 лет	Всего	2327	100	2525	97%	75	3%
	Муж	1386	100	1376	99%	10	1%
	Жен	941	100	876	93%	65	7%
3. Почетные граждане, купцы, мещане и др. городские сословия	Всего	76449	100	36578	48%	39871	52%
	Муж	36200	100	21485	59%	14715	41%
	Жен	40249	100	15093	37,5%	25156	62,5%
Горожане от 10 до 49 лет	Всего	45231	100	30018	66%	15213	34%
	Муж	21643	100	17202	79%	4441	21%
	Жен	23588	100	12816	54%	10772	46%
4. Лица сельского состояния (крестьяне, казаки, иностр. поселенцы и т.п.)	Всего	127778	100	36614	29%	91164	71%
	Муж	66646	100	27080	40%	39566	60%
	Жен	61132	100	9534	16%	51598	84%
Лица сельского состояния от 10 до 49 лет	Всего	81578	100	32864	40%	48714	60%
	Муж	44227	100	24293	55%	19934	45%
	Жен	37351	100	8571	23%	28714	77%
Итого:	Всего	220392	100	86561	39%	133811	61%
	Муж	110496	100	55131	50%	55365	50%
	Жен	109896	100	31430	29%	78466	71%
От 10 до 49 лет	Всего	137503	100	74313	54%	64273	46%
	Муж	71262	100	46826	66%	24436	34%
	Жен	66241	100	27487	41,5%	39837	58,5%

Показательны данные в переписи о распределении сельского населения по возрастным группам. В некоторых городах Курской губернии, несмотря на закономерное снижение количества населения от рождения до старости, наблюдается достаточно стабильная отметка, а иной раз и динамика в возрастной группе от 20-29 лет. Сравнивая динамику сельского населения в г. Курске и Курском уезде, нельзя не отметить резкий скачок мужского населения в городе и одновременно его снижение в уезде (рис. 1).

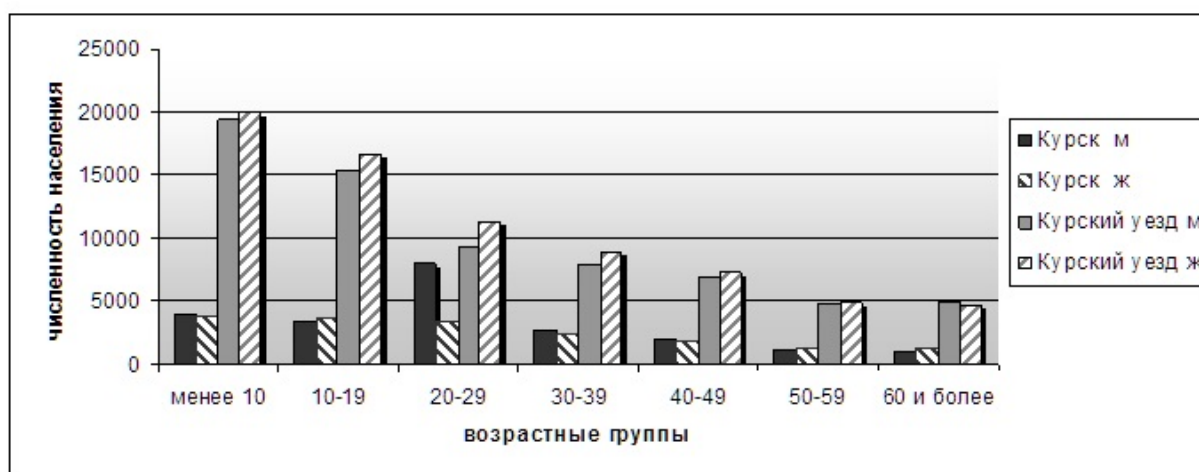

Рис. 1 – Распределение сельского населения по возрастным группам в Курске и Курском уезде в 1987г. [8, с. 64]

Именно молодежь 20-29-летнего возраста составляет наиболее активную и трудоспособную часть населения. Данное наблюдение может служить одним из показателей миграции сельского населения в города, за счет которого в большей мере и росло их население. Развивающиеся как торговые, транспортные и социокультурные центры, города Курской губернии - в особенности те, которые занимали выгодное географическое и экономическое положение - привлекали большое число селян. Город предоставлял возможность получить дальнейшее образование и как следствие - возможность для самореализации и получения дохода. Степенью профессиональной подготовки во многом начали определяться перспективы трудоустройства, продолжительность контракта и размер оплаты. Образование становится важным фактором повышения эффективности адаптации крестьянства к меняющимся социально-экономическим условиям. К тому же сами крестьяне стали смотреть на общее и профессиональное образование как на важную гарантию своих социальных перспектив. Полученное образование и выработанные в процессе его получения манеры и стиль жизни, а также профессиональный статус и связанное с ним материальное вознаграждение давали основания претендовать на более высокую социальную позицию и принадлежащий этой позиции престиж.

Уход крестьян из деревни на заработки в город, иногда на длительный срок или постоянное место жительства, нарушал их традиционный уклад жизни, приводил к ослаблению некоторых сторон традиционной культуры. Крестьянин приобщался к новым условиям и образу городской жизни, приобретал новые знания, расширявшие его кругозор. Предпосылки для культурного взаимодействия города и деревни создавала прежде всего школа, дававшая грамотность и элементарные образовательные и профессиональные знания [2, с. 274].

Рассмотрим динамику грамотного сельского населения в г. Курске и Курском уезде (рис. 2). Нельзя не отметить резкий рост грамотности среди сельских жителей в Курском уезде в возрасте 10-19 лет, в особенности среди мужского населения. Такой же всплеск наблюдается и в самом городе Курске, но возрастной диапазон здесь смещен на группу молодежи 20-29 лет. При этом в уезде в данной возрастной группе наблюдается снижения числа грамотных. Вполне вероятно предположить, что получив элементарное образование, сельский юноша пополнял ряды городского рабочего населения. В женской группе мы наблюдаем более плавное увеличения численности грамотных в городе от 10 до 30 лет.

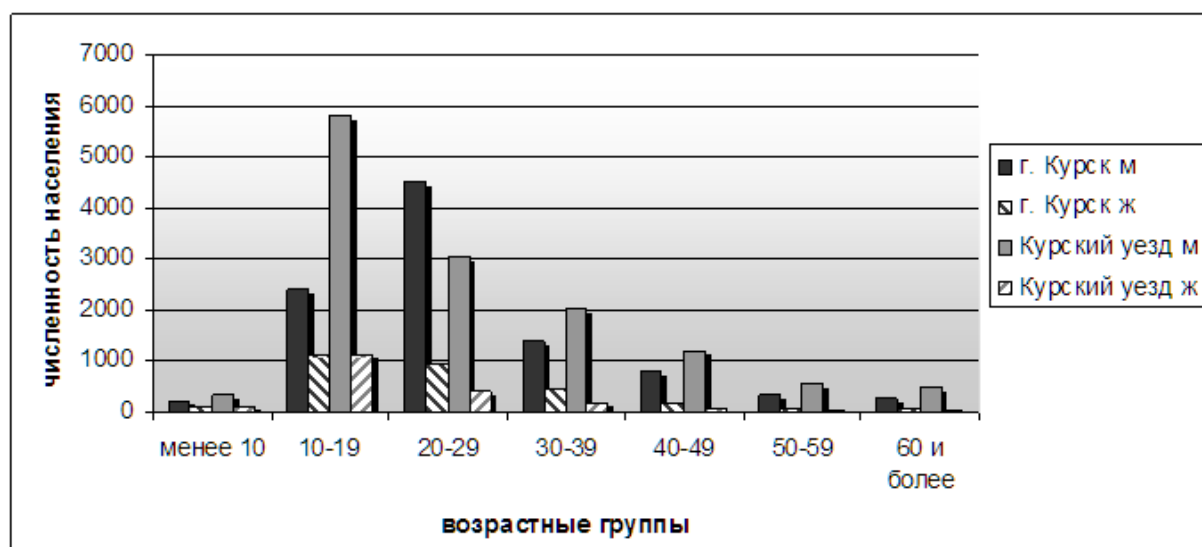

Рис. 2. Распределение населения по грамотности среди сельских сословий в Курске и Курском уезде в 1987г. [8, с. 62-67]

Трудоспособный возраст и наличие хотя бы начального образования становятся важным фактором мобильности. Особую роль в профессиональной мобильности играли и личные качества (адаптивность, самостоятельность, приспособляемость, целеустремленность, ценностные ориентации и установки, способность к саморазвитию и др.). Отходничество крестьян было одним из проявлений роста социальной мобильности в обществе, который усиливал динамизм общественно-культурной жизни. В культурные процессы все активнее вовлекалась деревня.

Рубеж XIX – XX вв. было временем расширения образовательного и культурно-просветительного пространства курских городов. В этот период в провинции сложилась устойчивая система образования, состоящая из начального, среднего и высшего общего и профессионального звеньев. Наиболее распространенными учебными заведениями, которые могли дать общее начальное образование представителям всех сословий и обоих полов, являлись земские и церковно-приходские школы. Городские и сельские жители продолжали общеобразовательную подготовку в реальных училищах и гимназиях, а профессиональную подготовку в низших и средних профессиональных училищах.

В Курской губернии с 1870 по 1914 гг. число учебных заведений (высшие, средние и низшие профессиональные учебные заведения, средние общеобразовательные, сельские начальные, церковно-приходские и школы грамоты) выросло почти в 7,7 раза: с 358 до 2755 [5]. Практически все они были сосредоточены в городах. Параллельно с расширением сети образовательных и культурно-просветительных учреждений в городах Курской губернии стремительно увеличивалось и потребление жителей в обучении. Только численность обучающихся в профессиональных учебных заведениях, которые для многих городских жителей имели первостепенное значение, с 1870 по 1905 год, возросла в 28,5 раза: с 39 до 1113 человек [5]. На рубеже веков появляются женские профессиональные учебные заведения, а также начинают принимать женщин в мужские профессиональные заведения. Значительно увеличилась численность, и количество обучающихся в них, низших профессиональных учебных заведений, хотя и без привлечения в них женщин. Умения и навыки, сформированные в этих учреждениях, должны были обеспечить выпускникам дальнейшую жизнь, гарантировать более или менее стабильный источник дохода, поэтому приоритет в обучении был закреплен за практической составляющей.

Перепись 1897 г. зафиксировала среди горожан Курской губернии 690 обладателей университетских дипломов (в том числе 26 женщин), 85 человек имели дипломы других вузов, 13 766 – закончили средние профессиональные учебные заведения [8, с. 67]. Примечательно, что среди женщин процент грамотных и получивших среднее образование в

пореформенное время не намного, но повышается быстрее, чем у мужчин. В городах в средних учебных заведениях девочек обучалась больше, чем мальчиков (58,5% женского пола согласно переписи). В Курской губернии женские гимназии и прогимназии, открывавшиеся в губернских и уездных городах, стали преобладающими среди средних учебных заведений провинции, и уже с 1870 г. превалировали над мужскими. Процент девочек среди учащихся является также важным показателем, характеризующий состояние и возросшую роль образования (грамотность девочек не была связана с ближайшей практической пользой, тогда как в отношении юношей такая польза виделась в существующей до 1907 г. льготе по отбыванию воинской повинности). Получив право и возможность трудиться, используя свой образовательный потенциал, девушки из разорившихся и бедных дворянских и купеческих семей, из семей мещан и лиц духовного звания, а затем и из крестьянской среды находили в профессиональном труде средства для своего содержания и поддержки своих родных. С другой стороны, их труд был востребован обществом, они в своем большинстве трудились в учреждениях образования и медицины, т.е. учили, воспитывали и лечили [12].

Образовательные запросы горожан в исследуемый период формировались на разных уровнях: для одних категорий было необходимо освоить азы элементарной грамотности, для других – расширить профессиональные знания и умения, третьи стремились постоянно расширять свой кругозор, удовлетворяя свою познавательную и исследовательскую потребность. Образование расширяла возможности человека в постановке целей его деятельности и делала возможным и реальным движение к этой цели, что связано не только с построением профессиональной карьеры, но и с духовным удовлетворением человека. Но главным, обобщающим фактором влияния образования на человека является его неоспоримая роль в формировании культуры как личной, так и общественной. «Именно образование создает необходимый фундамент для функционирования культуры в целом, востребованности книг, журналов, газет, распространению библиотек, музеев, в конечном счете для духовно-интеллектуального прогресса общества. Образование является посредником между индивидуумом – создателем культурных ценностей в обществе – их потребителем передаче и сохранении накопленного знания, а в более широком смысле – культурного наследия» [6, с. 6].

Становление и расширение сети образовательных учреждений в городах привело к росту количества учащихся и как следствие увеличению доли грамотных и образованных горожан. Рост образовательного уровня городских слоев способствовал изменению их культурных запросов, (на формирование которых также оказывала серьезное влияние государственная школа). Это в свою очередь оказывало влияние на формирование новой культурной среды, требующей дальнейшего развития и распространения библиотек и читальней, книжных лавок, научно-исследовательских обществ, различных общественных мероприятий. На плотность и разветвленность социокультурной инфраструктуры влияли не только численность «образованной публики», но и статус города, численность населения, социокультурные традиции, унаследованные от предшествующего периода [3, с. 176].

Губернский Курск в рассматриваемый период являлся местом локализации и генерирования городской культуры. Одним из главных проводников культуры были библиотеки. С ростом грамотности, которая дает человеку возможность общения с книгой, развивает его любознательность и стремление к самообразованию, интерес к библиотекам возрастает. В Курской губернии с 1892 по 1915 г. по частной инициативе было открыто 192 библиотеки и читальни [13, с. 92]. В самом Курске на рубеже столетий особое место занимали публичная Семеновская библиотека и Пушкинская народная библиотека, деятельность которых была ориентирована на различные социальные слои населения и культурные запросы. Содержание их фондов вполне обеспечивало удовлетворение потребностей возросшей читающей публики в художественной и научно-просветительской литературе. Основной контингент читателей составляла учащаяся молодежь – новое урбанизированное поколение, в образе жизни которого повседневным (стандартным) занятием становилось чтение. Так согласно абонементам бесплатной Пушкинской

библиотеки за один 1902 г. число читателей увеличилось в 3,8 раза, а количество подростков составило более 45%. В 1903 г. среди читателей выделилась категория служащих и рабочих [1, с. 85-86]. Относительно всего населения г. Курска удельный вес активных читателей был невелик – 4% грамотного населения [10, с. 15]. Культура чтения у курян находилась еще в стадии формирования.

В городах Курской губернии с конца XIX в. под эгидой передовой образованной части населения начинают возникать различные культурно-просветительские общественные организации (общества, кружки, клубы и т.д.), объединявшие людей, которые стремились к творческому самовыражению и культурно-массовой работе. Их участники воспроизводили, транслировали, генерировали в том месте, где жили, самые разные элементы культуры, тем самым, внося изменения в повседневную жизнь горожан. Так, в Курске интеллигенцией (представителями земских, железнодорожных служащих, врачей, чиновников, учителями) в 1898 г. было создано «Общество содействия начальному образованию в Курской губернии», которое занималась просвещением широких масс городского населения. Спектр деятельности Общества был достаточно разнообразный: организация просветительских народных гуляний, художественных выставок, танцевальных и музыкальных вечеров. Но главным и наиболее успешным направлением являлись народные чтения – общедоступные научно-популярные лекции с использованием наглядного материала. В их организации г. Курск на рубеже столетий выступал как генератор и экспортер культурной информации за пределы губернского центра (в уезды) [10, с. 12-14]. Благодаря народным чтениям повышался общекультурный уровень населения, удовлетворялись познавательные потребности, решались задачи просвещения разных категорий городских жителей. Подавляющую часть слушателей составляла грамотная молодая публика.

В общественную жизнь активно вовлекаются образованные женщины, которые наравне с мужчинами стали выступать в числе учредителей различных общественных организаций. Так, к примеру, женские лица значились при подаче документов в 1899 г. на утверждение устава и открытия «Общества любителей музыкального и драматического искусства в г. Фатеж», в 1908 г. в заявке об открытии в г. Обояни музыкально-драматического кружка. Женщины выступали и активными участниками организаций: членами открытого еще в 1897 г. в Белгороде «Общества любителей музыкального и драматического искусства» «могли быть лица обоего пола, безразличия сословия» [13, с. 93-94]. В рассматриваемый период сценическое искусство для женщин было одним из ярких форм самоутверждения и демонстрации художественных талантов.

Наряду с народными чтениями и библиотеками, театр пользовался большой популярностью среди образованных горожан. Посещение театральных постановок было прекрасным времяпровождением для многих социальных групп. В этом смысле с ним мог конкурировать только цирк, культурные функции которого были несколько уже, и решению просветительных задач он способствовал в меньшей степени. К началу XX в. в российской провинции накопился большой опыт деятельности любительских театральных труп, создания и работы обществ любителей музыкальных и драматических искусств. В губернском Курске в этот период не было собственной постоянной труппы, поэтому основу театральной жизни города составляли гастролы антрепризных коллективов. Дополнением им служил любительский театр. Театральные постановки отличались жанровым разнообразием: драма, опера, оперетта, и часто шли при аншлагах. Яркими событиями повседневной жизни горожан становились гастролы иногородних и иностранных трупп и артистов. Так, в 1898 г. внимание публики привлекли гастролы орловской оперной труппы под руководством Н.В. Унковского, в 1911 г. выступление малороссийского (украинского) оперного коллектива Ф.П. Гудикова, в начале века губернский центр посетили зарубежные труппы: итальянская оперная труппа под руководством Ф. Кастеллано (курская публика к их вступлению отнеслась равнодушно) и французский опереточный коллектив «la Roulotte» [11, с. 131,134].

Гастроли крупных музыкантов, музыкально-вокальные вечера, художественные выставки, просветительские народные гуляния, публичные чтения и библиотечная литература привлекали внимание более образованную публику городского населения. Эти формы досуга преимущественно были распространены среди состоятельных горожан и людей среднего достатка, так как для посещения театра, цирка, вечеров, концертов требовалось наличие «свободных денег», от которых зависело существование человека и его семьи. У грамотного и образованного человека было больше потенциала для трудоустройства, профессионального роста (карьеры) и как следствия больше шансов на финансовую состоятельность и возможности в сфере досуга.

Несмотря на различия в потребностях, духовных ценностях, социальном статусе, все горожане участвовали в народных гуляниях, пользовавшиеся большой популярностью. Наряду с традиционными (стихийными) народными гуляньями с балаганными аттракционами, городскими управами и Обществами устраивались организованные гулянья – с современными аттракционами, выступлениями артистов и музыкантов, конкурсными мероприятиями. На рубеже XIX-XX вв. площади и сады, на которых проводились мероприятия, превратились в крупные центры отдыха и развлечений городских жителей. В начале XX в. начинает возрастать разнообразие коммерческих развлекательных форм досуга, таких как цирки, кинематограф, граммофонные пластинки, профессиональная борьба, бульварные газеты и развлекательная (лубочная) литература и др. Развитие городской коммерческой индустрии, обслуживающей низшие слои населения, из-за революции не достигла высокого уровня [9, с. 309].

В связи с появлением в начале XX столетия все больших возможностей времяпрепровождения возрастала и вовлеченность горожан в культурную жизнь города. Формы и способы проведения свободного времени жителей провинциальных городов определяли для себя согласно своим духовным потребностям, уровню образованности, материального достатка.

Таким образом, активно развивавшаяся на рубеже веков система образовательных и культурно-просветительных учреждений оказала влияние на социокультурный облик всех курских городов, на формирование духовных потребностей и морально-этических ценностей населения. Обратной же стороной этих процессов стало существенное влияние на организацию самой повседневной жизни горожан. Возросшая роль образования ломала прежние стереотипы, меняла семейный уклад и семейные ценности горожан. К примеру, в семьях, где главы и члены были связаны с интеллектуальным трудом, родители прямо или косвенно влияли на выбор профессии своих детей. Наблюдая повседневную практику, профессиональные заботы отца или другого трудящегося члена семьи, юноша или девушка зачастую избирала путь в ту же или близкую профессию. Овладение даже минимальным уровнем образования, а вместе с этим и азами культуры иного качественного уровня (более светской и универсальной) открывало перед горожанами новые каналы и способы получения информации, расширяло кругозор, делало их более открытыми и восприимчивыми к достижениям цивилизации в организации повседневного быта семьи. В условиях модернизации общества в технической, научной и культурной сферах грамотные и образованные люди становились более востребованы. К концу XIX в. отчетливо усилилось внимание к образованию и повышение его престижа. В самой повседневной жизни горожан образование стало давать значительные преимущества, помогая в профессиональном продвижении, материальном благосостоянии, семейном благополучии. Образования оказывало воздействие и на семейный уклад, создавая новый алгоритм жизни.

Список литературы

1. *Дворецкий Е.В., Семенов М.Ю.* Культурно-просветительские инициативы курской интеллигенции в конце XIX - начале XX в. (на примере деятельности Курской Пушкинской публичной библиотеки) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. №12 (26), ч.1. С. 83-87.
2. История русской культуры IX – XX веков: учеб. пособие / Л.В. Кошман (и др.). М.: КДУ, 2006. 490 с.
3. *Куприянов А.И.* Городская культура российской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 480 с.
4. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. 222 с.
5. Обзоры Курской губернии за 1870, 1905, 1914 гг. Курск: Губ. тип.
6. Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 640 с.
7. *Пархоменко Т.А.* Культура России и просвещение народа во второй половине XIX – начале XX в. М.: М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, 2001. 258 с.
8. Первая всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Курская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. 261 с.
9. *Свифт Э.* Развлекательная культура городских рабочих конца XIX – начала XX века. // Развлекательная культура России XVIII-XIX. Очерки истории и теории. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. С. 300-313.
10. *Семенов М.Ю.* Культурная жизнь русского губернского города в конце XIX - начале XX в. (по материалам г. Курска). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2011. 22 с.
11. *Семенов М.Ю.* Проблема исторического исследования феномена городской культуры. Театр и театральная жизнь Курска в конце XIX – начале XX в. как часть городской культуры // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород: Издательство БелГУ, 2010. № 19 (90). вып. 16. С. 128-136.
12. *Шатохина С.Б.* Эволюция образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности (по материалам Воронежской и Курской губерний). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2011. 22 с.
13. *Шатохина С.Б.* Женщины в общественной жизни российской провинции на рубеже XIX-XX веков: по материалам Курской губернии // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Белгород, 2008. №5, вып.7. С. 91-95.

07.00.02

О.В. Фидченко

Московский педагогический государственный университет,
факультет социологии, экономики и права, кафедра культурологии,
Москва, f.antares@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО УКРЕПЛЕНИЮ САМОДЕРЖАВИЯ СРЕДИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В данной статье автором представлены результаты анализа политики самодержавной власти по укреплению идеи монархии среди российского дореволюционного дворянства конца XIX – начала XX вв. Несмотря на то, что представители императорской фамилии сами принадлежали к данному сословию, восстание Декабристов, Польское восстание и т.н. «хождение в народ» стали показателями нарастающей радикализации российского общества, обусловившей необходимость укрепления идеи самодержавия и среди дворянства. Исследование осуществлено при использовании статистических данных Первой переписи населения России 1897 г.

Ключевые слова: потомственное дворянство, личное дворянство, почетные граждане, аристократия, Первая перепись населения, самодержавие, кооптация, нерусские элиты.

Стремясь расширить географические границы государства, Россия на протяжении веков присоединяла к себе новые территории. И, для обеспечения стабильности управления страной, цари и великие князья проводили деятельность, направленную на укрепление авторитета собственной монархической власти.

Исторически к аристократии в России принадлежало сословие бояр, которое с XIV в. постепенно, а, начиная с середины XVII в., активно вытесняется дворянством. Таким образом, дворянство до революции было сословием, в руках которого сосредоточивалась светская власть.

Однако, судя по политическим волнениям внутри дворянства, наиболее явно обозначившимся в России XIX и начала XX вв., царская власть нуждалась в укреплении идеи монархии и внутри этого, казалось бы, самого близкого к ней по имущественному, а потому и по идеологическому положению, сословия.

По результатам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. можно установить, что к аристократии можно причислить следующие сословия и группы населения:

1. потомственные дворяне с семьями - 1% от всего населения России;
2. личные дворяне и чиновники не из дворян. С семьями их насчитывалось 0,5% населения страны.
3. потомственные и личные почетные граждане, коих, с представителями их семей, насчитывалось тогда 0,3% населения страны. [5, с. 2]

По нашим подсчетам, географически «благородное» сословие дореволюционной России по стране было рассредоточено следующим образом (в процентах):

Таблица 1. Распределение дворянства по регионам России в 1897 г.

Территория	Потомственные дворяне с семьями	Личные дворяне и чиновники не из дворян с семьями	Потомственные и личные почетные граждане с семьями
Европейская Россия	72,5%	77,3%	77,9%
Привислянские губернии	11,1%	7,1%	1,1%
Кавказ	14%	8,6%	5,8%
Сибирь	1,4%	4,7%	2,6%
Средняя Азия	1%	2,4%	0,8%

[4, с. 16-19]

Из данных таблицы видим, что бо́льшая часть дворян проживала в европейской части дореволюционной России; на втором месте находился Кавказ, далее следовали Привислянские губернии, Сибирь и Средняя Азия.

Встает вопрос: какие конкретные действия предпринимало дореволюционное правительство для укрепления монархического режима? Очевидно, во-первых, предоставляло сословно-правовые привилегии. Со времени Манифеста о вольности дворянства 1762 г. Петра III (освобождал дворян от 25-летней воинской и гражданской службы) и Жалованной грамоты дворянству 1785 г. Екатерины II, дворянство начало приобретать многие сословные преимущества.

Так, по закону дворянство состояло из двух основных групп: потомственного и жалованного. При этом потомственное дворянство делилось на 6 разрядов:

1. дворянство жалованное, или действительное;
2. дворянство военное;
3. дворянство по чинам, полученным в службе гражданской;
4. иностранные роды;
5. титулами отличные роды;
6. древние благородные дворянские роды. [3, с. 61]

По мнению С.Д. Морозова, в конце XIX - начале XX вв. в центральной России потомки древнейшего дворянства составляли в среднем 23,8% всех дворянских фамилий, а т.н. «новое» дворянство – 66,9%, то есть, примерно 2/3 сословия. Последние, таким образом, полностью своим сословным положением были обязаны власти. [3, с. 61]

К началу XX века число потомственных дворян центральной России выросло: около 67% или, примерно, 2/3 представителей сословия получили это звание за государственную службу. [3, с. 65]

Родовое дворянство к 1914 г. уменьшилось численно и оно бы совсем вымерло, разорившись или слившись с предпринимателями, если бы не его пополнение из чиновников и офицерства. [3, с. 66]

Пополнялось и личное дворянство. Но эту категорию дворянства можно лишь условно рассматривать применительно к «первенствовавшему» сословию, поскольку они не вносились в родовые книги, не имели права участия в дворянских депутатских собраниях, других корпоративных организациях, не могли пользоваться сословными кассами, приютами, учебными заведениями, но должны были выплачивать специальные дворянские сборы. [3, с. 66]

Престиж личного дворянства были минимален, его даже не считали «настоящим» дворянством. Помимо обычной выслуги потомственного дворянства, личные дворяне могли до 1900 г. ходатайствовать о его получении в случае, если их отцы и деды прослужили по 20 лет в обер-офицерских чинах. Личное дворянство распространялось только не жену. Дети личных дворян пользовались статусом потомственных почётных граждан. [3, с. 66]

Крайне редко личное дворянство приобреталось не дворянами пожалованием, достижением определенного чина по службе либо в результате награждения орденом. По чинам личное дворянство получали: «1) лица, производимые на действительной службе в чин обер-офицерский, а в гражданской – в чин девятого класса; 2) в казачьих войсках, сравнимых в чинах с войсками регулярными - лица, произведённые в чин хорунжего; а в казачьих войсках, не имеющих сравнения с армией, достигшие чина зауряд-есаула; 3) лица купеческого сословия, жалуемые чином девятого класса не по порядку службы, если притом не дано им будет особых грамот на дворянство потомственное» [6].

К 1914 г. по-прежнему только четвертая часть дворянства Центральных губерний происходила из древних титулованных родов, остальные принадлежали к «новым» дворянам, получившим право на потомственное дворянство на гражданской и военной службе. Личное дворянство оставалось резервом для пополнения рядов потомственного. [3, с. 69]

Госслужба была главным источником пополнения «благородного» сословия. На рубеже XIX - XX вв. государственный служащий, если он не родился потомственным дворянином, произведенный в первый чин XIV класса (коллежского регистратора), получал личное почетное гражданство, распространявшееся на жену. Дослужившись до чина IX класса (титулярного советника), он приобретал личное дворянство, также распространявшееся на жену. Достигнув чина IV класса (действительного статского советника), государственный служащий становился потомственным дворянином. [2, с. 87-105]

Для осуществления успешного управления присоединяемыми территориями в России на протяжении веков действовал принцип кооптации нерусских элит в дворянство. И в этом вопросе имеются любопытные аспекты и перегибы. Например, поскольку мусульманам было запрещено владеть мусульманскими же крестьянами, татарские дворы вплоть до конца XVII в. получали русских православных крестьян, в то время как закрепощение нехристианских крестьян русскими помещиками было запрещено. [1, с. 217] Тем не менее политика кооптации нерусских элит в дворянство приносила свои плоды: «новые» дворяне оставались лояльными подданными российского императора, они несли службу в армии, на флоте и в бюрократии. [1, с. 219]

Список источников и литературы

1. *Каппелер А. (Германия).* Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI-XIX вв. (Краткий обзор проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV-середина XIX вв. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. Тезисы докладов. Москва, 13-16 июня 1994 г. Ч. II. М., 1994. С. 215-225. С. 217.
2. *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России, 1861-1904 гг. М., 1979. С. 87-105.
3. *Морозов С.Д.* Население Центральной России: сословия, занятия, профессии.(1897-1917 гг.). М.: Институт Российской истории РАН, 2005. С. 61, 65, 66, 69.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Краткие общие ведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. СПб., Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, Измайловский полк, 7 рота, дом № 13. 1905. С. 16-19.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 2.
6. СЗ РИ. Т. IX. Ст. 968.

07.00.06

И.А. Юрков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
исторический факультет, кафедра древней и средневековой истории России,
Пермь, ilya.yurkov@gmail.com

ЦВЕТНЫЕ МЕТАЛЛЫ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ КАЛИНСКОГО СЕЛИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2011-2013 ГГ.)¹

В статье представлены результаты рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) химического состава средневековых украшений Калинского селища. Полученные данные показывают состав сплавов, применяемых местными ювелирами в XI-XIII вв. в Пермском Предуралье.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Пермский край, родановская археологическая культура, цветные металлы и сплавы, украшения.

В 2011-2013 гг. Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (КАЭЭ ПГГПУ) под руководством старшего преподавателя кафедры древней и средневековой истории России А.Н. Сарапулова проводила аварийно-спасательные работы Калинского селища.

Калинское селище расположено недалеко от бывшей д. Калино, в 2 км к юго-западу от села Тимино Купросского сельского поселения Юсьвинского района Пермского края. Селище расположено на левом берегу р. Пой – левого притока р. Иньвы – правого притока р. Камы. Памятник активно распахивался с конца XIX и вплоть до второй половины XX в. Селище Калино известно с XIX века. Датируется XI-XIII вв. и относится к Родановской археологической культуре.

За полевые сезоны 2011-2013 гг. вскрыто 384 м². На этой площади было обнаружено 111 средневековых предметов из цветных металлов, что составляет 24,2% от всех индивидуальных находок, происходящих с селища [4-6].

Большинство изделий целые, часть предметов представлены в обломках. Встречаются на селище и обрывки проволоки, капли металла, различные по размеру пластины и фрагменты бронзолитейного инструментария, что свидетельствует о существовании на памятнике производства, связанного с цветной металлургией.

Артефакты из цветных металлов селища Калино изготовлены из сплавов на основе меди – 20 экз. (43,5%) и легкоплавких сплавов – 26 экз. (56,5%).

Стоит отметить, что широкомасштабных исследований химического состава ювелирных украшений из цветных металлов и сплавов на их основе, найденных на территории Пермского Предуралья, не проводилось. Отдельные исследования были предприняты Н.Б. Крыласовой и А.В. Вострокнутовым, которые с помощью «мокрого» химического анализа определили, что часть украшений могильников Антыбарский и Телячий Брод в своем составе не содержат медь и изготовлены из практически чистого олова [1].

Для количественного определения высоких концентраций элементов в сплавах металлов используют различные методы («мокрый» химический анализ, спектральный анализ), к числу которых относится и рентгенофлуоресцентный анализ (РФА). РФА химических элементов основан на измерении длины волн и интенсивности рентгеновских спектральных линий. Он позволяет быстро исследовать большое количество предметов, определяя одновременно до 30 элементов, и обеспечивает повторяемость результатов анализа.

¹ Материал подготовлен при поддержке проекта 050-М Программы стратегического развития ПГГПУ.

Анализ металлических ювелирных украшений проводился с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра BRUKER S1 SORTER в лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ.

Время измерения прибором одной пробы составляло 1 мин., при этом на одном изделии проводилось 3-4 пробы, так как древние металлы не гомогенны. Это является достаточным, так как время определения состава сплавов данного прибора составляет 5-10 с., что позволяет качественно определить химический состав исследуемого изделия.

Было проведено исследование химического состава металлов украшений, общее число которых составило 46 экз. Проанализирован состав металла следующих предметов: пронизки, привески, цепочки, накладки, пуговицы, височные кольца и др.

Анализ химического состава украшений показал наличие искусственных сплавов на основе меди и легкоплавких металлов, которые применялись литейщиками в цветной металлургии. По наличию основных и легирующих компонентов массивы были разбиты на металлургические группы на основе номенклатуры сплавов, предложенной Н.В. Ениосовой [7]. Были выделены сплавы на основе меди, сплавы на основе олова и сплавы на основе свинца.

Рассмотрим полученные результаты. Наибольшим количеством образцов представлены сплавы на основе меди, среди которых преобладают бронзы. Из **оловянной бронзы (CuSn)** изготовлены три предмета из выборки (6,5%): височное кольцо, пуговица и привеска-колокольчик. Концентрация олова довольно высокая, и варьируется от 17 до 19% (среднее значение 18,3%).

Свинцовые бронзы (CuPb) представлены одним экземпляром (2,2%): фрагмент пряжки. Концентрация свинца высокая и составляет 14,3%. В материалах Калинского селища из свинцовой бронзы изготовлены различные пластины и ушки от котла.

Из **оловянно-свинцовой бронзы (CuSnPb)** изготовлено 5 украшений (10,9%): пронизки и фрагмент цепочки. Содержание олова составляет от 5 до 43,9% (среднее значение 26%), содержание свинца от 2 до 23% (среднее значение 12,6%). Оловянно-свинцовые бронзы являются преимущественно литейными сплавами [2].

Многокомпонентные бронзы (CuSnPbZn) представлены в составе материала 9 предметов (19,5%), среди которых разнообразные привески, пронизки, наконечник ремня и элементы цепочки. Они содержат различные концентрации олова, цинка и свинца. Концентрация олова варьируется от 3,5 до 43% (среднее значение 22%), содержание цинка составляет от 1,1 до 5,3% (среднее значение 2,2%), содержание свинца находится в пределах 3,3-20,6% (среднее значение 12,7%). Во всех образцах содержание олова превышает содержание цинка, а также свинец преобладает над цинком.

По сравнению с бронзой украшения из латуни представлены незначительно. Из **латуни свинцовой (CuZnPb)** изготовлен 1 предмет (2,2%) – пронизка с содержанием цинка 4,9% и большим содержанием свинца 21,2%.

К группе латуней относится и один образец (2,2%) (звено от цепочки) сделанный из **многокомпонентной латуни (CuZnPbSn)**. Концентрация цинка в сплаве – 3,9%, концентрация олова – 2,9%, а концентрация свинца превышает содержание цинка и олова и составляет – 19,7%.

Легкоплавкие сплавы селища Калино представлены сплавами на основе олова и на основе свинца. Наибольшим числом образцов представлены **сплавы олова с медью и свинцом (SnPbCu)**. Из сплава олова с медью и свинцом изготовлено 12 предметов (26,1%), среди которых представлены пронизки, пряжки, подвески, поясные накладки. Концентрация меди в украшениях высокая, и варьируется от 8,2 до 42,2% (среднее значение 28,15%). Содержание свинца небольшое, оно варьируется от 1,2 до 13,3%.

Из **сплава олова с медью, цинком и свинцом (SnPbCuZn)** изготовлено 6 предметов выборки (13%). Концентрация меди высокая – от 18,2 до 35,8% (среднее значение 26,8%). Содержание цинка в украшениях невелико – от 1,2 до 3,8% (среднее значение 2,2%). Концентрация свинца довольно высокая – от 9,3 до 25,6% (среднее значение 16,8%).

Сплав свинца с медью и оловом (PbSnCu) представлен двумя украшениями (4,3%). Концентрация меди высокая и составляет от 17,4 до 31,9% (среднее значение 24,65%), а содержание олова небольшое – от 3,4 до 4,1% (среднее значение 3,75%).

Из **сплава свинца с медью и цинком (PbCuZn)** изготовлена одна подвеска (2,2%). Концентрация меди высокая – 34,8%, а содержание цинка незначительное – 2,4%.

Более представительна группа изделий из **сплава свинца с медью, оловом и цинком (PbSnCuZn)** - 5 (10,9%). Концентрация меди в сплавах варьируется от 16,6 до 40,5% (среднее значение 27,9%). Концентрация цинка невелика – от 1,1 до 6% (среднее значение 4,1%). Концентрация олова в предметах составляет от 2,3 до 28,1% (среднее значение 12%). В 3 образцах она довольно высокая – более 8%.

Таким образом, анализ химического состава ювелирных украшений Калинского селища Родановской археологической культуры выявил разнообразие сплавов, применяемых местным населением. Средневековые ювелиры в качестве основы для местных украшений применяли – медь, олово или свинец, где легирующими компонентами в зависимости от сплава выступали – медь, цинк, олово или свинец. По мнению И.Е. Зайцевой, ювелиры, скорее всего, не создавали сплавы с разными рецептурами преднамеренно, а просто изготавливали изделия из имеющихся у них металлов [2].

Следует отметить, что 50% исследуемых украшений содержат в своем составе цинк в небольших концентрациях, что может свидетельствовать о частых переплавках металла в исследуемых украшениях.

Наиболее часто встречаемыми сплавами, из которых изготовлены ювелирные украшения Калинского селища, являются трехкомпонентные сплавы на основе олова с медью и цинком, а также часто встречаются украшения, изготовленные из многокомпонентной бронзы. Меньшая доля приходится на оловянно-свинцовые бронзы и многокомпонентные сплавы на основе свинца или олова. Реже всего представлены бинарные сплавы на основе меди: оловянные бронзы и свинцовые бронзы, а также трехкомпонентные сплавы: латуни свинцовые и сплавы на основе олова с медью с добавлением олова или цинка.

Иные традиции в использовании сплавов цветных металлов демонстрируют материалы разновременных могильников ломоватовской культуры (Митинский (V-VI), Урьинский (VIII-IX), Каневский (VIII-X) Степаново Плотбище (Городищенский) (IX-XI)). Было проанализировано 868 изделий с четырех памятников [8]. В основе украшений рассматриваемых могильников находится медь. Наиболее часто встречаемым сплавом являются многокомпонентные бронзы (56,6%), также часто встречаются оловянно-свинцовые бронзы и свинцовые латуни. Меньшая доля приходится на «классическую бронзу» – сплав меди и олова, всего 1 экз., а также на изделия из «чистой меди» – 3 экз. Присутствуют и сплавы как на основе свинца (47 экз.), так и на основе олова (3 экз.). Достаточно небольшой процент изделий на основе меди с «благородными металлами». Кроме того, можно отметить 2 украшения из «чистого» серебра, а также 3 изделия на основе палладия. Однако в материалах Митинского могильника полностью отсутствует украшения из легкоплавких сплавов. Начиная с Урьинского могильника постепенно прослеживается переход к использованию сплавов на основе олова или свинца, но все равно подавляющее большинство украшений (88,9%) выполнено на основе меди.

П.М. Орехов, проанализировавший украшения, слитки, шлаки (319 экземпляров) соседних с Пермским Предуральем территорий с памятников худяковской и еманаевской культур Вятского бассейна [3], пришел к выводу, что в основе всех сплавов вятских изделий находится медь. Наиболее встречаемым сплавом в проанализированных украшениях является оловянная бронза (29,2%). Меньшая доля приходится на «чистую» медь (0,9%).

Таким образом, результаты РФА химического состава ювелирных украшений Калинского селища выявили состав сплавов, применяющихся местными ювелирами в XI-XIII вв. в Пермском Предуралье. Полученные результаты позволяют судить об изменениях не только в ювелирном производстве, но и во всех сферах материальной культуры местного населения на протяжении эпохи средневековья.

Список литературы

1. *Вострокнутов А.В., Крыласова Н.Б.* Украшения XII-XIV из легкоплавких металлов на Территории Пермского Предуралья // Вестник пермского университета. Серия «История». Пермь, 2012. Вып. 1 (18). С. 105-113.
2. *Зайцева И.Е.* Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское II // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макарова; сост. С.В. Шполянский – М. ИА РАН; СПб.: Нестор-история, 2011. – Вып. 3. – С. 17-33.
3. *Орехов П.М.* Бронзолитейное производство Прикамья в постананьинский период: дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 338 с.
4. *Сарапулов А.Н.* Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе пермского края в 2011 г. / А.Н. Сарапулов. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2012. – С. 2.
5. *Сарапулов А.Н.* Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе пермского края в 2012 г. / А.Н. Сарапулов. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013. – С. 2.
6. *Сарапулов А.Н.* Отчет о раскопках Калинского селища в Юсьвинском районе пермского края в 2013 г. / А.Н. Сарапулов. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2013.
7. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / А.А. Коновалов, Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева; Исторический ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 130-132.
8. *Юрков И.А.* Средневековое бронзолитейное производство Пермского Предуралья: маг. дис. – Пермь, 2013. – 116 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

08.00.05

Л.Р. Амирханова, Е.Е. Будник, С.Ф. Рахматуллина

Уфимский государственный авиационный технический университет,
филиал в г. Ишимбай, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Ишимбай, rahmatullina_sf@rambler.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ ПРЕДПРИЯТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АУТСОРСИНГА

В статье рассмотрены возможности повышения эффективности производства продукции военного и гражданского назначения предприятия оборонно-промышленного комплекса. Предложена модель распределения ресурсов предприятия оборонно-промышленного комплекса между производством продукции военного и гражданского назначения по критериям маржинальной прибыли и риска портфеля, позволяющая определить возможности применения аутсорсинга.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, аутсорсинг, модель, оптимизация, маржинальная прибыль, допустимый риск.

Важную роль в поддержании национальной безопасности принадлежит оборонно-промышленному комплексу (ОПК) России, который представляет собой высокотехнологичный сектор экономики, ее ключевое звено.

В настоящее время координация и управляемость предприятий ОПК значительно ослаблены в результате конверсии и слабой адаптации к рыночным преобразованиям, происходящим в последние десятилетия в России: продолжается физическое и моральное старение основных фондов; снижается конкурентоспособность и качество выпускаемой продукции; прекращается или сокращается выпуск важнейших образцов вооружения и военной техники; происходит заметное сокращение инвестиций в НИОКР; идет отток высококвалифицированных кадров; возникают социальные проблемы [5,6]. Требуются кардинальные меры по решению актуальной проблемы адаптации предприятий оборонно-промышленного комплекса к потребностям рынка.

Цель исследования - построение модели оптимизации распределения ресурсов предприятия ОПК с учетом изменения соотношения между производством продукции гражданского (ПГН) и военного (ПВН) назначения и применения аутсорсинга.

Моделирование осуществляется с помощью приложения «Поиск решения» в MS Excel. Исходя из особенностей среды функционирования предприятий ОПК, строится модель управления ресурсами при производстве ПВН и ПГН на основе оптимизации портфеля заказов, где риск портфеля выступает как ограничение. Алгоритм выработки управленческого решения в предлагаемой модели приведен на рис. 1.

Алгоритм оптимизации структуры портфеля заказов предполагает оценку собственных мощностей для выполнения государственного оборонного заказа (ГОЗ) и удовлетворения потребностей покупателей, которые формируют портфель заказов. Если собственных мощностей достаточно, то обеспечение сформированного портфеля заказов осуществляется собственными силами. В противном случае привлекают аутсорсеров, производя процедуру их выбора. На заключительном этапе производится оценка результатов и их сравнение со среднеотраслевыми показателями.

Так как объектом анализа являются рыночно-ориентированные предприятия ОПК, то соотношение ПВН и ПГН может варьироваться в виду интересов государства в области безопасности, как экономической, так и политической.

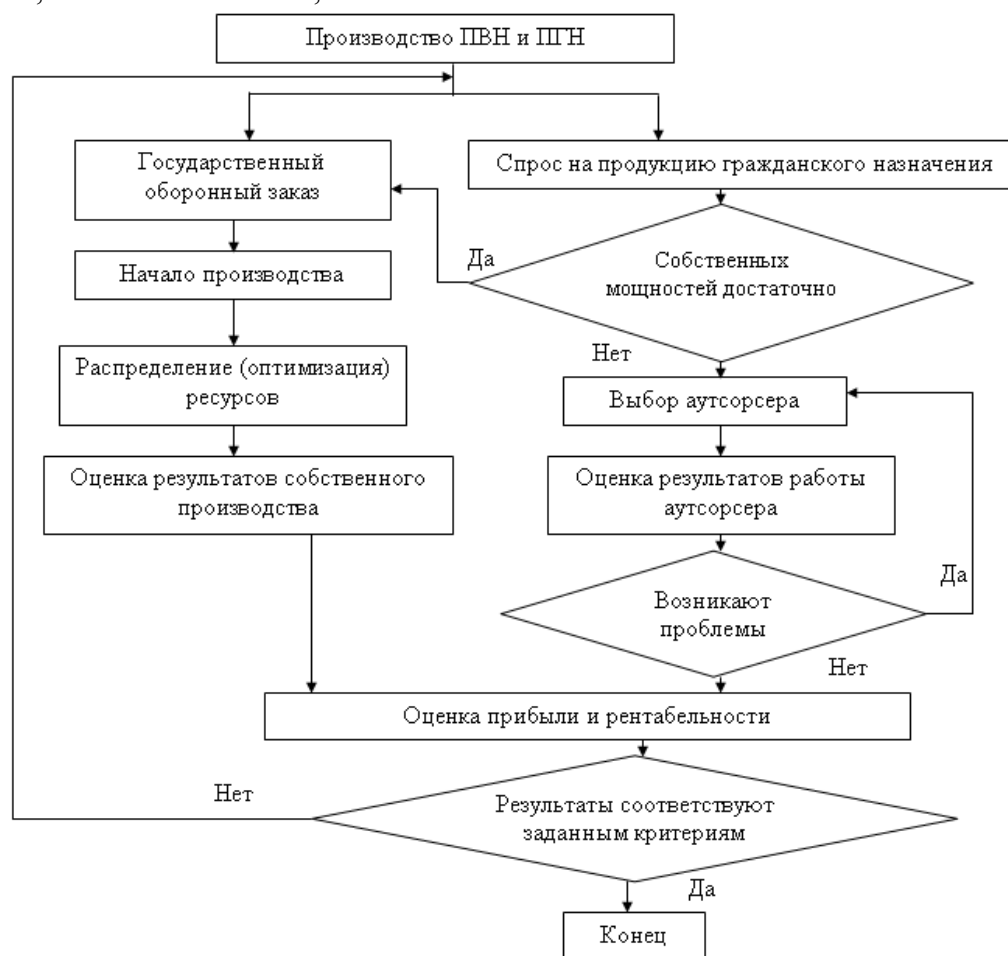
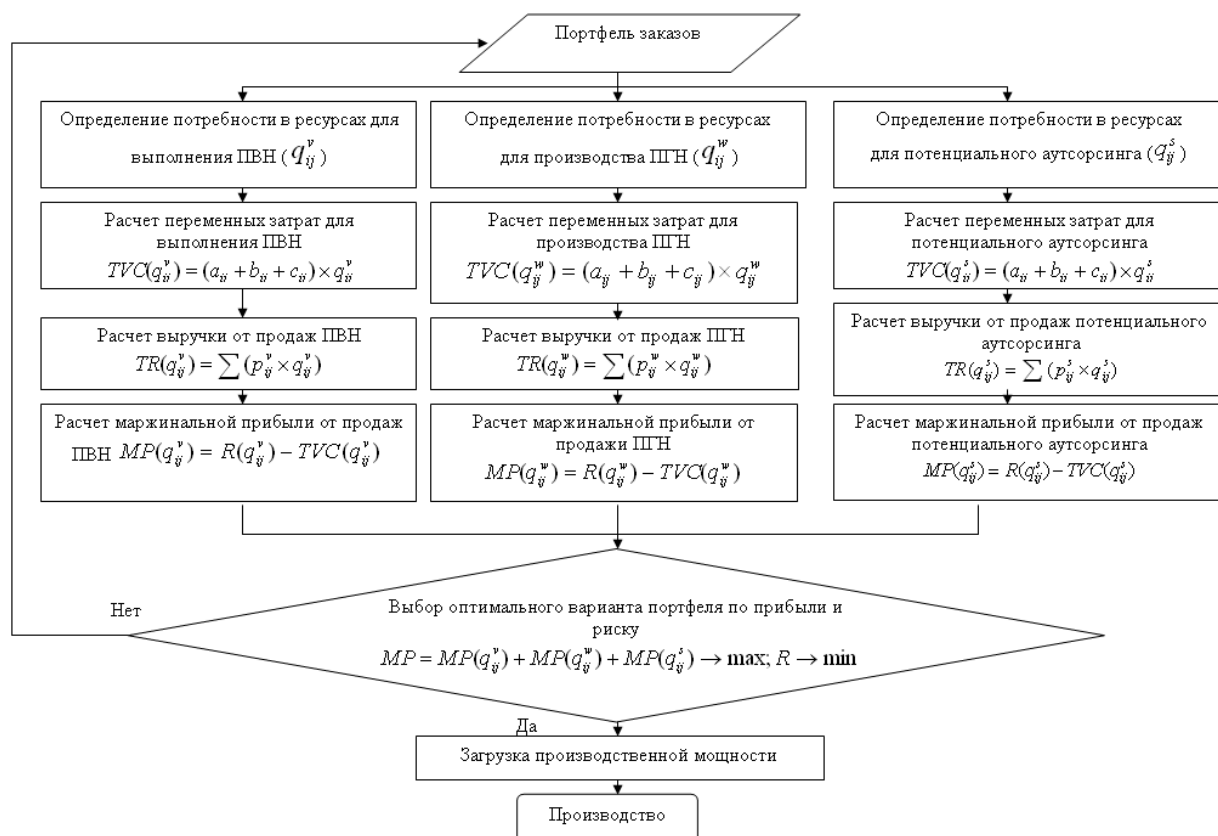

Рис. 1 - Алгоритм оптимизации портфеля заказов

Использование аутсорсеров обусловлено тем, что, если государство увеличивает ГОЗ и недостаточно производственной мощности для удовлетворения потребностей рынка. Использование возможностей аутсорсинга позволит предприятию ОПК обеспечить его сохранение и развитие, смягчить рыночную конкуренцию. Объектами аутсорсинга могут выступать продукция, функции и технологии. Объекты военного назначения могут быть переданы в аутсорсинг только при участии государственных структур. В этом случае аутсорсинг осуществляется в рамках ОПК и является закрытым для рынка. Продукция и технологии гражданского назначения могут быть переданы в порядке взаимообмена предприятиям ОПК закрытого типа. Руководство предприятия ОПК может принять стратегическое решение об отказе от производства той или иной ПГН и передать ее аутсорсерам.

После передачи на выполнение частичных технологических процессов аутсорсерам возникает необходимость оценки собственных ресурсов для распределения их между производством ПВН и ПГН. Для этого разработана модель оптимизации распределения ресурсов между производством ПВН и ПГН (рис. 2). Поэтому в качестве критерия оптимизации портфеля принимается маржинальная прибыль (МР), отражающая уровень превышения выручки над переменными затратами.

a_{ij} – стоимость материалов, требуемых для производства единицы продукции по i -ой продукции j -того заказа; b_{ij} – стоимость машинного производства единицы продукции; c_{ij} – стоимость рабочей силы, требуемой для производства единицы продукции; q_{ij} – количество единиц продукции; p_{ij} – стоимость единицы продукции по проекту; C – суммарная предельная стоимость ресурсов для производства ПВН и ПГН (производственные мощности); L_{ij}^v – объем ПВН, соответствующий ГОЗ; R – риск.

Рис. 2 - Модель оптимизации распределения ресурсов

Переменные затраты $TVC(q_{ij})$ по i -ой продукции j -того заказа можно представить в виде, где $i = \overline{1, n}$; $j = \overline{1, m}$:

$$\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n TVC(q_{ij}) = \begin{cases} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n (a_{ij} + b_{ij} + c_{ij}) \times q_{ij} & | q_{ij} > 0 \\ 0 & | q_{ij} = 0 \end{cases} \quad (1)$$

Выручку реализации принятых заказов $TR(q_{ij})$ определим по формуле:

$$\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n TR(q_{ij}) = \begin{cases} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n p_{ij} \times q_{ij} & | q_{ij} > 0 \\ 0 & | q_{ij} = 0 \end{cases} \quad (2)$$

Тогда маржинальную прибыль определим по формуле:

$$\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n MP(q_{ij}) = \begin{cases} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n TR(q_{ij}) - \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n TVC(q_{ij}) & | q_{ij} > 0 \\ 0 & | q_{ij} = 0 \end{cases} \quad (3)$$

В связи с тем, что предприятия ОПК выпускают два по стратегической значимости вида продукции (ПВН и ПГН), маржинальная прибыль определяется отдельно для каждого направления.

Целевая функция оптимизации структуры портфеля заказов имеет вид:

$$MP = \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n MP(q_{ij}^v) + \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n (MP(q_{ij}^w)) \rightarrow \max, \quad (4)$$

где $MP(q_{ij}^v)$ – маржинальная прибыль от продажи ПВН; $MP(q_{ij}^w)$ – маржинальная прибыль от продажи ПГН.

В модель оптимизации структуры портфеля заказов необходимо ввести ограничения по количеству производимой продукции военного (n^v) и гражданского назначения (n^w), суммарным материальным, трудовым и капитальным затратам (C). Уравнения для ограничений имеет вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n q_{ij} \geq 0; \\ \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n q_{ij} - \text{ограничение}; \\ \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n (a_{ij} + b_{ij} + c_{ij}) \leq C; \\ \sum_{j=1}^{m^v} \sum_{i=1}^{n^v} q_{ij}^v \geq \sum_{j=1}^{m^v} \sum_{i=1}^{n^v} L_{ij}^v, \end{array} \right. \quad (5)$$

Введенное ограничение на объем производства продукции военного назначения соответствует требованиям национальной безопасности: точно в срок обеспечить поставку продукции военного назначения. По продукции гражданского назначения ограничений нет, так как ее производство будет обеспечено с использованием аутсорсинга.

Риск портфелей на примере ОАО «МК «Витязь» оценивается на основе эвристического метода с использованием ранжирования вариантов (см. табл.). Критерий сравнения альтернативных вариантов задается в виде скалярной величины – место, которое занимает предложенный вариант среди других вариантов. Шесть альтернативных вариантов проекта эксперты (компетентные специалисты предприятия) упорядочили по степени риска. Последовательность рангов преобразована в нормированный ряд.

Таблица – Маржинальная прибыль портфелей, млн. руб.

№	Доля ПВН в производс- твенной мощности, %	Выручка			Маржинальная прибыль			Рейтинг и вариант ов
		ПВН	ПГН	Аутсорсинг	ПВН	ПГН	Аутсорсинг	
1	15	22,42	121,8	0	20,1	31,6	0	0,614
2	74	112,1	378,9	49,8	77,7	15,2	20	0,591
3	38	56,05	939,5	0	38,9	37,7	0	0,365
4	52	78,47	705,3	0	54,4	28,7	0	0,241
5	97	145,73	4,27	50	101,1	1,7	20,1	0,306
6	67	134,52	15,48	34,5	93,3	6,2	5	0,184

Таким образом, выбору подлежит первый вариант портфеля заказов, который имеет наибольший рейтинг (при минимальном риске).

Предложенная модель формирования и оптимизации структуры портфеля заказов апробирована на примере ОАО «МК «Витязь», которая позволяет повысить скорость принятия управленческого решения и тем самым обеспечить эффективность

функционирования предприятия. Экономически обоснована возможность привлечения организации-аутсорсера для производства комплектующих и полуфабрикатов при производстве ведущих мостов для троллейбусов и сельскохозяйственных комбайнов.

Список литературы

1. *Анфилатов В.С., Емельянов А.А., Кукушкин А.А.* Системный анализ в управлении. - 4-е изд. - М: Финансы и статистика, 2006. - 368 с.
2. *Буренок В.М.* Механизмы управления производством продукции военного назначения / В.М. Буренок, Г.А. Лавринов, Е.Ю. Хрусталеv; Центр. экон.-мат. Ин-т РАН. – М.: Наука, 2006. – 303 с.
3. *Власов М.П.* Моделирование экономических процессов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 409 с.
4. *Календжян С.О.* Аутсорсинг и делегирование полномочий в деятельности компании. – М.: Дело, 2003. – 269 с.
5. *Коптев Ю.Н.* Оборонно-промышленный комплекс государственного сектора, сегодня ближайшие годы... // Вооружение. Политика. Конверсия. 2006. - №2. – С. 3 – 8.
6. *Путилин В.Н.* Роль оборонно-промышленного комплекса в становлении инновационного облика российской экономики // Вооружение. Политика. Конверсия. – 2007. - №2. – С. 3 – 6.

08.00.12

Н.А. Аюбов к.э.н.

Ростовский государственный строительный университет,
г. Ростов на Дону, kafuchet@yandex.ru

КОНТРОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКИ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ МСФО

В статье рассмотрены принципы международных стандартов отчетности с позиций адаптации национальных стандартов. Даны рекомендации по совершенствованию системы контроля учетной политики в соответствии с международными принципами контроля и разработаны мероприятия по созданию национальной эффективной системы контроля.

Ключевые слова: *международные стандарты, адаптация учетных систем, учетная политика, контроль, единые правила, отчетность.*

Для осуществления роста инвестиционной привлекательности России и более эффективной деятельности российских предприятий необходимо изменить приоритеты экономической системы России.

Для осуществления вхождения в мировую экономическую систему требуется изучение и применение в практической деятельности российских предприятий мирового опыта в области бухгалтерского учета и отчетности.

С 1 января 2013 года вступил в силу новый закон о бухгалтерском учете 402-ФЗ, который прямо формулирует, что все отраслевые и федеральные стандарты отечественного учета базируются на МСФО.

Введение в действие нового закона в области организации бухгалтерского учета, документации и регистрации данных бухгалтерской отчетности № 402 - ФЗ «О бухгалтерском учете», который занял важное место в системе остальных законов, разработанных применительно к специфике рыночных отношений, способствует развитию национальных систем бухгалтерского учета и отчетности [1].

Федеральный закон № 402 ФЗ устанавливает единые правовые и методологические основы организации и ведения бухгалтерского учета; повышает юридический статус норм бухгалтерского учета для коммерческих и некоммерческих организаций; закрепляет обязанность ведения бухгалтерского учета юридическими лицами и повышает статус норм бухгалтерского учета до уровня статуса норм другого законодательства [1].

Это доказывает, что происходят существенные изменения в методологии и практике финансовой отчетности российских предприятий.

Международные стандарты финансовой отчетности предоставляют возможность упорядочить совокупную экономическую информацию и определяют регламент методологии учетной политики хозяйствующего субъекта в рамках бухгалтерского и налогового учета.

При использовании МСФО в своей практической деятельности российские предприятия могут формировать релевантную информацию, понятную как для внутренних, так и для внешних пользователей. Это позволит привлечь инвестиции для развития и расширения производственной деятельности и как следствие повышение эффективности руководства организациями и преимущества в конкурентной борьбе.

Адаптация российских компаний к международным стандартам финансовой отчетности происходит постепенно. В 2010 году президентом России Дмитрием Медведевым был подписан закон N 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности». В соответствии с этим законом с 2015 года, все российские организации должны будут вести свою отчетность в соответствии с международными стандартами. На сегодняшний день в нормативные

национальные документы вносятся дополнения и изменения, в положения по бухгалтерскому учету, для того что бы они соответствовали МСФО.

Изменения коснулись ПБУ 1/2008 «Учетная политика». С учетом изменений в соответствии с МСФО российские предприятия при формировании приказа по учетной политики для разработки способов ведения бухгалтерского учета должны исходить не только из российских, но из Международных стандартов финансовой отчетности, в частности МСФО №8 «Учетная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибках». Цель стандарта состоит в установлении критериев выбора и изменения учетной политики, вместе с порядком учета и раскрытия информации об изменениях в учетной политике, изменениях в бухгалтерских оценках и корректировках ошибок. Настоящим стандартом планируется улучшить качество финансовой отчетности предприятия в отношении уместности, надежности и сопоставимости этой финансовой отчетности во времени и с финансовой отчетностью других предприятий.

Необходимо отметить, что публичные крупные компании МСФО учитывали и раньше, так как они составляли помимо отчетности по РСБУ, так же отчетность по МСФО. И что важно отметить такие компании при осуществлении управленческого учета, внутреннюю отчетность формируют в соответствии с принципами МСФО. Но на сегодняшний день такие российские компании составляют отчетность, как по российским стандартам бухгалтерского учета, так и по МСФО для иностранных инвесторов, так как российские стандарты значительно отличаются от международных.

Главная задача МСФО (IAS) 8 «Учетная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки» [2] предоставлять пользователям надежную и достоверную информацию и в тоже время доступную для понимания.

При использовании МСФО могут возникать проблемы, так как по некоторым статьям отчетности фактов хозяйственной жизни предприятия в МСФО отсутствуют правила которые необходимо применить для отражения тех или иных фактов. В этом случае при формировании учетной политики необходимо руководствоваться профессиональными суждениями используя другие стандарты финансового учета и отчетности.

В таких ситуациях при формировании учетной политики руководство компании должны руководствоваться предложенным алгоритмом МСФО (IAS) 8.

1. В соответствии с параграфом 11 МСФО (IAS) 8 компания рассмотрит:

- правила, содержащиеся в стандартах и интерпретациях, применимых к аналогичным операциям, событиям или условиям;
- применимость определений, критериев признания, правил оценки активов, обязательств, доходов и расходов, содержащихся в Принципах подготовки и представления финансовой отчетности [2]

2. В соответствии с параграфом 12 МСФО (IAS) 8 компания также может рассмотреть:

- более поздние по времени документы, выпущенные другими органами, уполномоченными устанавливать стандарты бухгалтерского учета и отчетности, применяющими принципы, аналогичные МСФО;
- сложившуюся отраслевую практику;
- специализированную литературу по бухгалтерскому учету и отчетности [2].

Одной из основных характеристик финансовой отчетности является надежность информации предоставляемой пользователям. Для того чтобы сведения представленные в финансовой отчетности были надежными необходимо выполнение нескольких условий. Прежде всего, должны быть правдивыми сведения о финансовом положении компании, о его финансовых результатах и движении денежных средств. Информация должна быть нейтральной и осмотрительной, особенно при расчетах в условиях риска и неопределенности. И, несомненно, она должна быть полной, т.е. в ней должны быть отражены все факты хозяйственной жизни без исключения.

Требования, предъявляемые к учетной политики определены не только в МСФО №8. Несколько МСФО так же дополняют требования к учетной политики организаций.

МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчетности» в новой редакции, представляет требования к раскрытию информации об учетной политике. По формированию учетной политики и раскрытию информации о ней в отношении отдельных статей активов и обязательств, доходов и расходов регулируются, МСФО (IAS) 16 «Основные средства» [3], МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы» [4], МСФО (IAS) 23 «Затраты по займам» [5], МСФО (IAS) 2 «Запасы» [6], МСФО (IFRS) 1 «Первое применение МСФО» и прочими стандартами.

В современных условиях хозяйствования необходимо на российских предприятиях создать эффективную систему контроля, которая будет основана на принципах международных стандартов учета и аудита и войдет в составную часть управления экономическими объектами, их составными частями и процессами, заключающимися в проведении мониторинга объекта с целью определения фактического состояния объекта прогнозируемому, желаемому или необходимому. Система контроля, построенная на принципах МСФО, будет способствовать усилению конкурентных позиций отечественных предприятий. Данная система должна строиться на данных, предоставляемых управленческим учетом, и соответствующих требованиям эффективности информации.

Для создания системы контроля учетной политики, построенной на принципах МСФО необходимо учитывать, насколько эффективно предприятие использует имеющиеся ресурсы и насколько эффективно использует потенциал экономического развития. Важно знать, как предприятие адаптировано, к изменениям, происходящим во внутренней и внешней среде и какие созданы условия для создания резервов для устойчивого развития в условиях рыночной конкуренции.

При осуществлении контроля учетной политики по МСФО могут проверяться правила внутреннего распорядка работниками экономического субъекта, обеспечение необходимого уровня полноты и точности первичных документов, обеспечение соблюдения требований законодательной и нормативной базы.

Принципы МСФО определяют основные функции системы контроля учетной политики и ее исполнения аудиторских процедур.

Основные функции системы контроля учетной политики:

1) оценка адекватности и эффективности управленческих систем, то есть осуществление оценки звеньев управления экономическим субъектом, выявление недостатков, а также предложение рекомендаций по устранению этих недостатков и повышению общей эффективности деятельности экономического субъекта;

2) общая оценка эффективности деятельности, то есть проведение экспертного анализа различных аспектов деятельности экономического субъекта, предложение обоснованных рекомендаций по улучшению рассмотренных показателей.

Цель создания системы контроля с использованием принципов МСФО заключается в обеспечении соответствующей концепции управления качеством и удовлетворение потребностей пользователей отчетности в объективной информации о деятельности контролируемого субъекта.

Решение проблем, связанных с повышением качества контроля учетной политики, должно решаться на основе трех принципов: на научных знаниях, практической деятельности и информационной системы. Это связано с анализом изменений потребностей пользователей финансовой отчетности; с необходимостью повышения эффективности управления не результатами контроля.

Использование международных стандартов в практике российских предприятий создает прозрачную и понятную для пользователей информацию в отчетности. Позволит привлечь финансовые и кредитные ресурсы для развития и расширения деятельности, по данным анализа достоверной отчетности наметить пути оптимизации коммерческой деятельности, даст импульс для повышения эффективности руководства организациями, получить преимущества в конкурентной борьбе.

Реализация предложенной системы по внедрению методов внешнего и внутреннего контроля, ориентированной на требования международных стандартов, позволит повысить качество проводимого контроля, усовершенствовать методы контроля учетной политики и будет способствовать улучшению учетных процедур в целом и с позиций достоверности и надежности.

Список литературы

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» ФЗ № 402 <http://www.garant.ru>
2. МСФО (IAS) 8 «Учетная политика, изменения в бухгалтерских оценках и ошибки» <http://www.cfin.ru>
3. МСФО (IAS) 16 «Основные средства» <http://www.cfin.ru>
4. МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы» <http://www.cfin.ru>
5. МСФО (IAS) 23 «Затраты по займам» <http://www.cfin.ru>
6. МСФО (IAS) 2 «Запасы» <http://www.cfin.ru>

08.00.12

Н.А. Аюбов к.э.н., П.В. Попова

Ростовский государственный строительный университет,
г. Ростов на Дону, kafuchet@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ РАБОТЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В статье рассмотрены ключевые вопросы контроля и ревизии предприятий различных форм собственности. Представлена методика организации действенного финансового контроля, за полнотой формирования и своевременного поступления государственных доходов, а также за законностью и эффективностью использования бюджетных средств.

Ключевые слова: *контроль, рыночная экономика, финансовые ресурсы, финансово-хозяйственное законодательство, финансовые правонарушения.*

Обязательным условием эффективного функционирования системы свободного многоукладного хозяйствования, характерной для рыночной экономики, является соблюдение прав, обязательств и ответственности всех участников хозяйственной деятельности. Это возможно при соблюдении принципов верховенства закона. Законность и стабильность особенно важны в процессе финансовой деятельности государства и его субъектов.

Неукоснительное соблюдение государственными органами, юридическими и физическими лицами норм финансового права достигается в первую очередь с помощью финансового контроля. Это обстоятельство существенно увеличивает его значение.

Чтобы определить сущность и значение государственного финансового контроля, необходимо понимать что же такое контроль в принципе.

Контроль - часть системы управления и регулирования экономическими процессами, которая должна вскрывать отклонения от принятых стандартов и нарушения принципов законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии с целью принятия корректирующих мер, получения возмещения причиненного ущерба и привлечению виновных к ответственности, осуществления мероприятий по предотвращению таких нарушений в будущем.

Контроль как элемент управления играет существенную роль в обеспечении функционирования государства. Анализ развития контроля показывает, что он является широко распространенным объективным явлением в экономической жизни общества. Сложность контроля обусловлена его встроенностью в органы, механизмы и объекты управления, тесной связью с функциями управления.

Контрольная функция обуславливает возможность осуществления финансового контроля. Финансовый контроль – это экономические отношения по поводу формирования и эффективного использования финансовых ресурсов во всех сферах экономики в процессе расширенного воспроизводства материальных благ и услуг, проявляющиеся в контроле специально созданных органов за финансовой деятельностью экономических субъектов, соблюдением финансово-хозяйственного законодательства, целесообразностью произведенных расходов, экономической эффективностью финансово-хозяйственных операций в процессе реализации экономической политики, позволяющей оценить, насколько эффективно использованы ресурсы для достижения поставленной цели и выявить отклонения от целевой функции.

С сущностной стороны финансовый контроль, отражая движение финансовых средств, выступает как объективная необходимость воспроизводственного процесса в любой общественно-экономической формации, является носителем тех финансовых отношений,

которые присущи именно данной, конкретной общественно-экономической формации. Эта сущность проявляется в контроле за распределением валового внутреннего продукта по соответствующим фондам и расходованием их по целевому назначению.

С другой стороны, финансовый контроль проявляется через деятельность органов государственного финансового контроля, осуществляющих внутрихозяйственный и независимый от властных структур и субъектов хозяйствования контроль (аудит). Это позволяет обществу определить, насколько своевременно финансовые ресурсы поступают в распоряжение субъектов хозяйствования и эффективно и результативно ими используются.

Из двойственной структуры государственного финансового контроля можно сделать определенные выводы, имеющие важное значение для практических целей.

Финансовый контроль только тогда будет результативно решать свои задачи, когда государственные средства будут охвачены им в максимально полном объеме. Следовательно, объектами государственного финансового контроля являются движение денежных средств, материальных и иных финансовых ресурсов государства в процессе аккумуляирования, распределения и использования денежных фондов, а также все экономические субъекты, если они получают, перечисляют средства бюджетов любого уровня, управляют государственной или муниципальной собственностью, а также имеют льготы, предоставленные соответствующими государственными органами власти. Субъектами государственного финансового контроля выступают государственные органы и органы местного самоуправления, которые используют в своей экономической деятельности бюджетные средства и государственную собственность, а также другие образования, которые наделены полномочиями, проводить мероприятия по соблюдению финансового законодательства.

Таким образом, с учетом анализа сущности финансов, как экономической категории, финансовый контроль – это экономические отношения по поводу формирования и эффективного использования финансовых ресурсов и собственности, проявляющиеся в деятельности регулируемых правовыми нормами субъектов финансовых правоотношений (органов государственной власти) по контролю за поступлением, движением и расходованием государственных финансовых средств и государственной собственности.

Особое место занимает классификация по типам государственного финансового контроля. В основу типологии государственного финансового контроля положен такой существенный признак, как охват государственной финансовой системы. Итак, следует рассматривать следующие типы государственного финансового контроля.

Финансово-бюджетный контроль охватывает обусловливаемые финансово-экономическими (в первую очередь, бюджетными) отношениями государственные финансовые потоки как единое целое (т.е. без «привязки» к конкретным экономическим единицам). Так, финансово-бюджетный контроль в основном включает различного рода контрольные мероприятия в рамках непосредственно бюджетного процесса: оценку обоснованности доходных и расходных статей в рамках бюджетной классификации, проверку полноты и своевременности исполнения бюджетов всех уровней, надзор за расходованием средств государственных внебюджетных фондов и т.д.

Финансово-хозяйственный контроль охватывает финансово-хозяйственную деятельность конкретных экономических единиц (или субъектов хозяйствования), взаимодействия которых (экономические трансакции) в число прочего и создают финансовые потоки (являясь своего рода «опорными пунктами» общей финансово-хозяйственной системы государства).

В теории и практике финансового контроля, по временному аспекту, принято различать следующие его формы: предварительный, текущий, последующий.

Предварительный контроль осуществляется до совершения финансово-хозяйственных операций и направлен на предотвращение незаконности и нецелесообразности выполнения операций еще на стадии выделения бюджетных средств и совершения расходов бюджета посредством последовательного и неукоснительного соблюдения требований всех этапов

процедуры санкционирования и финансирования расходов бюджета. Это позволяет предупредить нарушение действующего финансового законодательства и выявить еще на стадии прогнозов и планов дополнительные финансовые ресурсы, пресечь попытки нерационального использования средств. Предшествуя совершению хозяйственных и финансовых операций, предварительный контроль носит предупреждающий характер. Он важен, когда вводятся новые нормативные акты по регулированию финансовой деятельности экономических субъектов. Эта форма контроля способствует предупреждению многих нарушений в будущем.

Текущий контроль проводится в короткие промежутки времени – в процессе совершения хозяйственных и финансовых операций. Опираясь на данные первичных документов, оперативного и бухгалтерского учета, инвентаризаций и визуального наблюдения, текущий контроль позволяет регулировать быстро изменяющиеся хозяйственные ситуации, предупреждать потери и убытки, например, в результате неправильного начисления новых налогов. Обычно текущий контроль, как и предварительный, не носит репрессивного характера. Текущий контроль называют иначе оперативным. Он ежедневно осуществляется финансовыми службами для предотвращения нарушений финансовой дисциплины в процессе привлечения и расходования денежных средств, выполнения предприятиями, организациями, учреждениями обязательств перед бюджетом. Текущий контроль позволяет предотвратить совершение финансовых правонарушений, а также предупреждать возможные потери на фоне быстро меняющейся хозяйственной ситуации.

Последующий контроль является неотъемлемой частью внешнего контроля. Он сводится к проверке финансово-хозяйственных операций за истекший период на предмет законности и эффективности осуществления расходов, полноты и своевременности поступления, предусмотренных бюджетом средств. Главным критерием последующего контроля выступают именно объем и глубина охвата проверкой различных сторон хозяйственной и финансовой деятельности проверяемой организации. Последующий контроль, отличающийся углубленным изучением хозяйственной и финансовой деятельности предприятия за истекший период, позволяет вскрыть недостатки предварительного и текущего контроля.

По видам финансовый контроль в Российской Федерации подразделяется следующим образом: внешний, ведомственный, внутренний.

Внешний контроль – это контроль, осуществляемый специально созданными государственными контрольными органами, функционально и организационно независимыми от контролируемых объектов.

Внутренний контроль – это контроль, осуществляемый специально созданным структурным подразделением организации, осуществляющей финансовый контроль.

Ведомственный контроль – это внутренний контроль деятельности структурных подразделений органа исполнительной власти или внешний контроль деятельности подведомственной организации, осуществляемый самостоятельным контрольно-ревизионным структурным подразделением.

Исходя из методов государственного финансового контроля возникают методические приемы их осуществления, которые в свою очередь можно разделить на общенаучные, собственные эмпирические, специфические.

Собственные эмпирические, методические приемы контроля: инвентаризация, контрольные замеры работ, контрольные запуски оборудования, формальная и арифметическая проверка, встречная проверка, способ обратного отчета, метод сопоставления однородных фактов, логическая проверка, письменный и устный опрос и другие.

Для формирования полной характеристики указанных форм контроля необходимо определиться со структурной органов государственного финансового контроля, сформулировать цели и задачи государственного финансово-бюджетного контроля.

Список литературы

1. *Аюбов Н.А.* Финансовый контроль и ревизия в бюджетных учреждениях. Учебное пособие, ООО «Издательство Ставролит» 2012
2. *Аюбов Н.А.* Информационно – аналитическое обеспечение ревизии и аудиторского контроля деятельности организаций. Ростов на Дону, РГСУ 2012

08.00.05

О.Н. Балабанова к.э.н.

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, экономический факультет, кафедра производственного менеджмента, Набережные Челны, olgachelny75@mail.ru

ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В работе представлены результаты анализа системы государственной поддержки малого предпринимательства. Предложены индикаторы эффективности системы государственной поддержки. Выполнен расчет индикаторов за 2 года в России и Республике Татарстан.

Ключевые слова: *малое и среднее предпринимательство, средняя численность, оборот производства, валовой внутренний продукт.*

В 1995 году развитие малого предпринимательства становится приоритетным направлением развития экономики России. В 2007 году Закон о развитии малого и среднего предпринимательства [7] фактически уравнивал значимость и права этих двух сегментов предпринимательства. Ежегодно проводится комплекс мероприятий по поддержке бизнеса, на что тратятся значительные средства из бюджетов разного уровня, создана развитая инфраструктура поддержки. Вопрос в том, являются ли достаточными эти меры для полноценного развития бизнеса.

Таблица 1- Выделение средств на финансирование субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) республики Татарстан [8]

Год	Средства федерального бюджета, тыс. руб.	Средства республиканского бюджета, тыс. руб.
2011	1097886	731924
2012	937403	624935
2013	1171723	781148.9

Целью данной работы является анализ эффективности системы государственной поддержки малого предпринимательства в России и Татарстане. Задачи работы: 1) определить индикаторы оценки эффективности развития малого бизнеса; 2) рассчитать значения индикаторов в России и Татарстане; 3) определить эффективность и достаточность мер государственной поддержки бизнеса.

Основными целями государственной поддержки МСП [7] являются: 1) развитие субъектов МСП в целях формирования конкурентной среды; 2) обеспечение благоприятных условий для развития; 3) обеспечение конкурентоспособности субъектов МСП; 4) оказание содействия в продвижении производимых товаров (работ, услуг) на рынок РФ и рынки иностранных государств; 5) увеличение количества субъектов МСП; 6) обеспечение занятости населения и развитие самозанятости; 7) увеличение доли производимых МСП товаров (работ, услуг) в объеме ВВП; 8) увеличение доли уплаченных налогов.

Можно разделить эти цели на качественные и количественные. В работе выполнен анализ количественных показателей развития малого предпринимательства. Анализ различных источников показал отсутствие единой системы показателей либо интегрированного показателя оценки эффективности государственной поддержки. В работах В.Ю. Букова [1], Е.В. Романенко [4], А.В. Немец [3], И.А. Жуковой [2], Г.В. Терешкина [5] и других предлагается использовать зарубежные либо оригинальные показатели развития бизнеса. Федеральный портал МСП для статистики и аналитики за 2011-2012 годы использует похожие показатели эффективности, причем каждый год разные. Нет законодательно утвержденной методики оценки эффективности господдержки и нет возможности

анализировать динамику показателей. Невозможно определить достаточность и эффективность мер государственной поддержки. Часто под понятием «эффективность поддержки» понимается соотношение затрат и эффектов (социальных, бюджетных, коммерческих). На основе такого соотношения, например, предлагается проводить конкурсный отбор предпринимательских проектов. Нами предлагается следующее. Эффективность системы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства определим как степень достижения целей государственной политики в области поддержки, заявленных в законе [7]. Средства выделяются государством на определенные цели, и если они достигнуты, поддержка была оказана эффективно, средств выделено достаточно, и наоборот.

Республика Татарстан является одним из наиболее инвестиционно-привлекательных регионов России. Действует республиканская программа развития малого и среднего бизнеса, принятая на 2011-2013 годы. Агентство инвестиционного развития республики сотрудничает с Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов. Действуют технопарки, бизнес-инкубаторы, промышленные парки и площадки, центры кластерного развития и т.д. Создана «Корпорация развития Республики Татарстан». Помощь предпринимателям в получении необходимых кредитов оказывает Гарантийный фонд РТ. В решении вопросов по развитию экспорта продукции помогает Центр поддержки экспорта РТ [9].

Для анализа эффективности системы государственной поддержки будем использовать только индикаторы, соответствующие целям государственной политики – численность малых предприятий, занятость на них, доля производимой продукции. Индикаторы рассмотрим в динамике. Для расчета используем данные федеральной службы государственной статистики [6].

Таблица 2- Статистика малых предприятий России и Татарстана

Год	Численность МП в РФ	Численность МП в РТ
1.01.2012	242677	6433
1.01.2013	238097	6351
Декабрь-июнь 2013	234495	5642

Таким образом, цель роста числа МП не достигнута ни в стране, ни в республике. Фиксируется спад активности малого предпринимательства.

Таблица 3 – Средняя численность работников малых предприятий России и Татарстана

Год	Численность в РФ, чел.	Численность в РТ, чел.
1.01.2012	7126016	207863
1.01.2013	6839962	211053
Декабрь-июнь 2013	6337626	198006

В целом в РФ снижается численность занятых в малом предпринимательстве. В 2012 году динамика занятости в малом бизнесе в РТ была лучше, чем в России, но в 2013г. ухудшилась.

Таблица 4 – Динамика оборота МП в России и Татарстане

Год	Оборот за год в РФ, тыс. руб.	Оборот за год в РТ, тыс. руб.
2011	15584817305	290723076
2012	15116297261	366203051

Оборот в РФ снижается. В РТ динамика оборота положительная, что свидетельствует об эффективности государственной политики поддержки предпринимательства. Найдем долю оборота МП в ВВП России. В 2011г. ВВП составил 55799,6 млрд. руб. В 2012г. ВВП составил 62599,1 млрд. руб.

Таблица 5 – Динамика доли оборота МП в ВВП

Год	Доля оборота МП в РФ, %	Доля оборота МП в РТ, %
2011	27,9	0,52
2012	24,1	0,58

Динамика доли оборота МП в РФ отрицательная. Динамика в РТ положительная.

Индикаторы свидетельствуют о недостаточной эффективности государственной поддержки малого бизнеса в России. В РТ часть показателей демонстрирует положительные

тенденции, часть – отрицательные, в целом эффективность господдержки выше, чем в России. Следует признать, что применяемые меры поддержки недостаточны, комплекс мероприятий следует расширять, объем финансирования увеличивать.

Список литературы

1. В.Ю. Буров, В.С. Потаев, А.П. Суходолов. Малое предпринимательство в России и Байкальском регионе. – Иркутск, 2011. – с.212-215.
2. Жукова И.А., Савчишкина Е.П. Методические рекомендации по оценке эффективности государственной поддержки малого бизнеса (на примере г.Шахты Ростовской области) [Электронный ресурс] // Современные технологии управления, 2012. - №12 (24). Режим доступа: <http://sovman.ru> (дата обращения 13.12.2013).
3. Немец А.В. Оценка эффективности поддержки малого предпринимательства в системе государственного регулирующего воздействия: автореф. дис. канд. эк. наук. – Новосибирск, 2009. – С. 5-10
4. Романенко Е.В. Региональные программы поддержки и развития малого предпринимательства: показатели эффективности [Электронный ресурс] // Российское предпринимательство. — 2008. — № 11 Вып. 1 (122). — с. 93-96. — Режим доступа <http://www.creativeconomy.ru/articles/5121/>(дата обращения 13.12.2013)
5. Терешкин Г.В. Оценка эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в муниципальных образованиях: дис. канд.эк.наук.- СПб, 2010. – с. 120-125.
6. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/reform/#>(дата обращения 12.12.2013)
7. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. N 209-ФЗ "О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации"
8. Федеральный портал малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://smb.gov.ru> (дата обращения 12.12.2013)
9. Финансовая поддержка малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс] // Деловой центр РТ - интернет-портал TatCenter.ru. Режим доступа <http://info.tatcenter.ru/online/54/> (дата обращения 12.12.2013)

08.00.05

Ю.Ю. Бравая

ФГАОУ ВПО Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, ardach@bk.ru

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В работе представлен обзор средств и методов дистанционного обучения, анализируются преимущества и недостатки синхронного и асинхронного видов обучения, приведены наиболее удачные решения и рассмотрены будущие тенденции развития данного направления.

Ключевые слова: дистанционное обучение, виртуальные классы, современные средства обучения, e-learning.

Термин «Дистанционное обучение» многими специалистами воспринимается, как аналог термина «e-Learning» – «электронное обучение» (по аналогии с e-Commerce – «электронная коммерция» и e-Business – «электронный бизнес»). Но это в корне неправильно. Само понятие «e-Learning» следует рассматривать значительно шире, чем понятие «Дистанционное обучение» [2].

Несмотря на то, что изначально под электронным обучением подразумевалось обучение с помощью компьютеров, по мере развития компьютерных и интернет технологий e-Learning оброс дополнительными значениями. Самые заметные из них: удаленное обучение, дистанционное обучение, виртуальное обучение, сетевое обучение и обучение при помощи электронных технологий. Благодаря широкому использованию мультимедийных и интернет-технологий эффективность обучения, проводимого в дистанционной форме, не только сравнялась с эффективностью обучения, проводимого в традиционной очной форме, но и во многих случаях превысила ее, что привело к быстрому расширению применения технологий дистанционного обучения. Широкое использование технологий дистанционного обучения в свою очередь привело к появлению и широкому распространению термина: «Дистанционное образование».

Есть целые десятки категорий и подкатегорий, на которые принято делить e-Learning. Каждая организация/вуз/фирма, специализирующиеся на e-Learning, создаёт свою иерархию и деления на подвиды. Для анализа e-Learning технологий используемых в дистанционном обучении, целесообразнее разделить их на два вида: синхронное и асинхронное обучение.

Синхронное обучение, подразумевает обучение в режиме реального времени с преподавателем или ведущим. В синхронном обучении все участники онлайн сессии одновременно находятся в виртуальном классе и могут задавать вопросы ведущему сессии непосредственно на самой лекции. Стоит заметить, что в отличие от классического обучения, преподаватель обычно не имеет возможности проверить, все ли его слушают, поэтому успех в данном случае во многом зависит от сознательности обучающихся [4].

Несмотря на то, что можно провести ряд параллелей между обычным очным обучением и обучением онлайн, есть ряд определенных различий. Во-первых, это различные инструменты совместной работы (разделение приложений, многопользовательские «белые доски» (приложение, позволяющее нескольким пользователям рисовать, писать и т.д. на одном экране, как на доске или листе бумаги), чат и так далее). Во-вторых, программы короче по времени (не более двух часов), и планирование может охватывать гораздо более длительный период, чем несколько дней, как при традиционном методе [1].

Разработчики пытаются постоянно совершенствовать приложения, многие из самых

популярных успели притерпеть изменения даже за последние полгода. Наиболее известные на данный момент программы для дистанционного синхронного обучения: Interwise (AT&T), Webex (Cisco), Adobe Connect, Saba Centra, Elluminate, Instant Presenter.

В этот список можно добавить ещё около десятков программ. Но именно эти инструменты по опросам пользователей и экспертов являются более удобными и функциональными, чем их конкуренты. Чтобы онлайн-обучение было успешным, надо уделить внимание всем компонентам, включая сопутствующие материалы, визуальные средства, коммуникационные средства, средства интерактивности и совместной работы, скрипты и т.д. Большинство организаций, когда им нужно начинать синхронное обучение, а курсов не существует, пытаются просто перенести свои учебные материалы в онлайн среду. Из-за сравнительной молодости e-Learning в России используется весьма ограниченное количество средств и технологий, позволяющих взаимодействовать участникам процесса обучения в режиме реального времени. Наибольшее распространение пока получили аудио/видеоконференции и виртуальный класс.

Видеоконференции позволяют транслировать видеоизображения на любые расстояния. Это может быть трансляция реальной конференции, например можно транслировать слайды презентации напрямую с компьютера спикера с голосовым сопровождением, т. е. собственно выступлением. Занятия, проводимые через виртуальный класс (virtual class), — один из наиболее ярких примеров для категории синхронного обучения: преподаватель/тьютор дает учащимся информацию, упражнения, отвечает на вопросы аудитории, оценивает усвоение знаний и т. д. через виртуальное общение.

В связи с ростом популярности совместного/коллаборативного обучения (collaborative learning) среди элементов (технологий) виртуального класса выделилась группа, которую условно можно назвать — средства коллаборативного синхронного обучения. К ним относятся Whiteboard и Breakout rooms. Whiteboard — это электронная доска для рисования, где преподаватель управляет правами доступа к доске: может рисовать на ней сам или вместе с обучаемыми. Она позволяет преподавателям и студентам совместно использовать область экрана, где можно размещать слайды и картинки, рисовать, делать пометки. Информация обновляется в реальном времени на компьютере каждого из участников. Любой из участников процесса имеет возможность работать с контентом на доске в одном режиме с другими участниками процесса, а именно добавлять свои комментарии к схемам на доске, а также дорисовывать, исправлять, наглядно объяснять коллегам, находящимся удаленно, свою точку зрения. Этот тип взаимодействия часто включается в программное обеспечение для проведения видео конференций. «Доски» помогают обучающимся сконцентрироваться на некоторых идеях или процессах. Распространенный пример «виртуальной доски» — Kerika's graphical Wiki approach. Breakout rooms (дословно — комнаты прорыва) — виртуальные комнаты для работы в малых группах, оснащенные технологиями для совместной работы с текстовым и видео материалом. По решению преподавателя обучаемые из комнат могут собраться в общей сессии и обсудить результаты своей групповой работы.

Совместная работа с приложениями — инструмент когда преподаватель или другой пользователь виртуального класса с соответствующими правами, начинают демонстрацию экрана своего компьютера (всего экрана или отдельного программного продукта) всем остальным обучаемым. В некотором случае преподаватель может передать управление своим компьютером обучаемому или наоборот показать определенные действия обучаемому на его компьютере, сопровождая их комментарием.

Интерактивные опросы позволяют быстро собрать мнения участников обучения по той или иной теме. Технология позволяет быстро создавать опросник, редактировать его, размещать, например, в виртуальном классе и других синхронных электронных средствах обучения.

Вебтуры (webtours) — совместный веб серфинг. Технология, позволяющая совместно «путешествовать» по веб-сайтам.

Совместная работа с powerpoint — единовременная совместная работа над презентациями в powerpoint сразу нескольких членов команды или рабочей группы. Обычно имеется в виду удаленная работа.

Асинхронное обучение, в свою очередь, это система электронного обучения, при котором обучающийся получает информацию из онлайн источников или электронных носителей информации (CD, DVD, флешки) и самостоятельно регулирует свое продвижение по материалу. Асинхронное обучение с каждым годом становится всё более популярно, в связи с чем появляются более новые форматы подачи информации (подкасты, скринкасты и т.д.). Асинхронное обучение основанно на конструктивизме, поэтому ответственность обучающегося более велика, чем при синхронном обучении, так как, по сути, обучающийся решает для себя, когда он продолжит обучение и продолжит ли его вообще.

К наиболее распространенным примерам асинхронного обучения можно отнести: электронные учебные курсы (Intuit.ru, сетевая академия Cisco), всевозможные курсы на CD, блоги (Хабрахабр, Блог CurlyBrace по веб-разработке, WordPress для каждого), подкасты (PodFM.ru), скринкасты (скринкасты по верстке сайтов с Хабра, Skillopedia.ru, обучающие ролики с YouTube Edu).

Следует отметить, что асинхронное обучение может быть гораздо более гибким и продуктивным, по сравнению с синхронным обучением. Но это, безусловно, зависит от характера обучающегося. Т.е. ответственность за прохождение курса, чтение литературы и т. п. целиком ложится на плечи учащихся. Преподаватель/тьютор остается «за кадром», зато появляется преимущество self-paced learning, когда учащийся может проходить курс в удобное ему время, и в том режиме, в котором комфортно лично ему [3].

В категорию технологий асинхронного электронного обучения попадают самые популярные на российском рынке традиционные электронные учебные курсы. Не зависимо от того, каким образом происходит доставка учебного курса до учащегося: на диске или через систему управления обучением (LMS), связь с преподавателем разорвана во времени.

Сочетание синхронного и асинхронного обучения используется для более сильного эффекта. Кроме того, в смешанном обучении, часто применяется классическое обучение в реальном классе (face-to-face), m-Learning (Mobile Learning) с использованием смартфонов и мобильных девайсов и другие виды электронного обучения. В частности, такое средство обучения как вебинар (веб+семинар) может принадлежать к обеим категориям: как к категории синхронного, так и асинхронного электронного обучения. Если же вы скачали запись вебинара, прошедшего пару недель назад, то перед вами — асинхронный тип электронного обучения. Вебинары удобны как раз тем, что после их живого проведения остается «сухой остаток», который может быть еще более востребован людьми, нежели оригинал.

В категорию асинхронных средств общения, в том числе используемых для обучения, попадают форумы, которые как тип взаимодействия имеет свои плюсы и минусы. Большой минус заключается в медленном темпе процесса взаимодействия: на форуме никогда нельзя предположить, как скоро получишь ответ на свою реплику или вопрос. Плюс — в индексации содержания форумов поисковыми машинами (Яндекс, Рамблер, Google): можно найти форум с обсуждением схожей темы и отыскать там ответы на свои вопросы [3].

Помимо появления сетевых академий у ведущих игроков рынка и запуска тысяч образовательных интернет проектов, e-Learning/электронное обучение стало неотъемлемой частью среднего и крупного бизнеса. Не говоря уж о корпорациях и вузах, где существуют целые отделы, специализирующиеся на электронном обучении сотрудников и студентов. В процессе глобализации e-Learning стал обязательным и удобным инструментом для передачи информации и знаний. Уже сейчас, по мнению Марка Розенберга — лидирующего консультанта управления, спикера и консультанта ASTD, мы можем описать 6 фундаментальных перемен, которые постигнут e-learning в ближайшие несколько лет: e-Learning будет чем-то большим, чем дистанционная «тренировка» (e-Training); дистанционное обучение переместится на рабочее место; будет переопределен Blended

learning; e-Learning будет менее ориентирован на курс лекций и более ориентирован на приобретение конкретных знаний; e-Learning будет более адаптирован по разным уровням умения; технология уйдет на второй план.

Дистанционное обучение двинулось в новом, непредвиденном направлении, которое не всегда ведет к набору и системе курсов. Чтобы сильнее влиять на бизнес, e-Learning должен быть переосмыслен. Продолжая предоставлять жизнеспособные учебные курсы для формального обучения, СДО (система дистанционного обучения) должна двигаться по направлению к информационным и совместным решениям, которые фокусируются непосредственно на той работе, которую выполняют учащиеся, позиционируя свои инструменты и ресурсы, как систему управления знаниями (knowledge management), создание внутренних профессиональных сообществ и поддержку производительности, которые действуют непосредственно на рабочем месте, специалисты e-Learning пытаются проложить наиболее прямой путь от учебной аудитории к рабочему месту.

Список литературы

1. Майнер, Н. Мифы и реальность синхронного обучения // Режим доступа: <http://distance-learning.ru/db/el/97398A007D535B12C32572FD0031072E/doc.html> (дата обращения 1.11.2013 г.).
2. Рудинский В.В. Е-Learning: Электронное образование – образование будущего / В.В. Рудинский, М.В. Адамская, С.В. Гаврыш // Сборник трудов Пятой ежегодной межрегиональной научно-практической конференции «Инфокоммуникационные технологии в региональном развитии». – Смоленск: Издательство СПЭК, 2012. – 325 с.
3. Скиба, Т. Средства синхронного и асинхронного обучения // Режим доступа: <http://www.v-class.ru/db/vc/CF9084B03E2F0098C3257584002CEF24/doc.html> (дата обращения 1.11.2013 г.).
4. Тресер, М. Знакомьтесь, Е-Learning // Режим доступа: http://armikael.com/elearning/elearning_basics.html (дата обращения 1.11.2013 г.).

08.00.05

М.Н. Бурмистрова

Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института,
факультет экономики и управления, кафедра экономики, бухгалтерского учета и аудита,
Чебоксары, bmn877@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ПЕРЕРАБОТКИ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ

В работе рассмотрены современные формы интегрированных связей в зависимости от стратегии их создания. Определены основные проблемы создания интегрированных структур на уровне регионов и предложены приоритетные условия их эффективного функционирования в АПК.

Ключевые слова: *корпорация, холдинг, аграрные промышленно-финансовые группы, контрактная система.*

Агропромышленный комплекс и его базовая отрасль - сельское хозяйство являются ведущими сферами экономики, формирующими продовольственный рынок, экономическую безопасность, трудовой и поселенческий потенциал сельских территорий [1]. Современная рыночная экономика требует новых инновационных подходов к организации и управлению производством сельскохозяйственной продукции. Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы определены основные приоритетные направления развития сельского хозяйства в социально-экономической, производственной, научной и кадровой, а так же институциональной сфере, которая заключается в развитии интеграционных связей и формировании территориальных кластеров.

Интеграция является основным организационно-экономическим фактором, оказывающим первостепенное влияние на эффективность функционирования предприятий. На современном этапе в Российской Федерации наиболее интенсивно развивающимися формами интеграционных связей в АПК являются перерабатывающие производства, созданные сельскими товаропроизводителями; объединения сельских товаропроизводителей, перерабатывающих предприятий и организаций для совместной переработки и реализации продукции; межрайонные объединения регионального (краевого, областного) уровня и агропромышленные формирования предприятий и организаций различных отраслей. Опыт свидетельствует, что интегрированные структуры, объединяющие в своем составе различные звенья (от производства сельскохозяйственной продукции до ее реализации конечным потребителям), являются более эффективными и приспособленными к условиям рыночной экономики. Они получили распространение во многих регионах Российской Федерации и характеризуются большим разнообразием по организационно-правовым формам, составу участников, видам деятельности и формам собственности. Стратегией создания модели агропромышленных формирований может являться не только производственно-технологическая, но и финансовая интеграция, которая достигается посредством вовлечения банковских структур и промышленных фирм. При этой модели создаются агропромышленные формирования акционерного типа (холдинги, аграрные промышленно-финансовые группы). Примером могут служить такие открытые акционерные общества как "Росагролизинг", "Россельхозбанк" и "Объединенная зерновая компания". Открытое акционерное общество "Росагролизинг" обеспечивает российских сельскохозяйственных товаропроизводителей техникой, высокотехнологичным оборудованием и высокопродуктивным племенным скотом по системе федерального лизинга. Открытое

акционерное общество "Россельхозбанк" является государственным специализированным сельскохозяйственным банком. Открытое акционерное общество "Объединенная зерновая компания" является государственной агропромышленной компанией, ориентированной на развитие и эксплуатацию объектов инфраструктуры зернового рынка и реализацию экспортного потенциала российского зерна на мировом рынке.

Однако во многих регионах Российской Федерации остаются проблемы, связанные с формированием интегрированных структур и методами определения эффективности их функционирования в аграрном секторе экономики. В связи с этим важнейшей задачей является формирование эффективной модели агропромышленного производства, обеспечивающей конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции и продвижения ее не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Таким образом, теоретические и практические аспекты формирования и развития эффективного механизма интеграции в условиях конкретного региона являются актуальными и представляют научный интерес.

Процесс интеграции в некоторых регионах происходит намного медленнее, чем в других. Многие предприятия регионов имеют смутные представления в области организации кооперативно-интеграционных структур, так как этот процесс имеет ряд особенностей, несоблюдение которых может привести к отрицательному результату. На этапе формирования интеграционных структур важным условием является соблюдение основных его принципов, таких как добровольность, согласованность между всеми звеньями (участниками) интегрированного процесса и наличие предприятия-лидера (интегратора), функции которого может выполнять устойчивое в финансовом плане предприятие с сохранившимся производственным потенциалом. Предприятие-интегратор, как основное предприятие, должно не только опережать по уровню развития, но и стать в организационно-технологическом отношении лидером среди участников интегрированного формирования. Например, при создании агропромышленных формирований мукомольной специализации в зависимости от их структуры и уровня масштабности функции предприятия-интегратора выполняет специализированное мукомольное или перерабатывающее предприятие (как правило, предприятие хлебопродуктов). В настоящее время подготовка специалистов этой категории не налажена. Существует обучение узкоотраслевых специалистов (агрономов, зоотехников и др.), знания и опыт которых в большинстве случаев не согласуются с предпринимательством. Поэтому необходимо организовать профессиональную подготовку перспективных специалистов, владеющих не только обширным опытом по организации сельскохозяйственного производства, но и имеющие разносторонние знания рыночной экономики.

Как показывает практика, предприятия, основанные исключительно на государственной собственности, функционируют недостаточно эффективно. Поэтому, для полной реализации экономического потенциала кооперативно - интеграционных объединений, необходимым условием является наличие полных прав частной собственности не только на произведенный продукт или получаемый доход, но и на средства производства и материальное имущество. При этом государственная собственность (в данном случае материальное имущество), если она предоставляется в пользование предприятию (предпринимателю), то в последующем ее необходимо постепенно компенсировать на основе получаемых доходов от предпринимательской деятельности, т.к. основной смысл бизнеса состоит в осуществлении расширенного воспроизводства на базе самокупаемости и самофинансирования. Процессы разработки эффективных механизмов функционирования кооперативно-интеграционных структур на принципах самокупаемости и самофинансирования находятся на начальной стадии развития. В связи с этим необходимо определить приоритетные условия эффективного функционирования интегрированных структур в АПК, которыми, по нашему мнению, являются:

- обеспечение государством правовой и организационно - экономической поддержки корпоративного звена экономики;

- использование научно обоснованных подходов для определения эффективного уровня концентрации аграрного производства и последующего оперативного управления;
- применение контрактной системы взаимоотношений между производителями сельскохозяйственной продукции, перерабатывающими, сбытовыми и другими организациями, обеспечивающей производство продукции по единому плану, с общими требованиями к качеству и стандартам, а также принятию сторонами согласованных мер, направленных на совершенствование производственного процесса, организации труда и сбыта продукции;
- стимулирование процесса формирования кластерных структур, которые позволят агропромышленным производителям создать благоприятную экономическую среду, укрепить региональное экономическое пространство, увеличить доступ к технике и высокотехнологическому оборудованию, ускорить внедрение инноваций, распределять риски при совместной деятельности, выходить на внешние рынки, развивать международные связи и привлекать иностранный капитал;
- постепенный переход субъектов агропромышленного производства от прямого государственного регулирования к самостоятельному хозяйствованию, соответствующей нормам Всемирной торговой организации;
- организацию агропромышленного производства на инновационных принципах. Общие цели и задачи участников интеграционных компаний и их скоординированное взаимодействие создадут условия для дальнейшего интенсивного развития на основе применения новейших достижений науки и техники.

Таким образом, интеграция является процессом создания единой регулируемой структуры, имеющей согласованную стратегию и тактику развития с консолидацией ресурсного, трудового и финансового капитала с целью использования его на приоритетных направлениях и звеньях хозяйствования. Интеграция имеет множество преимуществ, но все они сводятся к созданию условий для устойчивого функционирования сельскохозяйственного производителя. Обеспечение устойчивого развития АПК на уровне региона возможно лишь на основе системного подхода, предусматривающего комплексное исследование задач, предпосылок, факторов и путей дальнейшего развития во взаимной их связи.

Выполненные нами исследования способствовали выявлению проблем формирования интегрированных структур в АПК на уровне регионов. Согласно полученным данным, переход на рыночные принципы хозяйствования (независимо от специфики национальной интеграционной модели) возможен при наличии условий, способствующих возникновению эффективных кооперативно-интеграционных связей. Реализация выявленных перспективных направлений совершенствования интеграционного механизма будет способствовать формированию качественно нового агропромышленного производства, переводу его субъектов на принципы самостоятельного хозяйствования, повышению инновационной активности в аграрном секторе, завоеванию сельхозпроизводителями устойчивых конкурентных позиций на внешних рынках и вхождению в мировую продовольственную систему.

Приведенные факты свидетельствуют о незавершенности и дальнейшем развитии процессов интегрирования в условиях рыночной системы хозяйствования, а также совершенствовании организационной структуры национального АПК.

Список литературы

1. Постановление Правительство Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы.

08.00.05

Е.А. Гладышева

Башкирская академия государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан,
Уфа, gladyshevaea@mail.ru

МЕХАНИЗМ АККУМУЛЯЦИИ И ИНВЕСТИРОВАНИЯ ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ

В работе предложен механизм аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования на предприятии. Он основан на системном представлении мотивов и рисков научно-технического обновления производства. Предложена форма сотрудничества между венчурными фондами и предприятиями, позволяющая усилить эффективность научно-технического обновления производства.

Ключевые слова: венчурное инвестирование, научно-техническое обновление производства, инновации, экономические мотивы.

Рынок венчурных инвестиций в Российской Федерации характеризуется активным ростом. Так в 2012 году фонды прямых и венчурных инвестиций осуществили инвестиции в 194 компании.

Общий объем инвестиций, направленный инвесторами в компании, действующие на российском рынке, составил наибольшую величину за последние десять лет более 4,157 млрд долл. Средний размер инвестиций по итогам 2012 года составил 21,4 млн долл., что на 6% меньше по сравнению с 2011 годом. Данный факт был обусловлен значительным ростом инвестиций на посевной и начальной, а также ранней стадиях.

Что касается отраслевых предпочтений, то наибольшее число синдицированных инвестиций (почти 70%) было зафиксировано в секторе информационно-коммуникационных технологий, около 8% пришлось на отрасль финансовых услуг (и при этом около 25% от общего объема синдицированных инвестиций), а 5% относились к отрасли медицины и здравоохранения (остальные инвестиции данной категории относились к сфере энергетики, транспорта и др.). По имеющимся оценкам, из совокупных показателей синдицированных сделок инвестиции с участием РФПИ занимают 15% по числу и почти 70% по объему. Наибольшие средние значения зафиксированных инвестиций среди всех отраслей были отмечены (в порядке убывания) в сфере финансовых услуг, энергетики и потребительского рынка (соответственно около 97, 83 и 60 млн долл.). Наименьшие – в отраслях электроники, биотехнологий и отрасли химических материалов (соответственно 2,0; 1,9 и 1,6 млн долл.).

В международной практике, напротив структура венчурных инвестиций характеризуется более сильными связями между промышленным комплексом, научными учреждениями и венчурным капиталом.

Проведенный анализ отечественного и зарубежного опыта инвестирования позволяет сделать вывод, что аккумуляция ресурсов венчурного инвестирования подразумевает собой изыскание и/или накопление средств для их последующего инвестирования в потенциально рискованные для предприятия проекты научно-технического обновления.

В данном случае риск как данность уже существует, установление его величины должно быть произведено с учетом различных схем привлечения ресурсов, факторов внешней и внутренней среды, усиливающих риски проекта.

Детальное исследование особенностей венчурного инвестирования показало, что механизм аккумуляции средств для венчурного инвестирования должен включать цель, мотивы аккумуляции, факторы, определяющие выбор схемы финансирования, собственно

сам механизм аккумуляции, описание результаты инвестирования. Автором предложен следующий вид такой аккумуляции средств (рис.1).

Рис. 1 – Механизм аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования на предприятии

Предложенный механизм основан на системном представлении мотивов, побуждающих менеджмент предприятия осуществлять мероприятия научно-технического обновления, и рисков, сопутствующих таким мероприятиям. Согласно проведенным исследованиям при осуществлении инвестиционной деятельности предприятия руководствуются прежде всего желанием максимизировать предстоящие доходы, сопоставляя ожидаемый уровень инвестиционной прибыли со средней нормой процента на заемные ресурсы, действующей на рынке. Неэкономическими мотивами инвестиционного поведения выступают стратегия развития предприятия, политическая и социальная адаптация к рыночным условиям существования предприятия на рынке.

Если рассматривать мотивацию с позиции максимизации доходов предприятия, то репрофилирование и полное, и частичное, и научно-техническое обновление будут выражать способность накопленного капитала, вовлекаемого в инновационный процесс, генерировать прибыль. Доходы и риски инвестиционного проекта имеют прямую зависимость: чем выше риск, тем больший объем первоначальных инвестиционных вложений в производственные активы.

И поэтому автором выделены факторы, определяющие форму аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования:

1. Функциональное направление основной деятельности предприятия. Для производственных предприятий характерны реальные инвестиции, в том числе и в научно-техническое обновление. Для предприятий, осуществляющих инвестиционную деятельность на рынке ценных бумаг, это портфельные инвестиции, состоящие из акций, облигаций, сберегательных сертификатов и т.п.

2. Стадия жизненного цикла венчурного проекта. На первоначальных стадиях венчурного проекта преобладают инвестиции в разработки, на заключительных – реальные инвестиции.

3. Размеры предприятия. Венчурная деятельность заключена в рамки реальных инвестиций, поскольку для инвестирования в крупномасштабные научные разработки у них отсутствуют свободные ресурсы и достаточное количество времени. У крупных предприятий таких ограничений нет.

4. Характер стратегических изменений производственной деятельности. Стратегические изменения, осуществляемые постепенно, на протяжении всего жизненного цикла предприятия, обладают меньшими рисками и обращены на научно-техническое обновление. Прерывистые стратегические изменения характеризуются как большим объемом первоначальных капитальных вложений, более высокими рисками, но не обязательно более значительной отдачей.

5. От прогнозируемой ставки процента привлечения заемных ресурсов зависит доля венчурного инвестирования предприятия. Здесь наблюдается обратная зависимость, поскольку рост ставки влечет за собой снижение объемов венчурного инвестирования.

6. От прогнозируемого темпа инфляции прямо зависит доля венчурного инвестирования.

Наиболее сложной задачей в аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования является оценка отраслевой направленности деятельности, которую предлагается решать в несколько этапов.

Первоначально определяется необходимость отраслевой диверсификации инвестиционной деятельности и в случае необходимости определяется форма такой диверсификации. Диверсификация, как и в любом виде финансово-хозяйственной деятельности, позволяет значительно снизить риски. Недостатком является синхронное снижение денежных потоков в смежных отраслях инвестиционной деятельности.

Эту проблему можно устранить, если венчурные инвестиции будут направлены в несвязанные между собой отрасли. Несвязанность может быть достигнута как по периоду жизненного цикла проекта, и следовательно по усилению дисгармонии денежных потоков разных направлений проекта, так и по региональной направленности инвестиционной деятельности.

Далее в разработанном механизме выделен финансовый механизм аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования.

Инициализации финансового механизма венчурного инвестирования предшествует анализ финансовых взаимосвязей, движения финансовых ресурсов. Обобщая опыт отечественных и зарубежных исследователей, нами выделены следующие элементы финансового механизма венчурного инвестирования на предприятии:

- «ресурсы». Этот элемент включает всевозможные варианты ресурсной поддержки венчурного проекта;

- «мобилизация». Этот элемент состоит из методов, способов и инструментов, способных помочь максимально эффективно использовать ресурсы для финансирования венчурной деятельности;

- «инфраструктура». Этот элемент описывает взаимосвязи между субъектами и объектами венчурного инвестирования;

- «нормы и право». Этот элемент регламентирует деятельность участников инвестиционного процесса и движение ресурсов между ними;

- «информация». Этот элемент включает описание экономической, коммерческой, финансовой, юридической, технической и иной информацией, необходимой участникам проекта.

Эффективная взаимосвязь вышеприведенных элементов является гарантией аккумуляции финансовых ресурсов в объекты венчурного инвестирования. Общая формула механизма - ресурсы мобильно трансформируются в инфраструктуру поддержки венчурного проекта, используя накопленный опыт и информацию при правовой поддержке со стороны государства.

Представленный механизм аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования предприятия выступает в качестве важнейшего стратегического фактора повышения конкурентоспособности производства. Далее в соответствии с разработанным механизмом предлагается алгоритм выбора стратегии реализации инвестиционного процесса. Новизна предложенного алгоритма заключается, во-первых, в комплексном изучении взаимосвязи «прибыль – стабильность - рост стоимости предприятий в результате научно-технического обновления». Таким образом, рост стоимости является целью каждого элемента рассматриваемой системы. Во-вторых, предлагается разделить цели на 3 уровня: долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные.

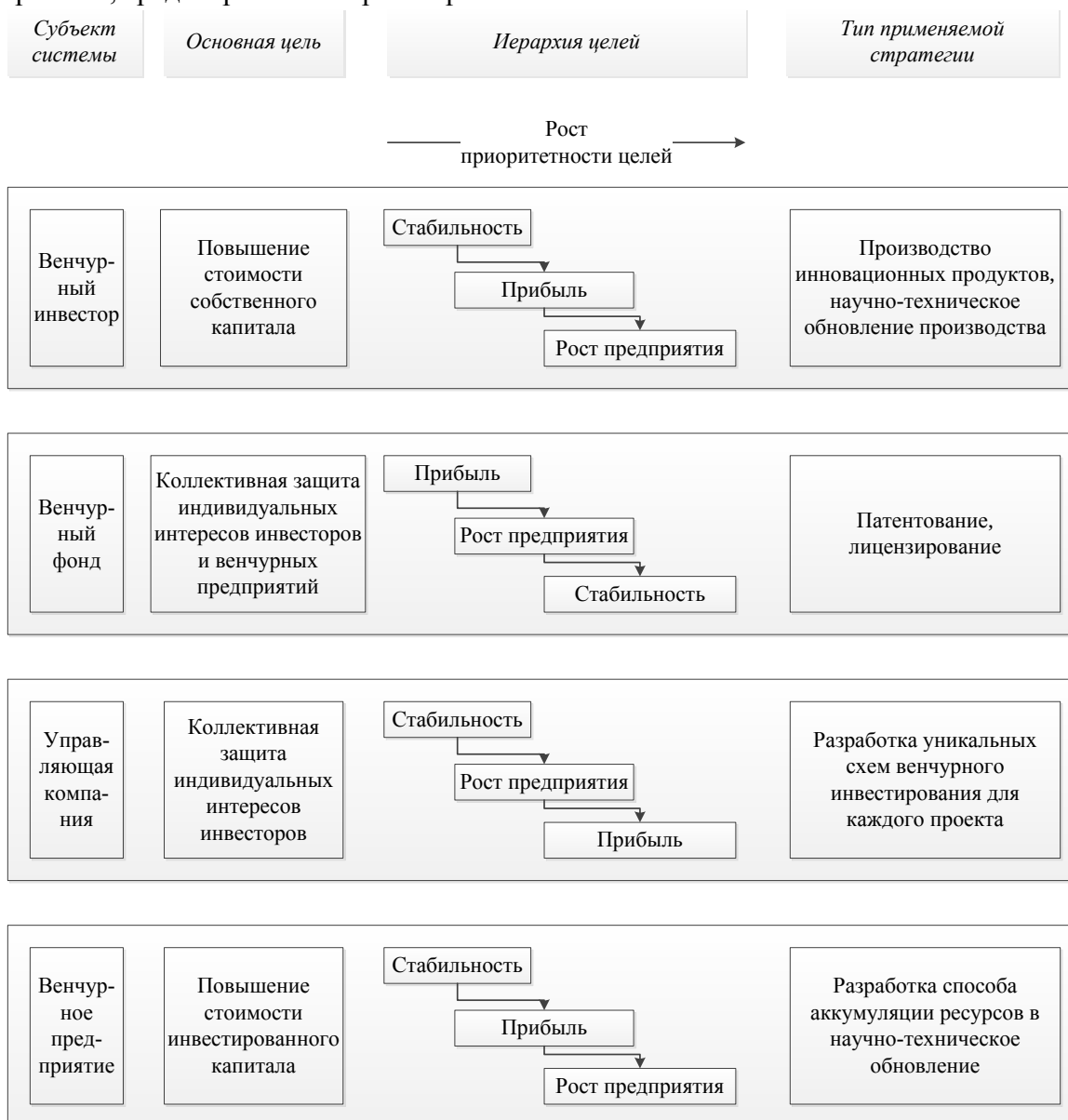

Рис. 2 - Стратегия и цели в системе венчурной инвестиционной деятельности предприятия

Стабильность венчурной инвестиционной деятельности может быть достигнута за счет осуществления диверсификации инвестиций и финансирования несколько проектов, разнонаправленных по времени осуществления или по территории осуществления. Согласованность конечных денежных потоков венчурной деятельности предприятия и получение синергетического эффекта от взаимодействия элементов системы достигается при помощи построения иерархии стратегических целей.

Заключение. Предлагаемый механизм представляет собой совокупность взаимодействующих элементов венчурной деятельности промышленного предприятия. Эффект венчурной деятельности и получение предприятием конкурентных преимуществ базируются на включении мотивов и рисков как базовых факторов желания менеджмента предприятия повысить финансовые результаты за счет мероприятий научно-технического обновления.

С этой точки зрения, предложенная модель позволит обеспечить восприимчивость предприятий к новым схемам инвестирования в научно-техническое обновление и обеспечить разработку и реализацию качественно новых подходов к повышению эффективности научно-технического обновления предприятий.

Список литературы

1. *Абрамова, С.В.* Реформирование системы налогообложения венчурного бизнеса в Германии / С.В. Абрамова // *Инновации*. 2008, №2 (112), февраль. - с.85-89
2. *Аксельрод, Б.* Практика венчурного инвестора: экспертиза «эмбрионных» разработок / Б. Аксельрод // *Инновации*. 2007, №5 (103). - С. 18-22
3. *Алехин, Н.М.* Венчурное инвестирование как институт инновационного развития / Н.М. Алехин // *Инновация*. 2009, № 6 (128). - с.49-52
4. *Андреев, В.А.* Современные тенденции финансирования инноваций / В. Андреев. (Возможности и угрозы) // *Экономические стратегии*. - 2009. - №5/6. - С.64-68
5. *Ашурбейли, И.Р., Горелик, А.Л., Горелик, В.А.* Некоторые направления интеллектуализации промышленных корпораций / И.Р. Ашурбейли, А.Л. Горелик, В.А. Горелик // *Наукоемкие технологии*. 2009, № 6, Т. 10
6. *Бабушкин, Е.* Создание регионального венчурного фонда в партнерстве бизнеса и власти / Е. Бабушкин // *РЦБ*. № 10 (313), 2006. - с.59-60
7. *Бармута, К.А.* Формирование национальной системы венчурного инвестирования / К.А. Бармута. (Экономика и управление) // *Экономические науки*. - 2009. - №3. - С. 168-172
8. *Горлов, В.В.* Венчурное финансирование инвестиционных проектов и особенности его развития в России / В.В. Горлов, Ю. Марогулова. -(Проблемы и перспективы) // *Налоговое планирование*. 2011. - №2. -С.15-18
9. *Обзор рынка. Прямые и венчурные инвестиции в России. 2012 год* М.: Российская ассоциация венчурных инвесторов, 2013-35с.
10. Проект Федерального закона № 468382-5 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» (внесен Правительством РФ, окончательная ред., принятая ГД ФС РФ 06.07.2012).

08.00.05

З.В. Ефимова, М.Ю. Борисов

ФГБОУ ВПО РГАЗУ, экономический факультет,
кафедра организации производства и предпринимательства,
efimowa_111@mail.ru, simplemax7@gmail.com

УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ

Эффективность функционирования сельскохозяйственного производства в современных условиях в значительной степени зависит от организации, форм и методов управления, адекватных требованиям рыночной экономики. В связи с этим возрастает роль руководителей и специалистов, работников органов управления агропромышленного комплекса, повышаются требования к качеству их подготовки. Многообразие форм собственности, хозяйствования и организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций требует новых подходов к управлению, пересмотра его сущности.

Эффективность производства молока определяется согласованным решением ветеринарных, зоотехнических, экономических и технологических задач, однако на практике уровень взаимодействия довольно невелик. Именно поэтому создание рациональной системы управления технологическими процессами позволяет преодолеть данное противоречие путем создания интегрированных и комплексных мер.

Ключевые слова: материально-техническая база, экономическая эффективность, молочное скотоводство, методика оценки, классификация организаций.

Управление технологическими процессами на молочной ферме по принципу снизу вверх предусматривает вертикальную и горизонтальную интеграцию этих уровней (рис. 1). Сложность интеграции управления заключается в том что, обычно решением задач на различных уровнях управления, занимаются абсолютно разные специалисты, использующие сложно-совместимые программно-технические средства. Лишь при условии функционирования уровней управления между собой (с помощью специализированных компьютерных программ и т.д.) производство молока станет более эффективным.

Первый уровень	
Директор, главные специалисты	Прогнозирование и планирование производства, решение экономических, стратегических и других задач
⇕	
Второй уровень (управление цехом)	
Начальники цеха воспроизводства, доильно-молочного блока и других отделов.	Определение параметров технологического процесса, учет продукции, учет расходов ресурсов и др.
⇕	
Третий уровень (управление технологическими процессами)	
Доильно-молочный цех, цех воспроизводства	Управление технологическими процессами : содержание коров, прием, приготовление и раздача кормов, поддержание микроклимата и другие.

Рисунок 1 – Структура управления технологическими процессами на молочной ферме

На первом уровне решаются основные стратегические задачи, планирование и прогнозирование производства, способ производства и другое.

На втором уровне стоят технико-экономические задачи организации, а так же оптимизация производства молока по обоснованным критериям. Здесь решение представленных задач ложится на начальников отдела воспроизводства и доильно-молочного блока. На этом уровне решаются задачи по достижению минимальной себестоимости молока, проводится учет расходов ресурсов, учет продукции и др.

На третьем уровне стоят производственно-технологические задачи, определяющиеся соблюдением плановых параметров производственных звеньев и соблюдением параметров технологии. Решению этих задач способствует комплекс средств микропроцессорного управления основными технологическими процессами молочного скотоводства.

Решающим фактором увеличения объемов производства продукции молочного скотоводства является применение высокоинтенсивных технологий, использование достижений научно-технического прогресса, а также современных средств механизации и автоматизации.

Основным показателем оценки экономической эффективности применения технологий и систем машин - является прибыль за год или срок службы. Величина прибыли позволяет определить такие важные показатели как рентабельность производства, норма прибыли, срок окупаемости вложений. Для характеристики и комплексной оценки анализируемых технологий и систем машин необходимо рассчитать дополнительные показатели: производительность труда; энергетическую эффективность технологий; металлоёмкость.

Эффективность технологических процессов определяется уровнем механизации и автоматизации производства молока.

Обеспеченность производства техникой и системой машин выявляется в результате анализа технического состояния и движения основных производственных фондов.

По мнению автора, управление технологическими процессами – это управление производством продукции и отношениями, возникающими в процессе выполнения работ, предусмотренных используемой технологией, с целью максимального увеличения объёмов прибыли, получаемой организацией, за счёт вовлечения в производство неиспользуемых резервов, достижения окупаемости произведенных затрат, улучшения факторов, влияющих на работоспособность и здоровье работников на основе непрерывного поиска и внедрения достижений НТП, а также повышения уровня экологичности производства.

Использование современной техники и технологий требует более высокого уровня знаний в области технологических возможностей техники как у главных специалистов, так и у рядовых механизаторов, работающих на ней, наличие в организациях специалистов, занимающихся разработкой технологической документации и контролем за её соблюдением.

Оценить экономическую эффективность применения новых технологий возможно с помощью анализа достигнутых результатов, правильного определения затрат и результатов от применения способов механизации производства и новых технологий.

Эффективное управление технологическими процессами в сельскохозяйственных организациях возможно за счёт разработки технологической документации, стратегических планов развития организаций, проведения сертификации и стандартизации производимой продукции, повышения квалификации работников, а также создания базы проектов по освоению современных технологий, техники, оборудования и их реализации.

Разнородность условий ведения сельскохозяйственной деятельности в Тульской области, предопределяет необходимость разделения совокупности хозяйств, производящих продукцию животноводства, на группы и определение перспективных направлений развития, а также системы управления технологическими процессами в них. Автором предложена методика группировки сельскохозяйственных предприятий по уровню технических ресурсов и их рентабельности. При группировке сельскохозяйственных организаций по уровню их финансового состояния, за основу были взяты подходы, описанные в трудах профессора Д.Б. Эпштейна.

При группировке организаций по уровню обеспеченности техническими ресурсами были выделены две группы организаций: крупномасштабные хозяйства, которые имеют возможности для внедрения современных высокопроизводительных технологий; малые организации, имеющие небольшой объем выпускаемой продукции, поэтому в них нецелесообразно внедрять высокопроизводительные ресурсозатратные технологии.

Таблица 1 - Группировка сельскохозяйственных организаций Тульской области в зависимости от **уровня обеспеченности техническими ресурсами** и эффективности их использования (средние значения в группе).

Группы Показатели	обширные		традиционные		интенсивные	
	малые	крупно-масштабные	малые	крупно-масштабные	малые	крупно-масштабные
Количество организаций в группе	2	4	6	3	3	2
Реализация молока, ц. в год	2712	4380	2430	5714	14627	34643
Поголовье КРС, гол	115	381	248	621	1122	2200
Площадь сельхозугодий, га	1720	2293	1627	4087	4320	3384
Обеспеченность производства молока доильным оборудованием, ед. /100 голов	0,2	0,7	1,3	1,5	11,45	0,87
Рентабельность производства, %	-31,2	-3,1	17	-20,2	-1,6	14,2

При группировке предприятий в качестве критериального показателя была выбрана рентабельности производства, исходя из этого были выделены три типа организаций: обширные организации, осуществляющие совершенствование технологических процессов за счет собственных средств (убыточность, как правило, ниже 10 %); традиционные организации, осуществляющие техническую модернизацию за счет собственных средств частично (рентабельность (убыточность) деятельности таких предприятий от -10% до 10%); интенсивные организации, имеющие возможность за счет кредитов банка в рамках действующей в регионе Госпрограммы и за счет собственных средств осуществить полную модернизацию производства (рентабельность больше 10 %) .

Таблица 2 - Анализ технико-организационного уровня производства и его технической оснащенности предприятий Тульской области

Показатели	обширные	традиционные	интенсивные
Количество хозяйств в группе	6	9	5
Фондовооружённость, тыс.руб. /1 чел	374,5	1387,9	730,6
Фондоемкость, руб.	1,2	0,6	0,5
Коэффициент обновления, %	2,6	10,2	32,17
Коэффициент выбытия, %	2,85	2,2	6,25
Коэффициент замены, %	2,2	3,7	8,61
Коэффициент расширения парка машин и оборудования, %	0,978	0,963	0,913
Энергоемкость, руб. / руб.	0,08	0,09	0,07
Рентабельность (+), убыточность (-), %	-33,3	-3,2	12,6
Обеспеченность производства молока доильным оборудованием, ед. /100 голов	2,05	3,8	0,9

Каждый показатель оценивается по трехбалльной шкале, что соответствует количеству анализируемых групп. Максимальный балл имеет показатель с наилучшим результатом.

Целесообразно при оценке экономической эффективности использования технической оснащённости применять системный подход и комплексные методы оценки. Необходимостью становится соответствие между материально-технической базой и технологией, а также влияние используемых и внедряемых оборудования и техники на качественные, а также количественные показатели изменения деятельности организации.

Чтобы наиболее точно определить роль оборудования и техники в производстве молока, предлагается новый показатель - коэффициент технологического роста производства молока.

Определить его можно с помощью пяти основных компонентов: продуктивность коров основного стада (P_k); затраты труда на 1 ц. молока (Z_t); удельный вес содержания основных средств в затратах на производство молока (Y_c); удельный вес активной части основного фонда (Y_a); удельный вес стоимости продуктивного скота в основных фондах (Y_n).

$$K_{mpt} = \frac{P_k}{Z_t} \cdot Y_c \cdot Y_a \cdot Y_n \quad (1)$$

Данные показатели выбраны, потому что в основном именно они характеризуют технические ресурсы производства молока.

Коэффициент технологического роста производства молока необходимо применять как корректирующий показатель при комплексной оценке экономической эффективности использования технических ресурсов.

Таблица 3 – Обобщающая оценка организаций Тульской области по степени использования технологических ресурсов и уровню технологического роста

Уровень технологического роста	Группы и типы организаций					
	обширные		традиционные		интенсивные	
	малые	крупно-масштабные	малые	крупно-масштабные	малые	крупно-масштабные
Высокий			ООО АПК «Тюринский», ООО Агрофирма «Луч»	ЗАО «Откормочное», ООО «Энформ – Агро»	ООО «Заречное»	ООО «Агрокомплекс Теплый», ОАО ПХ «Лазаревское»
Средний		ООО «Агроинвест»	СПК «Стрелецкий», СПК «Молчановский»	ООО «Агросервис»	ООО «Новопетровский», ООО Фирма «Северка»	
Низкий	ООО АПК «Новое», ОАО «Новопетровское»	ООО «Рассвет» ООО «Максим Горький» ООО «Заря»	ЗАО «Слободка», ЗАО «Симоново»			

Исходя из условий ведения хозяйственной деятельности, в каждой группе предприятий целесообразно внедрять и использовать технологии различной интенсивности.

Управление технологическими процессами в условиях рыночной экономики в сельскохозяйственном производстве должно ориентироваться на увеличение эффективности использования ресурсов на конкретном предприятии.

Таблица 4 - Характеристика и рекомендации организациям по повышению эффективности производства молока

Группы	Рекомендации
Малые обширные	Размер стада от 80-150 голов, имеется обширная территория для выпаса скота и загоны. У животных есть возможность свободно пастись и приходить на удой в необходимое время. Направление повышения эффективности использования технических ресурсов - это укрепление материально-технической базы. Необходимо использовать специализированное оборудование для ферм с малым поголовьем, рост фондовооружённости на 1 руб. повлечет увеличение рентабельности на 0,03%.
Крупномасштабные обширные	Эта группа организаций имеет фермы с поголовьем 200-400 голов. Для кормления коров здесь используют не только корма собственного производства, но и концентрированные корма. Здесь используется наемный труд. Обеспеченность доильным оборудованием – это основной фактор, влияющий на экономическую эффективность производства молока. Обновление технических ресурсов за счет сокращения потерь продукции и роста ее качества приведет к значительному росту рентабельности. Не следует применять дорогостоящую импортную технику при среднем и небольшом поголовье. Необходима малогабаритная техника и техника с малым расходом энергоресурсов.
Малые традиционные	Организации характеризуются использованием привязной технологии. Рацион животных формируется на основе концентрированных кормов. Существует необходимость использования индивидуальных доильных установок. За счёт повышения нагрузки на персонал новое ресурсосберегающее оборудование увеличит производительность труда, что приведет к росту эффективности производства молока.
Крупномасштабные традиционные	Данная группа имеет фермы с поголовьем 600-800 голов. Здесь используют как привязную технологию содержания животных, так и беспривязную. Сдерживающий фактор – отсутствие необходимого количества квалифицированных кадров и необходимость приобретения дорогостоящих доильных залов. При использовании новой отечественной техники необходимо сопоставить цены, надежность, качество, гарантийное обслуживание и условия поставки. Возможен вариант с приобретением отечественной техники, бывшей в использовании, здесь необходимо сопоставить рыночные цены и остаточный ресурс. Рекомендуется изучить возможности рынка вторичной техники.
Малые интенсивные	Организации имеют высокий потенциал для производства молока. Фермы используют привязное и беспривязное содержание. При больших размерах поголовья необходимо приобретать технику с высокой надежностью и производительностью (российскую или адаптированную импортную). Из-за роста оснащённости организаций доильными установками снизится рентабельность производства молока, что можно объяснить низкой степенью загрузки применяемой техники. Рост рентабельности повысится за счет нагрузки на операторов машинного доения. Поголовье основного стада рекомендуется довести до уровня оптимальной пропускной способности техники. При доении и хранении молока следует обратить внимание на уровень потерь при высокой продуктивности. Целесообразна замена изношенной техники новой с аналогичными технико-экономическими параметрами (по мере амортизации). При покупке импортной техники необходимо оценить условия поставок, а так же цены по отношению к российским производителям.
Крупномасштабные интенсивные	Организации являются наиболее крупными поставщиками молока на рынки, используют современные технологии производства молока. Корма, лекарства, удобрения и т.д. закупается оптом по более низкой цене за единицу. Используются концентраты и кормовые добавки, такие как витамины, минералы и т.д. Ветеринарная помощь, искусственное оплодотворение и другие вспомогательные услуги доступны по более низким ценам. Источником финансирования при выборе техники становятся собственные или заемные и привлеченные средства. Используя простой кредит или кредит с субсидированием процентной ставки в рамках Госпрограммы возможно осуществить полную модернизацию производства. Также рекомендуется рассмотреть варианты финансирования с помощью лизинга или инвестиций. При покупке новой импортной техники необходимо обратить внимание на стоимость обслуживания, условия поставки, надежность производителя и поставщика, производительность. Существует возможность приобретения импортной техники, бывшей в употреблении. Здесь нужно проанализировать остаточный ресурс и сравнить его с рыночной ценой. Оценить уровень экономии ресурсов при покупке с учетом морального износа и удешевления. Изучить возможности рынка вторичной техники.

Реализовывать предложенные рекомендации (табл. 4) необходимо для разработки в конкретном хозяйстве необходимых мероприятий по использованию информационных технологий и современных технических средств, совершенствованию структуры технологических ресурсов, организации контроля и планирования при изготовлении продукции молочного скотоводства при надлежащей поддержке органов управления регионального уровня.

Исходя из выше сказанного, эффективное управление технологическими процессами позволит увеличить объёмы покупаемой техники и оборудования, соответствующих требованиям современных технологий производства, что позволит существенно ускорить темпы развития сельского хозяйства.

Список литературы

1. *Каничев Е.В.* Регулирование инновационных процессов при формировании производственного потенциала животноводства /Е.В. Каничев// Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук.-2009.-№1.-С .35-36.
2. *Санду И.* Формирование инновационной модели развития сельского хозяйства/ И. Санду //АПК: экономика, управление.-2010.-N11.-С.72-76.
3. *Суровцев В., Никулина Ю.* Оценка экономической эффективности инновационных технологий доения и содержания молочного стада/ В.Суровцев, Ю.Никулина/ Молочное и мясное скотоводство.-2013.-№1.2-5 с.
4. Технологические основы производства и переработки продукции животноводства: Учебное пособие / Составители: проф. Н.Г. Макарецв, проф. Л.В. Топорова, проф. А.В. Архипов; Под ред. В.И. Фисинина, Н.Г. Макарецва. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2003.

08.00.05

И.В. Жуплей к.э.н.

Филиал Дальневосточного федерального университета в г. Уссурийске,
zirinavik@mail.ru

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ СТРУКТУРЫ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕГИОНА

Разработана методика анализа эффективности сельскохозяйственных предприятий. Введено понятие комплексной оценки эффективности аграрной структуры. Рассчитаны сценарные варианты структурного развития аграрного сектора Приморского края.

Ключевые слова: сельское хозяйство, структура товаропроизводителей, методика анализа эффективности, комплексная оценка эффективности, сценарные варианты развития.

Последние двадцатилетия социально-экономических преобразований агросферы РФ не дали прогнозируемых властными структурами результатов, так здесь нередко игнорировались природно-климатические, экономические, социальные, экологические и демографические особенности регионов. Более того, данные преобразования проводились по единому шаблону при крайне ограниченных финансовых ресурсах [4, с. 72.] Также в реструктуризационных процессах негативную роль играет и то, что в российской структурной политике по сей день законодательные и исполнительные органы государственной власти не отказались от концептуальных основ аграрной реформы, предложенных в свое время США и Всемирным банком [3, с. 51].

Да, в последние годы достаточно активно стали разрабатываться стратегии развития регионов различного уровня – от федеральных округов до муниципальных образований; а варианты перспективного развития региона (или целевые прогнозные параметры), являются неотъемлемой частью стратегических документов [1, с. 59]. И если формат стратегических документов хоть как-то унифицирован и определен в какой-то мере, то инструментарий, позволяющий объективно оценивать влияние структуры товаропроизводителей на эффективность аграрного сектора на мезоуровне, в настоящее время практически отсутствует.

В связи с чем возрастает роль и значимость исследований аграрной структуры, прогнозирования ее развития с учетом региональных особенностей. Следовательно, исследование, результаты которого представлены в данной статье, в современных условиях важно и актуально.

Учитывая, что зависимость между организационно-правовой формой хозяйства и его эффективностью – в общем виде не явная, а опосредованная через совокупность условий хозяйствования (на которые влияют форма организации производства, управления, структурные характеристики и пр.), автором построена методика анализа эффективности сельскохозяйственных предприятий как инструмента выявления эффективного контрагента земельных отношений на мезоуровне (см. рисунок).

Используя данную методику, были найдены комплексные оценки эффективности организационно-правовых форм аграрных предприятий Приморского края Дальнего Востока РФ с дифференциацией по масштабу деятельности (см. рисунок). В методике используется авторская дефиниция комплексной оценки эффективности аграрной структуры:

$$Комплекс_{балл_эфф.-ть} = \sum_{i=1}^k d_{n_i} \cdot P_{эфф.СХО(орг.-прав.форма_i)} , \quad (1)$$

где $Комплекс_{балл_эфф.-ть}$ - комплексная оценка эффективности аграрной структуры;

d_{n_i} - доля агропредприятий i -ой организационно-правовой формы в их общей численности;

$P_{эфф.СХО(орг.-прав.формы)}$ - интегральная рейтинговая оценка СХО i -ой организационно-правовой формы.

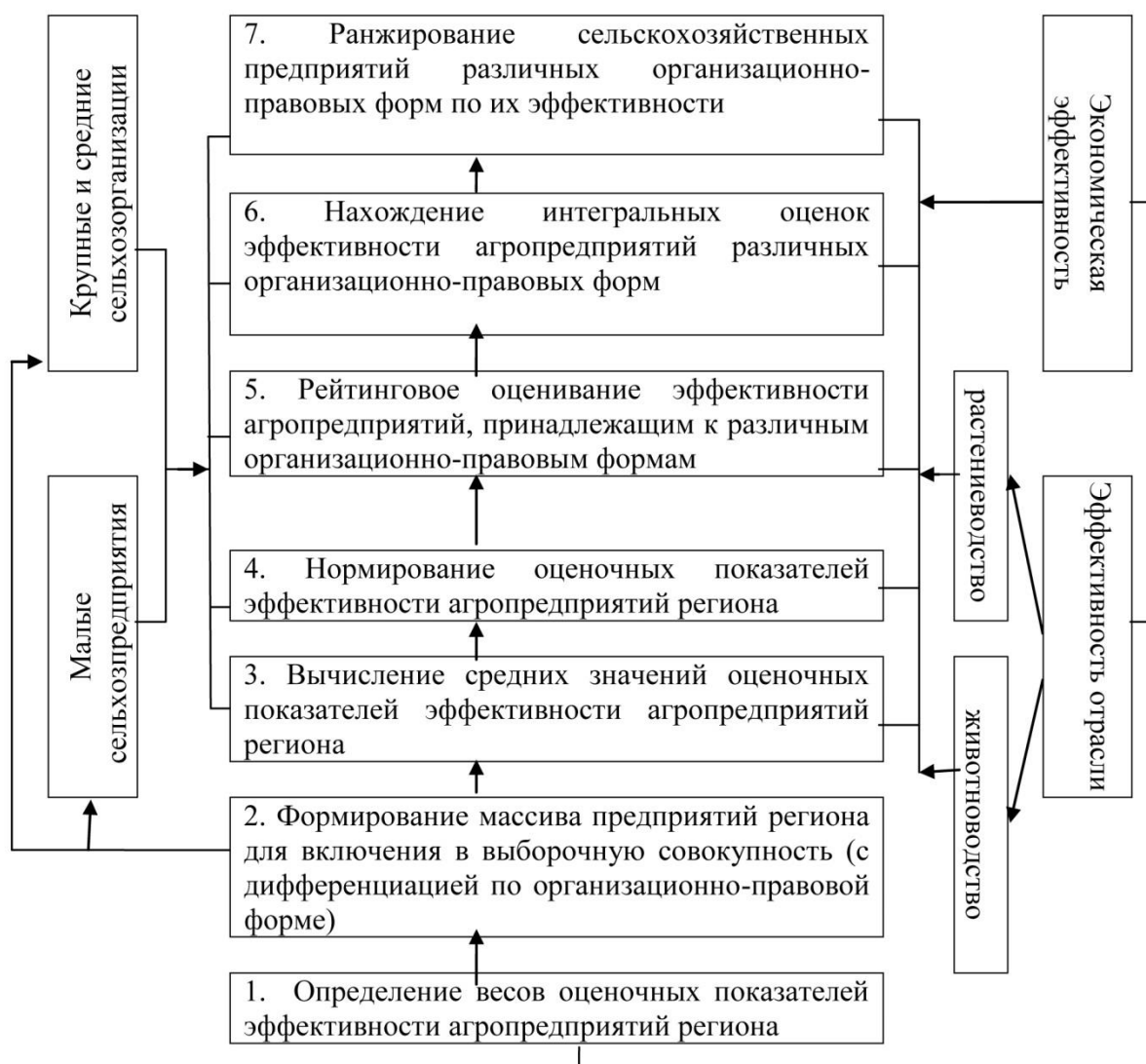

Схема методики анализа эффективности агропредприятий

Анализируя изменение величины комплексной оценки эффективности аграрной структуры региона (на примере Приморского края) отметим ее ухудшение в 2011 г. по сравнению с 2009 г: 24,999 $н.ед_{вес}$ против 26,058 $н.ед_{вес}$. В среднем за 2009 – 2011 гг. обобщенная количественная оценка эффективности аграрной структуры составила 25,265 $н.ед_{вес}$ (табл. 1).

Таблица 1

Расчет комплексной оценки эффективности аграрной структуры Приморского края

Организационно-правовая форма СХО	P_i	2009 г.		2010 г.		2011 г.		В среднем за 2009 – 2011 гг.	
		d_{n_i}	$d_{n_i} \cdot P_i$	d_{n_i}	$d_{n_i} \cdot P_i$	d_{n_i}	$d_{n_i} \cdot P_i$	$\bar{d}_{n_i}$	$\bar{d}_{n_i} \cdot P_i$
СХПК: крупные	0,286	4,520	1,293	3,361	0,961	2,510	0,718	3,364	0,962
малые	0,299	21,469	6,419	15,546	4,648	13,389	4,003	16,361	4,892
ООО: крупные	0,237	11,864	2,812	12,605	2,987	13,389	3,173	12,691	3,008
малые	0,282	42,938	12,109	45,378	12,797	48,536	13,687	45,872	12,936
ЗАО: крупные	0,268	1,695	0,454	1,261	0,338	1,255	0,336	1,376	0,369
малые	0,186	8,475	1,576	6,303	1,172	6,695	1,245	7,034	1,308
ОАО: крупные	0,248	2,260	0,560	2,101	0,521	1,674	0,415	1,988	0,493
малые	0,263	2,260	0,594	1,681	0,442	1,674	0,440	1,835	0,483
Кол. хоз.-ва	0,213	1,13	0,241	5,042	1,074	4,603	0,980	3,823	0,814
Комплексная оценка эффективности	-	-	26,058	-	24,941	-	24,999	-	25,265

Определим возможные варианты изменения структуры агропредприятий региона и вычислим соответствующие комплексные оценки эффективности.

Детальные расчеты, подтверждающие целесообразность изменения правового статуса предприятия (на примере Приморского края), предложенного в представленных ниже сценарных вариантах развития агросферы края, выполнены по представленной выше методике [2, с.51-60].

Первый сценарный вариант. В аграрном секторе Приморского края до сих пор функционируют малые предприятия с организационно-правовой формой, отсутствующей в современном российском законодательстве («колхозы»). То есть аграрным хозяйствам, формальный правовой статус которых обозначен как «колхоз», предстоит реорганизовываться. Самый целесообразный путь трансформации колхозов (ввиду правовой стороны вопроса) – в СХПК. Тогда прогнозируемая величина комплексной оценки эффективности аграрной структуры возрастет на 0,396 $n.ed_{век}$ по сравнению с 2011 г. или на 0,13 $n.ed_{век}$ по отношению к среднему уровню 2009 – 2011 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз эффективности структуры сельскохозяйственных предприятий Приморского края (по комплексной оценке эффективности)

Организационно-правовая форма СХО	P_i	Сценарные варианты			
		I		II	
		d_{n_i}	$d_{n_i} \cdot P_i$	d_{n_i}	$d_{n_i} \cdot P_i$
СХПК: крупные	0,286	2,510	0,718	2,510	0,718
малые	0,299	17,992	5,380	19,039	5,693
ООО: крупные	0,237	13,389	3,173	13,389	3,173
малые	0,282	48,536	13,687	50,837	14,336
ЗАО: крупные	0,268	1,255	0,336	1,255	0,336
малые	0,186	6,695	1,245	3,347	0,623
ОАО: крупные	0,248	1,674	0,415	1,674	0,415
малые	0,263	1,674	0,440	1,674	0,440
Колхозы	0,213	-	-	-	-
Прогнозная комплексная оценка эффективности	-	-	25,395	-	25,734

Второй сценарный вариант. Малые ЗАО – как самые низкоэффективные хозяйствующие субъекты в агросфере края, - можно реорганизовать в ООО и СХПК, так данные организационно-правовые формы доказали свою приемлемость к условиям сельскохозяйственного производства региона. В данном варианте трансформации структуры товаропроизводителей расчеты выполнены в предположении того, что 50% функционирующих в настоящее время в регионе закрытых АО изменят свой правовой статус на СХПК, а оставшаяся часть – на ООО. В этом случае эффективность структуры товаропроизводителей увеличится на 0,735 *н.ед_{вес}* по сравнению с 2011 г. или на 0,469 *н.ед_{вес}* по отношению к среднему уровню 2009 – 2011 гг.

Таким образом, представленная методика анализа эффективности структуры позволяет оценить потенциальные и реальные возможности агропредприятий различных форм, в связи с чем она может быть адресно-ориентирована руководителям низкоэффективных организаций (с тем, чтобы они добровольно сменили организационно-правовую форму своего хозяйства) и региональным властным структурам (в качестве одного из инструментов формирования приоритетных направлений аграрной структурной политики).

Список литературы

1. Величко А.С., Власюк Л.И. Моделирование и долгосрочное прогнозирование экономики Дальнего Востока России: методология и инструментарий // Вестник ТГЭУ.- 2012. - №4.- С. 58 - 62.
2. Жуплей И.В., Шмидт Ю.Д. Методика анализа эффективности сельскохозяйственных предприятий различных организационно-правовых форм: регионально-прикладной аспект // Вестник ТГЭУ.-2013. - №2.- С. 3-16.
3. Шутьков А. Аграрная политика: проблемы и пути решения // Экономика сельского хозяйства России. – 2013. - № 5. С. – 48-63.
4. Эльдиева Т. Региональная аграрная политика в новых условиях хозяйствования // Экономика сельского хозяйства России. – 2013. - № 3. - С. 72-83.

08.00.05

¹С.В. Ильин к.э.н., ²Л.А. Ильина к.э.н.

ФГБОУ ВПО Уфимский государственный авиационный технический университет,

¹кафедра «Управление в социальных и экономических системах»,²кафедра «Финансы, денежное обращение и экономическая безопасность»,

Уфа, ilsv.58@mail.ru, list@ufanet.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ПРИ ИНВЕСТИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В работе изложены новые подходы и соответствующие им альтернативные схемы реализации инфраструктурных инвестиционных ГЧП-проектов с учетом первоочередных задач, стоящих перед региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления.

Ключевые слова: *инвестиционный проект, государственно-частное партнерство, инфраструктура, территория.*

В целях совершенствования региональной инвестиционной политики, внедрения эффективных форм и механизмов интеграции усилий органов исполнительной власти субъектов федерации, местных органов власти и представителей бизнес-сообщества по привлечению финансовых ресурсов в социально-экономическое развитие территорий требуется расширение практики разработки инвестиционных проектов на условиях государственно-частного партнерства (ГЧП).

В качестве приоритетных задач государственно-частного партнерства можно выделить: привлечение частного капитала в экономику и социальную сферу территории, повышение эффективности использования государственной (муниципальной) собственности, пополнение (экономия) средств регионального и местного бюджетов.

Главной целью реализации инвестиционного проекта с применением механизма государственно-частного партнерства (ГЧП-проекта) является строительство или реконструкция (модернизация) объектов производственной и социальной инфраструктуры за счет средств представителей частного сектора с их последующей эксплуатацией для решения установленных региональными (муниципальными) органами власти задач территориального социально-экономического развития.[2]

ГЧП-проекты представляют собой не простое сложение ресурсов, а совершенно особую конфигурацию интересов и соответствующих полномочий партнеров. В этом случае региональные (муниципальные) органы власти как одна из сторон партнерства выступают в роли носителя общественно значимых интересов и целей, причем исполняют не только целеполагающую и регулирующую, но и контролирующие функции. Выступая в роли участника хозяйственной деятельности, они заинтересованы как в эффективности общих результатов проекта ГЧП, так и в обеспечении собственного экономического и социального эффекта.

Частный партнер, как всякий предприниматель, преследует цель максимизации прибыли. Поэтому в сегменте коммерческих интересов (в отличие от сегмента реализуемых государством – общественных потребностей) между партнерами вполне уместен и даже необходим торг о возможном разделе возникающих рисков, о характере делегируемых полномочий, об условиях их передачи и осуществления. Субъект частного сектора может осуществлять финансирование проекта за счет собственных или заемных средств. При этом региональный (муниципальный) соучредитель предоставляет субъекту частного сектора право пользования земельным участком или государственным (муниципальным) имуществом (зданиями, сооружениями и прочими объектами инфраструктуры),

предназначаемые для реализации инвестиционного проекта на основе договора аренды. Отбор частного бизнес-партнера – участника ГЧП в совместном проекте – в обязательном порядке предусматривает конкурсную процедуру.

Для юридического оформления обязанностей сторон региональный (муниципальный) соучредитель и субъект частного сектора заключают специальный договор аренды. В нем прописываются обязательства субъекта частного сектора по финансированию ГЧП-проекта, права собственности сторон в отношении созданного имущества и их участие в управлении инфраструктурным объектом, а также механизм распределения результатов.

Организационные схемы исполнения подобных инвестиционных ГЧП-проектов определяются разным целевым назначением, различными приоритетными задачами использования их конечных результатов.[1]

Можно выделить два основных возможных варианта.

1) Региональный (муниципальный) соучредитель и субъект частного сектора совместно используют созданный инфраструктурный объект. В данном случае взаимоотношения участников ГЧП и финансовые потоки, связанные с осуществлением инвестиционного проекта, могут быть отражены в виде схемы на рисунке 1.

Представленный механизм целесообразно применять в том случае, когда первостепенной задачей является обеспечение социального эффекта, получаемого в рамках достижения необходимой потребности в определенных товарах или услугах (инфраструктурных продуктах ГЧП-проекта), являющихся социально значимыми для населения региона (территории). Это могут быть спортивные, оздоровительные, культурно-массовые, образовательные учреждения и др.

Предлагаемая схема может быть актуальна и для возведения объектов производственной инфраструктуры (таких например, как предприятия энергообеспечения, водоснабжения, утилизации твердых бытовых отходов), дорожной и транспортной инфраструктуры.

При реализации ГЧП-проектов по данной схеме региональным (муниципальным) органам власти целесообразно устанавливать, особенно на первоначальном этапе, льготную систему налогообложения и (или) преференциальные режимы арендной платы в зависимости от социальной значимости для населения территории продуктов и услуг инфраструктурных объектов. Эта схема близка по содержанию к модели ВТО (Build, Transfer, Operate – строительство – передача – эксплуатация/управление) по международной классификации.

Рис. 1 – Инвестиционный проект с совместным использованием результатов инфраструктурного объекта

2) Субъект частного сектора полностью инвестирует и самостоятельно использует созданный инфраструктурный объект, а региональный (муниципальный) соучредитель участвует только в распределении доходов от его функционирования (получает часть дохода в виде арендной платы и, возможно, части прибыли оператора ГЧП-проекта). В данном случае взаимоотношения участников ГЧП и финансовые потоки, связанные с реализацией инвестиционного проекта, могут быть представлены в виде схемы на рисунке 2.

При такой реализации ГЧП-проекта основной целью регионального (муниципального) соучредителя является, прежде всего, достижение экономического эффекта, пополнение бюджета за счет возведения и последующей эффективной эксплуатации инфраструктурного объекта. Приведенная схема близка по содержанию к модели BOT (Build, Operate, Transfer – строительство – эксплуатация/управление – передача) по международной классификации

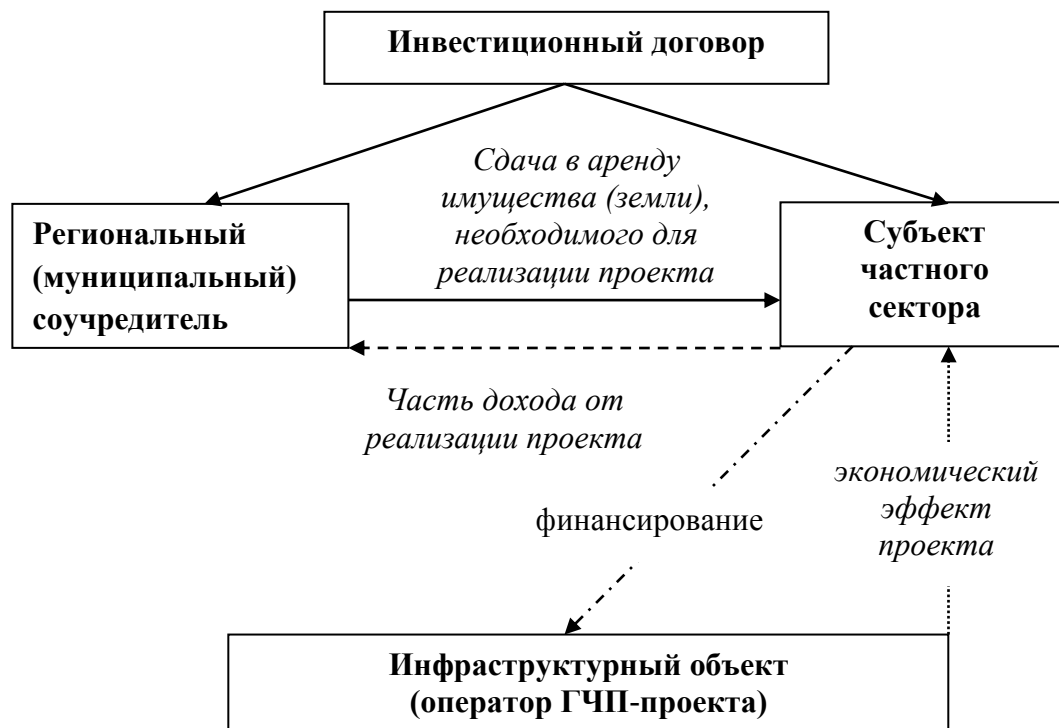

Рис. 2 – Инвестиционный проект с преимущественным использованием финансовых результатов региональным (муниципальным) соучредителем

К инвестиционным проектам в рамках ГЧП могут относиться и специальные контракты на строительство инфраструктурных комплексов, полностью или частично финансируемые за счет бюджетных средств, результаты деятельности которых используются для выполнения обязательств региональных (муниципальных) органов власти перед населением территории (обеспечение социально значимыми продуктами и услугами). Подобные проекты целесообразно относить к числу контрактных моделей ГЧП, а схемы реализации механизма партнерства, определяющие взаимоотношения его участников, финансовые потоки, систему распределения дохода и продуктов инфраструктурных объектов – рассматривать в соответствии принципами и основными положениями вводимой в Российской Федерации с 1.01.2014 года Федеральной контрактной системы.

Список литературы

1. Жаворонкова Е.Н. Кооперационные механизмы управления имуществом в образовании. В кн.: Государственно-частное партнерство в образовании: [сборник] – М.: КДУ, 2009. – 242 с., С. 34–36.
2. Ильин С.В., Ильина Л.А. Развитие институциональных основ государственно-частного партнерства в Республике Башкортостан / Государственно-частное партнерство в России: новый инструмент развития инфраструктуры: труды конференции 9-11 октября 2013 года. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – С. 52–56.

08.00.05

М.Г. Корицкая

Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Башкирская академия государственной службы
и управления при Президенте Республики Башкортостан»,
кафедра экономической теории и социально-экономической политики,
Уфа, oleg_korickii@mail.ru

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

В работе рассмотрены вопросы актуальности и необходимости всестороннего исследования процессов рыночных отношений в системе дошкольного образования, разработки направлений совершенствования экономического механизма его функционирования.

Ключевые слова: *дошкольные образовательные услуги, общественные блага, нерыночный сектор экономики.*

На сегодняшний день в системе дошкольного образования России происходят коренные изменения. Складывается новая система дошкольных образовательных услуг, характеризующаяся следующими особенностями: возникновением негосударственных дошкольных учреждений, оказывающих образовательные услуги, формированием смешанного варианта финансирования, объединяющего традиционный путь за счет бюджета и новый - за счет внебюджетных средств, возникновением и укреплением системы платных образовательных услуг, развитием конкуренции, региональными различиями в социально-экономических условиях функционирования дошкольных образовательных учреждений, демографическим аспектом, и т.д. При этом появление новых, рыночных форм и элементов хозяйствования не снимает с учреждений дошкольного образования состояния хронического недофинансирования.

При переходе к рынку в российскую систему дошкольного образования вторгаются рыночные отношения, активно развивается сегмент платных дошкольных образовательных услуг. В него вовлечены как государственные, так и негосударственные дошкольные образовательные учреждения. Высокие темпы развития данного рынка, появление новых форм оказания дошкольных образовательных услуг определяют актуальность и необходимость всестороннего исследования процессов, складывающихся на этом рынке, разработки направлений совершенствования экономического механизма его функционирования.

Научное исследование вопросов образования в нашей стране долгое время проходило преимущественно в рамках педагогической науки. И это было абсолютно оправдано, поскольку экономических отношений, основной целью которых является приращении прибыли, в таких сферах, как медицина, образование, культура – просто не было. Но, как отмечают учёные, уже в 60-70-е годы проблемы образования стали рассматриваться в рамках возникшей тогда новой отрасли экономической науки - экономики образования. Среди отечественных представителей экономической науки, внесших значительный вклад в развитие этого направления, можно выделить: В.С. Гойло, А.В. Дайновского, Г.А. Егизаряна, В.А. Жамина, С.Л. Костаняна, В.И. Марцинкевича, С.Г. Струмилина и др. [1].

Говоря об экономизации сферы дошкольного образования, нельзя не упомянуть западных исследователей, нобелевских лауреатов Т.Шульца и Г.Беккера. Рассматривая вложение в

образование как своеобразные инвестиции, имеющие свою окупаемость и функционирующие по экономическим законам, они заложили тот методологический инструментарий, который подтолкнул к дальнейшему развитию экономические исследования образовательной отрасли.

В настоящее время ряд российских-учёных экономистов разрабатывает как теоретические основы функционирования и развития образовательной сферы, так и практические направления развития экономической составляющей отрасли (В.С. Автономов, В.В. Анисомов, Ю.К. Бабанский, А.М. Бабич, А.В. Бухвалова, В.И. Ерошин, Р.И. Капелюшников, А.И. Добрынин, С.А. Дятлова, С.А. Белякова, Н.М. Виноградова и др.).

Нельзя не подчеркнуть, что дошкольные образовательные услуги выступают органическим элементом общей системы услуг. Однако понятийный аппарат в данном направлении весьма противоречив и многообразен. Ф. Котлер предлагает следующее определение: «Услуга - любое мероприятие или выгода, которые одна сторона может предложить другой и которые в основном неосвязаемы и не приводят к завладению чем-либо» [2].

При этом сами услуги можно рассматривать через призму классификационных признаков. Так, в соответствии с характером потребления конечных результатов сфера услуг подразделяется на производственные и потребительские услуги краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного пользования [1]. При этом мы согласны с некоторыми авторами, что с помощью данной классификации не может быть получена адекватная информация о сфере услуг в целом, поскольку в рамках потребительских услуг рассматривается экономическая деятельность, направленная на реализацию потребностей в услугах личного и коллективного пользования (бытовые услуги населению, искусство, наука). Но они различны по экономической природе, целям и способам потребления в рыночной экономике. [1].

Более информативной, на наш взгляд, является классификация услуг по функциональному назначению. Так, английский экономист М. Катоузиан, используя принцип функционального назначения, разделил сферу услуг на дополнительные (финансы, транспорт, торговля), новые (образование, здравоохранение, досуг и т.д.) и старые (бытовые) услуги. По его мнению, наибольший спрос на старые услуги приходился на период, предшествующий индустриализации. В ходе её осуществления значительно возрастает потребность в новых услугах. Применение данной классификации во многом объясняет ускоренное развитие отраслей, производящих новые услуги. [1].

Действительно, определяя дошкольную образовательную услугу как «новую» мы отмечаем её всё возрастающую актуальность в структуре народного хозяйства. Очевидно, что четкое определение сущности образовательных услуг важно для выявления всех форм, в которых они могут выступать, для соотношения образовательных услуг и прочих образовательных продуктов; для понимания места конкретной образовательной услуги в общей деятельности образовательного учреждения.

И. Шахриманьян, характеризуя образовательные услуги, пишет, что процесс их оказания «всегда длящийся во времени, многоактовый», должен рассматриваться как «сложная совокупность действий человека, общества, государственных органов, требующая значительных затрат на ее всестороннее обеспечение и одновременно не приносящая реальной немедленной материальной выгоды после ее реализации», что «потребитель образовательных услуг должен обладать дополнительными качествами» [5].

М.И. Потеев среди преимуществ деятельности по оказанию образовательных услуг выделяет то, что: «образовательные услуги могут оказываться в любых местах (гостиницах, квартирах, на теплоходах, базах отдыха), в любое время (зимой, весной, утром, днем, в каникулы), любыми профессионалами (не только профессионалами-преподавателями)»; предпринимательство в области образования не требует сырья и не вносит финансового риска; «деятельность по оказанию услуг в сфере образования менее подвержена

чрезмерному контролю со стороны государства и, следовательно, уменьшает опасность распространения авторитаризма и бюрократизации...»[3].

Весьма дискуссионным можно назвать вопрос, является ли образовательная услуга общественным благом? Так, считается, что непроизводственные, социально-культурные услуги, услуги охраны внутренней и внешней безопасности людей представляют собой общественные блага, которые от других благ отличаются такими характеристиками, как неделимость, совместный характер потребления, высокая социальная значимость, преобладание общественно-государственной формы собственности в их производстве и потреблении. Как правило, общественные блага предоставляются населению бесплатно или по дотационным ценам[1].

Однако нам видится, что образовательную услугу нельзя в полной мере отнести к общественным благам, она делима, имеет не только общественный, но и индивидуальный характер потребления, а её оказание на сегодняшний день достаточно коммерциализировано. Однако в силу высокой общественной значимости и высокой доли государственного финансирования, образовательные услуги всё-таки можно причислить к благам частично-общественным.

Многие непроизводственные услуги как общественные блага образуют нерыночный сектор экономики, который в западной экономической литературе часто именуется неприбыльным сектором, имея при этом в виду некоммерческий характер деятельности учреждений непроизводственной сферы, т.к. получаемая прибыль направляется на уставные цели. В зарубежной экономической литературе сформулирован ряд концепций по поводу сущности и причин возникновения нерыночного сектора, наибольшую известность среди которых получили такие, как концепция «коллективных благ и услуг» (Б. Вайсброд), «неэффективности рыночного механизма» (Г. Хансманн), «потребительского контроля» (А. Бен-Нер) и др. Несмотря на разные подходы, у этих концепций просматривается одна общность, которая состоит в том, что нерыночный сектор возникает и развивается в рыночной экономике вследствие неэффективности рыночного механизма и ограниченности возможностей государства в удовлетворении диверсифицирующихся потребностей[1].

Действительно, полный переход образовательной услуги в рыночную среду не возможен, потому что речь идет о действительно важной для общества сфере, и все «упущения» рыночного механизма по регулированию образования обошлись бы обществу слишком «дорого». Однако мера этого государственного участия должна быть весьма ограничена, поскольку стремление к росту качества образовательных услуг может происходить только в условиях рыночной конкуренции. В данном случае конкуренция - это конкуренция за деньги потребителя образовательных услуг. Если образовательное учреждение финансируется из бюджета, то добиться высокого качества предоставляемых образовательных услуг достаточно сложно. Безусловно, приемы государственного регулирования менее эффективны и более искусственны, нежели рыночные механизмы.

Однако и такое «двойственное» существование учреждений государственных и коммерческих таит в себе немало проблем. Нахождение в одном секторе государственных и негосударственных образовательных учреждений (например муниципальных и частных детских садов) делает негосударственные образовательные учреждения не конкурентоспособными. Только редкий потребитель будет выбирать образовательное учреждение, которое предоставляет более качественные образовательные услуги (возможно, это негосударственное образовательное учреждение), а вот основная часть населения, особенно на фоне хронического недопотребления, конечно же будет ориентироваться не экономию и предпочитать бесплатные варианты, т.е. государственные образовательные учреждения. Как одно из решений данной проблемы мы предлагаем субсидировать самих потребителей образовательных услуг. Получив субсидию, потребитель сам выбирает образовательное учреждение. В частности, населению должна быть предоставлена возможность выбора дошкольных учреждений. Этот механизм поможет негосударственным образовательным учреждениям стать конкурентоспособными, а государственные

образовательные учреждения в борьбе за деньги потребителя будут вынуждены работать над повышением качества предоставляемых образовательных услуг. Однако такое субсидирование населения на дошкольное образование будет эффективным только в том случае, если предложение на рынке дошкольных образовательных услуг превышает спрос.

В настоящее время проблема качества дошкольных образовательных услуг рассматривается в трех аспектах: общегосударственном, социальном и педагогическом. Общегосударственный аспект предполагает соблюдение меры адекватности системы дошкольного образования социально-экономическим условиям общества; социальный — соответствие образовательных услуг реальному запросу родителей; педагогический — направление на технологизацию идей развития и вариативности, реализацию личностно-ориентированного подхода с целью их внедрения в практику дошкольного образования.

С учетом указанных ориентиров можно предложить следующие базовые направления оценки дошкольных образовательных услуг:

- качество предоставляемых образовательных услуг;
- результаты работы образовательной системы;
- качество ресурсобеспечения;
- соответствие образовательных услуг социальному заказу[4].

Каждое из этих направлений требует теоретического обоснования и практической разработки системы критериев и показателей качества дошкольных образовательных услуг.

При этом нельзя не отметить, что государство предпринимает определённые шаги в направлении повышения качества дошкольных образовательных услуг. Так, для примера продолжим рассмотрение системы дошкольных образовательных услуг в Республике Башкортостан. Изучение современного опыта работы муниципальных органов управления образованием Республики Башкортостан позволило выделить ключевые направления их деятельности по обеспечению качества дошкольных образовательных услуг:

- расширение доступности качественных дошкольных образовательных услуг для всех слоев населения посредством развития сети групп в дошкольных образовательных учреждениях, оказывающих консультативную, диагностическую и методическую помощь семье;
- опора на принцип вариативности при выборе образовательных программ и технологий в соответствии с возрастом и уровнем развития детей;
- курс на признание самоценности дошкольного периода детства, в котором качество образовательных услуг определяется не столько объемом новой информации, сколько полноценным развитием личностных качеств, обеспечивающих успех на следующей ступени образования.

Таким образом, проблема качества дошкольного образования как элемента системы дошкольных образовательных услуг приобретает особый экономический смысл, который отражается в изменениях организационно-структурного, нормативно-правового и педагогического характера.

Список литературы

1. Кабисова Арина Руслановна. Экономический механизм рынка образовательных услуг : Дис. канд. экон. наук : 08.00.01 : Владикавказ, 2002 172 с. РГБ ОД, 61:03-8/1137-1
2. Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. - М.: "Ростинтэр", 1996. - 704 с.
3. Потеев М.И. Основы маркетинга в сфере образования. Уч. пособие. — СПб., 1992.
4. Сафонова О.А. Мониторинг качества образования в дошкольном учреждении (теоретический аспект) // Управление дошкольным образовательным учреждением. 2002. № 6.
5. Шахриманьян И. Маркетинг образовательных услуг // Частная школа. 1994. № 1. С. 98-101.

08.00.05

А.А. Ломов, С.В. Сухов, В.Д. Сухов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный технический университет»,
кафедра управления предприятием, Ярославль, sukhovvd@yatu.ru

ОЦЕНКА И НОРМИРОВАНИЕ ТРУДОЗАТРАТ В СЕРВИСНЫХ КОМПАНИЯХ

В работе представлены результаты изучения оценки и нормирования трудозатрат в сервисных компаниях. Сформулированы пять ключевых вопросов управления фондом рабочего времени, ответы, на которые позволят компании более эффективней мотивировать труд работников.

Ключевые слова: *сервисная компания, фонд рабочего времени, норма утилизации, норматив.*

Сервисная компания закупает время специалистов, в ходе которого ими должна быть проделана определенная работа с заданным результатом. Обычно фонд рабочего времени одного сотрудника составляет от 170 до 250 часов в месяц. Соответственно, общий фонд рабочего времени компании может быть получен путем простого перемножения количества сотрудников на их индивидуальный объем трудовых часов. Например, для компании, в штат которой входит 10 человек, совокупный фонд рабочего равен 1700 - 2500 часам в месяц. Это и есть тот ресурс, которым может распоряжаться руководитель. От продуктивности его использования зависит успешность работы компании. Кроме того, собственно стратегия бизнеса определяется тем, на какое направление будут потрачены эти ресурсы. Если направить их только на текущие проекты, то это приведет к существенной утрате потенциала развития. Если сконцентрироваться на только перспективе (например, на создании новых продуктов), то пострадает текущая прибыльность.

Почему сервисной компании имеет смысл оперировать именно временными ставками? Парадокс состоит в том, что «почасовое понимание» - это один из уровней осознания руководителем механизмов работы компании. Это не вопрос управления или не управления временными ресурсами, а скорее отражение стереотипов мышления. Так или иначе, происходит распределение часов по каждому из видов работ. Так или иначе, руководитель управляет затратами времени. Просто в одних компаниях (обычно в «интеллектуальном секторе») это осознанно, стандартизировано и введено в ранг корпоративной культуры, а в других - используется интуитивно, без особого понимания действующих механизмов.

Общепринятым считается разделение рабочего времени на две больших категории:

- время, затрачиваемое на реализацию внешних (Клиентских) проектов
- время, относимое на внутренние проекты и программы компании, а также поддержку инфраструктуры.

Заказчиком и, соответственно, плательщиком по счетам для внешних проектов являются Клиенты компании. Трудозатраты по внутренним проектам оплачиваются самой компанией. Это тоже важный для понимания или осознания факт (многие руководители до сих пор воспринимают такие трудозатраты как «бесплатные»). Более того, реально компания вынуждена частично оплачивать и непродуктивно затраченное сотрудниками время.

Нормирование и учет трудозатрат. Компания, взявшая за основу «почасовой принцип» управления, сразу сталкивается с проблемой нормирования труда по всем бизнес-процессам. «Верхние» границы расходования часов, как правило, задаются рынком. Проще говоря, при прочих равных условиях, компания должна выполнять заданные операции не медленнее, чем это делают конкуренты. «Нижняя» граница - это постоянно оптимизируемый параметр,

величина которого задается по принципу «максимально быстро без потери качества».

Плановые нормы трудозатрат обычно могут быть найдены путем изучения собственной практики и анализа отраслевого опыта по аналогичным проектам. При этом нормироваться должны не только рутинные, но и так называемые творческие процессы (например, затраты времени на разработку креативной концепции). Это вполне возможно сделать, параллельно подойдя к решению задачи управления «вольными художниками».

Параллельно с задачей нормирования возникает задача корректного учета затрат рабочего времени сотрудника на решение поставленных перед ним задач. Это важнейший вопрос для компаний консалтингового типа, продающих заказчикам часы. Без учета невозможно управлять подобной ситуацией.

5 ключевых вопросов управления фондом рабочего времени

1. Какой объем часов необходим компании? С теоретической точки зрения, наиболее правильным был бы следующий подход к поиску ответа на этот вопрос. Необходимо составить достаточно детальную модель всех бизнес-процессов компании, определить нормы трудозатрат на каждый из них. Исходя из этой величины, найти требуемый фонд рабочего времени и от него перейти к перечню исполнителей. Это позволило бы получить «идеальную модель» компании, действующую в «идеальных» условиях. Такой подход реализован в отдельной дисциплине, известной как BPM (Business Process Management). Согласно ее постулатам, в управлении реестром бизнес-процессов и состоит суть регулирования всей операционной деятельности компании.

2. От чего зависит норма утилизации? Под *утилизацией* принято понимать время (в часах или процентах от общего фонда трудозатрат), расходуемое на реализацию внешних («Клиентских») проектов. Кроме термина «утилизация» некоторые авторы, например, Марк К. Скотт, используют эквивалентное ему понятие «Клиентоемкость».

Норма утилизации существенно отличается в зависимости от категории сотрудников и их позиции в организационной структуре. Например, она будет значительно выше у менеджера проектов, чем у специалиста по маркетингу или бухгалтера. Высшее руководство, как правило, должно уделять больше времени внешним проектам, становясь одновременно визионером и для сотрудников, и для внешних Клиентов. Есть даже мнение о том, что топ-менеджер тем эффективнее, чем меньше его вовлеченность в оперативное управление текущими проектами.

Как оптимизировать норму утилизации? Опыт показывает, что если сотрудник тратит на внешние проекты более 60 - 70% рабочего времени, то он быстро теряет квалификацию в связи с отсутствием ресурсов на личное и профессиональное развитие. А именно непрерывное обучение и экспертиза являются основными факторами конкурентоспособности сотрудников на рынке интеллектуальных сервисов.

Высокая и сверхвысокая утилизация (до 80-90%) - это путь к достижению краткосрочного успеха при неясных стратегических перспективах. Подобный уровень вовлеченности во внешние проекты возможен только для новичков или сотрудников с относительно невысокой квалификаций. С другой стороны, низкая норма утилизации означает, что компания «проедает» сама себя. Это допустимо, только если ожидается значительная отдача от инвестированных средств или у компании есть мощный запас внутренних или получаемых из внешних источников ресурсов. К тому же, руководитель будет обязан продавать каждый час значительно дороже, чем в среднем по рынку, а это означает снижение конкурентоспособности по ценовому фактору.

3. Как повысить норму утилизация, не перегружая персонал? Корректная стратегия заключается в доведении до максимума (но не до 100%!) нормы утилизации по всем категориям сотрудников. Это в частности означает, что в целом ряде случаев даже «внутренние» продукты могут быть превращены в услуги и проданы Клиентам. Например, можно предложить Клиентам использовать методику отбора персонала, используемую в компании, а HR-менеджер, вероятно, вполне способен выступить консультантом по подобным вопросам. Другой пример - составление внутренней нормативной документации

(положений о подразделениях, инструкций, регламентов и т.д.) или содействие в юридическом оформлении сделок. Если компания является явным лидером в этой области, то пакет ее собственных документов - это мощный рыночный актив. На этом, по сути, и строятся многие практики бенчмаркинга.

4. Чем определяется уровень загруженности исполнителя? Под плановой «загруженностью» мы будем понимать общий месячный фонд рабочего времени сотрудника. На величину этого показателя оказывают влияние множество факторов: должность, компетентность, степень участия в проектах («востребованность»), режим работы с Клиентами, личные амбиции, масштабы компании, законодательные требования и т.д.

Как было отмечено выше, своеобразной нормой является загруженность в размере 170-180 часов в месяц. Для совсем небольших компаний, состоящих из 3-4 человек, этот норматив значительно выше (порядка 250 часов), что объясняется необходимостью выполнения одним работником функциональных обязанностей сразу нескольких должностей. Верхний допустимый предел загруженности находится примерно на уровне 350 часов в месяц.

О нижнем пределе говорить сложно. Специфика сервисной компании состоит в том, что она может взять сотрудника на работу даже на 1 час. Это может быть весьма выгодно в случае привлечения высокоспециализированных исполнителей, необходимых компании лишь «время от времени».

5. Как быть с перерасходом или экономией часов? С финансовой точки зрения, для сервисной компании трудозатраты персонала являются неким аналогом расходов на сырье и материалы в промышленном секторе. И там, и здесь ведется работа по оптимизации этой статьи затрат.

Фактические трудозатраты могут отличаться от плановых. Независимо от того, является проект внешним или внутренним, все издержки на покрытие чрезмерных затрат времени покрываются компанией. Поэтому, срыв сроков по Клиентским проектам не только наносит урон репутации компании, но и ведет к прямым убыткам (или сокращению прибыли). То же самое можно сказать и о случаях непродуктивного расходования временных ресурсов (например, банальной неспособности исполнителя выполнить необходимую работу с заданным уровнем качества и сроков). Кстати, именно переход от «почасовой» формы оплаты к оплате «за результат» стал одной из причин роста популярности аутсорсинговых практик.

В противоположность этому, экономия часов является одной из основных задач сервисной компании. Фактически это эквивалентно сокращению расходов на сырье и материалы, непосредственно ведущее к росту рентабельности.

Список литературы

1. *Майстер Д.* Управление фирмой, оказывающей профессиональные услуги. Издательство: Манн, Иванов и Фербер, 2012. с.98.
2. *Майстер Д.* Истинный профессионализм. Издательство: Альпина Паблишер, 2005. с.64.
3. *Питерс Т.* Профессиональная сервисная фирма. Издательство: Вильямс, 2006. с.58.

08.00.05

Д.А. Маринцев к.э.н.

Ивановский государственный университет,
экономический факультет, кафедра экономического анализа и бухгалтерского учёта,
Иваново, marintzev2010@yandex.ru

ОЦЕНКА РИСКОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

В работе исследованы некоторые вопросы совершенствования оценки рисков в деятельности промышленных предприятий и организаций. Предложен авторский подход к количественной и качественной оценке рисков хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: экономика и управление.

Актуальность исследований проблем оценки рисков хозяйствующих субъектов на современном этапе развития социально-экономических отношений не вызывает сомнений, что обусловлено как влиянием субъективных факторов, так и комплексным характером экономико-управленческих инструментов, используемых на практике. При этом традиционный подход к исследованию рисков в деятельности промышленных предприятий и организаций предполагает качественную и количественную оценку.

С нашей точки зрения, проблематика количественной оценки рисков в деятельности промышленных предприятий и организаций является достаточно хорошо изученной [5, 6, 7]. При этом вопросы качественной оценки рисков, влияющих на хозяйствующих субъектов, требуют углубленных исследований. Кроме того, следует учитывать, что качественная оценка рисков предшествует количественным исследованиям. Поэтому результаты качественной оценки напрямую оказывают влияние на обоснованность количественных параметров как экономического риска в целом, так и его отдельных видов.

Очевидно, что основной задачей качественной оценки является выявление и идентификация экономических рисков относительно решаемых экономико-управленческих задач. В связи с этим наибольшую важность представляет проблема разработки идентификационных механизмов для выявления всего многообразия рисков. Традиционно в этих целях используются различные классификационные системы рисков, большинство из которых не формируют целостную системную картину возможных рисков, и, как следствие, на этапе качественной оценки не все значимые виды рисков подвергаются необходимым исследованиям.

В связи с этим, по нашему мнению, в рамках качественной оценки рисков в деятельности промышленных предприятий и организаций целесообразно использовать комплексный подход [8, 12, 14], опирающийся на системно-функциональную парадигму [11, 15, 16, 17], совмещенную со структурными уровнями экономики.

Иными словами, расположив по горизонтали структурные уровни экономики, а – по вертикали функциональные подсистемы предприятия [1, 2, 3, 4, 9, 10, 13] в целях качественной оценки риска можно получить системную картину всех рисков, как воздействующих на хозяйствующего субъекта, так и могущих воздействовать на него в перспективе.

Для этого в качестве структурных уровней экономики, по нашему мнению, необходимо учитывать наноэкономический уровень, микроэкономический уровень, мезоэкономический уровень, макроэкономический уровень и мегаэкономический уровень.

А в качестве функциональных подсистем предприятия [1, 2, 3, 4, 6, 7, 13], по нашему мнению, необходимо привлечь такие подсистемы как: экономическая; управленческая; организационная; технологическая; техническая; социальная; коммуникационная; планирования; маркетинговая; экологическая; информационная; финансовая; транспортная;

юридическая; энергетическая; инновационная; инвестиционная; налогового администрирования; ресурсная; резервирования; подсистема вспомогательных видов деятельности; аналитическая; контрольная; подсистема обратной связи; психологическая; экономической безопасности и другие.

Такой детальный подход к выделению функциональных подсистем предприятия в разрезе структурных уровней экономики позволяет в целях качественной оценки идентифицировать весь спектр экономических рисков.

По нашему мнению, в точке пересечения функциональных подсистем промышленного предприятия и конкретного уровня экономики целесообразно не просто идентифицировать тот или иной вид риска в целях качественной оценки, но и провести количественный анализ на основе известных методов, например, экономико-математического, вероятностного, экспертного, статистического, экономико-финансового и т.д..

В этом случае оценка рисков в деятельности промышленных предприятий будет иметь систематизированный вид и комплексный характер, предполагающий наглядное взаимодействие качественного и количественного подходов, что на практике позволит существенно сократить временные, финансовые, трудовые затраты на процессы исследования экономических рисков. С нашей точки зрения, универсальность предлагаемого подхода позволит достаточно широко использовать его в практике хозяйствующих субъектов различных отраслей промышленности и масштабов деятельности.

При этом в зависимости от имеющихся экономико-управленческих задач вектор исследования может быть развернут относительно текущей хозяйственной деятельности, либо относительно имеющихся перспектив, либо ретроспективно в целях оценки ранее совершенных хозяйственных операций. Кроме того, возможности предлагаемого подхода позволяют достаточно гибко использовать его как относительно промышленного предприятия в целом, так и относительно отдельных сегментов бизнеса. Более того, предлагаемый нами подход может быть использован и при решении конкретных хозяйственных задач, например, по модернизации промышленного производства, привлечению инвестиций в основную деятельность, освоению инновационных технологий, совершенствованию ассортимента выпускаемой промышленной продукции, завоеванию новых рынков сбыта и т.д..

Таким образом, в рамках предлагаемого подхода экономико-управленческие задачи качественной и количественной оценки рисков в деятельности промышленных предприятий получают свое системное решение, существенно повышая результативность экономико-управленческой деятельности хозяйствующих субъектов.

Список литературы

1. Егоров В.Н. Экономические проблемы надежности производственных систем. М. : Легпромбытиздат, 1990.
2. Егоров В.Н., Маринцев Д.А. К проблеме моделирования инвестиционных рисков в текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2003. №1. С. 9–12.
3. Егоров В.Н., Маринцев Д.А. Общая теория фирмы в контексте проблем экономической надежности // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2009. №9. С. 34–38.
4. Маринцев Д.А. Взаимосвязь системно-функциональной теории предприятия (фирмы) и методологии принятия экономико-управленческих решений хозяйствующими субъектами // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. №4. С. 150–152.
5. Маринцев Д.А., Грибов А.В. Модернизация промышленных предприятий на основе системно-функционального подхода и теории экономической полезности // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. №1. С. 52 – 54.
6. Маринцев Д.А. Оптимизация надежности производственных систем на стадии бизнес-планирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иваново, 2004.
7. Маринцев Д.А. Оптимизация надежности производственных систем на стадии бизнес-планирования : диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Иваново, 2004.
8. Маринцев Д.А. Системно-функциональная основа для классификации рисков промышленных предприятий // Модернизация экономики и управления: I Международная научно-практическая конференция. 27 марта 2013 года: сборник научных статей / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.И. Бережного; Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь: Ставролит, 2013. Часть II. С. 206 – 208.
9. Маринцев Д.А. Системно-функциональная теория фирмы как основа обеспечения микроэкономической надежности хозяйствующих субъектов // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2009. №1. С. 74–78.
10. Маринцев Д.А. Системно-функциональная теория фирмы как основа совершенствования менеджмента // Вестник Ивановского государственного университета. 2010. №3. С. 92–95.
11. Маринцев Д.А. Совершенствование принципов системной концепции предприятия // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2010: сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 2 – 10 февраля 2010 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – 324 с. – С. 171 – 175.
12. Маринцев Д.А. Совершенствование управления рисками на предприятиях туристической сферы // Туризм и гостеприимство без границ: тенденции и перспективы развития : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 31 мая – 2 июня 2013 г. Иван. гос. ун-т, 2013. С. 226 – 229.
13. Маринцев Д.А. Социально-экономическая сущность фирмы // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 3. №№57–58. С. 248–252.
14. Маринцев Д.А., Суржиков А.В. Понятие и классификация рисков в деятельности промышленных предприятий // Российское предпринимательство. 2013. №9. С. 75–79.
15. Маринцев Д.А., Разова Е.О. К проблеме управления надежностью промышленных предприятий // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. №4. С. 94–96.
16. Маринцев Д.А. Экономическая надежность и экономико-управленческая деятельность предприятий // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2011: сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 1 – 10 февраля 2011 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011 – 376 с. – С. 113 – 116.
17. Маринцев Д.А. Экономическая надежность промышленных предприятий (управленческий аспект) // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 3. №№ 73–74. С. 238–241.

08.00.05

Д.А. Маринцев к.э.н.

Ивановский государственный университет,
экономический факультет, кафедра экономического анализа и бухгалтерского учёта,
Иваново, marintzev2010@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАДЁЖНОСТЬ КАК ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

В работе исследована проблема совмещения экономической надёжности с кластерным подходом. Предложено рассматривать идеологию экономической надёжности как основу реализации кластерной политики.

Ключевые слова: *экономика и управление.*

В современной нестабильной социально-экономической среде крайне актуальными представляются исследования экономической надёжности производственных систем. При этом в качестве магистрального направления данных исследований, с нашей точки зрения, выступает расширение сферы приложения идеологии экономической надёжности [4, 7, 8, 13, 15, 16, 17, 18]. В связи с этим значительный познавательный потенциал, по нашему мнению, открывается в случае совмещения экономической надёжности производственных систем и кластерного подхода к организации промышленного производства.

В традиционной трактовке кластер обычно рассматривается как определенная совокупность хозяйствующих субъектов. При этом данные хозяйствующие субъекты связаны между собой в географическом отношении, с точки зрения экономико-финансовой, отраслевой, организационно-управленческой, информационной, ресурсной и прочей.

Под производственной системой понимается особый класс систем, состоящих из трудящихся, орудий, предметов труда, других элементов, необходимых для функционирования и создания продукции, услуг [1]. Иными словами, производственная система является целенаправленным процессом, благодаря которому происходит превращение отдельных элементов в полезную продукцию, то есть производственная система представляет собой определенную технологию, в соответствии с которой происходит трансформация затрат в продукцию [19].

Учитывая, что в условиях глобализации социально-экономических отношений сугубо отраслевое подразделение экономики в значительной мере утрачивает свою актуальность, доминирующее положение закрепляется за кластерами.

В результате кластер, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать как особую производственную систему, которой необходимо обеспечить, прежде всего, должный уровень экономической надёжности как устойчивости функционирования во времени.

Рассматривая экономическую надёжность как основу реализации кластерного подхода, по нашему мнению, с необходимостью требуется использование системно-функциональной парадигмы, которая подробно разработана относительно промышленного предприятия [2, 3, 5, 6, 9, 10, 11, 12]. Однако относительно промышленного кластера не все функциональные подсистемы будут задействованы одинаково. С нашей точки зрения, приоритетное значение будут иметь следующие функциональные подсистемы [2, 14]:

- инновационная, отвечающая за внедрение инноваций в производство;
- инвестиционная, обеспечивающая соответствующий уровень экономически обоснованных инвестиций;
- экономическая, учитывающая экономические законы, регламентации, нормативы, в соответствии с которыми осуществляется производственный процесс;
- управленческая, определяющая управление системой и её структурными подсистемами;

- организационная, характеризующая формы связей между её элементами и их характеристики;
- техническая, охватывающая технические характеристики элементов системы;
- технологическая, включающая технологические характеристики системы;
- коммуникационная, обеспечивающая внешние связи системы и их характеристики;
- социальная, определяющая социальные гарантии людей, включенных в процесс производства;
- экологическая, отвечающая за экологические стандарты промышленного производства;
- информационная, охватывающая информационные потоки о функционировании системы;
- и другие.

Очевидно, что практическая реализация кластерной политики, кристаллизация и структуризация промышленных кластеров требует существенных финансовых, трудовых, материальных затрат. В связи с этим рассмотрение кластера сквозь призму экономической надёжности позволит оптимизировать уровень этих затрат, а привлечение системно-функциональной парадигмы обеспечивает системный анализ направлений развития кластерной системы, позволяет идентифицировать точки роста социально-экономических отношений внутри кластера и упорядочивает совокупность экономически значимых действий по развитию его внешних связей.

Список литературы

1. Гинзбург Е.Г. Законы и методология организации производственных систем. Учебное пособие. Иваново: ИвГУ, 1988.
2. Егоров В.Н. Экономические проблемы надёжности производственных систем. М. : Легпромбытиздат, 1990.
3. Егоров В.Н., Маринцев Д.А. К проблеме моделирования инвестиционных рисков в текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2003. №1. С. 9–12.
4. Егоров В.Н., Маринцев Д.А. Общая теория фирмы в контексте проблем экономической надёжности // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2009. №9. С. 34–38.
5. Маринцев Д.А. Взаимосвязь системно-функциональной теории предприятия (фирмы) и методологии принятия экономико-управленческих решений хозяйствующими субъектами // Образование. Наука. Научные кадры. 2011. №4. С. 150–152.
6. Маринцев Д.А., Грибов А.В. Модернизация промышленных предприятий на основе системно-функционального подхода и теории экономической полезности // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. №1. С. 52 – 54.
7. Маринцев Д.А. Оптимизация надёжности производственных систем на стадии бизнес-планирования : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Иваново, 2004.
8. Маринцев Д.А. Оптимизация надёжности производственных систем на стадии бизнес-планирования : диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук / Иваново, 2004.
9. Маринцев Д.А. Системно-функциональная основа для классификации рисков промышленных предприятий // Модернизация экономики и управления: I Международная научно-практическая конференция. 27 марта 2013 года: сборник научных статей / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. В.И. Бережного; Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь: Ставролит, 2013. Часть II. С. 206 – 208.
10. Маринцев Д.А. Системно-функциональная теория фирмы как основа обеспечения микроэкономической надёжности хозяйствующих субъектов // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2009. №1. С. 74–78.
11. Маринцев Д.А. Системно-функциональная теория фирмы как основа совершенствования

- менеджмента // Вестник Ивановского государственного университета. 2010. №3. С. 92–95.
12. *Маринцев Д.А.* Совершенствование принципов системной концепции предприятия // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2010: сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 2 – 10 февраля 2010 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – 324 с. – С. 171 – 175.
13. *Маринцев Д.А.* Совершенствование управления рисками на предприятиях туристической сферы // Туризм и гостеприимство без границ: тенденции и перспективы развития : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 31 мая – 2 июня 2013 г. Иван. гос. ун-т, 2013. С. 226 – 229.
14. *Маринцев Д.А.* Социально-экономическая сущность фирмы // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. Вып. 3. №№57–58. С. 248–252.
15. *Маринцев Д.А., Суржиков А.В.* Понятие и классификация рисков в деятельности промышленных предприятий // Российское предпринимательство. 2013. №9. С. 75–79.
16. *Маринцев Д.А., Разова Е.О.* К проблеме управления надёжностью промышленных предприятий // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. №4. С. 94–96.
17. *Маринцев Д.А.* Экономическая надёжность и экономико-управленческая деятельность предприятий // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: ИвГУ – 2011: сб. ст. по итогам науч. конф., Иваново, 1 – 10 февраля 2011 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011 – 376 с. – С. 113 – 116.
18. *Маринцев Д.А.* Экономическая надёжность промышленных предприятий (управленческий аспект) // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 3. №№ 73–74. С. 238–241.
19. *Риггс Дж.* Производственные системы. М.: «Прогресс», 1972.

08.00.05

А.П. Панов

Сибирский Университет потребительской кооперации,
Факультет экономики и управления, кафедра экономики потребительской кооперации,
Новосибирск, artem@nops.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе представлены результаты изучения состояния потребительской кооперации Новосибирской области, проанализирована ее структура, рассмотрены показатели розничной торговли.

Ключевые слова: *инновационное развитие, потребительская кооперация, автоматизация предприятий розничной торговли.*

В настоящее время потребительская кооперация Новосибирской области представляет собой поступательно развивающуюся социально-ориентированную систему, в состав которой входят организации, занимающиеся производством и реализацией продукции, а также предприятия, оказывающие социальные и бытовые услуги населению.

Новосибирский облпотребсоюз объединяет 196 кооперативных организаций, из них 183 - в районном звене. Данные организации обслуживают 691 тыс. жителей (в том числе 545 тыс. сельских жителей) в 1270 населенных пунктах 30 районов области.

Основным направлением деятельности потребительской кооперации является торговля, состоящая из 1800 розничных торговых предприятий, в том числе 1300 магазинов с торговой площадью более 122 тыс. кв. метров.

Если в 1990 году доля розничного оборота облпотребсоюза в системе Центросоюза составляла 2,25%, то в 2012 году она увеличилась до 3,9% (данные 2007 г. - 3,08%).

За 2008 – 2012 гг. было продано товаров населению через предприятия розничной торговли и общественного питания на 30,6 млрд. рублей. В 2012 году оборот розничной торговли и общественного питания составил более 7 млрд. рублей, темп роста к 2011 году - 105,3%, по сравнению с 2007 годом оборот увеличился в 1,8 раза. Активно проводилась специализация торговой сети. На начало 2013 года по методу самообслуживания работают 274 магазина, что на 175 магазинов больше, чем в 2007 году.

За 5 лет инвестиции в основной капитал составили более 700 млн. рублей, в том числе в 2012 году – 133,5 млн.

Несмотря на то, что товарооборот кооперативной торговли сопоставим с товарооборотом крупнейших торговых сетей, работающих на российском рынке, конкурентные позиции системы потребительской кооперации не являются устойчивыми. В условиях быстрой экспансии торговых розничных сетей, в т.ч. и зарубежных, обладающих известными брендами, отработанными схемами логистики и оптимальной организационной структурой, может произойти постепенное вытеснение организаций кооперативной торговли с региональных рынков, что снизит их возможности по решению социальных задач обеспечения низкорентабельных, с точки зрения объемов реализации, населенных пунктов.

Ужесточение конкурентной борьбы вызывает необходимость поиска инновационных путей организационного развития предприятий потребительской кооперации Новосибирской области.

Учитывая взаимосвязь конкурентоспособности и инновационных технологий, а также рыночную, потребительскую направленность торговли, конкурентное преимущество современного торгового предприятия представляет собой концентрированное проявление превосходства инновационного подхода в стратегии и тактике бизнеса (маркетинговой,

экономической, технологической, организационной и других сферах деятельности) с целью более эффективного удовлетворения потребностей покупателей.

Исследуя инновации торговых предприятий, можно выделить следующие виды:

- товарные инновации;
- организационные инновации;
- финансовые инновации;
- информационно-технологические инновации.

К числу товарных инноваций относят новшества и нововведения, касающиеся маркетинговых и/или логистических мероприятий по продвижению на потребительском рынке товаров и услуг, в том числе с новыми потребительскими свойствами, мерчендайзинг, категорийный менеджмент, организацию продаж товаров под собственными марками и др.

Современная система кооперативной торговли ориентирована, в первую очередь, на обслуживание малоимущих слоев населения и потребителей отдаленных районов, для чего создана достаточно развитая логистическая инфраструктура. Однако происходящая в настоящее время быстрая экспансия торговых розничных сетей, в т.ч. и зарубежных, может привести к постепенному вытеснению организаций кооперативной торговли. Ситуация усугубляется дезинтеграционными процессами в системе потребительской кооперации. Магазины в лучшем случае объединены на уровне районов, отсутствует единое информационное обеспечение процесса управления, не разработана общая стратегия развития, не регламентированы механизмы взаимодействия между организациями потребительской торговли. Отмеченные обстоятельства позволяют сделать вывод о невозможности интеграции организаций кооперативной торговли в инновационную экономику на основе сложившейся организационной модели и обуславливают необходимость организационных инноваций.

Организационные инновации – это применение впервые в практике организации новых бизнес-процессов для обеспечения его функционирования, включая организационные мероприятия по снижению издержек и повышению конкурентоспособности всей логистической системы производства и распределения продукции.

Под финансовыми инновациями в сфере розничной торговли рассматриваются новшества и нововведения, связанные с выходом российских торговых сетей на отечественный и/или глобальный финансовый рынок в целях привлечения дополнительных инвестиций для своего развития, в том числе для осуществления региональной и международной экспансии.

К информационно-технологическим инновациям отнесены новшества и нововведения, предусматривающие использование в сетевой торговле современных информационных продуктов и технологий - штрихкодирование, радиочастотную идентификацию, POS-терминалы, технологии электронного обмена данными, формы и методы электронной торговли, системы управления взаимоотношениями с клиентами и др.[1]

Следует отметить, что значительное влияние вышеуказанные инновации оказывают на деятельность торговых предприятий, реализующих специальные программы по внедрению информационно-технологических инноваций в свою деятельность. Среди проблем, тормозящих инвестиции в информационно-технологические инновации, можно отметить недостаток долгосрочных финансовых ресурсов и компетенции у районных потребительских обществ в опыте реализации таких проектов. Но некоторые кооперативные организации Новосибирской области уже приступили к реализации таких программ. Так, например, кооператоры Каргатского райпотребсоюза одними из первых реализовали проект автоматизации розничной торговли с использованием штрихкодирования в магазинах непродовольственной группы товаров. От внедрения автоматизации оборот в магазине «Калейдоскоп» по торговле товарами для детей за 11 месяцев 2013 года увеличился на 73% и составил 7,7 млн. руб., в магазине «Посуда» объем реализации вырос на 41% и составил почти 3 млн. руб.

Исследуя нематериальные торговые инновации, отметим, что востребованными для розничных организаций остаются программы лояльности. В целях поощрения постоянных и

привлечения новых клиентов в магазины потребительской кооперации Новосибирской области предлагается внедрить в систему розничных магазинов единую карту постоянного покупателя. Карту, по которой можно получить скидку во всех автоматизированных магазинах потребительской кооперации Новосибирской области. В настоящее время идет апробация данной системы в работе магазина Раздоленского сельпо.

В последние годы в инновационном развитии предприятий различных сфер наблюдается динамика роста. Так, в сфере услуг Новосибирской области прослеживается уверенный рост объема инновационных товаров, работ, услуг. В 2010 году в нашей области было продано инновационных товаров и/или оказано инновационных услуг на сумму 1 440,7 млн. руб., в 2011 году – на сумму 1946,8 млн. руб., в 2012 году объем составил уже 2 341,6 млн. руб. Таким образом, можно констатировать рост объема инновационных товаров, работ и услуг за 3 года в Новосибирской области практически на миллиард рублей - 900,9 млн. руб.

Вырос также удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации. В 2010 году в Новосибирской области таких организаций было всего 4,8 % , в 2011 году – 7,5 %, в 2012 году удельный вес инновационных организаций составил уже 8 % от общего количества организаций в нашей области.

Необходимо учитывать и тот факт, что внедрение инноваций в розничную торговлю сопряжено с определенными проблемами: необходимостью соблюдения социального баланса (инновации предполагают сокращение рабочего времени и мест), достаточно высокой стоимостью вложений в переоборудование магазинов, неготовностью менеджмента к кардинальному изменению в работе.

Список литературы

1. *Валеева Ю.С.* Сущность и классификация инноваций торговых сетей / Ю.С. Валеева //Вестник Академии. – 2010. - № 3. – С. 37-41.
2. *Уолтон С.* Сделано в Америке. Как я создал Wal-Mart / Уолтон С. М: Альпина Паблишер. – 2011. - С. 224.
3. Управление знаниями в корпорациях / под редакцией Б.З. Мильнера. – М.: Дело, 2006.
4. Новосибирский облпотребсоюз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pors.ru> (дата обращения 01.12.2013).
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 01.12.2013).
6. Проект Концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. - М: МЭРТ РФ. – Режим доступа: <http://mineconomy.gov.ru> (дата обращения 05.12.2013).
7. Выступление Президента РФ на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс]- режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml> (дата обращения 08.12.2013).
8. Стратегия и Концепция социально-экономического развития России до 2020 года: экономический анализ [Электронный ресурс]- режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article19384.htm> (дата обращения 05.12.2013).

08.00.14

В.К. Поспелов

ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
факультет международных экономических отношений,
кафедра мировой экономики и международных финансовых отношений,
Москва, valprosp@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОДНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕГИПТА

В работе изложены некоторые вопросы обеспечения водных ресурсов для ведения сельского хозяйства в Египте в изменившихся геополитических условиях в странах Северо-Восточной Африки. В качестве примера рассмотрена ситуация с обеспечением Египта важнейшими видами сельскохозяйственной продукции – пшеницей и рисом.

Ключевые слова: *Нил, Египет, Эфиопия, распределение водных ресурсов, строительство плотины Возрождение, производство пшеницы и риса.*

Бурные события на севере Африканского континента, вошедшие в современную политическую историю под названием «Арабская весна», на время оттеснили на второй план одну из самых важных и сложных проблем, с которыми сталкивается целый ряд африканских государств, в том числе арабских, — проблему обеспечения водоснабжением экономики и быстро растущего населения.

На северо-востоке Африки практически единственным крупным источником воды для сельского хозяйства, промышленности и бытовых нужд является Нил, сток которого колеблется и составляет в среднем у Асуана 84 млрд. куб м.

Наибольшая доля водных ресурсов великой африканской реки (55,5 млрд куб.м) была исторически закреплена за Египтом в силу договоров, заключенных в 1929 г. и 1959 гг. В то время страны, находящиеся в верхнем течении Нила и обеспечивающие основное количество стока реки, не могли воздействовать на принятие решений, которые фактически игнорировали их интересы. Однако ситуация резко изменилась на рубеже второго и третьего тысячелетий. Результатом этих изменений стало то, что оказалась подорванной монополия Египта и Судана на распоряжение водами Нила. [Подробнее об этом см.: 1]

В 2010 г. 6 стран, расположенных в верхнем течении Нила подписали соглашение о новых принципах распределения водных ресурсов Нила между странами бассейна этой великой африканской реки. И Эфиопия уже начала строительство грандиозной плотины «Возрождение» на Ниле.

На эту новость весьма нервно отреагировал Египет. В мировой печати появилось немало статей, в которых отмечалось нарастание напряженности между Египтом и Эфиопией. Хотя в прессе отмечалось, что расположение плотины в Эфиопии таково, что накопленная перед ней вода будет использоваться главным образом для производства электроэнергии [3,4], это не исключает того, что в будущем Эфиопия и другие страны бассейна Нила приступят к более полному освоению водных ресурсов Нила для развития сельского хозяйства.. Таким образом, в ближайшие десятилетия при сохранении нынешней технологической базы водные проблемы на северо-востоке Африки могут существенно обостриться и стать новым источником международной напряженности.

Можно оценить объем водных ресурсов, которые могут потребоваться странам бассейна Нила в 2050 г. Предполагая, что набор сельскохозяйственных культур останется неизменным, а технологическая база сельского хозяйства не претерпит особых изменений, количество требуемых водных ресурсов будет функцией от роста экономики и населения. По прогнозам ООН, число жителей вышеуказанных стран в 2050 г. по сравнению с 2010 г.

возрастет в 1,7 раза. Соответственно может возрасти и объем потребляемой нильской воды. Полагая, что все страны бассейна Нила (за исключением Демократической Республики Конго, имеющей собственные водные ресурсы) будут предъявлять повышенный спрос на водные ресурсы Нила, ситуация может серьезно обостриться.

Однако в расчет необходимо включить ряд других переменных, например индустриализацию стран бассейна Нила, что может привести к росту потребления воды на технические нужды. Продолжающаяся урбанизация может также способствовать росту бытового потребления воды. Наиболее актуальным вопрос о количестве воды, потребной для сельского хозяйства, развивающейся промышленности и бытового потребления, является для Египта, поскольку Нил является источником 95% голубой воды, получаемой Египтом.

В прогнозах следует также учитывать структуру производства, экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции, в частности важнейшей продовольственной культуры – пшеницы. Собственное производство пшеницы в Египте (8,7 млн т в 2012 г.) [2] лишь на половину покрывает потребности населения. При этом потребляется примерно 10 процентов голубой воды, которую может использовать Египет в соответствии с соглашениями 1959 г. В последние годы Египет стал самым крупным мировым импортером пшеницы (в среднем около 9,5 млн тонн в год). Ныне отстраненный от власти исламистский президент Мухаммад Мурси в свое время призывал к достижению самообеспеченности пшеницей [7.] Простой подсчет показывает, что в этом случае суммарное потребление голубой воды составило бы около 11,8 млрд куб м, а общий объем потребной воды достиг бы 28 млрд куб. м (производство одной тонны пшеницы в Египте требует примерно 1536 литров воды зеленой, голубой и серой воды [8]. Если же учесть рост населения до 2050 г. (1,7 раза), то даже с учетом осуществления ряда проектов, обещающих рост стока Нила в пределах Египта на 8-9 млрд куб.м., на производство 30 млн т пшеницы потребовалось бы примерно 15,5% голубой воды, поступающей в Египет. Достижение этой цели представляется весьма сложным, поскольку водные ресурсы потребуются и для возделывания других сельскохозяйственных культур. К тому же весьма проблематичными являются и перспективы освоения новых земель

В 2010 г. в прессе появились сообщения о намерении Египта использовать часть сельскохозяйственных площадей в соседнем Судане для возделывания пшеницы [6]. Однако такая возможность связана с политическими и экономическими рисками. Во-первых, для этого необходимо дружественные, более того, партнерские отношения с Суданом. Во-вторых, за счет водных ресурсов какой страны можно развивать производство пшеницы?

Другой важнейшей сельскохозяйственной культурой Египта является рис. В отличие от пшеницы Египет не только полностью покрывает свои потребности в этой культуре, но и экспортирует часть продукции.

В 2000-х гг. производство риса в стране возросло с 3965 тыс тонн до 4675 тыс тонн в 2012г. Возделывание риса требует большого объема воды: около 20% водной квоты Египта. Поэтому в 2009 г. было принято решение уменьшить площадь под этой культурой и в 2010 г. производство упало до 3100 тыс. т. Однако в последующие годы вновь быстро возросло [9].

Имеется достаточно аргументированная точка зрения, что Египет примерно до 1988 г. не испытывал проблем с дефицитом водных ресурсов. Однако на рубеже столетий произошла глубокая перемена. Вполне реальной стала перспектива снижения обеспеченности водными ресурсами. Однако не имеется убедительных подтверждений того, что новая ситуация находит адекватное отражение во внутренней экономической политике с целью снижения потребления воды в сельском хозяйстве, коммунальном секторе и в промышленности [5].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что, по-видимому, будет необходимо применять сорта пшеницы и риса, выращивание которых требует меньшего удельного количества воды и, следовательно, усилия селекционеров надо направить на разработку таких сортов. Очевидно, придется осуществлять переориентацию сельского хозяйства на возделывание культур с меньшим водным следом, которые пользуются спросом на мировом рынке, и за счет экспорта импортировать необходимое количество пшеницы.

Возрастает значение и разработки новых технологических и технических решений для снижения удельного водопотребления в промышленности и потребления воды в бытовом секторе.

Предстоит также разрабатывать новые технологии, которые позволили бы в значительных масштабах производить обессоливание морской воды. Что касается последнего, то в Египте имеются огромные возможности для производства солнечной энергии, учитывая то, что большая часть Египта представляет собой пустыню. Однако лимитирующим фактором в этом случае будет неразвитость технологической базы. Поэтому в качестве приоритетной выдвигается задача развертывания исследований для достижения прорыва в создании принципиально новых технологий в освоении солнечной энергии.

Что касается более отдаленных перспектив распределения воды между странами бассейна Нила, то нельзя полностью исключить вероятность того, что доля Египта может несколько сократиться. Поэтому, по-видимому, целесообразно уже в настоящее время разработать сценарии возможного развития событий. Это позволит определить и возможные стратегии развития египетского сельского хозяйства и промышленности.

Список литературы

1. Брагин А.А. Эфиопия: «Великая дамба возрождения» // Азия и Африка сегодня. 2012. 1. С.56-58.
2. FAO. Crop Prospects and Food Situation. 2013. #1. March. – www.fao.org/docrep/017/al1998e.pdf. (Дата обращения 15.12.2013).
3. Grand Ethiopian Renaissance Dam Project, Benishangul-Gumuz, Ethiopia <http://www.water-technology.net/projects/grand-ethiopian-renaissance-dam-africa/> (Дата обращения 19.12.2013)
4. Hammond, Michael. The Grand Ethiopian Renaissance Dam and the Blue Nile: Implications for transboundary water governance. <http://www.globalwaterforum.org/2013/02/18/the-grand-ethiopian-renaissance-dam-and-the-blue-nile-implications-for-transboundary-water-governance> (Дата обращения 20.12.2013)
5. Hvidt Martin. Water resource planning in Egypt. <http://www.netcomuk.co.uk/~jpap/hvidt.htm> (Дата обращения 15.12.2013).
6. Laylin, Taflin. Egypt To Grab Sudanese Land To Meet Its Wheat Needs. <http://www.greenprophet.com/2010/10/egypt-grabs-sudanese-land/> (Дата обращения 14.12.2013).
7. McFarlane Sarah Egypt's wheat problem: how Mursi jeopardized the bread supply. <http://www.reuters.com/article/2013/07/25/us-egypt-mistakes-wheat-idUSBRE96O07N20130725> (Дата обращения 14.12.2013).
8. Mekonnen M.M. and Hoekstra A.Y. A global and high-resolution assessment of the green, blue and grey water footprint of wheat. www.hydrol-earth-syst-sci.net/14/1259/2010/doi:10.5194/hess-14-1259-2010 (Дата обращения 15.12.2013).
9. <http://www.indexmundi.com/agriculture/?country=eg&commodity=milled-rice&graph=production> (Дата обращения 19.12.2013).

08.00.05

М.И. Сычев

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
экономический факультет, кафедра экономики и управления в строительстве,
deathsmi@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА (понятие, структура, развитие)

Экономический потенциал, его интенсивное развитие и эффективное применение образуют все необходимые предпосылки для постоянного экономического роста отдельных предприятий на микроуровне и, как следствие, отраслей, регионов, национального хозяйства на макроуровне. В статье представлены понятийный аппарат экономического потенциала, структурная модель основных элементов входящих в экономический потенциал, а так же указаны элементы определяющие уровень использования экономических благ.

Ключевые слова: *экономический потенциал, потенциал, элементы экономического потенциала, структура.*

Великий английский философ и экономист Джон Стюарт Милль, указывал на то, что любая наука определяет предмет собственных исследований не в момент своего возникновения, а именно тогда, когда достигает определенной степени зрелости. Примером такого развития характера послужило строительство городской стены, которая нужна была не для того чтобы защитить строение, а отделение его от других зданий, которые уже существовали.

Данный парадокс теории научного знания объясняли тем, что наука появляется способность выделить свой предмет исследования из огромного количества проблем окружающей жизни только тогда, когда ученые могут увидеть общность некоторого круга проблем, которая данная наука может решить. Это становится возможным, только когда образуется набор некоторых взаимосвязанных между собой принципов и инструментов познания, относящихся только к определенной науке [1]. Этим примером хотелось бы показать, что вопрос о методе, предмете и сущности экономической науки, который чаще оказывается «дежурным» и откладывается как «есть» или самоочевидным, на самом деле таит много интересных и глубоких проблем, которые без сомнения достойны внимания.

Экономика является неотъемлемой частью существования и развития человечества. Одна из задач, которая стоит перед экономикой – это удовлетворение потребностей человека. Все это достигается уровнем промышленно-производственного, научно-технического развития и т.д., в свою очередь зависит напрямую от развития и квалификации людей, их умением, профессионализмом и имеющихся знаний. Все это отражается в экономическом потенциале.

Попытаемся ответить на два вопроса: 1. Что представляет собой экономический потенциал (ЭП)? 2. Когда данный термин начал использоваться в экономической литературе?

Отвечая на первый вопрос, можно выделить два понятия «экономика» и «потенциал». Экономика от др. - греч. οἰκονομία, (буквально звучит как — «искусство ведения домашнего хозяйства») – совокупность наук, изучающих задачи производства, распределение и потребления различных благ, необходимых для использования как одного человека, всего общества, фирмы и государства. Наука, которая создана для рационального поведения экономического субъекта (общества, фирмы, государства) при решении своих экономических благ, потребностей. Потенциал - (от лат. potentia — «сила, мощь»). Трактовок огромное количество и в различных науках. Потенциал представляет собой средства, источники, какие-либо запасы, возможности индивидуального человека, организации и

государства в целом, необходимые для проведения в действие той или иной программы, либо для достижения цели. Исходя из этих определений, можно с уверенностью сказать, что «экономика» изучает условия и предоставляет возможность для потребления благ, а с помощью «потенциала» эти условия приводятся в действие.

Изучение отечественной экономической литературы выявило ограниченное число авторов, стремящихся раскрыть содержание понятия экономический потенциал. В таблице 1 представлено сопоставление определений «экономический потенциал» разными учеными.

Что касается второго вопроса, то понятие «экономический потенциал» вошло в обиход в 70-х годах и явилось обобщающим выражением качественных изменений в общественном производстве [4].

Таблица 1

Сопоставление определений «экономический потенциал»

№ п/п	Автор/ Учебное издание	Определение
1	2	3
1	Оксфордский толковый словарь	Степень мощности и уровня возможности для обеспечения своей конкурентоспособности, обусловленные имеющимися в распоряжение предприятия ресурсами и способность к их эффективному использованию [6, с.318]
2	Методологический подход к исследованию возможностей развития экономического потенциала предприятия на основе анализа регионально-отраслевых тенденций	Потенциалом предприятия принято понимать совокупность показателей или факторов, характеризующих его силу, источники, возможности, средства, запасы, способности, ресурсы и многие другие производственные резервы, которые могут быть использованы в экономической деятельности, то можно сказать о неполном раскрытии автором функционировании предприятия [2]
3	Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона	Совокупным выражением материальной базы региона, учитывающим объем расположенного в пределах данного территориального образования имущества, выраженного в количественных показателях, а также качественные характеристики, предопределяющие возможности реализации этого имущества в регионе [3, с.13-14]
4	Сущность социально-экономической эффективности развития региона	Совокупность имеющихся в наличии и возможных для мобилизации ресурсов региона, необходимых для его развития при условии максимального использования имеющихся возможностей для производства конкурентоспособной продукции и наиболее полного удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколений, с учетом интересов государства и бизнеса [7, с.22]

Исходя из представленных определений ЭП, можно обозначить единое составляющие, это потенциал (организации, отрасли, региона), т.е. возможности и обеспеченность необходимыми ресурсами. В.И. Меньшикова в своей статье («Экономический потенциал региона: терминология, структура, модель»), указывал, на то что – «Экономический потенциал региона – многогранное понятие, ...» [5]. Тем самым он дает ясность о ЭП,

состоящий из других видов потенциалов, каждый из которых несет свою лепту в развитии предприятий, отрасли и региона.

Состав элементов, входящий в экономический потенциал представим на рис.1.

Рис. 1. Структурная модель основных элементов экономического потенциала

Инновационный потенциал. Коробейников О.П. и Коршунов И.А. предлагают расширенное определение, они отмечают, что сильной чертой инновационного потенциала считаются предприятия, обладающие высокими производственными и научно-техническими потенциалами (квалифицированные научные кадры, материально-техническая гарантия, информационно-методическая гарантия, организационное обеспечение). Для исполнения инновационной деятельности, необходимы следующие показатели, характеризующиеся ресурсообеспеченностью, такими являются материальные, информационные, интеллектуальные, финансовые, кадровые и прочие показатели, при помощи которых возможна инновационная деятельность и дальнейшее его развитие.

Инвестиционный потенциал. Если мы рассмотрим инвестиционный потенциал с точки зрения предприятия, то тут можно его охарактеризовать как реализация внутренней инновационной политики, нацеленная на получение новых знаний, дополнительной прибыли, для привлечения новых видов ресурсов, обновление технической базы и т.д. А с другой точки зрения, потенциал региона, воспользуемся трактовкой Шидова А.Х., в его понимании – это объем инвестиций, привлеченный в основной капитал региона, используя внутренние и внешние источники притока денежных средств, опирающийся на имеющемуся в регионе экономических, социальных, производственных и т.д. ресурсов.

Производственный потенциал. Этот потенциал является, по сути, главным критерием для увеличения конкурентоспособности предприятий и регионов. Основными параметрами, которыми объясняется конкурентоспособность, это: объемы выполненных СМР, ввода жилья, застраиваемого жилья, заделы по земельным участкам. Т.е. существующий объем готовой продукции, который можно изготовить, произвести при использовании всех имеющихся ресурсов предприятий и региона в целом.

Социальный потенциал. Ядром этого потенциала является – человек. Это объясняется созданием комплекса задач социального характера касающегося самих себя. Необходимо было сориентироваться на более гармоничном обществе, т.е.: повышение качества жизни, уменьшение в уровне развития между городами и деревнями, улучшение экологии и созданием условий «открытого внешнего мира» и т.д. Его еще отнести к «человеческому потенциалу» или по-другому «человеческий капитал».

Финансовый потенциал. Представляет собой, систему денежных отношений предназначенных для формирования, использования и разделения фондов денежных средств по их функциональному предназначению, предписанных региональным органам власти и управления. Что касается потенциала предприятия, здесь все усилия сконцентрированы на характеристику финансового положения и на реальные финансовые способности предприятия. Финансовый потенциал базируется на экономическом потенциале.

Инфраструктурный потенциал. Связь, транспорт, электро-, тепло- и водоснабжение, сфера услуг, банковская система, всевозможные биржи, фонды и т.д. Данный потенциал реализует себя путем восприимчивости в организационно-экономической инновации.

Интеллектуальный потенциал. Для экономического развития служат знания, опыт, обучающие процессы, процессы управления, распространение полученных знаний. Все это позволяет при быстром изменении приобретающих знаний, опыта, способностей, а так же использовании новых знаний, создать инновации. Условиями же роста является развитие, проведение и создание новых объектов интеллектуальной собственности, научно-исследовательской работы, опытно-конструкторские работы, объекты авторского права, промышленной собственности и конечно ноу-хау.

Рис.2. Потенциалы, определяющие уровень использования экономических благ

Из рисунка 2, видно, во первых, что центром из структуры экономического потенциала (фирмы, отрасли и региона), является население. Т.к. население посредством указанных потенциалов воздействует на всевозможные производственно-природно-экономические ресурсы и т.д. (рис. 1), как бы преобразуя их в «предметы» для удовлетворения возникающих потребностей.

На то, как будет организовываться деятельность экономического потенциала, влияет управленческая деятельность, т.е. такой фактор как эффективность, и показывает степень (уровень) жизни населения или на сколько «комфортны» условия в организации. В.И. Меньшикова указал, на то, что материальная составляющая ЭП, измеряется в денежном выражении (приобретают денежную оценку), такие как: стоимость ресурсов, основных фондов, интеллектуальная собственность и кадровый потенциал.

Подводя итог, экономический потенциал – это сложная структурная модель, складывающаяся из множества потенциалов, часть которых, используются как «инструмент» для потребления благ, выпуска продукции, товаров, услуг готовых к применению и развития различного производства, а другая часть, образуют необходимые ресурсы, применяя которых, мы сможем создать те или иные потребности.

Список литературы

1. *Архипов А.И.* Экономика// Учебник. 2005 изд. 3 С. 5-9
2. *Гунина И.А.* Методологический подход к исследованию возможностей развития экономического потенциала предприятия на основе анализа регионально-отраслевых тенденций // Машиностроитель. - 2004. - N 12.
3. *Любимова М.В., Нестеров В.П., Дмитриева В.С.,* Проблемы оценки социально-экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 4. С. 13-14.
4. *Малиновская Н.В.* Понятие «экономический потенциал» в современной литературе// С. 61
5. *Меньщикова В.И.,* Экономический потенциал региона: терминология, структура, модель//Вестник ТГУ, выпуск 4 (84), 2010. С. 59-62
6. Оксфордский толковый словарь, англ. русс. М.: Прогресс-академия, 1995.С. 318
7. *Растворцева С.Н.* Сущность социально-экономической эффективности развития региона // Регионология. 2008. № 4. С. 22.

08.00.05

И.В. Филимоненко

Сибирский федеральный университет,
институт управления бизнес-процессами и экономики, кафедра маркетинга,
Красноярск, ifilimonenko@sfu-kras.ru

РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА

Ориентация региональных экономических систем на инновационную модель развития сопровождается усилением дисбалансов спроса и предложения локальных рынков. Это свидетельствует о диспропорциях в параметрах региональных воспроизводственных процессов, что, в свою очередь, приводит к потере устойчивости экономического роста не только на уровне отдельных регионов, но и государства в целом. В статье обосновывается роль локальных рынков в обеспечении устойчивости роста региональной системы.

Ключевые слова: *региональная экономическая система, экономический рост, фактор экономического роста, локальный рынок, структурные сдвиги.*

С конца прошлого века в России крупные системные преобразования охватили все стороны общественной жизни: структуру собственности, систему управления, мотивационные стимулы, систему права, положили начало структурным изменениям в экономике, сферах образования и труда, что свидетельствует о вступлении России в новый этап своего развития. Данные преобразования обострили проблемы устойчивости экономического развития как государства в целом, так и отдельных его регионов. С одной стороны, - это проблемы усиления международной конкуренции с учетом принятия новых требований, предъявляемых к национальной экономике в связи с перспективой вступления России в ВТО и возрастания угрозы превращения большинства регионов России в придаток экономик более развитых стран. С другой стороны, - это проблемы, сопровождающие социально-экономическую трансформацию, такие как снижение объема и темпов роста ВВП на душу населения, высокий уровень безработицы для многих регионов России, малые объемы инвестиций в обновление основных фондов на фоне их высокого уровня износа, низкая конкурентоспособность конечной продукции и т.д. Актуализация внимания к обеспечению устойчивости в условиях смены типа экономического роста и модели развития РЭС вызвана невозможностью достижения целевых показателей и темпов роста, что, в свою очередь, замедляет переход на инновационную модель развития не только отдельных регионов, но и государства в целом.

Большая часть внутренних проблем регионального развития связана с высокой неоднородностью процессов изменений в экономике, социальной и природной сферах, их влиянием на разрыв взаимосвязей в подсистемах воспроизводства и ресурсного обеспечения региональной экономической системы при попытке изменить модель экономического развития и тип экономического роста региона. Среди них: высокая дифференциация темпов модернизации экономики и диффузии инноваций (по ВЭД), диспропорции структурных сдвигов в подсистемах ресурсного обеспечения (кадрового обеспечения экономики, профессионального образования) и дисбаланс спроса и предложения на локальных рынках (продукции, трудовых ресурсов, профессионального образования); отставание регионов в достижении показателей Программ социально-экономического развития; отсутствие эффективного опыта управления региональной экономикой (отсутствие планов развития товарных рынков и рынков услуг при переходе к инновационному росту региона, отсутствие стратегических планов развития кадрового потенциала); обострение негативного влияния неэффективной рыночной инфраструктуры, предпринимательских структур; отсутствие

механизмов управления сбалансированным развитием ресурсных подсистем РЭС и локальных рынков региона как факторов экономического роста.

С одной стороны, такая ситуация вызывает необходимость обеспечения устойчивого экономического роста традиционных рынков (технологий, продукции, профессиональных кадров) как промежуточного этапа инновационного развития; с другой – обеспечения потенциала инновационного роста за счет формирования новых перспективных рынков (инновационных технологий и новых видов продукции, трудовых ресурсов, образовательных программ). Однако приходится констатировать, что авторы, моделируя экономический рост, как правило, проводят изолированные исследования различных типов роста, не акцентируя внимание на особенностях современного развития регионов России - одновременном существовании в системе сегментов экономики различных технологических уровней и типов роста (устойчивый экономический, инновационный), обусловленных отраслевой неравномерностью процессов модернизации и диффузии инноваций. В высокотехнологичных секторах экономики (фармацевтика, компьютерное и телекоммуникационное оборудование, авиакосмическая техника) доля инновационно-активных предприятий достигает 23-36%; в добывающих секторах и большинстве обрабатывающих производств – 2-11% [3]. Практически не проработанным остается вопрос об изменениях, происходящих в элементах моделей при смене типа экономического роста. Это, в свою очередь, приводит к недостаточно полному использованию резервов регионального развития и потенциальных возможностей использования локальных рынков в качестве факторов экономического роста региона для диагностики структурных сдвигов и обеспечения устойчивости роста РЭС.

Под *устойчивым экономическим ростом* в исследовании понимается процесс долговременной положительной динамики регионального развития, в результате которого повышение ресурсоэффективности региональной экономической системы за счет модернизации экономики приводит к количественному увеличению объема общественного продукта (при сохранении или минимизации затрат на его производство) и качественному изменению структуры (рост производства продукции с высокой долей добавленной стоимости), что в свою очередь, обеспечивает рост основных показателей социально-экономического развития и преодоление сырьевой направленности региональной экономики. В результате устойчивого экономического роста РЭС приобретает способность непрерывно наращивать показатели положительных изменений (повышение социальной стабильности и качества жизни населения, стратегической конкурентоспособности региона) при эффективном использовании и видоизменении ресурсов развития: сокращении потребления, минимизации отходов и загрязнения окружающей среды.

Базируясь на исследовании источников и условий инновационного развития, определим данный тип роста региональной системы как процесс региональной динамики, в результате которого развитие кадрового потенциала региона обеспечивает диффузию инноваций и переход экономики на следующий технологический уклад, рост ресурсоэффективности региональной экономической системы, возникновение структурных сдвигов в элементах воспроизводственной и рыночной подсистем РЭС, сбалансированное развитие которых обеспечивает расширенное воспроизводство инновационных ресурсов (кадрового, инновационного потенциалов) при сохранении и восстановлении возобновляемой части природного потенциала.

Исходя из концепции инновационного развития, считает необходимыми условиями формирования потенциала инновационного роста:

- повышение уровня развития кадрового потенциала – процесс наращивания потенциала трудовых ресурсов региональной системы за счет сегмента профессиональных кадров для создания, воплощения и распространения результатов инновационных разработок в сферах РЭС;
- возникновение структурных сдвигов в подсистемах РЭС вследствие диффузии инноваций - процесса распространения результатов инновационных разработок в

структурных элементах РЭС в целях замещения традиционных материалов, продуктов, технологий; изменения направлений инвестиций на ориентацию научно-технического развития; увеличение прибавочной стоимости за счет сокращения потребления природных ресурсов и перехода экономики на использование альтернативных видов сырья. Изначально возникающего в экономике, впоследствии охватывающего социальную сферу РЭС (изменение структуры потребности в профессиональных кадрах; изменение структуры профессионального образования) и природную среду (изменение структуры используемых природных ресурсов) и приводящего к возникновению в РЭС новых рынков (продукции, профессиональных кадров, услуг профессионального образования);

- сбалансированное развитие структурных сдвигов в элементах РЭС - процесс интеграции структурных сдвигов различных видов локальных рынков (продукции, трудовых ресурсов, профессионального образования) на основе выявления их взаимовлияния и взаимосвязи с учетом разной скорости развития и времени возникновения.

Проведенный анализ теоретико-методологических проблем обеспечения устойчивости экономического роста РЭС с учетом структурных сдвигов показал, что современный этап экономического развития региона характеризуется технологической многоукладностью и дифференциацией типов роста в сегментах региональной экономики. Данный результат обосновывает необходимость выявления различий в базовых элементах типовых моделей экономического роста (табл.1).

Таблица 1 – Характеристики базовых элементов устойчивого экономического и инновационного роста РЭС

Базовый элемент	Устойчивый экономический рост	Инновационный рост
Целевые ориентиры	Обеспечение качества жизни населения; Рост внутреннего спроса; Рост конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона (для внутренних инвестиций); Достижение социальной стабильности Рост кадрового потенциала	Рост качества жизни населения; Рост внутреннего и внешнего спроса; Рост инвестиционной привлекательности региона (для внешних инвестиций); Рост интеллектуального потенциала
Обеспечивающие принципы	Экоэффективность; Сбалансированное развитие системы локальных рынков	Диффузия инноваций в экономику; Сбалансированность изменений структурных сдвигов локальных рынков
Ключевые факторы	Конкурентоспособная продукция с высокой долей добавленной стоимости; Внутренний спрос РЭС; Локальные рынки продукции, обладающие региональной полезностью	Инновационная продукция; Внешний спрос РЭС; Кадровый (интеллектуальный) потенциал; Перспективные рынки профессиональных кадров
Задачи	Активизация и диффузия процессов модернизации и внедрения ресурсосберегающих и природоохранных технологий; Баланс спроса и предложения на локальных рынках РЭС	Диффузия инноваций в экономике РЭС; Баланс и управление изменениями на локальных рынках РЭС; Формирование новых рынков
Тип механизма	Управление эффективностью функционирования РЭС	Управление развитием РЭС (управление балансом изменений)

Это дает основание при моделировании типа роста использовать различный набор ключевых **факторов, обеспечивающих условий** достижения параметров роста, дифференцировать **типы механизмов** устойчивости роста региональной системы.

Сравнительный анализ существующих научных разработок отечественных и зарубежных авторов в области теорий экономического роста и регионального развития показал, что в **качестве факторов роста**, как правило, рассматриваются элементы воспроизводственной подсистемы РЭС, что является обоснованным для исследования устойчивого роста в условиях относительно замкнутых систем. В свою очередь, в условиях открытости национальной экономики с учетом смены целей, задач и механизмов регионального управления возникает необходимость смены объектов управления, как региональных факторов роста, в качестве которых рассматриваются элементы рыночной подсистемы РЭС. Локальные рынки как объекты регионального управления позволяют обеспечить масштабы (объемы внутреннего и внешнего спроса) и устойчивость экономического роста за счет сбалансированности структурных сдвигов, возникающих в период смены типа экономического роста на различных видах рынков региональной системы.

В результате исследования условий, обеспечивающих устойчивость роста региональной системы, с учетом выделения свойств прогрессивного экономического развития региона как социальной системы (динамичность структуры, интеграционный характер воспроизводственных процессов, социальная ориентация) и установленных различий в типовых моделях экономического роста (табл.1) определены *обеспечивающие условия устойчивости* как следующие процессы [1;2;5]. *Ресурсоэффективность* - увеличение добавленной стоимости при сокращении потребления ресурсов, минимизации отходов и загрязнения окружающей среды на основе научно-технологического и инновационного развития [6]. *Сбалансированность развития элементов подсистем РЭС с учетом структурных сдвигов* - достижение взаимосвязанных изменений (параметров и характеристик) в структурных элементах региональной системы за счет упорядоченности возникновения и пропорциональности их размеров.

Выявление природы возникновения структурных сдвигов в элементах региональной системы при смене типа роста, исследование факторов и условий роста, позволили дифференцировать *типы механизмов устойчивости* региональной системы. В условиях *устойчивого экономического роста* тип механизма – управление эффективностью функционирования региональной системы и сбалансированностью изменений параметров (количественных характеристик) в элементах подсистем РЭС. В условиях *инновационного роста* – управление развитием региональной системы и сбалансированностью изменений параметров и характеристик в элементах РЭС.

Исследование экономического роста как положительной составляющей динамики экономического развития в долговременном периоде, изменяющей состояние и взаимосвязи элементов региональной экономической системы, определяющей тип модели экономического развития, вызвало необходимость одновременного исследования РЭС с позиции следующих аспектов. Во-первых, как *подсистему национальной экономики* (экономика региона, социальная сфера, природная среда) - для оценки интегральных эффектов экономического и социального развития региона. Во-вторых, как *воспроизводственную подсистему*, объединяющую различные виды взаимосвязанных воспроизводственных процессов - для оценки масштабов экономического роста и выделения циклической взаимосвязи параметров в процессах расширенного воспроизводства. В-третьих, как *рыночную подсистему*, объединяющую различные типы локальных рынков региона, для диагностики структурных сдвигов РЭС и обеспечения взаимосвязи направлений экономического роста (устойчивого экономического, инновационного) с требованиями рынка.

Акцент исследования РЭС как рыночной подсистемы в условиях открытости национальной экономики является целесообразным и оправданным в связи с *мультиаспектной ролью локальных рынков* в экономическом развитии регионов в виде:

территориальной организации сферы обращения - для «..непрерывно происходящих распределительных процессов в экономике региона» [4];

факторов экономического роста региональной системы - для выявления причинно-следственных взаимосвязей между состоянием рыночной подсистемы (рыночный потенциал и сбалансированность изменений на различных рынках), изменением региональных воспроизводственных пропорций и динамикой параметров экономического роста, изменения качественных и структурных характеристик как объекта воздействия факторов.

индикаторов экономического развития РЭС - для диагностики структурных сдвигов различных видов локальных рынков за счет мониторинга балансов спроса и предложения как основы управления изменениями воспроизводственной подсистемы региона в целях обеспечения устойчивости экономического развития.

Таким образом, локальные рынки как индикаторы экономического развития позволяют диагностировать возникновение структурных сдвигов (в спросе и предложении); как факторы роста – моделировать экономический рост региональной системы и обеспечивать необходимые условия устойчивости различных типов роста:

в условиях устойчивого экономического роста ресурсоэффективность обеспечивается за счет формирования локальных рынков региональной полезности для увеличения контролируемой доли в растущих объемах внутреннего спроса и диверсификации экономики; *сбалансированность элементов рыночной подсистемы* – в результате достижения пропорциональности параметров спроса и предложения на локальных рынках (продукции, трудовых ресурсов, профессионального образования и др.);

в условиях инновационного роста ресурсоэффективность определяется развитием новых рынков (продукция, технологии, трудовые ресурсы, образовательные программы) для повышения инновационной составляющей структуры ВРП, изменения структуры внутреннего спроса, увеличения объемов и структуры внешнего спроса РЭС; *сбалансированность элементов рыночной подсистемы* – за счет пропорциональности параметров и характеристик спроса и предложения на локальных рынках.

Таким образом, сбалансированное развитие локальных рынков обеспечивает сбалансированность других структурных элементов РЭС (совокупности воспроизводственных процессов; ресурсных подсистем; сферы экономики, социальной и природной среды) и является необходимым условием устойчивости регионального роста. Локальные рынки, являясь региональными факторами экономического роста, позволяют моделировать устойчивость экономического роста и формирование потенциала инновационного развития РЭС за счет управления структурными сдвигами различных видов рынков.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль. – 1983. – 350 с.
2. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ. – 2003.
3. Никитенко И.В. Совершенствование институциональных форм обеспечения инновационного развития России в современных условиях // Управление экономическими системами. Электронный журнал. – 2013. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-55-552013/item/2239-2013-07-09-11-32-51?pop=1&tmpl=component&print=1> (дата обращения 15.12.2013).
4. Новоселов А.С. Региональный потребительский рынок. Проблемы теории и практики: монография. – Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. – 364с.
5. Садыкова Э.Ц. Исследование формирования структуры региональной экономической системы // Вестник ВСГУТУ. – 2012. – №2(37). – С. 147-151.
6. Технология для устойчивого экономического роста в условиях растущих цен на нефть и природные ресурсы. Записка секретариата. Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого Океана. ООН. – 2006. – Бангкок. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.unescap.org%2Fcmg%2F2006%2FCMG3-II%2FRussian%2FCMG3-II_1R.pdf&ei=ymusUvLZF8WG4ATX0oHQDg&usg=AFQjCNFvus4zJNiWQnn762h3dzPB_tsLRg&cad=rjt (дата обращения 14.12.2013).

08.00.05

¹В.П. Черданцев д.э.н., ²С.А. Шаклеина¹ФГБОУ ВПО «Пермская государственная сельскохозяйственная академия имени академика Д.Н.Прянишникова», Пермь, cherdantsev.vadin@mail.ru²филиал ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет» в г.Березники Пермского края, Svet.Shacleina@yandex.ru**РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СВИНИНЫ С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ**

Проведен анализ самообеспеченности Пермского края продуктами питания. На основании статистических данных рассмотрено финансовое состояние отрасли свиноводства в регионе. Представлены данные анкетирования, позволяющие определить потребность и удовлетворенность жителей мясом свинины, на основании полученных ответов сделаны выводы и рекомендации.

Ключевые слова: самообеспеченность территории продуктами питания, поголовье животных на сельхозпредприятиях, потребность в мясной продукции.

Пермский край является индустриально развитой территорией, имеет мощный промышленный потенциал. По объему валового внутреннего продукта (ВВП) район по итогам 2010 года занимает 11 – е место в РФ и 3 – е место в Приволжском федеральном округе. Доля промышленности в ВВП составляет 37,8%, сельского хозяйства – 4,8 %, строительной индустрии – 6,4 %, транспорта – 8,7 %, коммерческой торговой деятельности – 11,2 %, нерыночных услуг – 8,4 %, прочих отраслей – 22,7%. Доля в общем объеме промышленного производства топливной промышленности составляет 25,6 %, химической и нефтехимической – 17,2 %, лесозаготовительной и целлюлозно-бумажной – 16,1 %, электроэнергетики – 13,0 %, машиностроения – 6,4 %, пищевой промышленности – 6,1 %, черной металлургии – 5,3 % [4].

Сельское хозяйство Пермского края играет важную роль в обеспечении региона собственным продовольствием. Одним из показателей оценки развития АПК региона является уровень самообеспечения региона продуктами питания. Динамика коэффициентов самообеспечения Пермского края основными продуктами питания представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Динамика коэффициентов самообеспечения Пермского края основными продуктами питания за период 2007 – 2011 годы, % [1]

Виды продовольствия	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2011 год
Мясо и мясопродукты	56,4	50,3	50,0	51,9	51,3
Молоко и молокопродукты	70,5	71,1	70,3	70,8	71,6
Яйцо и яйцепродукты	113,3	101,9	101,1	117,6	129,2
Овощи	52,3	57,5	57,0	59,1	75,2
Картофель	96,5	118,0	125,3	77,6	128,7

По итогам работы 2011 года сельскохозяйственные товаропроизводители Пермского края полностью обеспечивают население региона яйцом и картофелем, при этом часть этой продукции производится с излишком, который реализуется за пределами Пермского края. Около 30 % молоко (молокопродуктов) и 24 % овощей ввозятся на данную территорию. Наибольший недостаток наблюдается в мясе и мясопродуктах местного производства. Так, в 2011 году только половина всего потребленного объема мяса и мясопродуктов была произведена на территории края. Кроме того, за период с 2007 года наметилась тенденция к снижению обеспеченности мясом и мясопродуктами. Это ведет к потере местными товаропроизводителями мяса части внутреннего рынка, который занимают товары из-за

пределов региона. Считаем целесообразным проанализировать поголовье свиней в сопоставимости с поголовьем крупного рогатого скота и птицы на сельхозпредприятиях Пермского края, полученные данные сгруппируем в таблицу 2.

Таблица 2 – Показатели поголовья животных на сельхозпредприятиях Пермского края за период 2007 – 2011 годы [1]

Показатели	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2011 год
Поголовье (тыс. голов):					
- свиней	227,3	213,1	211,8	206,0	205,7
- крупный рогатый скот	305,4	296,0	280,5	263,5	263,2
- птица	5399,1	5403,9	5870,4	6614,7	6746,4

Проанализировав данные таблицы 2, можно сказать, что в Пермском крае продолжается снижение поголовья свиней и крупного рогатого скота. За период с 2007 года поголовье сельскохозяйственных животных сократилось на 16,2 тыс. голов и 42,2 тыс. голов соответственно. В то же время темпы снижения в 2011 году по сравнению с 2010 годом замедлились. Поголовье птицы, напротив, увеличивается, главным образом, за счет увеличения поголовья на птицефабриках.

Анализ финансово-экономических показателей состояния отрасли свиноводства представлен в таблице 3.

Таблица 3 – Анализ состояния свиноводства в регионе за период 2007 – 2011 годы [1]

Показатель	Ед. изме- рения	2007	2008	2009	2010	2011	2011 г. к 2007 в %
Поголовье свиней во всех категориях хозяйств на конец отчетного периода	тыс. голов	227,3	213,1	211,8	206,0	205,7	90,5
Валовое производство свинины в живом весе	тыс. тонн	42,8	38,1	38,1	36,4	37,6	87,9
Валовое производство свинины в убойном весе	тыс. тонн	33,6	28,5	26,1	24,8	26,9	80,1
Производство на душу населения	кг	12,3	10,5	9,9	9,4	9,9	80,5
Валовое производство свинины в убойном весе в сельскохозяйственных организациях	тыс. тонн	20,3	18,5	17,8	16,6	18,0	88,7
Количество реализованной продукции	тыс. тонн	25,6	24,0	24,7	23,9	24,4	95,3
Себестоимость реализованной продукции	млн. руб.	1283,6	1524,6	1556,4	1590,9	1762,0	137,3
Выручка от реализации продукции	млн. руб.	1147,6	1557,9	1696,5	1593,3	1817,3	158,4
Рентабельность производства мяса с государственной поддержкой	%			9,3	0,5	3,7	x
Рентабельность производства мяса без государственной поддержки	%	-10,6	2,2	9,0	0,15	3,1	x

При выращивании свиней необходима узкая специализация, в побочном или подсобном хозяйстве данное производство невыгодно. Стратегия развития свиноводства возможна в

двух направлениях – строительство индустриальных свинокомплексов с поголовьем свыше 30-60 тыс. голов и строительство небольших автоматизированных модульных свинарников на 3-12 тыс. голов. Развитие свиноводства зависит от наличия отраслевой инфраструктуры – племенной работы, забоя и переработки.

Производство свинины в регионе в целом можно считать стабильным.

Для повышения уровня самообеспечения региона продуктами питания, повышения социально-экономических показателей свиноводства в Пермском крае 29 декабря 2012 года № СЭД-25-01.1-02-161 утверждена региональная экономически значимая программа «Развитие свиноводства в Пермском крае на 2013 – 2015 годы и на период до 2020 года» (далее – Программа) [2].

Общая потребность в финансировании мероприятий Программы и источники финансирования представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Общая потребность в финансировании мероприятий Программы и источники финансирования, млн.рублей [2]

№ п/п	Мероприятие	Источник	2013 год	2014 год	2015 год	Всего за 2013-2015 годы
1	Всего по Программе, мероприятие «Поддержка доходов сельскохозяйственных производителей в области животноводства»	Бюджет Пермского края	40,0	50,0	50,0	140,0
		Внебюджетные средства	93,3	116,7	116,7	326,7
		Всего	133,3	166,7	166,7	466,7

Ожидаемые результаты реализации Программы:

- увеличение производства мяса свинины в живом весе с 37,6 тыс.тонн в 2011 году до 42,5 тыс.тонн к 2015 году и до 48,2 тыс.тонн к 2020 году;
- увеличение поголовья свиней с 205,7 тыс.голов в 2011 году до 231,0 в 2015 году и до 261,8 тыс.голов в 2020 году.

Для оценки сложившейся ситуации на рынке мясной продукции авторами было проведено анкетирование, результаты которого позволили определить потребность и удовлетворенность жителей края свининой.

Опрос проводился с января по сентябрь 2013 года, в котором приняло участие 1500 человек, но 38 анкет по ряду причин (ответы представлены не на все вопросы, отсутствуют сведения о респондентах и другие) было признано испорченными, поэтому для обработки и подсчета результатов использовались 1462 анкеты. В таблице 5 представлен состав респондентов маркетингового исследования.

Таблица 5 – Распределение респондентов по половому признаку, возрасту и социальному статусу.

Пол	Структура респондентов		Возраст, лет	Структура респондентов		Социальный статус	Структура респондентов	
	человек	%		человек	%		человек	%
мужчины	395	27	до 25	102	7	пенсионер	205	14
женщины	1067	73	26 – 35	351	24	служащий	380	26
			36 – 45	424	29	рабочий	658	45
			46 – 55	410	28	безработный	44	3
			56 – 65	146	10	студент	58	4
			более 66	29	2	прочие	117	8
итого	1462	100	итого	1462	100	итого	1462	100

В ходе проведения данного опроса респондентам были заданы следующие вопросы:

1. Что привлекает Вас в свинине в отличие от других видов мяса?
2. Мясо свинины какого производителя Вы предпочитаете приобретать?

3. Где Вы обычно покупаете мясо?

4. Какими факторами Вы руководствуетесь при покупке мяса?

Результаты опроса сгруппированы в таблице 6.

Таблица 6 – Результаты социологического опроса исследования покупательской способности и удовлетворенности потребителей свинины

Вопросы, задаваемые респондентам при анкетировании	Количество полученных ответов	Структура полученных ответов, %	Результаты и предложения
1. Что привлекает Вас в свинине в отличие от других видов мяса?			Большинство респондентов предпочитает свинину из-за ее вкусовых качеств. Следовательно, существует необходимость развивать скотоводство на территории края
- вкус	1038	71	
- калорийность	322	22	
- кулинарные свойства	102	7	92% опрошенных предпочитают покупать мясо отечественного производства, из них 67 % - ориентируются на производителей Пермского края. Поэтому государственная поддержка этих предприятий в развитии скотоводства для получения свинины крайне необходима.
2. Свинину какого производителя Вы предпочитаете приобретать?			
- отечественного товаропроизводителя (местного, регионального)	980	67	
- отечественного товаропроизводителя (завезенную из других регионов)	365	25	
- импортного производства	29	2	
- не имеет значения	88	6	70% респондентов покупают мясо в магазинах, причем из них 58 % - в фирменных. Следовательно, товаропроизводители для получения наибольшей прибыли должны поставлять свинину на эти рынки сбыта и стать постоянными поставщиками
3. Где Вы обычно покупаете мясо?			
- на рынке	249	17	
- в магазине (гастрономах)	175	12	
- в фирменных магазинах	848	58	
- на оптовых базах	175	12	При покупке свинины все потребители обращают внимание на свежесть мяса, большинство – на розничную цену.
- мне все равно, где покупать	15	1	
4. Какими факторами Вы руководствуетесь при покупке мяса? (можно было выбрать несколько вариантов ответа)			
- цвет	351	24	
- свежесть мяса	1404	96	
- запах	453	31	
- стоимость мяса	1140	78	
- доход семьи	936	64	

Результаты маркетингового исследования показали, что большинство респондентов (71%) предпочитает свинину из-за ее вкусовых качеств и 22% – из-за ее калорийности. 92% опрошенных предпочитают покупать мясо отечественного производства, из них 67% – ориентируются на регионального (местного) производителя.

Сельхозпроизводителям следует помнить, что 78 % покупателей обращают внимание на

стоимость мяса, поэтому заключение договоров реализации мясной продукции напрямую с розничными продавцами позволит иметь ценовое преимущество. Крайне важно производителям уделять внимание местам реализации товара, рассмотрев возможность объединения с целью открытия фирменных магазинов. 64 % респондентов отметили, что доход семьи влияет на количество приобретаемого мясного товара, поэтому необходимо сегментировать рынок сбыта с учетом доходности населения территории.

Считаем, что необходимо создание «Агрокластеров», которые представляют собой инновационную направленность развития сельскохозяйственных территорий. Рейтинговое распределение районов Пермского края по экономической устойчивости представлено в учебном пособии В.П.Черданцева и М.В.Трониной «Регулирование и саморегулирование регионального АПК» [3].

Проведенный анализ позволил выявить, что резервы повышения производства свинины достаточно высоки. Производителям сельскохозяйственной продукции нужно применять новую технику, современные технологии выращивания животных и внедрять отечественный и мировой опыт для увеличения объемов производства мяса и мясной продукции.

Список литературы

1. Интернет – портал «Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.permstat.gks.ru>
2. Интернет – портал «Министерства сельского хозяйства и продовольствия Пермского края» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mcx.perm.ru>
3. *Черданцев В.П., Тронина М.В.* Регулирование и саморегулирование регионального АПК [Текст]: учебное пособие – М: РАКО АПК, 2012. – 50 с.
4. *Шарыгин М.Д.* Города и районы Пермского края: монография [Текст] / М.Д. Шарыгин, М.Д. Гагарский, С.А.Меркушев, В.В.Резвых; Перм.гос.нац.иссл.ун-т. – Пермь, 2011. – 34 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

09.00.08

Е.В. Фидченко

Московский педагогический государственный университет,
факультет социологии, экономики и права, кафедра философии,
Москва, fev.08@mail.ru

**СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

В данной статье автором представлен ряд положений, посвящённых философскому и синергетическому анализу феномена коммуникации. Аккумуляция «synergetic basis» коммуникативного практикума, в контексте представленной работы, подтверждена системными решениями по типу «кластерного сигнификата». Эта позиция представляется весьма целесообразной с точки зрения философии науки и техники. Исследование осуществлено на примере практических конвергенций и коммуникативных технологий.

Ключевые слова: синергетика, коммуникация, конвергенция, синергия, интеракция, философия науки и техники.

Философия науки и техники в Новейшее время всё больше тяготеет к концептуальному, системному проектированию междисциплинарных исследований. Подобная стратегия применяется как в техническом и социальном, так и в когнитивном направлениях реализации инновационного вектора. Существенное значение в контексте данного подхода имеет, на мой взгляд, аккумуляция синергетических основ («synergetic basis») коммуникативного практикума.

Ориентируясь в представлениях о синергетике на мнение Г. Хакена о том, что она, безусловно, является прямым воплощением междисциплинарности [3, с. 295] и опровергая необходимость так называемых «психологических приписываний» [5, р. 1040] системности возможных 100%-ных вариантов и абсолютных решений, целесообразно ориентироваться, скорее, на интегральное проектирование коммуникативно-синергетической аккумуляции. Такого рода интегральное проектирование является как концептуальным (для когнитивного поиска и социальной интеракции), так и корпусным (для технических и технологических решений).

Синергетические основы коммуникативной практики предполагают, что самоорганизационный потенциал возможных участников коммуникации учтён ещё на стадии пред-подготовки к интеракции. Система связи в коммуникативной практике [1, с. 15] играет медиативную роль, определяя при этом, какой из инвариантов аккумуляции является в частном практикуме наиболее целесообразным. Оптимизация процедур корреляции применяемых принципов способствует пролонгации конституирования синергетических основ («synergetic basis») коммуникативного практикума.

Системно-проективная работа со всей определённой может номинироваться в высоком качестве интегрального действия, концептуально сообразующего возможные инварианты и эквиваленты коммуникативно-синергетической аккумуляции. На примере практических конвергенций и технологий становится очевидной целесообразность конструируемой «когнитивной синергии», транслируемой «hi-tech синергии» и корреспондируемой «социо синергии» (интеракции) (см. Таблицу 1).

Таблица 1 - Системный проект «Коммуникативно-синергетическая аккумуляция»
(на примере практических конвергенций и технологий).

Системный проект: «Коммуникативно-синергетическая аккумуляция»		
«Коммуникативный практикум» - «А»	«Кластерный сигнификат» - «Б»	«Синергетические основы» («synergetic basis») - «В»
«Когнитивные коммуникации»	«Когно-сигнификат»	«Когнитивная синергия»
«Технические коммуникации»	«Техно-сигнификат»	«Hi-Tech синергия»
«Социальные коммуникации»	«Социо-сигнификат»	«Социо синергия» (интеракция)

Литерой «А» в таблице представлен «Коммуникативный практикум» - дифференциальное решение по линии когнитологии, технологии и социально-ориентированного знания в содержательной компоненте. Литерой «Б» обозначен «Кластерный сигнификат» - интегральное решение по линии когнитивистики, естественнонаучной и социально-гуманитарной парадигмы в формализационной (технической во 2-ом из 3-х случаев) компоненте. Литерой «В» маркирован «Синергетический базис» («synergetic basis») – НБИКС-решение в бифуркационной пре-позиции, когда частный практикум 1-го («когнитивного») и 2-го («hi-tech») инвариантов могут как автономизироваться от 3-го («социо»), так и аккумулироваться в интегральном модуле – «интеракция».

«Корреляция между элементами теоретических схем», по выражению А.С. Степина, предоставляет интегральным системам дополнительные возможности в аккумуляции аффилированной информации в точках бифуркации [2, с. 115]. Эта возможность очевидна на примере дуального понимания «синергетической основы» («synergetic basis» в ситуации с социальным типом коммуникативного практикума. А именно: при рассмотрении конструкта-маркатора «социально-гуманитарная парадигма» фиксируется бифуркационная максима «социо синергия», тогда как концепт-демаркатор «общество» даёт возможность масштабирования бифуркационного статуса до «интеракции» [6, р. 34].

Информационно и системно, проективные направления выстраиваются в векторах соответствия: «когнитивные», «технические» и «социальные» коммуникации. Флуктуации также системны: выход на «когно-сигнификат» в первом случае, «техно-сигнификат» - во втором и «социо-сигнификат» в третьем случае.

Данное соотношение приводит систему к переходам по типу медиации/модерации. Синергетический принцип медиации способен к работе в режиме когнитивных построений и сверхскоростей передачи сущности такой когниции. В сути же процесса медийного общения задействован как «hi-tech» уровень решения практических коммуникационных задач, так и социальным контекст и сетевой масштаб реализуемого практикума.

Помимо этого, и когнитивная и техническая, и социальная системы, подчиняются, в конечном итоге, так называемому «модерационному решению». Процесс генерации медийных идей осуществляется в соответствии с одноименным синергетическим принципом и проявляется с равной степенью успешности как в локальном, так и глобальном интеракционно-техническом сопровождении. Проектный характер объединённых когно-, техно- и социальных действий в коммуникации позволяет говорить уже о системном характере параметров модуляции.

При этом информационное поле, подвергающееся воздействию принципов самоорганизации, структурируется под влиянием трассирующих модулей полновесного интеракционного наполнения. Касательно возможных деструктивных кроссверов следует заметить, что в широком системном понимании их можно транслировать в виде коммутаций без посредников.

Относительно функциональных стратегий в выстраивании аккумуляций и структурного моделирования семантического поля, следует сказать, что они, несомненно, подвергаются строгой концептуальной градации в полном соответствии с кластерным наполнением заданного кейса. Инфо-структурная составляющая кроссвера, при этом, не теряет своей актуальности и в возможных инвариантных сочетаниях, поскольку потенциал самоорганизации позволяет применять мета-ролевую градацию в целях достижения устойчивости системы [4, с. 64].

Если суммировать потенциальные возможности синергетического базиса коммуникативных практик, возможное их позиционирование в качестве цикло-образующих систем, то можно рассчитывать на перспективу выхода к новому уровню коммуникативных градаций, в соответствии, например, с «НБИКС-проектированием» и т.д.

В целом, применение синергетических основ («*synergetic basis*») коммуникации в практических реализациях аккумулялирующих систем представляет собой значимое решение в совершенствовании принципов дальнейшей прагма-актуализации междисциплинарного подхода в современных инновационных исследованиях.

Список литературы

1. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.-Киев: Рефл-бук–Ваклер, 2006. С. 15.
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 115.
3. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. С. 295.
4. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. С. 64.
5. Cabrera L., Weckert J. Human Enhancement and Communication: On Meaning and Shared Understanding // Science and Engineering Ethics. September 2013. Volume 19. Issue 3. P. 1040.
6. Fidchenko E.V. Models of communication from positions the philosophy of science and technology // European Applied Sciences. 2013. № 9 (1). P. 34.

09.00.11

Д.Г. Шабалин

Поволжский государственный технологический университет,
г. Йошкар-Ола, Dmitri_Shabalin@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВОГО ПРОЦЕССА

В статье представлены результаты исследования проблемы коммуникативно-смыслового процесса в контексте социально-философского знания: рассматриваются феномены текста и дискурса, интерпретируемые автором как способы отражения социальности.

Ключевые слова: *социальность, ментальность, текст, дискурс.*

Язык как социальный феномен универсален, поскольку именно он выступает основным средством коммуникации человека. Язык поддерживает единство своих носителей, несмотря на социальные барьеры, тем самым сохраняя человечество в социальности. Язык является коммуникативным процессом в любом обществе, утверждает Э.Сепир: «Все виды человеческой деятельности основаны на сообщениях на естественном языке»[11]. Любая коммуникативная деятельность человека связана с языком: «Каждая культурная система и каждый отдельный случай поведения человека в обществе явно или неявно связан с коммуникацией <...>, а язык – это самый эксплицитный тип коммуникативного поведения»[10]. Коммуникативно-смысловой процесс – это не только механизм реализации естественного языка, алгоритм действий по манипулированию языковыми структурами, являющихся репрезентантами смыслов. Наличие языка обуславливает способность человека осуществлять операцию вывода смысла, не опираясь на непосредственные впечатления и ограничиваясь лишь теми средствами, которыми располагает сам язык. Это свойство языка создает возможность функционирования сложнейших форм дискурсивного мышления, которые являются основными формами продуктивной интеллектуальной деятельности человека. Мы полагаем, что вопрос об основах коммуникативно-смыслового процесса следует рассматривать в контексте проблемы «человека в языке», языковой картины мира.

Что же является отражением языковой картины мира индивида? На наш взгляд, правомерно говорить не только о комплексе специфических характеристик личности как носителя языка и участника социальной коммуникации, но и воспользоваться более лаконичным и ёмким понятием – ментальностью. Ментальность в когнитивной лингвокультурологии – это совокупность типичных проявлений своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира посредством языка, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества. В.В.Колесов определяет данный феномен так: «Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»[4]. Далее автор поясняет: «Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном их виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры»[4]. Таким образом, отмечаем, что представления о ментальности могут быть положены в основу интерпретации понятия «коммуникативно-смысловой процесс».

Применительно к рассматриваемой проблеме, для того, чтобы в ментальности участников коммуникации информационная составляющая сообщения проявилась в полной мере, требуется соответствующий формат языковых единиц. Мы полагаем, что правомерно рассматривать в качестве таких единиц *текст и дискурс*. Информация организуется в тексте, который можно в самом общем виде определить как сложный коммуникативный акт,

характеристиками которого являются непрерывность и связность, маркировка коммуникативных установок, авторская прагматика и проч. *А сам процесс коммуникации, таким образом, имеет когнитивно-дискурсивную основу, проявляющуюся в ментальности.*

Текст, являясь сложным феноменом языковой и экстралингвистической действительности, выполняет целый ряд функций: это средство коммуникации, способ хранения и передачи информации, отражение психической жизни индивида, форма существования культуры, проявление социокультурной традиции и исторической эпохи и проч. Такая многофункциональность феномена текста объясняется многообразием подходов и большим количеством определений текста. Анализ позиций исследователей по поводу понятия «текст» представлен в работе В.В.Красных: «Текст – явление настолько многогранное и разноплановое, что не существует, да и вряд ли может существовать единое его понимание и определение. Каждый исследователь вкладывает в понятие текст свой собственный смысл и дает термину свое собственное толкование, исходя из постулатов той науки, представителем которой является, и в соответствии со своими научными взглядами, представлениями и пристрастиями, в соответствии со своей концепцией и пониманием природы языка и человека»[5].

Приведем несколько наиболее обобщённых определений текста: «Текст может быть определен как речевое коммуникативное образование, функционально направленное на реализацию внеязыковых задач»[1]; «текст представляет собой системно-структурное образование, обладающее упорядоченной (иерархической) организацией, которая обеспечивается связностью – глубинной и поверхностной, локальной и глобальной.<...> Текст как процесс и текст как продукт – две тесно связанные между собой, но существенно различные стороны одного явления»[3]; «текст – объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность»[8]. Рассматривая текст как лингвосемиотический феномен, мы опираемся на дефиницию Ю.М.Лотмана: «Текст представляет собой устройство, образованное, как *система разнородных семиотических пространств*, в континууме которых циркулирует некоторое исходное сообщение»[6].

Анализ литературы, посвященной проблеме дискурса, показал, что данное понятие в настоящее время активно разрабатывается и уточняется. «Во многих функционально ориентированных исследованиях, – замечает М.Л.Макаров, – видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду оппозитивных критериев: функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность. Соответственно различаются структурный текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс»[7]. Дискурс понимается как основная характеристика жизни человека «в языке»: «Всякий акт употребления языка – будь то произведение высокой ценности или мимолетная реплика в диалоге – представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых был создан»[2]. Наиболее интересным в плане уточнения содержательной стороны понятия дискурса с философской точки зрения является рассуждение Ю.С.Степанова: «Дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде *особой социальной данности*. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует, прежде всего, в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, - в конечном счете – особый мир. <...> Это – «возможный (альтернативный) мир» в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это «один из возможных миров». Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «Язык – дом бытия»[9].

Итак, проанализировав смысловое наполнение понятий «язык», «текст» и «дискурс», сделаем следующие выводы:

1. Приведенные обзоры определений различных авторов актуальны для современного этапа развития социально-гуманитарного знания и отражают существенные стороны рассматриваемых феноменов.

2. Текст и дискурс являются реальными феноменами, неэквивалентными, сосуществующими и неотделимыми друг от друга.

3. Текст и дискурс - это феномены, реализующиеся в сфере коммуникации.

Выступая основами коммуникативно-смыслового процесса, текст и дискурс представляются феноменами довольно высокого уровня автономности, каждый из них не выступает как часть другого. Дискурс не является промежуточной единицей между языком, коммуникацией и языковым поведением. Также дискурс – это не текст, взятый вместе с комплексом экстралингвистических факторов. По нашему убеждению, эти феномены отражают содержательную сторону ментальности, а социально-философский подход к вопросу об основах коммуникативно-смыслового процесса доказывает правомерность использования понятий «текст» и «дискурс», исходя из выше описанных интерпретаций, в качестве знаков, посредством которых осуществляется механизм коммуникации.

Следовательно, текст – это способ закрепления и хранения информации (смыслов), в том числе и вне процесса коммуникации, а дискурс – это способ трансляции информации, который может реализовываться только в процессе коммуникации. Иначе говоря, текст выступает внутренним планом коммуникации, а дискурс – ее внешним проявлением. Так, коммуникация оказывается включенной в сферу объективной действительности, той самой социальности, без существования которой она не может быть возможна, а содержательными основаниями коммуникации как процесса ментального, семиотического порядка, являются социолингвистические способы закрепления и транслирования смыслов – текст и дискурс. Текст в таком понимании – это содержательно-языковая основа коммуникации, которая, прежде всего, обусловлена языком как системой. А содержательно-речевая основа коммуникации – это дискурс как продукт взаимодействия участников коммуникации.

Рассматриваемые основы коммуникативно-смыслового процесса детерминированы социальностью, в этом проявляется социально-историческая сторона коммуникации. Динамика социокультурного бытия как изменения действительности и социальности обуславливает качественные характеристики текста и дискурса. Рождение новых текстов подразумевает вероятность вариативности дискурса, а реализация другого дискурса требует от участников коммуникации обращения к другим текстам.

Список литературы

1. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство /на материале современного английского языка. М.: МАКС Пресс, 2002. 380 с. С.183.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 284 с. С.21-22.
4. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. СПб.: Златоуст, 1999. С.81.
5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог—МГУ, 1998. 352 с. С.193-197.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте. // Текст в тексте. Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981. С. 7.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. С. 87. С. 88-89.
8. Николаева Т.М. Текст //Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с. С.555.
9. Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: «Языки русской культуры», 1998. 784 с. С. 676.
10. Sapir E. Selected Writings . Berkley Los Angeles, 1963. P. 8.
11. Sapir E. The status of linguistics as a science – Language . N.Y., 1969. P.160-161.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

10.02.01

О.Г. Берестова

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
филологический факультет, кафедра русского языка,
Петропавловск-Камчатский, berestova_oksana@mail.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДИКАТА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО
СОСТОЯНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье представлены результаты исследования предложений с предикатом состояния. Объектом исследования являются семантические разновидности предикатов со значением физиологического состояния. Названы ядерные и периферийные средства и формы выражения указанного предиката, выявлена их специфика в реализации семантики состояния лица.

Ключевые слова: *семантика состояния, предикат состояния, физиологическое состояние, субстантивный предикат, глагольный предикат.*

Человек – существо биосоциальное, а человеческая личность – результат сложного взаимодействия различных систем: физиологической, эмоционально-психической, когнитивной и др. Поэтому типы состояний, в которых может находиться человек, определяются самыми разными факторами и так или иначе связаны с одной из этих систем или с несколькими одновременно. Объектом анализа в данной статье являются конструкции со значением «лицо и его физиологическое состояние», а одной из задач – описание системы значений и формы предикатов физиологического *состояния лица*.

Предикаты этой группы характеризуют жизнедеятельность организма или его функциональных систем. Выделяем следующие разновидности физиологического состояния: состояние здоровья; сон и сходные с ним состояния; состояние опьянения; а также некоторые состояния, не образующие отдельных подгрупп [1]. Рассмотрим специфику предикатов физиологического состояния на примере анализа конструкций, обозначающих состояние здоровья человека.

Предикат, характеризующий состояние здоровья, как правило, называет заболевание, его проявления, а также состояния, вызванные различными физиологическими расстройствами. К основным средствам выражения предиката этой разновидности относятся глагол и имя существительное, к дополнительным – имя прилагательное и категория состояния.

Общее значение состояния здоровья / нездоровья передают: а) глагольные предикаты *болеть, хворать, выздоравливать, поправляться*: *Я заболеваю (А. Чехов); Раненые выздоравливают (В. Розов)*; б) субстантивные предикаты *в здоровье / в здравии, в болезни, на ногах*: *Я, бывало, когда хозяин в здоровье был, сама покупала папиросы (Ф. Абрамов); Вы были тогда... в какой-то болезни были тогда (Ф. Достоевский)*; в) адъективные предикаты *болен, здоров*: *Ребенок здоров и весел (Л. Петрушевская); У меня дочь больна* немножко (А. Чехов).

Глагольный и адъективный предикат, как правило, нуждаются в конкретизаторе, называющем заболевание (*болеет гриппом, болен ангиной* и т.п.). Кроме того, по мнению М.В. Всеволодовой, глаголы *болеет, хворает* относятся к «специфическим, показывающим сферу проявления предиката», а такие глаголы, как *страдать мучиться, маяться* – к неспецифическим, «которые, называя только дискомфортное состояние, обслуживают разные сферы проявления предиката: *Он страдает лихорадкой/русофобией*» [4].

Активная модель со значением «лицо и его дискомфортное физиологическое состояние» образуется на основе безличных глаголов (*знобить, пучить, тошнить* и др.): *От кофе меня сразу замутило* (М. Елизаров); *Когда по утрам ее стало тошнить, она помрачнела и осунулась* (Д. Рубина). Глагольный предикат используется также в моделях с типовым значением «лицо и дискомфортное состояние, локализованное в какой-либо части тела, органе». К таким предикатам относятся глаголы *болеть, ныть* и т. п.: *По целым дням у меня голова болит* (А. Чехов); а также безличные глаголы *колоть, ломить, щемить*: *В висках ломило, покалывало в горле от десятков выкуренных папирос* (В. Гроссман). Это же типовое значение передают некоторые предикаты, выраженные словами категории состояния (*в глазах темно, во рту сухо*).

В субстантивных предикатах, представленных формами именительного и предложного падежа, наблюдается конкретизация общего значения физиологического состояния. Такие субстантивы называют либо само заболевание, либо его стадию, симптом, проявление и т. д. В первой модели с субстантивным предикатом имя субъекта имеет форму: *у + родит. п. / с + творит. п.*: *Вчера у него был жар* (А. Чехов); *С ним сердечный приступ*. Востребована для выражения этой семантики и модель с предикатом в форме *в + предлож. п.* (*в агонии, в бреду, в жару, в ознобе, в поту, в коме, в лихорадке, в обмороке, в параличе, в припадке, в чахотке, в шоке* и т. п.): *Грозный-то заступник теперь в параличе* (В. Тендряков).

Необходимо отметить, что некоторые имена существительные этой группы, называющие заболевание, на наш взгляд, более активно употреблялись в качестве предиката в 19 – первой половине 20 века. Были востребованы такие предикативные словоформы как *в grippe, в ангине, в скарлатине, в чахотке, в горячке* и т.п.: *Не беспокойте бедную женщину, она и без того в чахотке* (Ф. Достоевский); *... благодарю тебя за письмо. По-моему, я был в grippe, когда его получил* (Б. Пастернак). В художественных текстах последних десятилетий, взятых для анализа, подобные примеры не зафиксированы, однако иногда они встречаются в СМИ, например: *Пороховицков в инсульте* (из газет). По всей видимости, такие конструкции замещены более продуктивной моделью: *У меня grippe; У меня была ангина*.

В современном языке, как показывает анализ языкового материала, активно используется словоформа *в шоке*. Отнести этот субстантив к данной группе позволяет прямое значение слова *шок* — «общее тяжелое расстройство функций организма вследствие тяжелого физического повреждения или психического потрясения» [6]. Это состояние можно охарактеризовать как физиологическое: *Я увидел человека с раздавленной ниже колена ногой. Человечек, видимо, находился в шоке* (Л. Петрушевская). Однако форма *в шоке* используется и в другом значении, называя «состояние сильного потрясения, изумления» [2], предложения с таким предикатом мы относим к характеризующим психологическое состояние лица. Причем, по нашим наблюдениям, на современном этапе развития языка более активно используется второе, переносное, значение, называющее эмоцию.

Почти все предикативные субстантивы этой подгруппы совмещают в своей семантической структуре значение физического и психического состояния. Человек является природно-духовной целостностью, две субстанции настолько тесно переплелись и настолько глубоко пронизывают друг друга, что в человеке нет почти ничего чисто физического или чисто психического. Его тело и протекающие в нем процессы столь же непосредственно выражают его сущность, как его психика, его сознание, его духовные акты. Поэтому иногда очень трудно провести четкую грань между словоформами, обозначающими физиологическое и психическое состояние человека. Все сказанное можно отнести и к предикативной форме субстантива *в обмороке* (обморок – «внезапная потеря сознания вследствие болезненного состояния, душевного потрясения» [3]): *... или они обе в обмороке, или...* (Ф. Достоевский).

В ряде случаев субстантивный предикат совмещает значения физиологического и социального состояния лица: *Она [Ляля] на инвалидности* (Л. Улицкая); *Она [мама] была на учете у фтизиатра* (Е. Пастернак). Словоформы *на инвалидности, на учете* совмещают

значение «болел, был нездоров» со значением социального состояния, характеризующего определенный статус человека в обществе.

В этой группе отметим также употребление в составе сказуемого классификатора *в состоянии*, который требует смысловой конкретизации. В качестве конкретизаторов выступают прилагательные *предобморочный, полубморочный, шоковый, предынфарктный* и др. Если в качестве конкретизаторов употреблены оценочные прилагательные *тяжелый, ужасный, плохой, хороший, страшный* и др., то отнесение такого предиката к той или иной семантической разновидности может быть произведено только на основе контекста: *Я только что из Склифосовского. Он [Виталик] в тяжелом состоянии. Я с врачами говорил. Травма черепа* (Л. Улицкая). Иногда в качестве конкретизатора выступает придаточное предложение: «...» *и была она [Елена] в таком состоянии, что Павел Алексеевич прекрасно отдавал себе отчет – жизнь женщины, лица которой он еще не видел, находится не в его власти* (Л. Улицкая).

Отметим, что слова категории состояния, которые являются одним из основных средств выражения семантики психического состояния, почти не используются для обозначения состояния здоровья. Как правило, предикативы (*больно, дурно, плохо*) содержат семантику оценки состояния.

Таким образом, для выражения значения «состояние здоровья» используются модели с глагольным, субстантивным и адъективным предикатом. Наибольшими семантическими возможностями обладает субстантивный предикат. Согласно замечанию М.В. Панова, «у существительного нет спецификации: оно обозначает все. Предмет, существо, лицо, признак, действие, состояние» [5]. Видимо, поэтому природа существительного позволяет передавать не только общее значение здоровья-нездоровья, но и многочисленные частные значения физиологических состояний, заключенные в самом предикате, тогда как глагольный и адъективный предикат нуждается в распространителях для конкретизации семантики состояния.

Список литературы

1. Берестова О.Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2003. С.14.
2. Большой словарь русского языка // С.Д. Леденев, И.В. Ледовских, П.А. Лекант и др. -М.: Дрофа; Русский язык, 2000. С.258.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., «Норинт», 2003. С. 674
4. Всеволодова М.В. Теория функциоанально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. - М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 247.
5. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. - М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. С.169.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1981-84. Т. 4, с. 991.

10.02.19

Н.Г. Бурмакина

Сибирский федеральный университет,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Красноярск, nburmakina@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЖАНР ЭКЗАМЕНА

Данная статья посвящена рассмотрению одного из ядерных жанров академического дискурса – экзамена. Описываются ключевые характеристики коммуникативной ситуации, в которой разворачивается жанр университетского экзамена, анализируются коммуникативные роли общающихся.

Ключевые слова: коммуникативный жанр, экзамен, академический дискурс, коммуникативные роли.

Целью настоящей статьи является исследование коммуникативного жанра университетского экзамена, относящегося к наиболее частотным и значимым жанрам академического дискурса. Анализируются коммуникативные роли участников общения, также наиболее существенные дискурсивные практики, реализуемые в данном жанре.

Экзамен репрезентует образовательную сферу общения, протекает в официальной обстановке. Ведущей коммуникативной интенцией одного из участников интеракции служит демонстрация компетентности в определенной сфере. Интенцией другого коммуниканта является экспертная оценка компетентности собеседника.

В основе жанра экзамена лежит информативный диалог, однако, информирование не является коммуникативной задачей участников общения, они преследуют иные цели. Общение в рамках данного жанра носит косвенный, непрямой характер, что подразумевает «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с.5]. Экзаменатора интересует ответ на вопрос: информирован ли собеседник, что такое X? Жанр экзамена не позволяет формулировать вопрос таким образом. Конвенциональной формой вопроса является «Что такое X?». Правильно интерпретировать вопрос адресату позволяет владение жанром. В свою очередь, из высказывания экзаменуемого «X – это ...» экзаменатор в результате интерпретативных действий выводит смыслы, непосредственно в нем не представленные, а именно: «Собеседник владеет информацией о том, что такое X».

Коммуникативной целью экзаменуемого является демонстрация информированности о существующих (не принадлежащих ему) мнениях по определенному научному либо научно-практическому вопросу и выражение своего отношения к данным позициям. Экзаменатор, являющийся экспертом в обсуждаемой области, принимая участие в экзаменационной беседе, выполняет роль агента социального института высшего образования. Его коммуникативная цель в данной ситуации заключается в ратификации компетентности собеседника либо в констатации дефицита знаний в обсуждаемой сфере.

Тематика общения в жанре экзамена обусловлена научной (учебной) дисциплиной, целями и задачами учебного курса. Структура экзаменационной беседы может включать несколько тематических блоков, которые отражены в формулировке заданий в экзаменационном билете. Тематический репертуар письменного экзамена зависит от жанровой формы (тест, эссе и т.д.). Вся совокупность коммуникативных ситуаций экзамена можно классифицировать по параметру «предварительная осведомленность о теме беседы»:

а) тема беседы известна экзаменуемому заранее;

б) экзаменуемому известен весь репертуар возможных тем, но не известно, какая именно тема из этого списка станет предметом обсуждения;

в) тематика беседы на этапе подготовки заявлена крайне широко и конкретизируется только в начале интеракции.

Предварительная информированность о теме беседы определяет ориентацию на тематическую широту либо на содержательную глубину в ходе коммуникации.

Можно выделить два варианта коммуникативных ситуаций экзамена: устные и письменные экзамены. Письменный экзамен представляет собой квазисинхронный тип общения, включающий в прототипном варианте три фазы: формулирование заданий, выполнение заданий экзаменуемыми и реакцию экзаменатора. Устный экзамен представляет синхронный тип коммуникации. Устный экзамен не является в полной мере устным общением, скорее он представляет комплекс устной и письменной форм интеракции. Вопрос, на который должен ответить экзаменуемый, предъявляется через письменный канал связи. Воспроизведению ответа через акустический канал чаще всего предшествует стадия письменного формулирования плана ответа. Степень подготовленности речи может быть очень высокой и находится в корреляции с параметром предварительной осведомленности о теме разговора.

Жанр экзамена характеризуется стремлением субъектов общения к коммуникативной точности. Экзаменуемый прилагает дополнительные ментальные усилия для поиска наиболее удачных форм выражения смыслов, что делает его речь затрудненной, т.е. маркированной большим количеством репаратур, знаков хезитации, замедлением темпа, удлинением пауз и др. Иллюстрацией тому может служить следующий пример.

Пример 1

- 01 С: ну потому что была версия что Платон вообще выдумал его по-моему
02 существовала такая версия ну что это как бы выдуманный персонаж
03 специально введенный э для того чтобы/ ну его/ ну как бы у него был как бы
04 определенный стиль написания изложения своих философских концепций то
05 есть Сократ это как/ ну я не помню сейчас точно авторства но я читал что
06 была такая версия да что ну Сократ это как некоторый был инструмент
07 введенный Платоном для того чтобы/ ну то есть как некоторая вторая
08 личность Платона чтобы излагать свои идеи ну то есть в своих трудах

Сигналами, позволяющими говорить о ментальной работе, направленной на формулирование высказываний говорящим, в данном фрагменте являются повторы (*выдумал его, выдуманный персонаж*), репаратуры (*для того чтобы/ ну то есть как некоторая вторая личность Платона*), знаки хезитации.

Беседа на экзамене является формой асимметричного диалога с жестко распределенными ролями. Субъекты общения формируют ролевую пару «эксперт–дилетант», соотносящуюся с ролевыми позициями агента и клиента института. Ядро жанра составляют иницирующий вопрос экзаменатора и реактивная реплика экзаменуемого. Экзаменуемый обязан реагировать на реплики коммуникативного партнера, отклонение от данного правила ведет к наложению санкций. Экзаменатор, обладающий более высоким статусом, может реагировать либо оставлять реплики собеседника без реакции. Неравенство ролей проявляется также в праве вышестоящего начинать и заканчивать разговор, менять тему и прерывать партнера.

В свою очередь, роль экзаменатора задана жесткими институциональными рамками. Институт посредством должностных инструкций обязывает экзаменатора проверять знания экзаменуемых, ставить их под сомнение, из чего следует необходимость задавать вопросы и комментировать ответы на них. Роль экзаменатора требует инициативного коммуникативного поведения, включает также продуцирование реактивных реплик. Выделяются следующие типы реплик экзаменатора реактивного характера: комментирующие, оценивающие, уточняющие, исправляющие, переспросы [Meer, 1998,

с.21]. Можно говорить о том, что роли обоих коммуникантов в жанре экзамена характеризуются жесткими ограничениями.

Ведущей коммуникативной задачей экзаменуемого является убеждение партнера в своей компетентности. Для ее достижения им применяются следующие дискурсивные практики: манифестация знаний; уклонение от темы в случае дефицита знаний.

Пример 2

	экзаменатор	студент
01		(1) вот (0) если говорить про Сократа;
02		что я там еще написал,
03	ну вот смотрите у вас вопрос	
04	эстетика Античности имеется в виду	
05	общая характеристика; а уже	
06	подвопрос более конкретно касается	
07	проблемы эстетики Сократа;	
08	поэтому вы можете э в начале от	
09	ОБЩЕГО к частному пойти или от	
10	ЧАСТНОГО к общему как вам больше	
11	(...)	<u>ну я</u> больше про Сократа буду говорить
12	давайте про Сократа	

Данному фрагменту экзаменационной беседы предшествует продолжительный коммуникативный ход экзаменуемого, в рамках которого он высказывается на тему, заданную в экзаменационном билете. В реплике (01–02) студент манифестирует, что испытывает определенное коммуникативное затруднение. Данной фразой он делает имплицитный запрос о том, может ли ответ быть завершен. В следующем репликовом ходе (03–10) экзаменатор отклоняет запрос, он побуждает студента продолжить ответ, указывая на то, что тема экзаменационного вопроса включает два аспекта, и предлагает ему выбрать последовательность их раскрытия. Далее (11) экзаменуемый демонстрирует готовность продолжать ответ. Данная фраза (ну я больше про Сократа буду говорить) и последующее дискурсивное развитие ситуации являются примером реализации дискурсивной практики уклонения от темы. Молодой человек выбирает более узкую тему для ответа, чем заявлено в экзаменационном билете, предположительно, причиной является дефицит знаний.

Стратегичной является установка экзаменуемых на кооперативное общение, что находит отражение в использовании следующих дискурсивных практик: практики гибкого реагирования на реплики собеседника (согласие с критикой, отказ от отстаивания своей позиции и т.д.); практики демонстрации вежливости; практики мониторинга согласия или несогласия собеседника с мнением говорящего.

Пример 3

	экзаменатор	студент
01		прекрасное это то что разумно что имеет
02		смысл то есть именно вот этот
03		утилитаризм он выражается именно в
04		этом то что прекрасное это именно то
05		что имеет смысл то что разумно и что
06		вообще красота это есть красота смысла
07	<u>мг мг</u>	смысл сознание <u>разум</u> вот
08	и то что полезно да?	
09		да и то что полезно (0) ну когда вот
10		например Сократ рассматривал
11		происхождение бога он тоже же объяснял
12		его почему там существует бог потому
13		что это там прекрасно например ну или

14		там когда он затрагивал вопросы
15		космологии и так далее по-моему там так
16		было что он говорил что бог создал
17		планеты потому что там это хорошо по-
18	но вы не путайте сократовские	моему он так объяснял (...)
19	взгляды и платоновские	<u>а: это/</u>
20	считается Сократ	
21	космологическими проблемами вы	
22	же сами сказали	
23	не интересовался все, что мы из	<u>ну да ну да</u>
24	диалогов Платона получаем	
25	сведения об онтологии теории	
26	познания они принадлежат	
27	больше Платону	<u>а ну ладно</u>
28	Сократа интересовали больше	
29	антропологические и этические	
30	проблемы	<u>мг мг</u>

В (08) представлена уточняющая реплика экзаменатора. Далее студент повторяет фразу собеседника (09), что свидетельствует о согласии между общающимися. В (10 - 18) экзаменуемый реализует дискурсивную практику демонстрации знания. Завершает коммуникативный вклад серия высказываний, призванных смягчить категоричность утверждений и предвосхитить возможную ликоугрожающую критику («по-моему там так было что он говорил»; «по-моему он так объяснял»). Исправляющая реплика экзаменуемого сопровождается дискурсивными включениями со стороны студента (19, 23, 27, 30). Он не отстаивает свою точку зрения, демонстрирует согласие с критическими замечаниями. Представленный дискурсивный эпизод иллюстрирует реализацию практики гибкого реагирования на высказывания коммуникативного партнера.

Ключевым мотивом, определяющим характер коммуникативного поведения экзаменатора, служит необходимость исполнения им своей институциональной роли. Экзаменатор ставит под сомнение наличие знаний и умений экзаменуемых, потому что это предписано ролью, которую он выполняет в рамках социального института. Данная стратегическая цель экзаменатора является, по нашему мнению, универсальной во всех коммуникативных ситуациях экзамена. Частные характеристики экзаменационных ситуаций могут становиться причиной появления вторичных целей субъекта коммуникации, принимающего экзамен. Так, например, на вступительных испытаниях глобальная цель отбора лучших кандидатов может реализоваться в стремление выявить дефицит знаний у экзаменуемых. На выпускном экзамене коммуникативная ситуация изменяется за счет включения в нее кроме двух субъектов общения (экзаменатора и экзаменуемого) третьих лиц – председателя предметной комиссии, секретаря. Это может привести к трансформации стратегической цели экзаменатора, и дополнительной коммуникативной задачей может стать содействие экзаменуемым в демонстрации знаний.

В работах, посвященных изучению жанра экзамена, выполненных в Германии [Meer, 1998; Steuble, 1983], большое внимание уделяется рассмотрению стилей коммуникации экзаменаторов. Вся палитра стилей представляется в виде шкалы, расположенной между двумя полюсами. Одну крайность составляет так называемый либеральный или дискуссионный стиль ведения экзамена, на другом полюсе находится консервативный, авторитарный стиль. По мнению Аннеты Штойбле, выбор экзаменатором дискуссионного коммуникативного стиля может способствовать нивелированию асимметрии ролей проверяющего и экзаменуемого в ситуации экзамена [Steuble, 1983, с. 182]. Необходимо, однако, отметить, что в процессе коммуникации статусы актантов конструируются совместно. Экзаменатор может быть авторитарен либо демократичен в той мере, в какой его

коммуникативное поведение легитимируется, принимается партнером по общению. По справедливому замечанию Д. Меер, равноправный диалог на экзамене возможен до тех пор, пока экзаменуемый проявляет активность и независимость [Меер, 1998, с.80]. Слишком лаконичные коммуникативные вклады экзаменуемого вынуждают проверяющего продуцировать большее количество иницилирующих реплик (задавать больше вопросов), на которые приходится реагировать отвечающему.

Пример 4

	экзаменатор	студент
01	<i>искусство есть по Сократу</i>	
02	<i>ВОСпроизводство или производство</i>	
03	<i>новых ценностей?</i>	
04		<i>ну я думаю воспроизводство наверное все-</i>
05		<i>таки (2) но точно не производство (1) ну</i>
06		<i>мне так кажется</i>
07	<i>так откуда нам/ это вообще спорный</i>	
08	<i>вопрос; откуда нам известно о(0)</i>	<i>о Сократе,</i>
09	<i>об эстетических взглядах Сократа? и</i>	
10	<i>как нам их отделить от Платона? от</i>	
11	<i>взглядов <u>Платона</u>?</i>	<i>ну наверно тяжело отделить потому что</i>
12		<i>все-таки вообще все представление</i>
13		<i>Сократа у нас получились у/ от Платона к</i>
14	<i>(...)</i>	<i>нам пришли то есть <u>только</u> через еГО</i>
15		<i>литературные произведения мы можем</i>
16		<i>оценить а там уже нам не особо ясно что</i>
17		<i>Платон на самом деле имел ввиду; ну в</i>
18		<i>смысле понятно, что он имел ввиду но не</i>
19		<i>факт же что сам Сократ так думал; ну</i>
20		<i>то есть Платон же ясно дело что он</i>
21		<i>интерпретировал своего как бы учителя но</i>
22	<i><u>нет</u> вот есть строгие критерии</i>	<i>не факт же что так оно и было</i>
23	<i>филологические кстати говоря</i>	
24	<i>которыми пользуются и философы</i>	
25	<i>которые отделяют вот все-таки учение</i>	
26	<i>Сократа от Платона <u>и кроме</u></i>	<i>а да (...)</i>
27	<i>кроме смотрите если был бы это</i>	
28	<i>единственный источник было бы очень</i>	
29	<i>трудно сказать но дело в том что о</i>	
30	<i>Сократе писали и друГИЕ античные</i>	
31	<i>мыслители и философы и уже</i>	
32	<i>сопоставляя э эти источники что писал</i>	
33	<i>Платон да? о Сократе что писали</i>	
34	<i>другие философы мы можем отделить</i>	
35	<i>что в них общего а что действительно</i>	
36	<i>и вот наиболее общие моменты, если</i>	
37	<i>они есть и у этого и у этого и у</i>	
38	<i>третьего философа значит они в</i>	
39	<i>большей степени принадлежат</i>	
40	<i>Сократу как известно который ничего</i>	
41	<i>не писал а вел только устные <u>беседы</u></i>	<i>мгм</i>
42	<i>и вот я спрашиваю кроме Платона (3)</i>	
43	<i>кто еще писал о Сократе и об его</i>	
44	<i>взглядах?</i>	

- 45 ну Аристотель может быть
 46 Аристотель упоминает действительно
 47 но таких упоминаний очень мало
 48 буквально отрывками но более подробно
 49 действительно э есть такое
 50 произведение сократические сочинения
 51 кому они принадлежат?

Коммуникативная ситуация экзамена маркирована широким применением патерналистских дискурсивных практик. Изучению коммуникации по патерналистскому сценарию посвящены исследования С.Б.Белецкого, Л.В. Куликовой. По мнению названных авторов «коммуникативный патернализм представляет собой способ непосредственной или опосредованной дискурсивной, т.е. направленной на развертывание актуального дискурса, обработки или превенции иррациональности одного субъекта общения другим субъектом общения, и реализуется как статусно ориентированный тип общения, в ходе которого актуализируется базовое статусное неравенство его участников как рационально и иррационально действующих, находящее свое отражение в процессе конструирования комплементарной ролевой пары «эксперт–дилетант»» [Белецкий, Куликова 2011, с. 5].

Пример 5

	экзаменатор	студент
01	так, следующий давайте второй	
02	вопрос	
03		ну художественный образ выстраиваемого
04		субъекта
05	хм	
06		ну вообще, как бы если говорить вводно; ну
07		что такое художественный образ
08		выстраиваемого субъекта;
09	ну давайте, начните вообще; что	
10	такое художественный образ;	
11	<u>определение:</u>	<u>художественный образ это некоторая</u>
12		<u>конструкция да? с человеческого ну как</u>
13		<u>сказать; ну если это уже говорить в</u>
14		<u>контексте моего вопроса да?</u>
15		<u>выстраиваемого субъекта</u>
16		<u>художественный образ некоторые</u>
17		<u>конструкции человеческого сознания, да? по</u>
18		<u>отношению к воспринимаемой им</u>
19		<u>действительности; там например э каких-</u>
20		<u>то продуктов там искусства, тоже самое</u>
21		<u>творчества, и так далее</u>

Экзаменатор (Э) имплицитно актуализирует симптом иррациональности студента (С), в данном случае неумение вычленив наиболее значимую информацию и логично выстроить композицию ответа. В реплике (09–11) происходит дискурсивная обработка иррациональности, т.е. осуществляется коммуникативное действие, направленное на решение коммуникативной проблемы. Экзаменатор инструктирует отвечающего о предпочтительной, на его взгляд, композиции экзаменационного ответа. Он это делает в категоричной форме, используя императивную конструкцию, фазовый ментальный перформатив (*начните*). За этапом дискурсивной обработки иррациональности субъекта общения следует этап конструирования статуса дискурса патерналистских отношений. Субъект коммуникации, которому был атрибутирован симптом иррациональности и

предложен вариант ее устранения, должен признать либо опровергнуть приписываемую ему роль дилетанта. В данном коммуникативном эпизоде происходит ратификация студентом патерналистской модели общения с экзаменатором, он не отклоняет вторжение в свою внутреннюю автономию и уже в следующей реплике (11) демонстрирует готовность следовать композиции экзаменационного ответа, которую ему навязывает коммуникативный партнер.

Выполненное исследование позволило выделить следующие характеристики коммуникативного жанра экзамена: ролевая асимметрия коммуникантов, сфера официального институционального общения; жесткие ограничения коммуникативного поведения обоих интерактантов; предварительная подготовленность речи, непрямой характер экзаменационных вопросов; ориентация на коммуникативную точность; распространенность патерналистских дискурсивных практик; нацеленность экзаменуемых на кооперативность и демонстрацию компетентности.

Список литературы

1. Белецкий С.Б., Куликова Л.В. Патернализм в институциональной коммуникации: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 184 с.
2. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
3. Meer D. Der Prüfer ist nicht der König: mündliche Abschlußprüfungen in der Hochschule. – Tübingen: Niemezer, 1998.
4. Steuble A. Zur Integration von Nonverbaler Kommunikation (NVK) in die Gesprächsanalyse – exemplarische Analyse eines Prüfungsgesprechs / Kieseling G., Wroel A. (Hgg.) Latente Gesprächsstrukturen. Untersuchungen zum Problem der Verständigung in Psychotherapie und Pädagogik. – Weinheim / Basel, 1983. – S.175 – 231.

Нотационные обозначения

<u>да</u>	Наложение высказываний обозначается подчеркиванием одновременно произносимых фрагментов.
(1)	Цифры в скобках обозначают продолжительность паузы в секундах, паузы продолжительностью менее одной секунды обозначаются цифрой «0».
(...)	Данное обозначение используется в случае невозможности расшифровать фрагмент звучащей речи.
друГИЕ	Просодическое выделение обозначается путем написания прописными буквами выделяемого слога.
/	Косая черта маркирует обрыв слова.
?	Высоко восходящая интонация.
,	Восходящая интонация.
;	Нисходящая интонация.
.	Глубоко нисходящая интонация.
гм, хм, э,	Знаки хезитации, вокализованные паузы, знаки приема.

10.01.02

А.И. Конова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
отдел общей лингвистики, Казань, alfi.pupon2009@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ТУКАЯ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДЕТЕМ

Объектом исследования статьи является обзор турецких переводов стихотворений посвященных детям из поэтического наследия татарского народного поэта Габдуллы Тукая (1886-1913), выполненных профессором Анкарского университета Гази Фатмой Озкан. Анализируется степень эквивалентности переводов стихотворений с татарского языка на турецкий язык. В статье приведены примеры некоторых неэквивалентных переводов произведений народного поэта.

Ключевые слова: *Г. Тукай, поэзия, переводы, подстрочный, творчество, татарский, турецкий, тюркские языки.*

Габдулла Тукай (1886-1913) - выдающийся татарский народный поэт, литературный критик, общественный деятель, публицист и переводчик, получивший признание не только среди татар, но и хорошо известный у всех тюркских народов.

В почти столетней истории переводов произведений Г.Тукая менялись поколения переводчиков, качество переводов, а также число языков, на которые переводились произведения поэта [1].

Самый полный перевод произведений Г. Тукая сделан на турецкий язык [5]. Фатма Озкан перевела произведения Г.Тукая в четырех томах («Әсәрләр» дүрт томда), 1955 - 1956 гг. [2] и двадцать шесть стихотворений из более позднего издания в четырех томах, вышедшем в 1975 - 1977гг. [3], не вошедшие в четырехтомник 1955 - 1956гг. В своей книге она перевела только поэзию.

Фатма Озкан (1959) работает в университете Гази в Анкаре на факультете научной литературы отделения турецкого языка и литературы. Ее научные работы издавались в Англии, Германии, России. Занимается исследованием турецкого языка в разные исторические эпохи, а также изучает культуру и литературу тюркских народов бывшего СССР: татарского, казахского, киргизского, азербайджанского, уйгурского, узбекского, хакасского народа.

Фатма Озкан разделила произведения Г. Тукая на пять тематических групп: лирика, народ и чувство национальной гордости, тема свободы, тема религии и образования, стихотворения о детях.

Первая группа - стихотворения о любви, любовная лирика. Габдулла Тукай очень мало писал о любви, видимо потому, что он был замкнутым человеком, хранил свои чувства в себе. Основная тема его творчества – печаль и страдание.

Вторая группа - народ и чувство национальной гордости. В произведениях Г. Тукая народ и чувство национальной гордости занимают важное место. Даже в стихотворениях, посвященных другим темам, Г. Тукай затрагивает темы, связанные с судьбой татарского народа.

Третья группа - тема свободы. Ущемляются права татарского народа, давление государственного аппарата, запреты на инакомыслие - все это повлияло и на Г. Тукая. Именно поэтому большинство стихотворений, начиная от самых первых и вплоть до самых последних, посвящены теме свободы.

Четвертая группа - тема религии и образования. В первой половине XIX века в России смягчается обстановка в религиозной, политической и экономической сфере.

Пятая группа - стихотворения посвященные детям. Все проблемы татарского народа Г. Тукай описывает в своих стихотворениях, одновременно он думает и о будущем поколении. Поэт советует детям как стать настоящими людьми.

Ранние произведения Г. Тукая написаны на старотатарском языке, что облегчает процесс перевода на турецкий язык, так как совпадает лексика языков и можно не только точно воспроизвести содержание, но и передать нюансы тона и мелодии стиха оригинала. Примерно с 1907-1908 годов Г. Тукай уже начинает писать на современном татарском литературном языке.

При переводе Фатма Озкан, возможно из-за применения построчного перевода, не сумела полно отразить смысл некоторых стихотворений, по-видимому, не понимая оригинала текста. Так же встречаются случаи изменения названия стихотворения. Например:

Название поэмы «Шурале» («Шүрәле») Фатма Озкан перевела как «Dev», в переводе на русский язык слово «Dev» означает «гигант, великан». При переводе данного названия можно было оставить «Шурале» как имя собственное, так сделали многие переводчики на другие неродственные языки как, например, на английский «Shuraleh» (перевод Ляли Гильмановой), немецкий «Der Schüräle» (перевод Алии Тайсиной), французский «Chouralé» (перевод Эльмиры Хабибуллиной) [4].

Название сказки «Сказка о козе и баране» - «Кәжә белән сарык хикәясе» она перевела как «Keçi ile teke masalı» - если перевести турецкое название на русский, то получается «Сказка о козе и козле». Предложенный вариант перевода названия является неэквивалентным, так как в оригинале говорится о козе и баране. Здесь переводчица снова изменила название произведения.

Такие примеры не единичны. Большим достоинством данной работы является то, что на сегодняшний день, эта книга - единственный полный перевод стихотворений Г. Тукая, вошедших в собрание сочинений в четырех томах.

Более подробно остановимся на последней – пятой группе, в которую вошли стихи о детях и для детей.

Из всех 411 стихотворений Г. Тукая было выбрано 45 стихотворений, посвященных детям. В них есть несоответствия, а именно: неточный перевод слов, персонажи стихотворений написаны строчной буквой, пропущены слова или строки, неэквивалентный перевод названий, неправильная пунктуация - знаки препинания, нет уточнений в скобках после названий стихотворения как в оригинале.

Имеются следующие примеры неэквивалентного перевода стихотворений Г. Тукая.

Неэквивалентный перевод слов

В стихотворении «Ребенку» («Сабыйга», «Çosıǵa») были неэквивалентно переведены некоторые слова, что изменило смысл стихотворения.

В татарском языке слово - «шүрәле» а на турецкий перевели как «dev», в переводе на русский язык слово «dev» означает «гигант, великан»;

Слово «убыр» - на русский язык переводится как «оборотень, вампир», а в турецком языке слово «peri» означает «фея», но в татарском языке слово «пәри» употребляется в значении «черт». В турецком языке данное слово имеет положительное значение, а в татарском языке наоборот отрицательное значение.

Выражение в татарском языке «асрап ята торган» на турецкий перевели как просто живущий «yaşadığı»

<i>һич сине куркытмасыннар <u>шүрәле</u>, <u>жәң</u> <u>һәм</u></i>	<i>Seni korkutmasınlar, <u>devle</u>, cinle, <u>periyle</u>;</i>
<i><u>убыр</u>;</i>	<i><u>Yalandır bütün bunlar</u>, yaşamaz hiçbir</i>
<i><u>Барчасы юк сүз</u>; аларның булганы юктыр</i>	<i>dünyada.</i>

гомер.

<i>һич өрәк, албасты булган сахралар, кырлар</i>	<i>Holrlak ve albastının olduğu sahralar, kırlar da</i>
<i>да юк;</i>	<i>yok;</i>

<i>Шүрәле <u>асрап ята торган</u> кара урман да юк.</i>	<i>Devlerin <u>yaşadığı</u> ormanlar da yok.</i>
---	--

Стихотворение «Шурале» («Шүрәле», «Dev»)

В стихотворении на татарском языке «Казан артында» на турецкий язык она перевела «Kazan'ın ötesinde» в значении «Пространство, находящееся по другую сторону Казани».

Слова «чырышы, нарат», на турецкий язык перевели просто «çam ağaçları», объединив деревья в «сосны»

Слово «жиһан корткыч» в турецком переводе «canavar» в значении «хищник, зверь».

В татарском языке «жәй», а в турецком не «лето», а «осень» - «sonbahar»

Нәкъ Казан артында бардыр бер авыл - Tam Kazan'ın ötesinde bir köy vardır, Kırıl
«Кырлай» диләр; derler;

Анда бик салкын вә бик эссе түгел, урта Orada pek soğuk ve pek sıcak değildir, ılıktır
һава; hava.

Бик хозур! Рәт-рәт тора, гаскәр кеби, Huzur verir, sıra sıra duran, asker gibi çam
чырышы, нарат; ağaçları;

Юк түгел аю, бүре; төлке - жиһан корткыч Yok değil, ayı, tilki, kurt, canavar da var.
та бар. Mevsim sonbahar olduğundan, gece hava biraz

Жәйге төннең гадәтенчә, төн берәз салкын serinmiş;
икән;

Стихотворение «По окончании работы можно поиграть» («Эш беткәч, уйнарга ярый» «İş bitince oynamalıdır»)

В татарском языке «өстәл янында», а в турецком языке перевод звучит как «на стуле» - «sandalyesinde»

«Ян тәрәзә каршысында», в турецком просто «возле окна»-«Pencere kenarında»

Бик матур бер жәйге көн: өстәл янында бер Güzel bir yaz gününde, sandalyesinde bir çocuk,
сабий Pencere kenarında, ertesi günün dersini çalışır.

Ян тәрәзә каршысында иртәге дәрсен карый.

Стихотворение «Ласточка» («Карлыгач», «Kırlangıç»)

В татарском тексте «Чебен-черки» в значении «мошкара», а на турецком «Sinek, sivrisinek» если перевести на русский язык «мухи и комары».

«килсен яшен» на турецкий язык было переведено как «yağsa yağmur» в значении «если пойдет дождь».

Ачыксалар карлыгачның балалары, Acıkınca kırlangıcın yavruları,
Чебен-черки тотып кайта аналары. Sinek, sivrisinek tutup döner anaları.
Күк күкрәсен, ялтыр-йолтыр килсен яшен,... Gök gürlerse, şakır şakır yağsa yağmur,...

Стихотворение «Ель» («Чырышы», «Çam»)

В татарском тексте «Саргая таллар» - желтеют ивы, а в турецком переводе «желтеют ветви» - «Dallar sararmakta»

В татарском языке «Усаклар» - «осины», а в турецком «kavak» - «тополь».

«чырышы» это «ель», а на турецкий язык перевели как «çam» - «сосна».

Саргая таллар, усаклар, алмагачлар һәм Dallar sararmakta, elma ağaçları, kavak ve
каен; kayın,

Хәстә төсле арта сары төс аларда көн саен. Hasta rengi, sarılıklar artmakta onlarda hergün.
Үз төсен үзгәртми саклаучы арада берсе Ağaçların arasında rengini muhafaza eden biri
бар: var:

Көз көне һәм кыш буе саргаймый торган Sonbaharda ve kışın sararmayan çam var.
чырышы бар.

Эквивалентный перевод.

При общем анализе стихотворений были выявлены эквивалентные переводы стихотворений Г. Тукая входящих в пятую группу.

Такие стихотворения как: «Бедняга заяц» («Бичара куян», «Zavallı tavşan»), «Утро» («Иртә», «Sabah»), «Песенка о детях» («Сабыллар жыруы», «Çocuk şarkısı»), «Сон земли» («Жир йокысы», «Yeryüzü uyukusu»), «Дитя в раю» («Бала олмакта», «Cennetteki yavru»).

Несоответствие знаков препинания

Например, в стихотворении «В школе» («Мәктәптә», «Mektepte») вместо «!» при переводе использовали «?».

Урамнарда күңелсезлек, авылда сизлә бер кайгы,	Sokaklarda sıkıcılık var; köyde hissedilir bir kaygı,
Терелекләр вә шау-шулар, кызыклар кайда ул жәйге!	O canlılık, o telaşlar, nerede o yaz günleri?
Укулар кычкырып анда! Бөтен мәктәп килә шау-шу!	Bağırır orada talebeler, gidip gelirler koşuşarak,
Кызык жәй айрылып торган укуга көз көне каушу!	Güzel yaz bitti ama, sonbaharda mektebe kavuştuk.

«Ворона» («Карга»), «Karga»

Барча кошның да үзенчә сайравы бар, ишгәре бар.	Her kuşun kendince bir ötüşü, şiiri var.
Карга, мескен, жырыллы белми, кычкыра тик: «кар» да «кар!»	Zavallı karga ötmeyi bilmez; bağırır sadece: <u>Gak gak!</u>

«Кисонька» поэма («Мияубикә», «Miyav Sultan»)

Хәл жыя рәхәт кенә, ирнеп кенә һәм тын гына,	Düşünür, rahatsa, sessiz ve sakince,
Күзләре йомылып бара инде аның әкрә <u>генә!</u>	Gözleri kapanmaktadır şimdi onun <u>yavaşça.</u>
Бу ике баи өстенә алла күтәрелгән таяк?	Bu iki başa nasıl atılır dayak?
Кайсы чакта ул таяк тормый песиләр дип аяп!	Ne zaman sona erer dayak, onlara acıyarak.

Персонажи произведений, имена собственные написаны строчной буквой

Переводчица при переводе имен собственных персонажей стихотворений написала их с маленькой буквы. У Г. Тукая некоторые персонажи, например, «Солнце», «Луна» и др. являются именами собственными и соответственно написаны с заглавной буквы, а турецкая переводчица, возможно из-за невнимательности, написала их строчными буквами. В какой-то степени этим она изменила смысл стихотворения.

«Солнце и Луна» («Ай һәм Кояш», «Ay ve güneş»)

Йокысыннан <u>Кояш</u> ничек уяндиса,	Uykusundan nasıl uyandıysa <u>güneş</u> ,
Жил шул вакыт жылбер-жылбер итеп исә;	Rüzgar o anda efil efil eser;
Торып чыккан шул бишәктән <u>Кояш</u> агай,	Kalkıp çıkınca o beşkten <u>güneş ağabey</u> ,
Анда кереп йоклыи инде <u>энесе Ай</u> ;	Uyumaya başlarküçük <u>kardeşi ay</u> ;

«Арба, Сани и Конь» («Арба, Чана, Ат», «Araba, kızak, at»)

Бер заман бер төшкә килгән <u>Ат</u> белән <u>Арба</u> , <u>Чана</u>	Birgün bir yamaçta karşılaşmış bir <u>at</u> ile <u>araba</u> ve <u>kızak</u>
--	---

«Дождь и Солнце» («Яңгыр илә Кояш», «Yağmur ile güneş»)

Ачуланды Кояш бу сүзгә, кызды,	Öfkelenir güneş bu söze, kızar,
Кояш Яңгыр белән куп кычкырышкач,	Güneşle yağmur bir hayli bağırıştıktan,
Бере-берсен яманларга тырышкач,	Birbirlerşnl kötölemeğe çalıştıktan sonra,
Кояш, Яңгыр әле бу көнгә чаклы	Güneş ile yağmur, bugüne kadar
Бозып эш кылмыйлар бу иттифакны.	Bozmadılar hiç bu ittifakı.

Пропущенные слова или строки в стихотворениях

Переводчица при переводе стихотворений Г. Тукая опускала некоторые строки, иногда слова, что существенно меняет смысл и содержание произведения. Приведем самые яркие примеры этого пункта.

«Шурале» («Шүрәле», «Dev»)

В данном стихотворении не были переведены некоторые строчки.

Например:

Һәр тарафка тәмле исләр чәчкәли бу чәчәкләр.

Китә жәннарны кисеп, ярып садаи хушлары.

Ул моның фәрһятларын аслан колакка элми дә.

«Четыре времени года» («Елның дүрт фасылы», «Dört mevsim»)

Не была переведена следующая строка:

Я, әйтеп кара.

«Мышь, попавшая в молоко» («Сөткә төшкән тычкан», «Süte düşen fare»)

Не перевели данную строку:

Сыек сөт бит

В оригинале после пятого двустишия идет разделение в виде трех звездочек, а в турецком переводе такого разделения нет, идет сплошной текст.

Неэквивалентный перевод названия стихотворения

Еще одним из несоответствий является неправильный перевод заглавия стихотворения.

Например:

«Сказка о Козе и Баране» («*Kəzə белән Сарык хикәясе*») на турецкий язык была переведена как «*Keçi ile teke masalı*» - «Рассказ о козе и козле».

«Шурале» («*Шүрәле*») – на турецком «*Dev*» - «Гигант».

«Ель» («*Чыршы*») – на турецком «*Çam*» - «Сосна».

«Наша семья» («*Безнең гаилә*») – в турецком языке – «*Ailem*» - «Моя семья».

Нет уточнения в скобках после названия стихотворения

При переводе стихотворений Фатма Озкан опускала некоторые уточнения, которые давал Г. Тукай в скобках после названия стихотворения.

Например:

«Отец и сын» («*Ата илә бала*») (*Кара такта янында*) – в турецком это просто «*Baba ile çosuk*» без уточнения.

«Нос» («*Борын*») (*Русчадан*) – на турецком это просто «*Burun*» без скобок.

«Каменотес» («*Япон хикәясе*») (*Бурениннан*) – в турецком переводе это просто «*Japon hikayesi*» тоже без уточнения.

При анализе стихотворений Г. Тукая посвященных детям, переведенных на турецкий язык Фатмой Озкан, мы нашли несоответствия переводов.

Несмотря на все погрешности, сделанные при переводе стихотворений Г. Тукая на турецкий язык, данная книга дает турецкому читателю возможность познакомиться с его поэтическим творчеством.

Читатель с помощью этой книги составит себе цельное представление о великом татарском поэте – Г. Тукае.

Список литературы

1. *Тукай Г.* Избранное. Казань: Магариф, 2006. 240с.
2. *Тукай Г.* Собр. соч.: в 4 - х т. Казань: Таткнигоиздат, 1955 - 1956.
3. *Тукай Г.* Собр. соч.: в 4 - х т. Казань: Татарское книжное издательство, 1975 - 1977.
4. *Тукай Г.* Шүрәле. Казан: Тат. китап нәшр., 2011. 100с.
5. *Özkan F.* Abdullah Tukai'ın Şiirleri. İnceleme-Metin-Aktarma. Ankara, Ankara Üniversitesi Basımevi, 1994. 958S.

10.01.03

И.В. Кумичев

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Институт гуманитарных наук,
кафедра зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания,
Калининград, ikumichev@gmail.com

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЗМЕЯ И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ ДЖИМА МОРРИСОНА (РОК-ГРУППА «THE DOORS»)

Статья посвящена исследованию образа змея в песенных текстах Джима Моррисона как ключевого символа в художественной системе поэта. Через выявление семантических корреляций и семантического наполнения данного образа исследуются особенности хтонической образности поэзии Моррисона и, в конечном итоге, производится попытка раскрыть и охарактеризовать основное «событие» его мифопоэтики в культурно-историческом контексте.

Ключевые слова: *хтоническая образность, рок-искусство, символ, мифопоэтика, бессознательное.*

Художественная система Джима Моррисона, лидера и вокалиста американской группы «The Doors» мифопоэтична [17]; её образы следует понимать не как метафоры, а как символы, т.е. буквально и, в тоже время, осознавая, что они никогда не являются до конца самими собой, что в них всегда просвечивает Иное. Образы перетекают друг в друга, образуя, по принципу мифогенных структур, сложные парадигматические сцепления, «пучки отношений», чьи комбинации «приобретают функциональную значимость» [12, 188]. Целые сюжеты – фрагментарные, варьируемые – выходят за рамки отдельных стихотворений, рассыпаясь отражающими осколками по творческому наследию поэта. Такая калейдоскопичность, фрагментарность обеспечивает универсуму Моррисона поразительную *целостность*, и в этом он оказывается близок художественной эстетике романтизма и постромантизма, в которой особое место занимает жанр фрагмента: «Кажется, возникает парадокс: фрагмент – как кусок, отрывок и фрагмент – как целостность. Но в этом нет ничего парадоксального, ибо фрагмент, вторгаясь, например, в роман и нарушая его классическую структуру, расширяет горизонты этого повествования, т.е. «работает» на целостность, и что самое важное – он сохраняет «в своей памяти» атмосферу целостности» [4, 62]. Структурированный хаос поэзии Моррисона – область «соответствий», беспредельностью которых словно правит «играющее дитя». Игра – один из важнейших творческих принципов поэта, о чем он сам неоднократно говорил в интервью и непосредственно в произведениях. Во многих «фрагментах» игра предстает как принцип истины, связанной с тайной смерти: «Одиноким игроком. Он сдал карты. Прокрути кадры прошлого, бесконечно изменяющиеся, перетасуй их и начинай. Разложи образы в новой комбинации. И снова разложи. В этой игре скрыто зерно правды и смерти» [13, 193], «Все игры содержат в себе идею смерти» [13, 181].

Итак, этот поэтический хаос является структурно-семантическим коррелятом одной из сквозных для творчества Моррисона тем – темы смерти, эксплицируемой посредством парадигматически и, в меньшей степени, синтагматически соотнесенных хтонических образов. Множественность потенциальных вариативных семантических моделей, в рамках которых можно рассматривать данную образность, значительно усложняет интерпретацию отношений между образами; каждый мотив оказывается парадигмально соотнесенным со всем поэтическим универсумом, который, в свою очередь, находится в состоянии разорванности векторами различных мотивов. Принимая невозможность избежать движения по герменевтическому кругу, мы в данной работе поставим себе целью осуществить попытку осторожного проникновения в специфику хтонической образности поэзии Моррисона в

такой мере, чтобы можно было увидеть особенности «взаимоперетекания» хтонических образов при сохранении их специфики. При этом в центре нашего внимания будет образ змея как один из наиболее частотных и несущий наибольшую семантическую нагрузку в творчестве поэта. Наше исследование будет отталкиваться от баллад «The Doors», которые, как представляется, являют в наиболее концентрированном виде основные мотивы и образы поэзии Моррисона.

Нужно отметить, что «бумажные» стихи Моррисона – это неисчерпаемый источник образов, тем и собственно поэтического материала для его песен. Музыка «The Doors» стала полем «овнешнения» «внутреннего» письма поэта. Песни превратили стихи (несмотря на все попытки Джима актуализировать самоценность последних) в коммуникативное сообщение, и именно музыка стала теми «дверями», сквозь которые на поверхность вышла глубинная образность оригинальной поэзии Моррисона.

Необходимо согласиться с А.Ю. Жуковским, разграничивающим песенное, всегда ограниченное рамками жанра (битового, блюзового), и собственно поэтическое творчество Моррисона [9, 294]. Однако, присмотревшись к «печатным» произведениям поэта, несложно увидеть, что музыка остается для них важнейшим имманентным формирующим фактором. Это прослеживается, к примеру, на уровне собственно мотивов и образов стихотворений: *At the night the moon became // a woman's face. // I meet the Spirit of Music* [13, 34] («In that year there was...»), *My ears assembled music // out of swarming streets* [13, 62] («The cigarette burn'd...»), *Will he Stink // Carried heavenward // Thru the halls // of music* [13, 100] («Ode to LA: while thinking of Brian Jones, Deceased») и т.д., так и в авторских ремарках: [*Mt. Music. Violin*] [13, 104] («Signals»), [*musical interlude*] [13, 46] («The Crossroads...»). Сам поэт высказывался о своем творческом «духе музыки» следующим образом: «...я слышал в голове целое концертное действо, с группой, пением и аудиторией: большой аудиторией. Те первые пять или шесть песен, которые я написал, – я просто брал ноты с фантастического рок-концерта, продолжающегося в моей голове. И как только я написал песни, я должен был просто спеть их» [1]. Это ставит под сомнение то, что Моррисон считал рамки песенного жанра неким ограничением, скорее наоборот. Кроме того, легкость, с какой его стихи «вклинивались» в концертные версии песен во время импровизационных проигрышей (например, «Graveyard Poem», зачитываемая между куплетами «Light My Fire»), также говорит о том, что музыка «The Doors» была способна вместить многие поэтические опыты лидера группы.

В свете сказанного отталкивание от песенных текстов в анализе символики Моррисона представляется вполне обоснованным. Кроме того, песни как синтетические тексты, состоящие из, по меньшей мере, трех субтекстов (вербальный, музыкальный, пластический) имеют ту необходимую завершенность, которая может стать неким организующим моментом в осмыслении потенциальной бесконечности поэзии. Однако, в свете вышеуказанных особенностей поэтики Моррисона, без обращения ко всему корпусу текстов понимание образов и мотивов отдельных песен обречено на неуспех.

Для Моррисона, связывавшего рок-искусство с греческой трагедией, дионисийским ритуалом и особенно ценившего работу Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (которую биограф Моррисона Майк Джан называл «философским путеводителем по «Doors»» [7]), изначальный посыл творчества – *Break on through to the other side* [6, 6] (пересечение семантической границы как прорыв к истине мифа) – связан с причащением смерти, претерпеванием роковых страстей и возрождением в новом качестве. Объединение мотива пути и семантики смерти происходит в образе змея. Один из самых распространенных хтонических образов в культуре, в поэтике Моррисона он также занимает ключевую позицию. В балладе «The End» (1967), в первом приближении воплощающей «архисобытие» творчества Моррисона – переход из «посюстороннего» в «потустороннее», – героиня (абстрактный женский образ, предмет «посюсторонней» привязанности героя и, о чем ещё будет сказано ниже, условие достижения «потусторонности»), ведомая проводником-шаманом (одна из основных «масок» Моррисона), покидая город, движется от

его окраины по дороге. Как и в большинстве произведений Моррисона, повествование здесь осуществляется посредством сочетания отдельных описательных фрагментов и императива; их целостность обеспечивается рефренными структурами и/или музыкальными средствами (примеры «нарративизирующей» роли музыки см. в [11]); похожее повествование, «замаскированное» под описание, к примеру, Ж. Женетт находит у М. Пруста [8, 133-134]. Итак, «шаман» говорит, обращаясь к героине: *Ride the king's highway, baby //... Ride the highway west* [6, 122]. В следующей же строке образ дороги превращается в образ змея: *Ride the snake, ride the snake* [6, 122]. Метаморфоза становится тем более впечатляющей, что на уровне музыкального субтекста ей сопутствует уменьшение музыкальной динамики по сравнению с предшествующими экспрессивными фрагментами, музыка становится медитативной, и в то же время она отмечена постепенным ритмическим усложнением, разрушением изначальной ровности ритма, а на уровне гармонии диссонансы синтезатора и гитары словно осторожно предвосхищают будущее погружение в атональный хаос. И – стихия хаоса тут же проявляется на вербальном уровне: *To the lake, the ancient lake, baby* [6, 122]. Особая роль этого фрагмента, его близость к поэтике «заклинания» выявляется на вербальном уровне появлением цезуры, строка 4-стопного хорея со стяжением буквально распадается на две строки 2-стопного хорея, при этом между первой и третьей половинами возникает рифма *snake-lake*. Мы видим, что змей находится у озера, и змей – это путь к озеру. Подобная система отношений ярко представлена также в 7-частной композиции «Celebration of The Lizard» (1969), где героя посещает во сне расплывчатое видение змеи-девушки: *The snake was pale gold glazed & shrunk. // We were afraid to touch it. // The sheets were hot dead prisons. // And she was beside me, old, // She's no: young. // Her dark red hair. // The white soft skin* [6, 150], но затем, в ванной, он обнаруживает змею в зеркале, которое является семантическим коррелятом озера. После этого герой начинает путешествие-инициацию (т.е. змея вновь приобретает семантику *пути*), одним из ключевых моментов которого становится видение живущего в колодце змея, в которого влюблена земная женщина (персонифицированная как *дочь министра*, что создает видимый контраст между земным и потусторонним).

В этой системе отношений Моррисон актуализирует широкий спектр смыслов, присущих описанным образам в истории культуры. Несомненно, змей и озеро – образы хтонические, объединенные семантикой телесности и смерти. В первую очередь поэт здесь, вольно или невольно, апеллирует к греческому мифу, с которым, несомненно, был хорошо знаком. Змей – это воплощение Диониса, с которым Моррисон-исполнитель нередко себя ассоциировал (ср. «Я рассматриваю роль артиста двояко - он шаман и козел отпущения. Люди вливают в него свои фантазии, и их фантазии являются им во плоти. А чтобы уничтожить свои фантазии, они уничтожают его» [5]). «Змея, символ владык и душ подземного царства, в кругу Дионисова богопочитания – исконный символ-фетиш самого «змеями увенчанного» или «змеевидного» бога, неразрывно связана с представлением о менаде и составляет на изображениях её постоянный атрибут» [10, 109], - пишет Вяч. Иванов, и далее: «Для менад Дионис – то младенец или пестуемый, то небесный супруг; змея, представлявшая собой бога, имела преимущественное значение этого второго аспекта. Посвящаемый, в качестве «змея», не только усыновляется богиней, но и становится мистическим её женихом» [10, 110]. Итак, *baby*, к которой герой обращается в композициях, может рассматриваться как менада, «обуянная» Дионисом; если угодно, это архетипическая Анима, слияние с которой есть образование божественной пары, т.е. достижение целостности [20, 34-43]. Очевидная сторона дионисийского образа змея – принадлежность к фаллической символике. Следовательно, *ride the snake* – это призыв как к отправлению в путь, так и к эротическому соитию, то и другое суть одно.

Девушка-змея, привидевшаяся герою во сне, змея в зеркале, пробуждающая в нем романтическое томление по утерянной целостности, змей у древнего озера, змей, живущий в колодце, в которого влюблена дочь министра, - между указанными образами нет твердых границ, каждый из них есть отражение другого, отражение в древнем озере смерти. Помимо

греческого мифа и литературы и трактата Ницше (круг чтения поэта, по-видимому, весьма широкий, нигде не зафиксирован, если не считать нескольких указаний, например, на его интерес к работам Ницше, Сартра, Кастанеды, творчеству Блейка, Рембо, Хаксли, Арто и др.), как о ещё одном источнике семантического наполнения образа змея у Моррисона со всей определенностью можно говорить о средневековой алхимии. Об алхимии Моррисон пишет в своих «фрагментах» «Боги. Заметки о видении» как об «эротической науке, присутствующей в самых глубинных аспектах реальности, и цель её – очистить всё сущее» [13, 205]. Следующий фрагмент: «Алхимики выявляют связь между сексуальной активностью человека и сотворением мира, ростом растений, образованием минералов. Соединение дождя и земли они видят в эротическом свете, как совокупление. И это относится ко всем естественным процессам в природе» [13, 205] (Ср.: «Для символического мышления мир не только «живой», он также и «открытый»: предмет никогда не является только самим собой <...>, он ещё знак или сосредоточение чего-то иного, некой реальности, трансцендентной по отношению к бытийной характеристике предмета. <...> Возделанное поле – это нечто большее, чем просто участок земли, это ещё и тело Матери-Земли; заступ – это фаллос, но от этого не перестает быть сельскохозяйственным орудием; пахота – одновременно и «механическая» работа (производимая орудиями, сделанными человеком), и сексуальное слияние, необходимое для иерогамического оплодотворения Матери-Земли» [18, 224]). Здесь необходимо вспомнить, что змей или бескрылый дракон служил алхимикам символом Серы [15, 28], т.е. очищенной мужской сущности (ян). Таким образом, *ride the snake* песни «The End» - это путь и эротическое соитие, которые суть алхимическое преобразование духа, очищение. Это также причащение истине и желанной целостности бытия, что выражено в образе самого известного алхимического змея – уробороса, символе Сущего (ср. с ответом Моррисона на вопрос «Так во что же ты веришь»: «Мы произошли от змей, и я видел вселенную как гигантскую переливчатую змею. Я видел всех людей и предметы, и пейзажи как маленькие картинки на чешуйках кожи. Я думаю, что движение перелива – это основное движение жизни и даже ваши основные внутренние структуры имеют то же движение. Это заглатывание, переваривание, ритмы сексуального процесса» [16, 282]).

О вхождении исследований М. Элиаде, посвященных алхимии, в круг чтения Джима Моррисона нет никаких данных; как бы то ни было, поэтом была точно подмечена и актуализирована связь между дионисийскими мистериями и мировоззрением алхимиков; сам Элиаде писал: «Есть основания предполагать, что познание драматичной жизни Материи стало возможным благодаря знакомству с греко-восточными Мистериями <...> Как известно, суть мистериальной инициации состояла в участии в страданиях, смерти и воскрешении бога <...> Смыслом и конечной целью Мистерий была трансмутация человека: через испытание инициационными смертью и воскрешением миф изменял онтологический режим (человек становился «бессмертным»).

Итак, драматический сценарий «страданий», «смерти» и «воскрешения» Материи засвидетельствован в греко-египетской алхимической литературе с самого начала» [18, 228]. При всем различии между эзотерической алхимией и всенародной религией Диониса, их объединяет общая инициационная схема: страсти-смерть-воскрешение. Путь к очищению лежит через предвечные воды хаоса [18, 231-236]. Как мы уже упоминали, у Моррисона змей практически всегда связан со стихией воды, отражающей поверхности (озеро или зеркало), которая есть врата в потусторонний мир, хтонический мир смерти (ср. мифы о Гадесе, спускавшемся в Аид с похищенной Персефоной через Лернейское озеро, о Дионисе, выручавшем Семеллу из мира мертвых через Алкионское болото [14, 185-186]). Кроме того, отражающая поверхность задает мотив двойника, причем речь идет о двойнике как «истинном мне», который воплощается в хтоническом образе ящера: герой «Celebration of The Lizard» должен был увидеть собственное отражение, но увидел змею. Это «двойничество» раскрывается в конце композиции, когда, после долгого пути, происходит наконец алхимическое превращение (или важнейшая его стадия): *Sun sun sun // Burn burn*

burn // Soon soon soon // Moon moon moon [6, 154] – первостихии сливаются, как в алхимическом тигле, соединяясь под действием огня (*burn*). Не забудем про тождество этого слияния с эротическим соитием или причащением смерти: врата открываются утром, но войти в них можно только вечером (время подступления первородного ночного хаоса, ассоциируемого со смертью): *We should see the gates by mornin' // We should be inside the evenin'* [6, 154]. Когда слова превращаются в крик, а музыка низвергается в атональность, место «шамана» и ведомой им героини занимает «король-ящер»: *I am the Lizard King // I can do anything* [6, 154], два становятся одним. Всомогущество ящера (в данной композиции он относится к змею как цель к пути, осуществление к указующему на него знаку, но в целом змей и ящер взаимозаменяемы: ср. с композицией «The Doors» «*Crawling King Snake*» (1971) – автором которой является, однако, Джон Ли Хукер – где «Король-ящер» заменен «Королем-змеем») – это, несомненно, знак достижения желаемой мифической реальности, «абсолютное самоутверждение» (А. Ф. Лосев) – если не личности, то самости. Но пока это только погружение в ночь, т.е. причащение смерти; песня заканчивается обращением Короля-Ящера к людям, собравшимся вокруг него: *Now Night arrives with her purple legion // Retire now to your tents and to your dreams // Tomorrow we enter the town of my birth // I want to be ready* [6, 156]. Это завершение нужно понимать как намек на окончательное во-существование (окольцовывание вечности – соединение того, что причастно смерти (хтонический образ ящера), и того, что причастно рождению), которое произойдет только по наступлении рассвета.

Озеро не единственный образ, воплощающий водную стихию, с которой в поэзии Моррисона связан змей. Не менее частотен в песнях и стихотворениях поэта образ дождя. В конкретных песенных текстах этот образ может иметь, к примеру, любовную семантику: *The days are bright and filled with pain // Enclose me in your gentle rain* [6, 8] («The Crystal Ship», 1967), семантику избавления: *Lost in a roman wilderness of pain // And all the children are insane //...Waiting for the summer rain* [6, 22] («The End»), *Way back past the realm of pain // Back where there's never any rain // And the rain falls gently on the town // And in the labyrinth of streams* [6, 152] («Celebration of The Lizard»), проникновения в повседневность чего-то Иного: *Friendly strangers came to town, // All the people put them down, // But the women loved their ways, // A come again some other day // Like the gentle rain, // Like the gentle rain that falls* [6, 118] («L.America», 1971). Приведенный выше «фрагмент» Моррисона об алхимиках, которые «видят соединение дождя и земли в эротическом свете, как совокупление», обнаруживает доминантную сему образа дождя – *соединение*. В первую очередь, конечно, это соединение неба и земли, материального и внемирного – то, на что надеялся Моррисон, пытаясь через телесное освобождение достигнуть высот духа [9]. Но эти «высоты» нужно понимать, выражаясь словами Д. С. Мережковского, не как «верхнюю», а как «нижнюю бездну», у поэта, близкого в этом эстетике символизма и, даже в большей степени, акмеизма, мы встречаемся с «перевернутым» стремлением (что коррелирует с семантикой зеркала), стремлением, как мы уже упоминали, проникнуть в те области, где «я» растворяется в калейдоскопе образов (если присмотреться к «бумажной» поэзии Моррисона, то нетрудно увидеть, что там практически отсутствует действующее и даже чувствующее «я», чаще всего предстает «я» созерцающее). Пустыня (*a roman wilderness of pain*) – образ, часто встречающийся у поэта и иногда ассоциируемый с городом – есть пространство, которое необходимо преодолеть, чтобы достигнуть дождя. Пустыня бесплодна, дождь оживляет её (мотив эротического соединения), дождь же пробуждает хтонические силы: *And the rain falls gently on the town //...And in the labyrinth of streams // Beneath, the quiet unearthly presence of // Nervous hill dwellers in the gentle hills around // Reptiles abounding // Fossils, caves, cool air heights* [6, 152]. Семантика соединения (дорога, эротическое соитие) сближает образы дождя и змея, и наконец они сливаются в одно: *Feel the good cold stinging blood // The smooth hissing snakes of rain* [6, 150]. В пространстве дождя происходит алхимическое «бракосочетание ада и рая», вертикальное соединение (дождь, небо-земля, телесное-духовное) отождествляется с горизонтальным (змей, дорога, путь).

Мы подходим к тому, что змей оказывается, в конечном итоге, символом поэтического в универсуме Моррисона. У поэта есть, по меньшей мере, три стихотворения и несколько прозаических фрагментов, посвященных соединению (connection) или соединителям (connectors), в одном из стихотворений он пишет: *People need Connectors // Writers, heroes, stars, // leaders // To give live form* [13, 21]. Только писатели, герои, звезды, вожди (те, кто в одном из фрагментов именуется «Богами» [13, 207], создателями иллюзий) осуществляют до конца кантовский синтез, создают реальность. Но этот синтез, как мы обнаружили, маркирован семантикой змея. Поэт и художник – вот тот, кому является скользкое искристое видение в зеркале, кто, в поисках своей сути, погружаясь в мрачные предвечные Воды, отождествляет себя с хтоническим образом.

Итак, у Моррисона мы встречаемся с древним, в рамках христианской цивилизации представленным, например, в герметических учениях офитов [2], восприятием змея как Сотера, Спасителя. Это спасение, искомое внутри; у Моррисона – в бездне бессознательного, путь к которой лежит через телесность, через подчинение автономного разума (*ride the snake* в контексте песни «The End» может быть также воспринято как призыв в своем безумии овладеть разумом). Создав свою вселенную из «переливающихся бликов на чешуйках змеи», поэт рассчитывал на превращение горизонтального «змеиного пути» в вертикаль нисхождения/восхождения духа. Однако герой Моррисона не идет дальше погружения на дно охраняемого драконом озера, он так и не достает королевскую жемчужину, о которой повествует приводимый К. Г. Юнгом гностический миф [19, 108-109]. Собственно, даже такая трансформация, как представленная в «Celebration of The Lizard» – пример едва ли не единичный в творчестве поэта. В песнях чаще всего фиксируется лишь процесс открывания двери, их недосказанность словно лишь призывает слушателя к некоему волевому усилию по вхождению внутрь. Недосказанность, видимо, есть не-сказанность – того, что будет за дверью. Даже на уровне музыки обнаруживается невозможность двигаться дальше: подходя к онтологической черте, она обрушивается атональным взрывом (как в песнях «Not to touch the Earth», «The End»). Эта граница была ярко почувствована ещё У. Блейком в знаменитом «видении», строчка из которого, скорее всего, дала название группе «The Doors»: «If the doors of perception were cleansed every thing would appear to man as it is, infinite» [3, 190].

В завершение необходимо отметить, что центральное положение образа змея в поэтическом универсуме Джима Моррисона не должно оттенять многообразия (образного и тематического) последнего. Наше краткое рассмотрение семантического наполнения и корреляций образа змея есть лишь попытка начать разговор о творчестве поэта.

Список литературы

1. Hopkins J. Jim Morrison interview in "Rolling Stone Magazine", July 26 1969 // Jim Morrison... The Lizard King [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://morrison-the-lizard-king.blogspot.ru/2012/10/jim-morrison-interview-in-rolling-stone.html> (дата обращения: 14.10.2013).
2. Deane J. B. The Worship of the Serpent. Second edition. – London, 1833 // Internet Sacred Text Archive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/etc/wos/wos06.htm> (дата обращения: 25.10.2013).
3. Блейк У. Бракосочетание Ада и Рая // Блейк У. Песни невинности и опыта. – СПб: «Азбука», 2000. – 264 с.
4. Грешных В. И. Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков. – Калининград: Изд-во КГУ, 2001. – 406 с.
5. Джеймс Л. Интервью с Джимом Моррисоном // The Soft Parade. The Doors [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://softparade.narod.ru/> (дата обращения: 19.09.2013)
6. Джим Моррисон и The Doors. Когда музыка смолкнет... – М.: «Узорочье», 1998. – 320 с.
7. Дилан Дж. Джим Моррисон. Тёмная звезда // Doorsmania [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doorsmania.narod.ru/Books/Dylan.htm> (дата обращения - 01.09.2011).
8. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. – С. 59-280.
9. Жуковский А. Ю. Метафорическое понимание телесности в поэзии Джима Моррисона // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Екатеринбург, Тверь, 2011. Вып. 12. – С. 293-300.
10. Иванов В. И. Дионис и прадионисийство. – СПб.: «Алтейя», 2000. – 343 с.
11. Кумичев И. В. Мифопоэтика Джима Моррисона в зеркале баллады «The Doors» «Not to touch the Earth» // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Екатеринбург, Тверь, 2013. Вып. 14. – С. 350-359.
12. Леви-Стросс К. Структурная антропология // пер., прим. и ред. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
13. Моррисон Дж. Пустыня. – М.: «Мерлон», 2004. – 256 с.
14. Павсаний. Описание Эллады // пер. с древнегреч. С. П. Конратьева. СПб.: «Алтейя», 1996. Т. 1. – 354 с.
15. Пуассон А. Теория и символы алхимии. Великое делание // Теория и символы алхимии. Великое делание. Альберт Пуассон и др. – Киев: «Новый Акрополь», 1995. – С. 11-51.
16. Стивенсон С. Интервью с Джимом Моррисоном для журнала «Circus». Зима 1970 // Моррисон Дж. Стихи и песни. – Ростов на Дону: «Феникс», 2000. – С. 278-290.
17. Темиришина О. Р. Мифопоэтика жеста (о песне Джима Моррисона «The End») // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Екатеринбург, Тверь, 2010. Вып. 11. – С. 259-271.
18. Элиаде М. Кузнецы и алхимики // Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе. – М.: Янус-К, 1998. – С. 140-269.
19. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. – С. 98-128.
20. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы // пер. с нем. Т. А. Ребеко. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2009. – 303 с.

10.02.04

О.Е. Носова

Ишимбайский филиал Уфимского государственного университета,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Ишимбай, nosova.oxana10@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ОБЩЕНИИ

В работе рассматривается проблематика коммуникативного поведения в совокупности вербальных и невербальных средств коммуникации. Суть данной работы составляет изучение коммуникативных процессов, основанное на признании существования лингвокультурного кода в той или иной культуре, позволяющее выявить ее ценностные доминанты.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, стереотипы общения, лингвокультурология, культурный код, лингвокультурный код, речеповеденческий код.

Целью данной работы является изучение коммуникативного поведения, учитывающее все вербальные и невербальные знаки общения, с целью выявить специфическую логику коммуникации, свойственную представителям той или иной лингвокультуры.

Научная новизна работы заключается в развитии лингвокультурологической парадигмы, в реализации речеповеденческого кода с применением инструментария и методологического арсенала современной лингвистической науки (коммуникативистики, лингвосомиотики, лингвокультурологии, функциональной лингвистики).

«Коммуникативное поведение людей неотделимо от их национальной культуры» [7, 28]. Такого рода утверждениями полнятся лингвистические и культурологические исследования последних десятилетий. Лингвисты говорят о культурной обусловленности общения, языковая составляющая которого является неотъемлемой частью коммуникативного поведения. Исследователи рассматривают коммуникативное поведение как «проявление «стереотипов мышления и поведения», соблюдение определенных «норм и правил» (в терминах И.А. Стернина), привычки, система навыков и умений и т.д.» [5, 184].

Для настоящего исследования особый интерес представляет лингвокультурологический аспект невербальной коммуникации в англоязычном общении. Среди разнообразных направлений и методов лингвокультурологических исследований, проводимых крупномасштабно в современный период, нет единого решения вопроса о характере сопряжения языка и культуры. Одна из точек такого сопряжения, по мнению лингвокультурологов (Иванова 2007; Красных 2003; Телия 1998), может быть обнаружена при изучении вербализованных культурных кодов.

Код культуры, по мнению В.Н. Телия, - «это таксономический субстрат её текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в неё природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [12, 21]. Анализ лингвистических исследований показывает, что язык рассматривается как феномен культуры, один из универсальных кодов, участвующий в семиотическом обмене и интерпретации других культурных кодов. В данной трактовке естественный язык выступает и языком культуры. В.Н. Телия отмечает, что соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом и составляет суть лингвокультурологического анализа [12, 219].

Данная точка зрения получила свое дальнейшее развитие в работах В.В. Красных (2003), С.В. Ивановой (2005, 2007, 2009). Так, по мнению, С.В. Ивановой, одним из способов,

позволяющих системно представить лингво-культурные связи, является тот факт, что культура и язык сосуществуют в едином семиотическом пространстве. С позиций культурологии под знаком культуры понимают «чувственно воспринимаемый материальный предмет, а его значение – продукт духовной деятельности людей» [9, 116]. С точки зрения лингвистики язык является средством вербализации культурной информации. На основе взаимодействия языка и культуры возникает новый знак – культурно-языковой. В концепции С.В. Ивановой этот знак является единицей лингво-культурного кода. «Лингвокультурный знак является ключом к системе ценностей определенного лингво-культурного сообщества, экстериоризацией культурных архетипов и той зацепкой, которую использует человек говорящий при распрямлении лингво-культурного кода и декодировании речевого сообщения» [3а, 119].

Исследователи, постулирующие в своих работах необходимость изучения культурных кодов, выделяют несколько их базовых видов. В.В. Красных выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды [6, 298]. Анализируя данную проблему, С.В. Иванова обращает внимание также на то, что к этому перечню необходимо добавить речеповеденческий / коммуникативный код [46, 271]. Как отмечает исследователь, «речеповеденческий код позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку он отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы лингвокультурного сообщества, а также предопределяет восприятие говорящего партнерами по коммуникации» [там же]. Являясь в трактовке автора одним из базовых кодов, «он регламентирует коммуникативное поведение человека говорящего» [там же]. Данная точка зрения представляется правомерной, поскольку она также согласуется с мыслью В.Н. Телия о том, что «лингвокультурология <...> исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы» [12, 218].

В современных исследованиях изучению подлежат механизмы закрепления ценностей в культурных архетипах (Арнольд 1992; Мостовая 1995; Романович 2002). Известно, что на основании культурных архетипов вырабатываются стереотипы. Стереотип вбирает в себя представления об окружающей действительности, аккумулирует исторический опыт нации, привычки предшествующих поколений, закрепляет это в схематическом образе своей этнической общности [13]. По мнению исследователей, закрепление происходит в результате неоднократного смыслового и эмоционального акцентирования сознания людей на тех или иных явлениях [там же]. «Стереотипы являются продуктом действия механизма стереотипизации, который изучается психологией, культурологией, этнической психологией, когнитологией, этнопсихолингвистикой и другими науками, где и определяется в соответствии с критериями заданной парадигмы» [11, 53].

Архетипические представления отображаются в процессе функционирования языка. Одним из наиболее «сильных» средств передачи и фиксации культурных архетипов является паремиологический фонд. Паремии, содержащие непосредственную и/или опосредованную оценку молчания, способствуют реконструкции культурных архетипов, регулирующих функционирование речеповеденческого кода. Учитывая вышеизложенное, обратимся к паремиологическому фонду в качестве объекта исследования. Рассмотрим ряд английских пословиц и поговорок об особенностях молчания, зафиксированных в англоязычной культуре.

Паремии относят к особой языковой подсистеме. Их рассматривают как источник проникновения в суть (insight) культурно-специфических взглядов, норм, убеждений, говорящих на том или ином языке [14]. В паремиях наиболее показательна связь с культурными установками, ценностями, «укладом бессознательного» определенного этноса [11, 54]. Учитывая мнение таких исследователей, как В.В. Виноградов, А.В. Кунин, пословицы и поговорки относим к фразеологизмам. Вслед за В.Н. Телия, полагаем, что исследование культурно-маркированного содержания во фразеологизмах позволяет увидеть воздействие культурно-человеческого фактора на формирование и функционирование фразеологизмов и как следствие такого воздействия – обретение ими функции эталонов и

стереотипов национальной культуры [12, 271]. На основании вышесказанного в настоящей работе пословицы и поговорки английского языка могут рассматриваться в качестве стереотипов. Среди существующих групп стереотипов нас интересуют стереотипы поведения, которые определяют коммуникативное поведение личности в той или иной ситуации, т.е. коммуникативные стереотипы.

Таким образом, представленный в настоящей работе лингвокультурологический анализ строится на сопоставлении доминантных ориентаций культуры, основанных на архетипических представлениях англичан и американцев о молчании, хранящихся в пословицах как действующих стереотипах, с особенностями актуализации молчания как единицы речеповеденческого кода.

При работе с эмпирическим материалом выделяется целая группа пословиц, которая характеризует молчание как речеповеденческий знак. Если рассматривать пословицы и поговорки как речевые акты с определёнными целями и намерениями, то можно выделить определённые коммуникативные доминанты поведения, принятые в той или иной лингвокультуре. Продуктивной в этом плане, представляется, процедура анализа, предложенная, Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. Они анализируют отдельные речевые акты (советы, утешения и т.п.) с применением аппарата речеповеденческих тактик [1, 10-16]. В данном случае речевая тактика трактуется как «предпосылка (программа) речевого и неречевого поведения, которая присуща носителям языка» [slovari.gramota.ru]. Учитывая вышесказанное, в настоящей работе предлагается проведение анализа пословиц и поговорок в поведенческом аспекте как образцовых речевых актов с той или иной целью. Для систематизации языкового материала предлагается выделить несколько групп пословиц об употреблении молчания в общении, демонстрирующих разные цели говорящего в дискурсе. В английских пословицах диктуется такое поведение, когда:

1) молчать как и говорить нужно уместно: *Speak fitly or be silent wisely. There is a time to speak and a time to be silent*; 2) предпочтительней совершить поступок, сделать работу и промолчать, чем рассуждать об этом: *Better to do well than to say well. Doing is better than saying. Good words and no deeds*; 3) выразить отрицательное отношение к болтуну: *Wise men are silent, fools talk. Empty vessels make the most sound (They have the least wit, and the greatest babblers [WDP])*; 4) использовать молчание как средство, позволяющее не допускать конфликтов в общении, поскольку слово может быть орудием: *An ox is taken by the horns, and a man by the tongue (An ox is bound by the horn, a man by his word [WDP]). A word is spoken is past recalling (Words are like arrows, which are easily shot out, but hardly got in again [WDP])*; 5) дать положительную оценку человеку, способному промолчать, т.к. это свидетельствует об уме говорящего: *A still tongue makes a wise head. No wisdom like silence. Talking comes by nature, silence by understanding*; 6) избегать споров и категоричных заявлений, проявлять эмоциональную сдержанность, уметь держать язык за зубами: *Hold one's tongue. Keep a lock upon one's lips. Give every man thy ear, but few words thy voice*; 7) промолчать в целях соблюдения принципов вежливости, невмешательства и дистанцированности: *The tongue is not steel, yet it cuts. Silence seldom hurts (Silence may do good, but can do little harm [WDP]); Silence gives consent (who is silent is held to consent [WDPF]). Speech is silver but silence is gold/golden*.

Выделение нами такой ценностной ориентации, как сохранение дистанцированности, обосновано, прежде всего, словарным толкованием к последней пословице: *An old proverb, said to be of oriental origin, pointing to the advantage of keeping one's own counsel [WDPF]*. Данное утверждение следует понимать как умение показать независимость своих суждений, в то же время не навязывать их кому-либо, т.е. стремлением дистанцироваться от собеседника. По мнению исследователей, дистанцированность основана на сильно развитом ощущении неприкосновенности частной собственности и необходимости защиты независимости индивидуума как неперемного условия его развития и лежит в основе базовых ценностных ориентаций британцев и американцев – в отношении к пространству и времени, личности и власти [8, 6-15]. Данный принцип соотносится с ключевым для

англоязычной культуры понятием *privacy*. Представляется, что смысл другой пословицы: *Silence gives consent* также связан с принципом невмешательства. «Иностранец, привыкший считать, что «молчание – знак согласия», часто ошибочно полагает, что убедил англичанина в своей правоте. Умение терпеливо выслушивать собеседника, не возражая ему, вовсе не значит в Британии разделять его мнение» [10]. Будучи индивидуалистами, американцы также предпочитают придерживаться принципа невмешательства, выражающегося в тенденции к дистанцированности. Сдержанность и взвешенную умеренность, характерную для американцев, специалисты объясняют рациональным складом ума.

Рассматривая паремии в поведенческом аспекте, можно заметить, что перечисленные выше пословицы и поговорки о молчании служат своего рода ориентиром для членов английского сообщества и продиктованы чувством меры и здравым смыслом. Следовательно, в большинстве коммуникативных ситуаций представителями англо-американской лингвокультуры проявляются следующие доминантные черты, связанные с молчанием: вежливость, эмоциональная сдержанность и некатегоричность общения. Таким образом, описание архетипических представлений, воплощенных в знаке «молчание», а именно рассмотрение пословиц и поговорок в качестве поведенческих стереотипов позволяет увидеть, как невербальное поведение коммуниканта вписывается в поведенческие модели, характерные для англоязычной лингвокультуры.

Список литературы

1. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М., 1999. – 84 с.
2. *Иванова С.В.* Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учебное пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
3. *Иванова С.В.* Культурный знак и культурный смысл в лингвокультурологических исследованиях // Единицы языка в когнитивно-семиотическом и лингво-культурологическом аспектах: Сборник научных статей. Ч.1 / отв. ред. Р.З. Мурясов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009 а.– С. 108-121.
4. *Иванова С.В.* Актуальные проблемы лингвокультурологических исследований // Система языка: синхрония и диахрония: Межвузовский сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009 б. – 306 с.
5. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
6. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
7. *Кузьменкова Ю.Б.* От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: ГУ ВШЭ, 2005.-316с.
8. *Кузьменкова Ю.Б.* Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. – 48 с.
9. *Культурология / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана.* – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.
10. *Овчинников В.В.* Корни дуба. М.: Изд-во «Мысль», 1980. – 304 с.
11. *Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
12. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 288 с.
13. *Четверакова Ж. В.* Ценностные ориентации, укорененные в культурных архетипах // Эл. науч. издание «Аналитика культурологии», 2007. Режим доступа: <http://www.analiculturolog.ru>
14. *Charteris-Black J.* Still Waters Run Deep – Proverbs about Speech and Silence: A Cross-Linguistic Perspective – In: De Proverbio: An Electronic Journal of International Proverb Studies. T. Flonta, ed. Vol. 1, No 2, 1995. <http://slovari.gramota.ru/portal>
- WDP – The Wordsworth Dictionary of Proverbs, by G.L. Apperson, Wordsworth Editions Limited, 2006 – 656 p.*
- WDPF – The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable, based o the original book by E.C. Brewer, Wordsworth Editions Limited, 2006 – 1180 p.*

10.02.20

Д.Ф. Сагандыкова

Снежинский физико-технический институт –
филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (СФТИ НИЯУ МИФИ),
Кафедра философии и лингвистики,
Снежинск, dilyok_19.08@mail.ru

КОННОТАЦИЯ И ЕЕ МИКРОКОМПОНЕНТЫ

В статье, посвященной проблеме коннотации, даются определение термина «коннотация», описание структурных компонентов коннотации и определение ее места в семантической структуре языковой единицы. Несмотря на большое количество работ по данной теме эти вопросы до сих пор остаются до конца нерешенными. На примере фразеологизмов мы можем проследить и увидеть структуру коннотации.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, коннотация, структура значения слова, структура значения фразеологизма.*

Подробный анализ сущности и структуры коннотации рассматривается учеными на современном этапе развития лингвистики как одна из актуальных задач сопоставительного языкознания. Исследование коннотации ведется на базе лексического и фразеологического материала. Коннотация влияет на раскрытие семантики фразеологизма, на классификацию единиц в целом. Исследование коннотации продолжает оставаться актуальным направлением современной лингвистической науки. Коннотация лежит в основе описания проблемы, связанной с фразеологической коннотацией. Многие лингвистические исследования по проблеме коннотации внесли изменения в понимание природы фразеологической коннотации.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса была изучена литература по проблеме исследования. Сфера таких исследований весьма разнообразна и получила освещение в ряде научных направлений. В.А. Булдаков описывает коннотацию как единство частей, где главной частью является стилистический компонент [1]. Ю.П. Солодуб трактует коннотацию как «многоуровневую синтезирующую суперструктуру», где самым главным компонентом может быть экспрессивность, эмотивность или оценочность [4]. А.В. Филиппов считает, что коннотация – это значение, которое входит в состав семантики языковой единицы; это значение, по мнению А.В. Филиппова, является неденотативным и неграмматическим [5]. По мнению М.С. Ретунской, коннотация – «область семантики слова», которая дополняет денотативное и категориально-грамматическое содержание и придает экспрессию [3]. Анализ исследований по проблеме позволил принять в качестве рабочего определения следующее:

Коннотация – макрокомпонент лексического и фразеологического значения, включающий в себя образность, оценочность и экспрессивно-эмоциональный микрокомпоненты. Микрокомпоненты «образность», «оценочность», экспрессивно-эмоциональный образуют некий треугольник. Микрокомпонент «образность» относительно других микрокомпонентов коннотации является доминирующим, он находится в основании треугольника и является базисом для надстроечных микрокомпонентов оценочности и экспрессивно-эмоционального, благодаря оценочности и эмоциональности в речи создается образность какого-либо предмета.

Исследованию фразеологических единиц на сегодняшний день уделяется серьезное внимание. В процессе исследования ученые ставят перед собой различные задачи и цели,

среди которых можно выделить такие, как пополнить свою речь новыми фразеологическими выражениями и правильно их употреблять, объяснить их употребление и толкование.

Немецкий фразеологизм (*hungrig*) *wie ein Bär* соответствует русскому частичному эквиваленту (голодный) *как волк (собака)* (букв. (голодный) *как медведь*). Слово-сопроводитель *hungrig* / голодный ассоциируется с состоянием здоровья, жизнеспособностью организма, который испытывает сильную тягу к чему-то.

«Bin ich hungrig wie ein Bär! / Я голоден как волк».

Фразеологизм (голодный) *как волк (собака)* / (*hungrig*) *wie ein Bär* выражает страстные эмоции, которые не подвластны нашему разуму. Эти эмоции невозможно контролировать. Фразеологизму присуща негативная оценочность, которая ярко выражена таким компонентом, как голодный / *hungrig*. Благодаря компоненту голодный / *hungrig* возникает экспрессивность, которая отображает полную характеристику фразеологизма, а также адресуется реальному человеку, которому присуще данное описание. В структуре фразеологизма на передний план выдвигается компонент волк / *Bär*, который является центром коннотативности и экспрессивности. Компонент голодный / *hungrig* соединяется с компонентом волк / *Bär*, создавая при этом определенный художественный образ сильной страсти, агрессии. Русский и немецкий фразеологизмы одинаковы по смыслу, но отличаются по компоненту волк / *Bär*. Волк – животное ненасытное, злое, очень свирепое, которое несет окружающим много зла. Волк символизирует и ассоциируется со страхом, с врагом, опасностью, коварством, жестокостью. Компонент «*Bär*» / букв. «Медведь» – это сильное, могучее, ловкое животное. Медведь, как и волк, может быстро и долго бежать. Медведь – очень умное огромное животное. Зимой он находится в спячке в своей берлоге. «Медведь считался прародителем человеческого рода, символом неба и центра Вселенной». Произносить имя медведя было запрещено, т.к. это влияло на ход охоты [2].

«Особенно живучим оказалось представление о медведе как о духе растительности. В Саксонии существовало поверье, согласно которому хлебная макушка рождает сына-медведя, который сидит в последнем снопе. В Нижней Австрии хлебного медведя несли домой по окончании жатвы. По всей Германии еще в начале XIX века были распространены представления о Ржаном Медведе, Соломенном Медведе, Овсяном Медведе и др. Обряды, связанные с представлением о медведе как хлебном духе, отчетливо проявляются в описании римского карнавала, когда по городу водили медведя и по завершении праздника его убивали. В Люнебурге на рождество пекли хлеба в виде медведя, которые дарили с пожеланием успеха в новом году» [2]. Медведь ассоциируется с хлебом. Хлеб – продукт пищевой, без которого человек не сможет прожить и дня. В связи с этим, на наш взгляд, в немецком языке и появился фразеологизм (голодный) «как медведь». То есть, если нет хлеба, то у человека нет чувства сытости, он голодный. Возникает потребность в еде, чувство голода. Отсюда и название фразеологизма (*hungrig*) *wie ein Bär*.

Немецкий фразеологизм (*böse*) *wie ein Wolf* приравнен к фразеологизму в русском языке (злой) *как собака* (букв. (злой) *как волк*). Слово-сопроводитель *böse* указывает на негативную оценочность и связанность предметно-логического и коннотативного макрокомпонентов семантики, подчеркивая ведущую роль коннотативного компонента. Быть злым, значит быть вредным, злобным, обладать чувством вражды, недоброжелательности. Компонент злой / *böse* указывает на эмоции, проникнутые злобой, злорадством, жестокостью, а также ярко выделяет экспрессивную негативную окраску значения. Фразеологизм (злой) *как собака* / (*böse*) *wie ein Wolf* употребляется в адрес, человека жестокого, свирепого, злого, очень недовольного. Коннотативная насыщенность фразеологизма (злой) *как собака* / (*böse*) *wie ein Wolf* сосредоточена в компоненте собака / *Wolf* (букв. «*волк*»), благодаря которому русский и немецкий фразеологизмы отличаются друг от друга, но похожи по смыслу. Волк – это хищное, дикое, родственное собаке животное. Этот зверь приносит окружающим много зла и страха. Волк символизируется с жестокостью, свирепостью, ненасытностью. Компонент волк / *Wolf* подчеркивает более четко и ярко экспрессивную негативную окрашенность фразеологизма. Собака – преданное и

верное животное. Однако, несмотря на собачью привязанность и покорность, собаке свойственно такая черта, как злоба, свирепость. В подсознании у человека заложен непреодолимый и неустрашимый страх перед такими животными, как собака. Компоненты «собака» и «волк» связаны с жестокостью, ненавистью, злобой, агрессивностью, недружелюбием, грубостью. Ассоциации с этими животными нередко негативные. Все компоненты фразеологизма (злой) *как собака / (böse) wie ein Wolf* подчеркивают очень сильную степень проявления вреда, жестокости, которые направлены на окружающих.

Благодаря ФЕ и их образности, эмоциональности, экспрессивности, яркости создается языковая картина мира. Изучая основные трактовки коннотации, мы сформулировали определение, в котором коннотацию понимаем как макрокомпонент лексического и фразеологического значения. Она является составляющей, основной частью значения как лексем, так и фразеологизмов. По своей природе и структуре коннотация неоднозначна. На сегодняшний день ученые активно занимаются ее исследованием, выделяя типы и виды коннотации, описывая ее структуру. Выделенные нами микрокомпоненты коннотации представляют собой одно целое, совокупность, некое единство, которые в свою очередь закономерно расположены и связаны между собой в единую структуру коннотации. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов двух языков играет огромную роль в описании проблемы коннотации. На примере фразеологизмов мы можем проследить и увидеть структуру коннотации. Называя фразеологическую единицу, носитель языка создает некое изображение, продуцирует эмоции, начинает оценивать, давать характеристики, описывать какое-либо явление, ярко показывать свои чувства, настроение, мысли. Всё это достигается путем совокупности всех вместе взятых микрокомпонентов коннотации.

Список литературы

1. Булдаков В.А. Стилистически сниженная фразеология и методы ее идентификации (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Калинин, 1982. – 16 с.
2. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / Маковский М.М. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.)
3. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика: монография. – Нижний Новгород, 1996. – 272 с.
4. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык (лексика и фразеология). – М., 2002. – 264 с.
5. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания, 1978. – № 1. – с 57-63.

10.02.01

М.А. Солод

ФГБОУ ВПО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга»,
кафедра европейских языков,
г. Петропавловск-Камчатский, malik1981@yandex.ru

ГЛАГОЛ *ШАРКАТЬ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ (СЕВЕРНОРУССКИХ И ЮЖНОРУССКИХ)

Статья посвящена сопоставительному анализу глагола шаркать принадлежащего к семантической группе глаголов движения в современном русском литературном языке и русских народных говорах. Используя данный метод, мы сравнили материал на основе данных словаря литературного языка под ред. А. П. Евгеньевой «Словарь русского языка» (МАС) с диалектным материалом.

Ключевые слова: *глаголы движения, лексико-семантическая группа, семантическая структура, сопоставительный анализ, диалекты.*

В данной статье мы предлагаем результат сравнительного и сопоставительного анализов семантической структуры глагола *шаркать*, проведенных на основе материалов диалектных словарей, представляющих особенности севернорусских и южнорусских говоров (архангельских, камчатских, пермских и рязанских). Функционируя в современном русском литературном языке (ЛЯ) и в говорах, указанный глагол представляет интерес для исследования, так как обладает уникальными лексическими значениями и в диалектной речи русского народа, и многообразием употребления в ЛЯ.

Согласно Ибрагимовой В.Л., лексико-семантические группы обладают сложной полевой структурой. В них отчетливо выделяются ядерные и периферийные зоны. Ядерная семема лексико-семантической группы является общим идентификатором всех элементов. При описании лексико-семантических групп важно иметь в виду, что нередко ядерная семема не получает формального выражения на словарном уровне. Периферийные члены лексико-семантической группы служат ее дифференциации. [3; с. 25] Ибрагимова В.Л. придерживается градации в отношении ЛСГ глаголов движения. Основываясь на предложенном ею делении глаголов движения по группам, мы пришли к выводу, что глагол *шаркать* относится к группе глаголов, обозначающих *самостоятельное перемещение*, однако является ее периферийным компонентом. Глаголы данной группы, по Ибрагимовой В.Л., обозначают самостоятельное активное перемещение живых существ без помощи транспортного или какого-либо иного вспомогательного средства передвижения. [3; с. 50]

Наше внимание привлекла статья «Метафора движения и оценка» Надеиной Л.В., в которой автор утверждает, что значение движения является интересным предметом исследования не только как результат, но и как исходный пункт семантического развития, поскольку дает возможность по-новому взглянуть на понятие движения. [6; с. 116]. При исследовании глагольной лексики, в исходном номинативном значении представляющей движение, важно не только исследовать связь глаголов движения с оценкой, но и представить круг сочетаемости с оценочными смыслами, выявить то, какие дополнительные оценочные смыслы они отражают. [6; с. 117]. Данное утверждение, а также предыдущие суждения послужили весомым мотивом для нашего исследования. Цель его – установление количественного соотношения значений глагола *шаркать* в литературном языке (ЛЯ) и в говорах, установление типов различий, имеющих место в результате функционирования глагола в разных языковых системах (ЛЯ и диалектного языков).

Анализ глагола *шаркать* в диалектах не случаен, он обусловлен повышенным интересом к диалектам, а значит и к истокам русского языка. Материалом для исследования послужили данные следующих словарей: «Словарь русского языка» (МАС) под ред. Евгеньевой А.П., «Архангельский областной словарь» (АОС) под ред. Гецово́й О.Г., «Словарь пермских говоров» (СПГ) под ред. Борисовой А.Н., Прокошевой К.Н., «Словарь современного русского народного говора» (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) под ред. Оссо́вецкого И.А., а также монография Ильинской Н.Г. и Каргиной А.П. «Общерусский глагол в говорах камчадалов».

Обратимся к первому из указанных источников (МАС), в котором глагол *шаркать* представлен с 4-мя значениями: 1. *Несов. к шаркнуть* (во 2, 3 и 4 знач.: 2. (*несов. шаркать*) *перех.* Неожиданно, с силой ударить. || (*несов. нет*). Выстрелить. 3. (*несов. шаркать*) *перех. и без доп.* С силой бросить, швырнуть, выплеснуть. 4. (*несов. шаркать*). Неожиданно и стремительно броситься, побежать куда-л. 2. *чем и без доп.* Двигать, водить с шумом, шорохом по чему-л. || Тесно соприкасаясь при движении по чему-л., производить шорох, шум. 3. Ходить, не поднимая ног, волоча ноги. 4. Приставлять одну ногу к другой, ударяя слегка каблук о каблук (при поклоне, приветствии и т. п. у мужчин). [8].

Рассмотрим семантическую структуру глагола *шаркать* в диалектных словарях, представляющих особенности севернорусских и южнорусских говоров.

Использованные нами материалы, выбранные из Картотеки архангельского областного словаря МГУ им. М.В. Ломоносова (АОС), позволяют представить семантическую структуру глагола *шаркать* в архангельских говорах следующим образом: 1. Ходить. *Тако́ј нап'и́лс'а п'яно́ј, одва́ ша́ркат.* ЛЕШ. Вжг. *Ja уч'у́ла, што ша́ркајут, ду́мала, цыга́н'е пр'ишл'и.* МЕЗ. Цлг. // Бродить, переходить с места на место. *Так во́т ја́ туда́ и ша́ркају, бро́жу.* КОН. Клм. *Ша́ркајут – бро́д'ат по ч'ужы́м огоро́дам (о детях).* КАРГ. Лки. *Иш хо́д'ят ша́ркајут.* КАРГ. Лкш. // Ходить, с трудом предвигая ноги. *Ногáми ша́ркајэ́т.* ОНЕЖ. ББ. // О животных. *Проп'итки нал'ју́, никаки́е мы́шы не ша́ркајут.* ЛЕШ. Плм. *Пету́х ша́ркат-то у нас.* КРАСН. ВУ. *То́жо тако́ј шо́ркало, ша́ркат из дере́вни в дере́вн'у.* ЛЕШ. Ол. 2. Испытывать болевые ощущения, болеть. *Та́к ша́ркало под груд'áми, дру́гих прин'ала́ ка́пел'.* ПИН. Квр. *Нын'э ид'о́ш дак нигд'э н'э ша́ркат, н'э ста́ло ны́н'э р'анкоф.* КРАСН. ВУ. // Испытывать чувство усталости. *Д'н'о́м ц'о ш набро́дишс'а, ша́ркају, а тут коро́ва при́д'о́т.* ЛЕШ. Смл. 3. Воровать, грабить. *Јес'т' хул'и́ганы в го́роде – ша́ркајут л'уд'е́ј.* МЕЗ. Свп. 4. Издавать запах. *Ша́ркајет, врóд'е мо́локом поша́рк'ивајет.* ЛЕШ. Слм. 5. Стучать. *Ja хоте́ла их завопе́т', ша́ркају, ша́ркају в две́р'.* МЕЗ. Млг. // Тесно соприкасаясь при движении по чему-л., производить шорох, шум. *Он – пихáјет, што́бы но́с в бе́рек не ша́ркал.* МЕЗ. Свп. // Стучать с целью уничтожения (о мухах). *Ты ша́ркај по потоло́ку-то.* МЕЗ. Длг. *Воз'му́т ла́пот' да и ша́ркајут.* КОН. Клм. 6. Издавать звук, греметь. *Ша́рц'и́т, э́вак л'ага́т, камешо́ц'коф поло́жым, он'и ша́ркај'ут.* МЕЗ. Длг. *Вот и ша́ркајут ка́мешки ф коро́нке.* ЛЕШ. Кнс. // В процессе игры. *Ша́ркат' – бр'áкат', игра́т' ша́ра́м'и, м'ач'а́м'и.* КАРГ. Лкш. // О процессе пиления. *Э́то дров'áнка пи́ла, на кон'ц'е ц'елове́к да на дру́гом, во́т ы ша́ркајут.* КОН. Клм. 7. Толкать. *Бо́том ша́ркајут, што́п они к ру́ка́м не шли, а к ма́тице.* МЕЗ. Ен. 8. Шевелить, двигать. *Губáми-то ша́ркајет, в'ерт'и́т губáми-то.* КРАСН. БН. // Шевелить. *Б'ер'о́ск'и ша́ркајут л'исто́ц'к'и.* Крас'и́во. КРАСН. БН. 9. Шепелявить (о дефекте речи). *Бы́ло две́ сестры́, одна́ говори́ла шэвы́р'ала, ша́ркала так, ша́барка́ла.* КАРГ. Ош. 10. Чистить. *Нат' вот натра́т' кирпи́ч'у́ и вот ка́жну ло́жэч'ку, гу́нку, кирпи́ч' омокн'о́ш вот и ша́ркајеш.* КАРГ. Лкш. *Др'есво́ј посы́пл'у́ и в'е́н'иком ша́ркају.* КАРГ. Асх. [1].

Авторы «Словаря пермских говоров» утверждают, что современные пермские говоры представляют собой тесно взаимосвязанные языковые элементы севернорусских говоров. Диалектные системы пермской территории как синтез диалектных элементов различных севернорусских говоров (с незначительным добавлением среднерусских черт) постепенно кангломерировались и саморазвивались в сравнительно позднее время, не утратив, а

напротив, устойчиво сохранив высоко архаические черты, богатую и разнообразную лексику, большое количество этнографизмов, самобытную фразеологию. [7; с.3].

Камчатские говоры, согласно утверждениям Н.Г. Ильинской и А.П. Каргиной, представляют собой уникальное языковое явление, поскольку они сохранили специфические только для них диалектные особенности. [5; с. 4] Будучи мало изученными, камчатские говоры, бесспорно, представляют собой ценнейший материал, достойный внимания диалектологов. Так, например, глагол *шаркать* имеет в камчатских говорах все те же значения, что и глагол *шоркать* со стилистической пометой «Прост», также авторы предлагают 2 собственно-диалектных значения.

Глагол шоркать имеет в ЛЯ следующее значение: «Прост. То же, что *шаркать* (во 2 знач. «чем и без доп. Двигать, водить с шумом, шорохом по чему-л. // Тесно соприкасаясь при движении по чему-л., производить шорох, шум» [270, т.4, с. 702, 726]. В говорах глагол зафиксирован в указанном значении: *Шоркала песком полы. Пола не было, были доски, они шоркали, веник, паримся и останеца галик, и вот этим галиком шоркали. Млк. // Он ходил так вот, идет и шоркают, дэда дразнил, вот теперь сам вот ходиш так. <О соревнованиях на лыжах> Уже к весне, снэк прилипает, йа шоркаю, потом выжымание было, кто больше выжымает. Шоркать можно ногами, идет, ногами шоркает, ногами задевает за землю. Млк.* Глагол шоркать имеет в говорах и собственно диалектные значения: 1. Удаляя грязь, делать чистым, очищать. *Кончилась рыбалка, отрыбал, бат ополоснул тем же вислом, нальют воду, вислом шоркают и смесь, и крофь, весь этот мусор. Шоркали, чистили, скоблили чайники, сковородки, то есть отскоблить, оттереть от копоти. Они задымлеца <кастрюли>, осока – трава такая, мяфкайа, она шоркает посуду. Млк.* 2. Мыть с мылом или другим моющим средством (одежду, белье), стирать. *Шоркать – стирать, шоркали одежду на доске, начнут шоркать по доске, а потом на речке полоскать. Дерево выкопайут и из него корыто, вот так начнут шоркать, потом на речку стаскают. Млк.* [5; с. 29].

Л.Н. Булатова, Л.Л. Касаткин, Т.Ю. Строганова о «Словаре современного русского народного говора» (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) пишут следующее: «Как и большинство диалектных словарей, он дифференциальный. Это значит, что в него включены только те слова, которыми говор отличается от литературного языка, и не приводятся слова, имеющиеся в литературном языке. Диалектные слова могут иметь больше значений, чем в литературном языке. [2; с. 53].

Таблица 1

Севернорусские говоры			Южнорусские говоры
<i>Архангельские</i> «Архангельский областной словарь»	<i>Пермские</i> «Словарь пермских говоров»	<i>Камчатские</i> «Общерусский глагол в говорах камчадалов»	<i>Рязанские</i> «Словарь современного русского народного говора» (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)
1. Ходить. <i>Такóй нап'йлс'а п'janój, одва шаркат. ЛЕШ. Вжг. Яа уч'ула, што шаркают, думала, цыган'е пр'ишл'и. МЕЗ. Цлг. // Бродить, переходить с места на место. Так вóт já тудá и шаркаю, брожу. КОН. Клм.</i>	1. Пить. <i>Мужики-то как начнут шаркать, так и не жди, чтобы по хозяйству</i>	«Прост. То же, что <i>шаркать</i> (во 2 знач. «чем и без доп. Двигать, водить с шумом, шорохом по чему-л. // Тесно соприкасаясь при	1. Бродить, переходить с места на место с целью найти, достать что-л. <i>Вá'н'к'ъ с'о нь лууáх шаркал, а</i>

<i>Шаркајут – брѡд'ат по ч'ужым огорѡдам (о детях). КАРГ. Лкш. Ии хѡд'ят шаркајут. КАРГ. Лкш. // Ходить, с трудом предвигая ноги. Нѡгáми шаркáјет. ОНЕЖ. ББ. // О животных. Пропíтки нал'ју, никакіје мýшы не шаркајут. ЛЕШ. Плм. Петýх шаркат-то у нас. КРАСН. ВУ. Тѡжо такѡј шѡркало, шаркат из дерéвни в дерéвн'у. ЛЕШ. Ол.</i> 2. Испытывать болевые ощущения, болеть. <i>Тáк шаркало под груд'ами, дрýгих прин'алá капел'. ПИН. Квр. Нýн'э ид'ѡш дак нигд'э н'э шаркат, н'э стáло нýн'э р'анкоф. КРАСН. ВУ. // Испытывать чувство усталости. Д'н'ѡм ц'ѡ ш набрѡдиш'а, шаркају, а тут корѡва прид'ѡт. ЛЕШ. Смл.</i> 3. Воровать, грабить. <i>Јес'т' хул'игáны в гѡроде – шаркајут л'уд'эј. МЕЗ. Свп.</i> 4. Издавать запах. <i>Шáркајет, врѡд'е молоко́м пошáрк'ивáјет. ЛЕШ. Слм.</i> 5. Стучать. <i>Ја хотéла их завѡпéт', шаркају, шаркају в двѣр'. МЕЗ. Млг. // Тесно соприкасаясь при движении по чему-л., производить шорох, шум. Он – пихáјет, штѡбы нѡс в бѣрек не шаркал. МЕЗ. Свп. // Стучать с целью уничтожения (о мухах). Ты шаркај по потолкú-то. МЕЗ. Длг. Воз'мýт лáпот' да и шаркајут. КОН. Клм.</i> 6. Издавать звук, греметь. <i>Шарц'ит, э́вак л'агáт, камешѡц'коф полѡжым, он'и шаркај'ут. МЕЗ. Длг. Вот и шаркајут кáмешки ф коронкé. ЛЕШ. Кнс. // В процессе игры. Шаркат' – бр'áкат', игрáт' шарáм'и, м'ач'áм'и. КАРГ. Лкш. // О процессе пиления. Э́то дрѡв'áнка пилá, на кон'ц'э ц'елѡвѣк да на дрýгѡм, вѡт ы шаркајут. КОН. Клм.</i> 7. Толкать. <i>Бѡтом шаркајут,</i>	<i>что сробили. Илаб. Сол.</i> 2. Блестеть, сверкать. <i>Детлѣвником называется, растѣт-то где ничѣ не посеяно. Цветки-то шаркают, как снег, биленькие цветочки-то. Кузнецова. Сол. [7; с. 543-544].</i>	движении по чему-л., производить шорох, шум» [270, т.4, с. 702, 726]. В говорах глагол зафиксирован в указанном значении: <i>Шѡркала пескѡм полý. Пѡла нѣ было, бýли дѡски, онý шѡркали, вѣник, пáримся и остáнеца гали́к, и вот э́тим галикѡм шѡркали. Млк. // Он ходíл так вот, идѣт и шѡрка́јет, дѣда дразнíл, вот тепѣрь сам вот ходиш так. <О соревнованиях на лыжах> Ужэ к веснѣ, снѣк прилипáјет, йа шѡрка́йу, потѡм выжымáнийе бýло, кто бѡльшэ выжымáјет. Шѡрка́ть мѡжно ногáми, идѣт, ногáми шѡркает, ногáми заде́вáет за зѣмлю. Млк.</i> Глагол шоркать имеет в говорах и собственно диалектные значения: 1. Удаляя грязь, делать чистым, очищать. <i>Кѡнчилась рыбáлка, отрыбáчил, бат ополоснýл тем жэ вислѡм, нальйýт вѡду, вислѡм шѡрка́йут и смесь, и крофь, весь э́тот мýсор. Шѡрка́ли, чýстили, скобл́или чýйники, сковорѡтки, то йесть отшѡбл́ить, оттерѣть от кѡпоть. Онý задымл́еца <кастрюли>, осѡ́ка –</i>	<i>д'ѣт-тѣ атступ'йлс'ъ...ба йи́цъ, с'ѡ мáль йамý, быкá хѡ́цъ пус'т'йт [о сене]. Пъстанѡв'ут'ф п'еч', тáх-тѣ пр'иуатѡв'ут', а сáм'и пѣ д'ир'авн'áм шаркат'[о цыганах]. [9; с. 603].</i>
--	--	---	--

<i>штоп они к рука́м не шли, а к ма́тице.</i> МЕЗ. Ен. 8. Шевелить, двигать. <i>Губа́ми-то ша́рка́ет, в'ерти́т губа́ми-то.</i> КРАСН. БН. // Шелестеть. <i>Б'ер'о́ск'и ша́рка́ют л'исто́ц'к'и.</i> Крас'и́во. КРАСН. БН. 9. Шепелявить (о дефекте речи). <i>Бы́ло две́ сестры́, одна́ говори́ла шэвыр'а́ла, ша́рка́ла так, шабарка́ла.</i> КАРГ. Ош. 10. Чистить. <i>Нат' вот натра́т' кирпи́ч'у и вот ка́жну ло́жэч'ку, гу́пку, кирпи́ч' омо́кн'о́ш вот и ша́рка́еш.</i> КАРГ. Лкш. <i>Др'есво́й посы́пл'у и в'е́н'иком ша́рка́ю.</i> КАРГ. Асх. [1]		<i>трава́ така́йя, мя́фка́йя, она́ шо́рка́ет посу́ду.</i> Млк. 2. Мыть с мылом или другим моющим средством (одежду, белье), стирать. <i>Шо́рка́ть – сти́ра́ть, шо́рка́ли оде́жду на доске́, начну́т шо́рка́ть по доске́, а пото́м на ре́чьке поло́ска́ть. Де́рево вь́копайут и из нево́ коры́то, вот так начьну́т шо́рка́ть, пото́м на ре́чьку стаска́ить.</i> Млк. [5; с.29]
---	--	---

В результате проведенного нами исследования мы пришли к выводу, что глагол *шаркать* имеет более сложную семантическую структуру в говорах, нежели в ЛЯ. Так, АОС предлагает 10 значений данного глагола, 7 из которых, включая оттенок значения №1, – собственно-диалектные. Анализ лексикографических изданий подтвердил уникальность использования глагола *шаркать* в диалектных системах. Из *Таблицы 1* видно, что:

1. «Словарь пермских говоров» предлагает 2 значения, которые являются собственно-диалектными, так как не имеют аналогов в ЛЯ.
2. Несмотря на территориальную удаленность диалектов, мы можем говорить о том, что значение №10 в АОС совпадает со значением №1 в камчатских говорах. Кроме того, значение №6 АОС совпадает с дефиницией глагола *шаркать* в камчатских говорах, хотя в последних она имеет при себе стилистическую помету «Прост.» (это не является удивительным, т.к. севернорусская основа диалектного языка камчадалов на сегодняшний день не вызывает никаких сомнений и подтверждена материалом многих лингвистических исследований диалектологов Камчатского края).
3. Значение №2 в камчатских говорах – собственно-диалектное.
4. Исследованный нами материал позволяет говорить, что в диалектных системах значения, свойственные глаголу *шаркать* в ЛЯ, не являются основными, определяя его к группе глаголов движения. Он обладает способностью «закрывать» семантическое пространство глаголов других групп: ощущения, чувств, действия, обоняния, звучания, говорения.
5. Вопреки территориальной противопоставленности (севернорусские, южнорусские говоры), оттенок значения №1 АОС и значение №1 «Словаря современного русского народного говора» (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) совпадают.
6. Согласно Ильинской Н.Г., сопоставление семантического объема общерусского слова в ЛЯ и диалекте позволяет выделить три типа слов. 1 тип: общерусское слово имеет в говорах больше значений, чем в ЛЯ. 2. Общерусское слово имеет в говорах и в ЛЯ одинаковое количество значение. 3. общерусское слово имеет в говорах меньше значений, чем в ЛЯ. [4; с. 43]. Глагол *шаркать*, несомненно, относится к первому из предложенных типов, обладая уникальной семантической структурой в русских народных говорах. Каждый глагол – это история нашего языка, история от общности до различий, продиктованных не только экстралингвистическими факторами, но и территориальными особенностями.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь (материалы Картотеки архангельского областного словаря МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва.
2. Булатова Л.Н. и др. О русских народных говорах. Пособие для учителей. М., «Просвещение», 1975. – 88 с.
3. Ибрагимова В.Л. Семантика русского глагола (лексика движения): Учебное пособие. / Башк.ун-т. – Уфа, 1988. – 80 с.
4. Ильинская Н.Г. Общерусское слово в лексикологическом аспекте. Изд-во Камчатского государственного педагогического университета, 2001. – 304 с.
5. Ильинская Н.Г., Каргина А.П. Общерусский глагол в говорах камчадалов: монография. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2010. – 350 с.
6. Надеина Л.В. Метафора движения и оценка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (8). ISSN 1997-2911. www.gramota.net
7. Словарь пермских говоров. Выпуск 2 (О-Я) под ред. Борисовой А.Н., Прокошевой К.Н., Пермь: Изд-во «Книжный мир», 2001. – 576 с.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С — Я. — 1999 — 800 с.
9. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссоветацкого. М.: Наука, 1969. 612 с.

10.02.20

Ф.Н. Ульбашева, Л.Х. Хараева д.ф.н.

ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»,
кафедра романских языков,
Нальчик, fazilia@rambler.ru, larisa_charaeva@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ «РАЦИОНАЛЬНОЕ» - «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ» В РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается прагматическая вариативность понятий «рациональное» - «эмоциональное» на материале русского и карачаево-балкарского языков, а также роль метафоры в создании подобной инверсии.

Ключевые слова: *прагматическая вариативность, инверсия, коммуникация, языковая картина мира.*

Мы можем говорить о прагматической вариативности слова в зависимости от его употребления в различных ситуациях общения, исходя из социального, профессионального, территориального и других статусов участников общения. В данной работе мы предприняли попытку исследования прагматической вариативности понятия «рациональное» исходя из национального статуса коммуникантов. Понятие «рациональное», являясь средоточием интеллектуальной жизни человека и его памяти, в языковой картине мира определяет степень разумности и адекватности человека. Согласно Шмелеву, голова помогает человеку здраво рассуждать и принимать решения, но у человека также голова может пойти кругом, он на время может потерять способность здраво мыслить при каком-нибудь потрясавшем, волнующем его событии [Шмелёв, 2002: 34]. Минуты отчаяния и последующего шока ЯКМ (языковая картина мира) представляет как головокружение и помутнение в голове, спутанность мыслей либо потерю разума. Это не значит, что человек полностью потерял голову либо ум, но в ЯКМ – русской и карачаево-балкарской, данное состояние передаётся именно так.

В карачаево-балкарском языке для детерминирования состояния растерянности, спутанности мыслей используется выражение «*баши хайран болду*» - *голова его пухнет / иши, кьайгъысы д.а.к. баиша заты асыры кёп болгъандан, не этерге билмейди, баши ишлемейди* (досл. *голова в растерянности, то есть когда у человека много забот, он не знает что делать и голова не работает*) [Къарачай-малкъар 1996: 370]. Приведем пример из произведения М. Хучинаева, автора повести «Кюйсюз заман», где гнев, овладевая разумом, постепенно начинает влиять на физическое состояние героя, данный факт тесно перекликается с карачаево-балкарской пословицей – *ачыу болгъан жерде акъыл турмаз* (где присутствует гнев – оттуда уходит ум): <...> *иёндю, ачыудан баши хайран болгъан эки кёзю жукъ кёрмеген Батырны, кьайгъысы жуукъланы тамырлары кьозгъап кюреишген туююл эди* [Хучинаев М. Кюйсюз заман: 72]. – <...> *в тот момент Батыр, у которого голова шла кругом, был озабочен не поиском своих корней.*

В карачаево-балкарском языке, если по каким-либо причинам кружится голова, избегается признание факта страха. Возможно, это объясняется тем, что в данном обществе страх является глубоко негативной эмоцией, и признание страха считается неприличным. Предпосылкой того, что кружится голова, может быть боязнь высоты, как видно в следующем примере, но автор утверждает, что при этом мальчик, у которого закружилась голова, не испугался: *Жаишкыны баши тегерек айлана башлады* — *кьоркыган а этмеди* [Толгуров: 22]. – *У мальчика закружилась голова, но он не испугался.* Для демонстрации возмущения используется выражение «*кёзю-баши тегерек айланды*» - досл. «*глаза и голова закружились*». Состояние, при котором кружится не только голова, но и глаза, в

соответствии с карачаево-балкарской картиной мира, может быть следствием крайней степени возмущения, гнева, в данном примере, возмущение жены из-за бездействия мужа: *Аминат не айтыргъа билмей, эрини ызындан къарап къалды. Аны санлары ауур болдула, кёзю-баишы тёгерек айланганча кёрюндюле*. [Узденов: 178]. – *Аминат смотрела вслед мужу и не знала что ответить. Она почувствовала тяжесть в теле и головокружение* (досл. кружились глаза и голова).

Необходимо провести параллель с русским языком, где при репрезентации иррационального употребляется фраза «помутнение в глазах и голове»: *И опять у Юрия Андреевича стало мутиться в глазах и голове. Все поплыло перед ним* [Пастернак: 365].

Сравним с карачаево-балкарским языком, где у героя кружится голова, мутится в глазах: *Баишым тёгерек айланады, кёзлерим къарангы этедиле* [Балаев: 7]. – *Голова кружится, в глазах мутнеет. Экисин да юйге кийирип, Аминат арбаздан чыкъды. Сехлеге тыянды да, баишы тёгерек айлана, сагъышха кирди* [Узденов: 7]. – *Аминат завела обоих в дом и вышла со двора. Голова кружилась, опираясь на жерди, она задумалась*.

В русской языковой картине мира ум может помутиться, а в данных примерах – «ум застилается пеленой», «кружится голова» при крайней степени удивления, когда что-либо не укладывается в голове: <...> *но тут он почувствовал, что ум его застилается как бы пеленою, и он ничего не сумел произнести, кроме житейской и притом совершенно нелепой фразы: - Этого не может быть!* [Булгаков: 218]. У Максимилиана Андреевича *сразу закружилась голова, руки и ноги отнялись, он уронил чемодан и сел на стул* [Булгаков: 307]. При виде говорящего кота, возможно от неожиданности, у героя закружилась голова. Здесь также демонстрируется смена «рационального» «эмоциональным».

Мысли в карачаево-балкарской языковой картине мира путаются также в минуту отчаяния, не позволяя трезво мыслить: *Батырны сагъышлары, ары-бери булгъана, чулгъана кетип, атасын, кесин, саулай халкъын бу атылып, оюла жер бла тенг бола баргъан топуракъ хунала бла тенгледирди да, кёлю такъыр болду* [Хучиналаны М. Кюйсюз заман: 85]. – *Мысли Батыра путались, сравнивая его отца, его самого, весь его народ с земляными обваливающимися стенами, на душе у него стало тяжело. Сагъышла кёпдюле. Хунагъа жараишагъан таишлага, бир бири юслерине къаланадыла. Жашны баишында уа бири да тынгылы жерин тапмайды* [Толгуров: 66]. – *Мыслей много. Они накладываются одна на другую словно не подходящие к кладке забора камни. Ни одна из них не находила места в голове парня. Не кюрешди эсе да, ол кече Харунну кёзюне жукъу кирмеди. Баишына кёп тюрлю сагъышла келип, арталлы да тынчлыкъ бермедиле* [Узденов: 86]. – *Сколько бы он ни старался, в ту ночь Харун не смог заснуть. Разные мысли приходили ему в голову, не давая покоя*.

В русском языке мысли также могут опьянять: «А, береги!» - *мелькнет в голове опьяняющая мысль* [Бунин: 15].

Также в карачаево-балкарской языковой картине мира в чрезвычайной ситуации, когда необходимо принять решение, происходит некая борьба между разумом и сердцем, где порой берёт верх сердце, а порой – разум:

Алай ол жюреги айтханны угъай, акъылы айтханны этип, <...> кесин къолгъа алды [Хучиналаны М. Кюн балалары: 95]. – *Однако он прислушался к голосу разума, а не сердца и взял себя в руки. Угъай, ол Акъылбайны бир сёзюне да ийнанмай эди, ийнаныргъа да суймей эди. Акъылы: «Асыры къатымы сёлешиген болурса?» - дей эсе, жюреги уа: «Ийнанма!» - дей эди* [Хучиналаны М. Кюн балалары: 95]. – *Однако он не верил, и не хотел верить ни единому слову Акылбая. Разум говорил ему: «Не слишком ли ты был груб?». Но сердце твердило: «Не верь ему!»*

В русском языке гармоничным является сочетание чувства и разума, они считаются неразрывно связанными: *Развернешь книгу и читаешь: "Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного"...* [Бунин: 17]. *Сердце ныло, голову туманило... Где это слышал он эту песню?* [Бунин: 69]. *Сердце у нее разрывалось, голову ломило* [Пастернак: 495]. *Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в*

сердце! [Лермонтов: 129]. Соответственно, когда на ум приходят неприятные мысли, воспоминания о прошлом, сердце начинает «*ныть*», а «*голову туманить*». В русском языке, так же как и в карачаево-балкарском, при испуге, шоке разум, рассудок способны помутиться.

«Рациональное» «уступает место» «эмоциональному» в случае, когда разум не способен понять ситуацию, не способен что-либо предпринять, когда человеком овладевает какое-либо чувство, при котором «рациональное» на некоторое время отступает на второй план. При явлении прагматической вариативности огромную роль сыграла метафора (голова кружится, мысли путаются, мутятся, мозг не находит покоя, далеко витающие мысли, порванная нить сознания и другие).

Список литературы

1. *Булгаков М.А.* «Мастер и Маргарита». Собрание сочинений: В 8 томах. Т. 6: Мастер и Маргарита: Пьеса, роман /– М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 605 с.
2. *Бунин И.А.* Избранные произведения. / Послесловие О. Михайлова; Худож. А. Неровный, А. Музанов. – М.: Панорама, 1991. – 736 с.
3. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений в 4-х т. Т. 4 Проза; Письма / Комментар. И. Андроникова; Худож. Д. Шмилис. – М.: Худож. лит., 1984. – 527 с.
4. *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений [Текст]: в 11 т. Т. IV. Доктор Живаго, 1945-1955 / Борис Пастернак, М.: Слово/SLOVO, 2004. – 2004
5. *Шмелёв А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. - 224 с.
6. *Балаев О.А.* «Акъ Къаяны артында». Нальчик: Къабарты-Малкъар китаб басмасы, 1965. – 110 б.
7. *Къарачай-малкъар тилни ангылатма сезлюгю / 3-томлукъ / Россияны илмула академиясыны, Къабарты-малкъар илму арасыны илму-излем ин-ту; [ред. М. ж. Ж. Гузеланы].* Нальчик: Эль – Фа, 1996. А-Ж. 1016 с.
8. *Хучиналаны М.Ю.* «Кюн балалары», «Кюйсюз заман»: Повесть, роман. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 352 б.
9. *Толгуров З.Х.* «Къызгъыл кырдыкла». Нальчик: «Эльбрус» Китаб басма, 1974. – 242 б.
10. *Узденов А.Э.* «Насыпны сатып алмайдыла». Нальчик: «Эльбрус» китаб басма, 1974. – 240 б.

10.02.02

А.Я. Хусаинова

Институт языка литературы и искусств им. Г. Ибрагимова,
отделение лексикологии и диалектологии, Казань, Husainova_Alina@mail.ru

ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ МУЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)

В данной статье рассматривается система названий мучных изделий в татарских переселенческих говорах Оренбуржья в сравнительном освещении. Прослеживается их возникновение, лексико-грамматическое и семантическое развитие. Выявляется, с одной стороны, общность этих говоров с татарским литературным языком, отличительные моменты, особенно в семантическом плане – с другой.

Ключевые слова: *лексико-семантическая система, татарские говоры Оренбуржья, названия мучных изделий, семантическое переосмысление, ритуальные значения.*

Одним из интереснейших пластов лексики, относящейся к материальной культуре народа, является категория названий пищи. Исследуя данную лексико-тематическую группу, можно получить богатый материал об истории, традициях и развитии культуры носителей исследуемого языка. С этой целью проводились и научные исследования названий пищи в татарском языкознании. Так, лексика диалектов, связанная с пищей, частично отражена в обобщающих монографических трудах, в которых рассматривались лексико-тематические группы диалектной лексики татарского языка: [Рамазанова, 1976; 1978; 1984; 1991; 2001; 2010 и др.], [Махмутова 1979; 1982], [Баязитова 1982, 1986, 1992; 1993 и др.], [Садыкова 1982; 1985; 1994, 2003] и др. В монографии Т. Х. Хайрутдиновой [1993] изучались татарские названия пищи в сопоставлении с лексикой литературного языка, рассмотрены ареалы их распространения, фонетические варианты, этимологические экскурсы, затрагивался и генетический аспект. Проводимое нами исследование названий пищи татарских переселенческих говоров Оренбуржья является частью общей проблемы изучения лексического строя татарского языка, закономерностей семантического развития лексики в его диалектах. Говоры данного ареала были исследованы З. Р. Садыковой, которая осветила их лексические особенности в сопоставлении с другими говорами татарского языка. Характеристика лексики этих говоров, как самостоятельной лексико-семантической системы, осуществляется впервые.

Состав продуктов, употребляемых для приготовления пищи у носителей татарских говоров Оренбуржья определялся ярко выраженным зерновым характером. Зерновое направление сельского хозяйства обусловило решительное преобладание в их питании разного рода мучных изделий, на что указывают и их названия. Ниже рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего отметим слова, передающие обобщенное понятие «пища, пропитание». Так, в говорах Оренбуржья, наряду с литературными словами *азык*, *ашамлык*, данное понятие передается и собственно диалектными названиями: *тамақ* «еда, продукты». в каргалинском, также и в астраханском говорах, *ашамак* в том же значении, в шарлыкском также и в хвалынском говорах [3].

Весьма богато представлен в рассматриваемых говорах широкий ассортимент *мучных изделий*: *икмәк* «хлеб», *бөкәри* «пирог», *сабуса* «шаньга», *самбуса* «пирожок», *паитик* «пирог», *кыйгыча* «национальное мучное изделие: ромбовидный хворост», *лақша* «домашняя лапша», *ләвәши* «пирог с начинкой», *чокорча* «ватрушка из кислого теста, испеченная в печи», и др. Они готовились как из дрожжевого, так и из пресного теста. Тесто обычно

ставили на закваске, оставляемой от предыдущей выпечки. Для брожения теста в Оренбуржье распространено применение хмеля, позднее стали использовать и дрожжи.

Главное кушанье, подаваемое к каждой трапезе – это хлеб. В зависимости от того, из какой муки приготовлен хлеб – ржаной или пшеничной, различаются виды и названия хлеба. Семантическую группу со значением «хлеб» в говорах образуют *күмәч*, *ипи*, *икмәк*. Слово *икмәк* образовано от *ик-* «сеять»+ *-мәк*. В говорах также распространены его фонетические варианты *үпмәк/упмәк*, *итмәк*, *үтми*. В говорах, распространенных на территории Оренбуржья в основном распространен вариант *үпмәк*, известный также и в кузнецком, пермском, темниковском и др. говорах татарского языка.

Корневой *-п-* сохранился и в литературном *ипи*, также в вариантах *әпәй*, *әпи* со значением «хлеб». В шарлыкском говоре в данном значении широко распространен вариант *әпәй*. *Әпәй изгән идем, онотқанмын.* – Замесила было тесто и забыла. Такой вариант характерен и для пермского, златоустовского, мензелинского, бирского и др. говоров, где бытуют и варианты: *әпи*, *ипекәй*, *әпей*.

В исследуемых говорах в значении «ржаной хлеб» используется термин *әпәй* в сочетании с прилагательным *қара* (буквально черный).

В говорах Оренбуржья, как и в говорах Заказанья и Нагорной стороны, употребляется слово *күмәч/күмәс*, которое, как и в татарском литературном языке, обозначает «белый хлеб из пшеничной муки высшего сорта»: *Татарның күмәчен ашарга йаратабыз, диләр.* – Говорят, любим есть белый хлеб у татар. Слово *күмәч* образовано от *күм* «зарыть» + *аш* «еда», как предполагается, от способа приготовления – хлеб раньше пекли, зарывая в уголь.

Как отмечает Т. Х. Хайрутдинова [7], интересно то, что татарский народ белый круглый хлеб, приготовленный в домашних условиях, называет *күмәч*, а привезенный из города или купленный в магазинах – *калач/қалач/калац* (<*кала ашы* «городское кушанье»). *Калач апкайталар ийе.* – Раньше, бывало, привозили хлеб. В. И. Даль делает два предположения относительно возникновения слова *калач*: 1. От татарского *кал* + *ач* «будь голоден»; 2. От слова *колес*. Е. Н. Шипова предполагает, что *калач* произошло от татарского *колак* «ухо», *колакчык* «ушко». [6].

Говор представителей западного диалекта Оренбуржья, то есть шарлыкский говор, сохранил значительный пласт слов, специфичных для материнских говоров, относящихся к западному диалекту. Например, для данного говора характерно общее название мучных изделий *йабым* «мучные изделия». Как указывает З. Р. Садыкова, *йабым* происходит от слова *йабу* «делать, печь, стряпать - о хлебе и пирогах» [5]. Оно бытует в ряде мишарских (шарлыкском, темниковском, кузнецком, хвалынском, карсунском) также и в астраханском и др. говорах. *Кышын күп була кеше, күмәчен йабарга кирәк.* – Зимой бывает много народу, надо печь хлеб.

Выделяется семантическая группа лексем со значением «лепешка». В татарском литературном языке и его говорах распространено слово *көлчә* «лепешка из кислого теста». Так же и в каргалинском, бугурусланском говорах, однако в нелабиализованном варианте *келчә*. Слово характерно и для чистопольского, камышлинского, мензелинского, бирского, златоустовского говоров, для которых характерно употребление фонетических вариантов *келчә/көләчә/көләсә*. Образовано от *көл* «зола» + *-чә*. Название отображает способ приготовления, скорее всего *көләчә* готовили в золе. В говоре нагорных крышен слово *келчә* обозначает гостинец.

Остальные лексемы этой группы также имеют дополнительные семы «способ приготовления» или «размер», и имеют ритуальный характер: *питырас /питырач* в шарлыкском и в смежном стерлитамакском говорах употребляются в значении «мелкие лепешки из пресного теста». *Кич утырыппитырач салдым.* – Вечером приготовила лепешки. *Питырас /питырач* от *питыр* - арабск. *фитыр* «пожертвование в честь праздника ураза байрам» [2]. В исследуемых говорах, данный вид мучных изделий готовился на поминки. Носители шарлыкского и каргалинского говоров из хлебного теста готовили мелкие лепешки или булочки, называемые *чүрәк* в каргалинском *чүрәк* «булочка или мелкие

хлебцы, испеченные из хлебного теста»; в шарлыкском «сдобная булочка, лепешка»: *Кәстерүдә чүрәк бар, алып чыг әле.* – В кастрюле есть лепешки, принеси их. Здесь также наблюдается преобладание от материнских говоров, так например, слово *чүрәк* в мамадышском говоре означает «лепешку в продолговатой форме из пресного теста, замешанного на яйце». В шарлыкском, каргалинском, мензелинском говорах *чүрәк* обозначает ещё гостинец, принесенный стороной жениха, в бугурусланском и стерлитамакском говорах *чүрәк* «лепешки, которые пекут в дорогу, перед длительной поездкой». Ср.: башкирский *сүрәк*, казахский *шүрәк*, азербайджанский *чөрөк*, киргизский *чурек*, и др. в указанных значениях.

Таким образом, все три рассмотренные лексемы (*көлчә*, *питырач*, *чүрәк*) претерпели семантическое переосмысление и приобрели ритуальное значение.

Из теста пекли также пироги с разнообразной начинкой или с открытым верхом. В татарских говорах Оренбуржья представлены следующие виды: в караглинском и бугурусланском говорах употребляется слово *бөкәри* «небольшой пирог». К этой же семантической группе относится название татарского национального блюда – *пәрәмәч* «круглый пирог с мясом, перемяч». Наряду с литературным вариантом, в исследуемых говорах используются фонетические варианты *пирәмәч/парәпәч*. Есть мнение, что слово *пәрәмәч* происходит от *bög*, *bogur* «почка, круглый орган» [1], что скорее всего связано с соответствующей формой блюда. Вид кушанья подобия пирожков с начинкой в татарском литературном языке называется *сумса*. В исследуемых говорах в этом значении встречаются следующие варианты или лексемы – *сабуса* в каргалинском говоре обозначает «шаньга, приготовленная из кислого теста, с начинкой из картофеля или творога», *самбуса* в каргалинском, шарлыкском, мензелинском говорах «пирожок», в шарлыкском говоре *самса* «кулинарное изделие: треугольник с творогом или с мясом». Узколокальным наименованием данного блюда в шарлыкском говоре является слово *чыкырча* «мясной перемяч, с открытым верхом», отмеченное также и в стерлитамакском говоре.

Старинным национальным блюдом татар считается *бәлеш* «пирог с начинкой», «круглый пирог с верхом». Под названием *бәлеш* в каргалинском говоре известно кушанье, которое готовится на сковороде из мяса, крупы, но у этого блюда нет дна из теста и оно называется *таба бәлеше*.

К дериватам *бәлеш* относятся *чэй бәлеше* в каргалинском и бугурусланском говорах «сладкий пирог с начинкой из фруктов»; *шулталы бәлеш* в шарлыкском и смежном стерлитамакском говорах «пирог с мясом, который перед подачей заливают бульоном».

Названиями сладких мучных изделий к чаю являются *кыйгыча* (в каргалинском и астраханском говорах «национальное мучное изделие ромбовидный хворост»). В мишарских говорах распространены следующие варианты – *кыйыкча/кыйгача/кыйкча*. Эти слова образованы от прилагательного *кыйык* «кривой»+ афф. –*ча*. В каргалинском говоре *шеиш* «фигуры, сделанные из теста на свадебном пироге, обозначающие завершение свадебного пиршества», *нитрун* в каргалинском и стерлитамакском говорах «хворост» (<рус. не тронь), *роза* в бугурусланском и стерлитамакском «кушанье из высококачественного теста, изготовленное путем жарения в масле» [4], *пашкит* [рус. паштет] в каргалинском говоре «национальное мучное изделие, с начинкой из ягод или повидла». Общее понятие «сладости» передается словом *там* (досл. «вкус») в бугурусланском, также и в смежных стерлитамакском, мензелинском говорах.

В говорах Оренбуржья и соседних приграничных говорах употребляются названия *уралма/уратма* (бугурусланский, мензелинский) «рулет-слойка с начинкой из конопляных семян, варенья или песка» (< *урат* «заворачивать, завертывать» + афф. –*ма*); *катлама* (тмн., срг.) «кушанье из тонко раскатанного хлебного теста в несколько слоев, жаренное в масле» (*кат* «слой»< *катла* «складывать слоями» + афф. –*ма*).

Некоторые лексемы, относящиеся к названиям мучных изделий, представляют собой заимствования из русского языка: *пашкит* (<рус. *паштет*) в каргалинском говоре «паштет»; *паштик* (< рус. *паштет*) в бугурусланском говоре «пирог»; *лақша* в каргалинском и

астраханском говорах «домашняя лапша».

Таким образом, краткий анализ названий мучных изделий, распространенных в татарских говорах Оренбургской области, показывает их многообразие, что объясняется социально-экономическими и географическими условиями жизни носителей говоров, выходцев из различных областей и регионов, являющимися представителями различных диалектов. Переселенческие говоры Оренбуржья сумели сохранить особенности материнских говоров, кроме того носители говоров вошли в тесный контакт с местными тюркоязычными народами, русскими и др., чьим влиянием объясняется наличие заимствований в данных говорах.

Список литературы

1. *Ахметьянов, Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1989. – С. 54.
2. *Баязитова Ф.С.* Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. – Казан: «Дом печати» нашрияты, 2007. – С. 181
3. Татар теленең зур диалектологик сүзлегә / Большой диалектологический словарь татарского языка / сост.: *Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова, Т.Х. Хәйретдинова.* – Казань: Татарское книжное издательство, 2009. – С. 72
4. *Рамазанова Д.Б.* Вариативность лексики татарских говоров юго-западной Башкирии// Нормативность и вариативность в татарском языке. – Казань, 1987. – С. 76.
5. *Садыкова З.Р.* Говоры оренбургских татар. – Казань: Татарское книжное издательство, 1985. – С. 121
6. *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: “Наука” КазССР, 1976. – С.153
7. *Хайрутдинова, Т.Х.* Названия пищи в татарском языке. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1993. – С. 17

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12.00.08

И.В. Белобородова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
юридический факультет, кафедра уголовного права,
Нижний Новгород, Beloborodova_I@bk.ru

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ
ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИИ**

В статье, на основе изучения международных документов, представлены предложения по совершенствованию уголовно-правовых мер, направленных на предотвращение детской порнографии.

Ключевые слова: детская порнография, международные документы, уголовный кодекс Российской Федерации.

Детская порнография является преступлением, ужасающим не только по степени чудовищности деяния по отношению к самым незащищенным категориям, но и по последствиям, к которым оно зачастую приводит. В Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» (CETS № 201) от 25.10.2007 г. отмечено «сексуальная эксплуатация детей, особенно детская порнография и проституция, ... пагубно влияют на здоровье ребенка и его психосоциальное развитие.» [1].

Министерство внутренних дел России обеспокоено увеличением количества преступлений, связанных с изготовлением и распространением в Интернете детской порнографии. За последние четыре года в Рунете стало в 12 раз больше детской порнографии. В прошлом году сотрудники правоохранительных органов зарегистрировали 554 подобных преступления. Всего же в Интернете действуют около 200 тыс. сайтов, предлагающих подобный запрещенный контент [10].

Международные документы предусматривают большой спектр правовых мер, направленных на предотвращение детской порнографии. Однако, Российская Федерация не в полной мере участвует в заключении, значит и в реализации указанных документов.

Анализ положений российского законодательства позволяет выявить «пробелы», препятствующие предотвращению детской порнографии.

Во-первых, в российском законодательстве отсутствует определение термина «детская порнография», что способствует его произвольному толкованию в правоприменительной практике.

Вместе с тем, определение термина «детская порнография» можно найти, обратившись к международным документам.

В соответствии с параграфом 2 статьи 9 Конвенции Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» (ETS № 185) от 23.11.2001 г. [2] (Российская Федерация не является участником данной Конвенции) в понятие «детская порнография» включаются порнографические материалы, изображающие:

- а) участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях;
- б) участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях;

с) реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях.

В соответствии с параграфом 4 данной статьи каждая Сторона может сохранить за собой право не применять, полностью или частично, положения подпараграфов «b» и «с» параграфа 2.

В соответствии с параграфом 2 статьи 9 Конвенции термин «несовершеннолетние» означает любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Однако, любая Сторона может устанавливать и более низкие возрастные пределы, но не ниже 16 лет.

В соответствии со статьей 2 Факультативного протокола к Конвенции ООН о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25.05.2000 г. [3] (Российская Федерация ратифицировала данный Факультативный протокол Федеральным законом от 07.05.2013 № 75-ФЗ [6]) «детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях.

В соответствии с пунктом 2 статьи 20 Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» (CETS № 201) от 25.10.2007 г. [1] (Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 76-ФЗ с оговорками [7]) термин «детская порнография» означает любые материалы, которые изображают ребенка, совершающего реальные или смоделированные сексуально откровенные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях.

Во-вторых, анализ положений Уголовного кодекса РФ [8] (далее по тексту – УК РФ) и положений международных документов позволяет установить, что в УК РФ не в полной мере криминализирован спектр деяний в сфере детской порнографии.

В статье 242¹ УК РФ российским законодателем криминализированы изготовление, приобретение, хранение и (или) перемещение через государственную границу Российской Федерации в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также распространение, публичная демонстрация или рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В статье 242² УК РФ криминализированы фото-, кино- или видеосъемка несовершеннолетнего в целях изготовления и (или) распространения порнографических материалов или предметов, а также привлечение несовершеннолетнего в качестве исполнителя для участия в зрелищном мероприятии порнографического характера.

Перечень деяний, составляющих детскую порнографию, в соответствии с международными документами, напротив, более широкий.

Пункт 1 статьи 20 Конвенции Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» (CETS № 201) от 25.10.2007 г. [1] к преступлениям, касающимся детской порнографии, относит следующие умышленно и неправоммерно совершаемые деяния:

- а) производство детской порнографии;
- б) предложение или предоставление детской порнографии;
- с) распространение или передача детской порнографии;
- д) приобретение детской порнографии для себя или другого лица;
- е) хранение детской порнографии;
- ф) преднамеренное получение доступа к детской порнографии при помощи информационно-коммуникационных технологий.

Статья 21 Конвенции к преступлениям, касающимся участия ребенка в порнографических представлениях, относит:

- а) вовлечение ребенка к участию в порнографических представлениях или склонение ребенка к участию в таких представлениях;
- б) принуждение ребенка к участию в порнографических представлениях либо извлечение из этого выгоды или эксплуатация ребенка иным образом в этих целях;
- с) сознательное посещение порнографических представлений с участием детей.

Как отмечалось выше, Российская Федерация ратифицировала данную Конвенцию с оговорками:

1. Российская Федерация в соответствии с пунктом 3 статьи 20 Конвенции оставляет за собой право не применять полностью подпункты «а» и «е» пункта 1 статьи 20 Конвенции в отношении производства и хранения порнографических материалов:

- представляющих собой исключительно смоделированные или реалистичные изображения несуществующего ребенка;
- с участием детей, достигших возраста, установленного во исполнение пункта 2 статьи 18 Конвенции, если такие изображения производятся и хранятся ими с их согласия и исключительно для их собственного частного использования.

2. Российская Федерация в соответствии с пунктом 4 статьи 20 Конвенции оставляет за собой право не применять полностью подпункт «f» пункта 1 статьи 20 Конвенции.

3. Российская Федерация в соответствии с пунктом 2 статьи 21 Конвенции оставляет за собой право ограничить применение подпункта «с» пункта 1 статьи 21 Конвенции случаями, когда имело место вовлечение или принуждение детей в соответствии с подпунктами «а» и «b» пункта 1 статьи 21 Конвенции.

4. Российская Федерация в соответствии с пунктом 3 статьи 24 Конвенции оставляет за собой право не применять полностью пункт 2 статьи 24 Конвенции в отношении преступлений, признанных таковыми в соответствии с подпунктами «b», «d», «e» и «f» пункта 1 статьи 20.

Таким образом, на сегодняшний день за рамками криминализации находятся деяния, совершенные независимо от преследуемых виновным целей:

- предложение или предоставление детской порнографии;
- приобретение детской порнографии для себя или другого лица;
- хранение детской порнографии;
- преднамеренное получение доступа к детской порнографии при помощи информационно-коммуникационных технологий;

Кроме того, за рамками криминализации находится сознательное посещение порнографических представлений с участием детей.

Необходимо отметить, что подход к криминализации деяний, составляющих детскую порнографию, со временем меняются в сторону ужесточения. Так, если Рекомендации № R (91) Комитета министров Совета Европы Государствам-участникам относительно эксплуатации секса в целях наживы, порнографии, торговли детьми и несовершеннолетними от 09.09.1991 г. [4] в качестве меры предупреждения детской порнографии предусмотрено изучение целесообразности введения уголовных санкций за простое обладание детскими порнографическими материалами, в Рекомендации Rec (2001) 16 Комитета министров Совета Европы Государствам-участникам о защите детей от сексуальной эксплуатации от 31.10.2001 г. [5] говорится об обязательности введения санкций за простое владение детскими порнографическими материалами.

О необходимости ужесточения мер, направленных на предотвращение детской порнографии, говорит тот факт, что по данным Национального Центра помощи при пропаже и эксплуатации детей США 40 процентов арестованных обладателей детской порнографии, по меньшей мере, предпринимали попытки совращения несовершеннолетних [9].

От государства требуются решительные меры по предотвращению детской порнографии. Защита детей от детской порнографии должна стать безоговорочной.

В качестве уголовно-правовых мер, направленных на предотвращение детской порнографии, предлагается:

1. Закрепить определение термина «детская порнография» в УК РФ.
2. Ратифицировать Конвенцию Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» в полном объеме.
3. Привести уголовное законодательство Российской Федерации в соответствие международным стандартам противодействия детской порнографии:
 - а. Криминализировать в УК РФ, независимо от преследуемых виновным целей:
 - предложение или предоставление детской порнографии;
 - приобретение детской порнографии для себя или другого лица;
 - хранение детской порнографии;
 - преднамеренное получение доступа к детской порнографии при помощи информационно-коммуникационных технологий;
 - б) Криминализировать в УК РФ сознательное посещение порнографических представлений с участием детей.

Список литературы

1. Конвенция Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия» (CETS № 201) от 25.10.2007 г. КонсультантПлюс.
2. Конвенция Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) от 23.11.2001 г. КонсультантПлюс.
3. Факультативный протокол от 25.05.2000 г. к Конвенции ООН о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25.05.2000 г. КонсультантПлюс.
4. Рекомендации № R (91) Комитета министров Совета Европы Государствам-участникам относительно эксплуатации секса в целях наживы, порнографии, торговли детьми и несовершеннолетними от 09.09.1991 г. КонсультантПлюс.
5. Рекомендации Rec (2001) 16 Комитета министров Совета Европы Государствам-участникам о защите детей от сексуальной эксплуатации от 31.10.2001г. <http://polis.osce.org>.
6. Федеральный закон от 07.05.2013 № 75-ФЗ «О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии». КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон от 07.05.2013 № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений». КонсультантПлюс.
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25.11.2013). КонсультантПлюс.
9. Беспалов Е.И. Детская порнография: индустрия насилия.- М.; Фонд «Дружественный Рунет», 2010.- С. 11. http://www.friendlyrunet.ru/files/254/BR_DP.pdf.
10. Количество детской порнографии выросло в 12 раз. Стремительно растет и детская проституция. <http://www.soprotivlenie.org>.

12.00.01

А.Р. Валиева

Казанский федеральный университет,
Казань, arina.valieva@yandex.ru

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИСПОЗИТИВНЫХ НОРМ ПРАВА

В рамках герменевтического и системного методов исследования уточняется понятие диспозитивных норм права как нормативной основы познания юридической природы и сущности принципа диспозитивности.

Ключевые слова: *Диспозитивность, диспозитивные нормы, управомочивающие нормы.*

В научных трудах посвященных исследованию юридической природы и сущности диспозитивности существует общепринятый подход, в соответствии с которым ее нормативной основой выступают диспозитивные нормы права. Данный подход соответствует доктрине в вопросе о нормативной природе принципов права. Юридическая природа диспозитивности не может быть оторвана от ее нормативной основы. Диспозитивность, как и любой принцип права, обуславливается нормами права и в них находит свое проявление. Вопрос лишь в том, какими диспозитивными нормами права она обуславливается, так как в юридической доктрине различается как минимум два значения понятия диспозитивных норм права. Первое значение связано со смыслом дефиниции диспозитивной нормы, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ. Примечательно, что в этом значении трактовка диспозитивных норм была дана еще в начале XX века классиками отечественной юридической мысли. Так, Н.М. Коркунов писал, что «нормы, находящие себе применение лишь в том случае, если заинтересованные лица сами не установят иного разграничения своих интересов, носят название диспозитивных норм» (Цит. по: [2, 155]). Такое же толкование диспозитивных норм находим у другого русского правоведа, В.М. Хвостова. «Диспозитивными нормами, - пишет ученый, - называются такие, которые предназначены заполнять пробелы воли частных лиц в заключаемых ими актах. ...Но если составленный сторонами акт содержит в себе пробелы относительно каких-либо подробностей, которые стороны не предусмотрели при его заключении, то эти пробелы восполняются диспозитивными нормами». (Цит. по: [2, 165]) Думается, что именно из такой трактовки исходил законодатель при формулировании дефиниции диспозитивной нормы права, которая закреплена п. 4 статьи 421 ГК РФ. Однако в современной науке широко распространено и другое значение диспозитивных норм права. В соответствии с ним диспозитивная норма права - это юридическое установление государством меры возможного правомерного поведения субъектов права при варианном использовании прав и свобод, а также применении предписаний правовых норм применительно к конкретным жизненным случаям (См., например, [1, 42]). Нетрудно заметить, что данная трактовка диспозитивных норм права очень тесно связана с понятием управомочивающих норм права. Двусмысленная трактовка диспозитивных норм права усложняет познание природы и сущности принципа диспозитивности. Это обуславливает актуальность уяснения действительного смысла диспозитивных норм права. Думается, что для этой цели уместно использовать возможности герменевтического и системного методов исследования.

Герменевтический анализ смысла дефиниции диспозитивной нормы, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ, в сочетании с системным методом (с точки зрения ее места в системе норм права) позволяет говорить о том, что она имеет субсидиарный характер. Данная норма призвана восполнять основанную на усмотрении сторон свободу договора в случаях, когда стороны не урегулировали те или иные вопросы (условия) своих договорных отношений и не

исключили возможность действия правила о том, что в случае конфликта (противоречия), возникающего из неполноты договора, этот конфликт будет урегулирован диспозитивной нормой. Так, например, согласно п.1 ст. 809 ГК РФ, если иное не предусмотрено законом или договором займа, займодавец имеет право на получение с заемщика процентов на сумму займа в размерах и в порядке, определенных договором. При отсутствии в договоре займа соглашения о размере процентов их размер определяется существующей в месте жительства займодавца ставкой банковского процента (ставкой рефинансирования). В данном примере диспозитивная норма п.1 ст. 809 ГК РФ восполняет неурегулированный сторонами вопрос о процентах за пользование суммой займа. Следовательно, смысл данной нормы права заключается в дополнении договорного саморегулирования нормативно - правовым регулированием, предусматривающим реализацию предусмотренного в ней резервного правила в целях восполнения ранее заключенного соглашения отсутствующим существенным условием, применение которого стороны не исключили.

Аналогичные нормы имеются и в других отраслях материального права. Так, согласно ст. 71 Трудового кодекса РФ, если срок испытания истек, а работник продолжает работу, то он считается выдержавшим испытание и последующее расторжение трудового договора допускается только на общих основаниях. Данная норма трудового права дополняет договорное саморегулирование нормативно-правовым регулированием на тот случай, когда работодатель до истечения испытательного срока не сделает заявления в письменной форме о расторжении договора с указанием причин, послуживших основанием для признания этого работника не выдержавшим испытания.

При текстуальном анализе нормы-дефиниции п. 4 ст. 421 ГК РФ обнаруживается, что диспозитивная норма адресована участникам правоотношений, основанных на договоре, т.е. предполагает исключительно договорную природу правоотношения. В дефиниции модели диспозитивной нормы п. 4 ст. 421 ГК РФ речь идет о свободе условий договора. Так, например, согласно п. 2 ст. 810 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором займа, сумма беспроцентного займа может быть возвращена заемщиком досрочно. Таким образом, диспозитивные нормы в субсидиарном порядке дополняют правовое регулирование договорных отношений, субъекты которых свободно, по своему усмотрению определяют условия договора.

Изложенное позволяет заключить следующее.

Во-первых, изложенный характер диспозитивных норм права в смысле дефиниции, данной в п. 4 ст. 421 ГК РФ, не позволяет согласиться с их трактовкой как непосредственного нормативного основания принципа диспозитивности. Соотношение сущности диспозитивности как принципа права со смыслом дефиниции модельной диспозитивной нормы, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ, приводит к выводу о том, что между ними нет прямой зависимости. Дефиниция диспозитивной нормы, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ, предполагает нормы, предусматривающие свободу распоряжения субъективным правом. Думается, что такими нормами являются те управомочивающие нормы права, которые закрепляют возможность их адресатов по собственному усмотрению, в порядке саморегулирования распорядиться принадлежащим им субъективным правом.

Во - вторых, модель диспозитивной нормы права, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ, и в этом ее назначение, дополняет и расширяет нормативные основания автономии и инициативности субъектов права, предусмотренные управомочивающими нормами права. По отношению к ним диспозитивная норма в значении п. 4 ст. 421 ГК РФ имеет субсидиарное значение, т.к. призвана восполнять собой не урегулированные волеизъявлением субъектов права условия их взаимоотношений. Такие нормы права действуют при условии, что стороны своим соглашением не исключили их действие либо не установили иных условий взамен предусмотренной диспозитивной нормой.

В - третьих, модель диспозитивной нормы права в смысле дефиниции, данной в п. 4 ст. 421 ГК РФ, предусматривает свободу определения условий договора, а не свободу распоряжения правами, что не одно и то же. Следует учесть, что в законодательстве имеются

управомочивающие нормы права, которые в силу характера их диспозиции реализуются без заключения договора.

Таким образом, в подходе ученых, связывающих нормативную природу диспозитивности со смыслом дефиниции диспозитивной нормы, содержащейся в п. 4 ст. 421 ГК РФ, имеется противоречие: диспозитивность выводится из норм, которые по своему нормативному смыслу не соответствуют сущности диспозитивности как принципа права. Диспозитивность имеет своей нормативной основой не диспозитивные нормы в смысле дефиниции, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ, а управомочивающие нормы права, предусматривающие свободу распоряжения субъективным правом, т.е. диспозитивные управомочивающие нормы права. В отличие от иных управомочивающих норм реализация диспозитивных управомочивающих норм права ограничивается саморегулированием, т.е. не требует участия правоприменительных органов. Изложенное позволяет утверждать, что диспозитивность как принцип права тесно связана с диспозитивными нормами права в значении дефиниции, предусмотренной п. 4 ст. 421 ГК РФ, но не детерминирована ими. Она имеет иную природу - управомочивающие нормы права, предписывающие свободу субъектов права в распоряжении правомочиями.

Думается, что в установлении природы диспозитивности как принципа права в общеправовом аспекте важная роль принадлежит исходным началам правового регулирования, закрепленным в п.2 ст. 17 и ст. 18 Конституции РФ, а также п. 2 ст. 1 и п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с ними приобретение и осуществление гражданских прав зависит от воли и усмотрения самих субъектов права и подчинено их интересам. Исходя из смысла нормы п. 2 ст. 1 ГК РФ, диспозитивность как принцип охватывает собой как приобретение прав, так и их осуществление. Как в норме п. 2 ст. 1 ГК РФ, ставящей в зависимость от воли и интереса субъекта права приобретение им прав, так и в норме ст. 9 ГК РФ закреплено положение о свободе выбора управомоченным субъектом собственной позиции относительно судьбы гражданских прав, т.е. их установления и реализации. Другими словами, можно говорить о том, что указанные нормы Гражданского кодекса РФ закрепляют идею свободы субъектов права в распоряжении принадлежащими им гражданскими правами.

Таким образом, юридическая природа принципа диспозитивности имеет в своей основе управомочивающие нормы, обуславливающие свободу субъектов права в распоряжении правомочиями (диспозитивное начало). Свободное распоряжение правами - суть и смысл диспозитивности как правовой идеи, выраженной в значительном количестве управомочивающих норм права.

Список литературы

1. *Латишин И.С.* Диспозитивные нормы российского права: дис. ... канд. юрид. наук., Н. Новгород, 1999. – с. 165.
2. Теория государства и права: Хрестоматия: В 2 т. / Авт.-сост. *В.В.Лазарев, С.В. Липень*. - М.: Юрист, 2001. - Т. 2. - 604 с.

12.00.01

А.Ю. Верин

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
юридический факультет, кафедра теории и истории государства и права,
Казань, a.y.verin@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В статье рассматривается категория «юридическая ответственность» применительно к структурным элементам правового статуса несовершеннолетнего. Сформулирован вывод о том, что юридическая ответственность не является самостоятельным элементом правового статуса несовершеннолетнего, а проявляется через деликтоспособность, как составляющая правосубъектности в регулятивных правоотношениях, и непосредственно влияет на правовой статус несовершеннолетнего в охранительных правоотношениях.

Ключевые слова: *правовой статус несовершеннолетнего, структурные элементы правового статуса, юридическая ответственность, правосубъектность, юридические гарантии прав несовершеннолетнего.*

Сложность выявления структурных элементов правового статуса несовершеннолетнего связана не только с различиями в его трактовках, обусловленных общетеоретическими подходами и отраслевой спецификой, но и изначально множественностью подходов к пониманию правового статуса личности, выступающего в качестве родовой категории по отношению к правовому статусу несовершеннолетнего. Так, в структуру правового статуса личности, наряду с юридическими правами и обязанностями, которые большинством авторов определяются в качестве его ядра, А.И. Лепешкин включает гарантии [11], Л.Д. Воеводин – правоспособность и принципы [9], Б.В. Щетинин – гражданство [21], Н.И. Матузов – общую (статутную) ответственность гражданина перед государством и обществом [12], Н.В. Витрук – законные интересы [3], М.С. Строгович – правовые гарантии и юридическую ответственность [20].

Фактически структура правового статуса личности у названных авторов отличается лишь различным сочетанием вышеперечисленных элементов, т.е. одни неоправданно сужают число входящих в структуру элементов, другие, напротив, увеличивают их число. Хотя, как справедливо отмечает Н.И. Матузов, спор о «наборе» элементов правового статуса не является сугубо формальным, поскольку, в конечном счете, речь идет об адекватности отражения понятием правовой действительности, о полноте охвата предмета [13].

В связи с вышесказанным остается дискуссионным и вопрос о месте юридической ответственности в структуре правового статуса несовершеннолетнего.

В методологическом плане заслуживает внимания позиция Н.В. Витрука, являющегося одним из крупнейших теоретиков правового положения личности. Считая необходимым «различать два самостоятельных понятия – правовое положение (статус) личности в широком смысле и правовое положение (статус) в узком смысле», Н.В. Витрук предлагает «чисто терминологически первое понятие обозначить как «правовое положение», а второе – как «правовой статус». [4] Что касается юридической ответственности, то, по мнению указанного автора, в структуре правового положения личности в качестве самостоятельного элемента выступают меры юридической (ретроспективной) ответственности, а также иные меры государственного принуждения. Указанные меры являются видами юридических гарантий правового статуса личности и только в этом качестве входят в состав правового положения личности [5].

В юридической литературе встречаются различные основания классификации гарантий прав и свобод личности. Например, А.И. Денисов и Ф.М. Рудинский делят их на общие (по отношению ко всем правам и обязанностям) и особые (к каждому в отдельности) [10]; В.Н. Скобелкин, В.А. Патюлин и ряд других авторов выделяют общие (экономические, политические, идеологические и др.) и специальные (юридические) гарантии [17]; Н.В. Витрук придерживается деления гарантий правового статуса личности на гарантии реализации прав граждан и гарантии их охраны [6].

Анализ юридической литературы показывает, что в юридической науке некоторые авторы включают юридическую ответственность в качестве самостоятельного элемента правового статуса личности, при этом уточняя, идет ли речь о ретроспективной или о позитивной юридической ответственности, другие рассматривают ее в качестве проявления отдельных структурных элементов (юридических обязанностей, гарантий, деликтоспособности и пр.).

По мнению О.В. Садиной, применительно к правовому статусу юридическую ответственность следует рассматривать, во-первых, как обязанность претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, и во-вторых, в ретроспективном аспекте [15]. Относительно позитивной юридической ответственности указанный автор разделяет позицию Н.В. Витрука, который считает, что в данном случае фактически имеется в виду социальная ответственность в правомерном поведении лица, т.е. качество правомерного поведения [7].

В ходе дальнейших рассуждений О.В. Садина приходит к выводу, что юридическую ответственность следует рассматривать не в качестве самостоятельного элемента правового статуса личности, а как разновидность обязанностей при характеристике правового положения субъекта правонарушения [16]. В определенной степени данную позицию разделяет Н.Е. Борисова, отмечающая, что правовой статус несовершеннолетнего характеризуется особым порядком ответственности, обусловленным ограничением его юридических обязанностей [1].

Вопрос о правосубъектности, как самостоятельном элементе правового статуса личности, также остается спорным, хотя большинство авторов указывает его либо в качестве условия, предпосылки реализации прав, свобод и обязанностей, либо как юридическое свойство личности (субъекта правоотношения). Не вдаваясь в суть научной дискуссии относительно структурных элементов правосубъектности, считаем возможным предположить самостоятельный характер деликтоспособности, что характерно для охранительных правоотношений, и, соответственно, рассматривать последнюю как потенциальную способность лица отвечать за совершенное правонарушение, т.е. нести ретроспективную юридическую ответственность.

Несомненный интерес в данном вопросе представляет позиция Н.В. Витрука, отмечающего, что правосубъектность, выступая в качестве юридического, а не прирожденного свойства человека, «как реальное правовое явление имеет отраслевой характер» [8].

Отраслевая правосубъектность личности имеет свои разновидности: например, в ряде отраслей права выделяют правосубъектность совершеннолетних и несовершеннолетних (с возможной градацией по возрастным порогам). Такие виды специальной правосубъектности характерны для отраслей частного права. Существуют специальные виды правосубъектности и в отраслях публичного права: например, по видам участников (субъектов) уголовного и гражданского процесса [14]. В таком аспекте, на наш взгляд, возможно выделение процессуального статуса несовершеннолетнего.

В частности, Н.В. Солонникова, рассматривая процессуальную дееспособность несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, делает вывод, что уголовно-процессуальный статус субъекта уголовно-процессуальных отношений зависит от его дееспособности, сущность которой выражается «в совокупности условий, при наличии которых участник уголовного судопроизводства способен самостоятельно осуществлять уголовно-процессуальные действия и принимать решения, дозволенные уголовно-

процессуальным законом, с целью защиты законного интереса, осознавать последствия их осуществления и нести ответственность за неисполнение возложенных на него обязанностей» [18].

Кроме того, Н.В. Солонникова обращает внимание на возраст несовершеннолетних, который, по ее мнению, является основным фактором в определении их уголовно-процессуальной дееспособности. «Для надлежащего обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства следует установить обязанность органов расследования и суда выяснять возраст несовершеннолетних вне зависимости от их (несовершеннолетних) процессуального статуса» [19].

Следует отметить, что в разных отраслях права деликтоспособность физических лиц наступает с разного возраста. Несмотря на то, что, по мнению отдельных авторов, законодатель «весьма противоречиво определяет рубежи деликтоспособности несовершеннолетних» [2], практически во всех отраслях права – это возраст до совершеннолетия, но не ранее 14 лет. Следовательно, при анализе правового статуса несовершеннолетнего следует учитывать его специальный статус в зависимости от отраслевой специфики конкретного охранительного правоотношения.

Таким образом, подводя отдельные итоги, можно сделать следующие выводы:

1. В юридической науке юридическую ответственность рассматривают в основном в двух аспектах: во-первых, как самостоятельный элемент в структуре правового статуса несовершеннолетнего; во-вторых, как проявление других структурных элементов правового статуса (юридической обязанности в ретроспективном плане, деликтоспособности или гарантий).

2. Анализ юридической литературы и отдельных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что юридическая ответственность несовершеннолетнего является проявлением деликтоспособности, как составляющей правосубъектности в регулятивных правоотношениях, и непосредственно влияет на специальный правовой статус несовершеннолетнего в охранительных правоотношениях (когда несовершеннолетний является правонарушителем). Поэтому при характеристике правового положения несовершеннолетнего в конкретном охранительном правоотношении следует учитывать его специальный статус.

Список литературы

1. См.: *Борисова Н.Е.* Конституционные основы правового положения несовершеннолетних в Российской Федерации (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 17.
2. *Бутько О.В.* Правовой статус ребенка: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – С. 147.
3. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2008. – С. 38.
4. *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 25-26.
5. *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 30.
6. *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 314-330.
7. *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 30.
8. *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 194.
9. *Воеводин Л.Д.* Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. – 1965. – № 2. – С. 42-50.
10. *Денисов А.И.* Советское государственное право. – М., 1947. – С. 322; *Рудинский Ф.М.* Личность и социалистическая законность. – Волгоград, 1976. – С. 52.
11. *Лепешкин А.И.* Правовое положение советских граждан. – М.: Мысль, 1966. – С. 3-11.
12. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – С. 189-205.
13. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 60.
14. См., например: *Пономарев И.Б.* Правоспособность и дееспособность как предпосылки уголовно-процессуальных отношений // Советское государство и право. – 1971. – № 6. – С. 110-112; *Адаменко В.Д.* Процессуальная дееспособность участника уголовного процесса // Правоведение. – 1978. – № 4. – С. 55-59.
15. *Садина О.В.* Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Саранск, 2009. – С. 57.
16. *Садина О.В.* Указ. соч. С. 54.
17. *Скобелкин В.Н.* Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих. – М., 1969. – С. 44-49; *Патюлин В.А.* Государство и личность в СССР (Правовые аспекты взаимоотношений). – М., 1974. – С. 236.
18. *Солонникова Н.В.* Проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве (досудебное производство): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 5-7.
19. *Солонникова Н.В.* Указ. соч. С. 9-10.
20. *Строгович М.С.* Вопросы теории прав личности // Философия и современность. – М., 1976. – С. 33-35.
21. *Щетинин Б.В.* Гражданин и социалистическое государство // Советское государство и право. – 1975. – № 2. – С. 4.

12.00.01

Д.А. Герасименко

Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет,
Институт экономики, управления и права, кафедра государственно-правовых дисциплин,
Иркутск, gerdenal@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУПЕЧЕСТВА

В настоящей статье автор рассматривает правовое положение одного из податных сословий России – купечества, на протяжении всей истории его существования. Материалом для исследования купеческого статуса послужили нормативно-правовые источники XVII-XX вв. России.

Ключевые слова: *гильдия, купец, сословие, законодательство.*

Без сомнения современному Российскому государству в лице государственного аппарата в настоящее время проблематично охватить все сферы деятельности гражданского общества в период стремительного развивающегося рынка. Более того, способность к конкуренции и, нахождению в лидирующих позициях на мировой арене, находится в причинно-следственной связи от экономического потенциала страны. Таким образом, изучение в правовом аспекте купечества, является безусловно актуальным на сегодняшний день, поскольку является прообразом современному предпринимательскому классу. А изучение и анализ законов, в соответствии с которыми осуществлялась деятельность главного торгового сословия, позволит определить правовое поле, в рамках которого действовали купцы и позволит выявить государственные политику по отношению к ним.

Несмотря на древность происхождения этого предпринимательского слоя населения, процесс оформления купеческого сословия шел достаточно долго. Появление первых купцов в нашей стране допустимо связывать с зарождением древнерусской эпохи, в IX-X вв., однако, к концу XVII в., накануне петровских реформ, юридическое оформление купеческого сословия в России находилось в зачаточном состоянии.

В ранний период, в Судебниках 1497, 1550 и 1589 гг. и позднее - в Соборном уложении 1649 г. к купечеству относили обычно торговых людей и покупателей. Несмотря на то что, в интересах отечественного купечества были приняты такие нормативно-правовые документы как: Торговый устав 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г., однако, координальных изменений в правовом статусе купечества вышеназванными памятниками права внесено не было. Такое положение дел в России можно связать как с общей экономической отсталостью, так и с несовершенством правовой базы и системы органов государственной власти, в целом по своей организации оказавшейся не готовой к развитию предпринимательства. Отсутствие кредитных учреждений дополнительно являлось сдерживающим фактором и значительно усугубляло развитие купечества, что в свою очередь отражалось на возможности закупать большие партии товаров. Лишь только 13 мая 1754 г. указом императрицы Елизаветы Петровны учреждаются Государственные Заемные Банки для дворянства (Дворянские Банки) в Москве и Санкт-Петербурге при Сенате и Сенатской конторе и этим же указом учреждается Купеческий банк в Санкт-Петербурге при Коммерц-коллегии. Процесс приобщения к торговле представителей разных социальных групп осложнялся сословными перегородками. Внутри России сохранялись таможи, и до 1754 г. с торговых людей продолжали взимать внутренние таможенные пошлины. Таким образом, в XVII в. в России отсутствовала конъюнктура для возникновения и успешного функционирования предпринимательского сословия.

Первым серьезным импульсом и переломным моментом, связанным с началом консолидации купечества, справедливо признать нормотворческую деятельность Петра I.

В целях поддержания развития торговли и промышленности, Петр I утверждает право свободной торговой и промышленной деятельности, разрешая в законном порядке заниматься данными видами деятельности всем категориям населения (сословиям), а не только лицам, проживавшим в городах.

Указом от 1 января 1699 г. [4] Петр I разрешает осуществлять торговлю, предварительно записываясь в купечество крестьянам (казенным, патриаршим, монастырским и помещичьим), желавшим жить в г. Москве. При этом, указом 1709 г. [5] купцам запрещалось выходить в другое звание и вступать в разные казенные должности, все торгующие и промышленные люди обязаны были приписываться к посадам, иначе им запрещалось заниматься торговлей и промыслами.

13 апреля 1711 г., реализуя политику свободной торговли, Петр I принял указ, легализующий право заниматься торговлей «всякому чину везде и всяким товаром, с платежом всех обыкновенных пошлин»[6]. Данное положение затем подтвердилось указом 1714 г.[7], по которому было разрешено всякому, какого бы то ни было звания, в том числе и дворянам, приписываясь к купечеству, за исключением военнослужащих, заниматься торговлей от своего имени и уплатой всех торговых сборов.

Спустя десятилетие, с расширением торговых границ, Петр I объединяет купечество в общественном и податном отношении, реализуя этот замысел в Регламенте или уставе главного магистрата от 16 января 1721 г.[8], в котором всему торгово-промышленному населению России присвоил статус «граждан» и дифференцировал их на регулярных и нерегулярных. К нерегулярным гражданам были отнесены: «Прочие же все подлые люди, обретающиеся в наймах и в черных работах, которые нигде между знатными и регулярными гражданами не счисляются»[8], при этом указанная категория в состав двух гильдий не входила. Регулярные граждане формировали 1 и 2 гильдию, состоящие из: «Банкиры (которые дают на векселя деньги), знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными многими товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекари, лекари, шиперы купеческих кораблей, золотари, серебрянники, иконники, живописцы, портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, рещики, токари и сим подобные из которых первой гильдии или первостатейные состоят, и от другого подлого гражданства привилегиями и преимуществы суть отменны; яко банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекари, лекари, шиперы купеческих кораблей, золотари, серебрянники, иконники, живописцы. Во второй гильдии, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют, также рукомесленные, рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные»[8].

Следующий вклад в становление купечества предприняла Елизавета Петровна, которая в январе 1742 г. дополняет к двум существовавшим ранее гильдиям, третью, но каких-либо принципиальных изменений в правовое положение купечества законодательная инициатива императрицы не привнесла [9]. Однако, своим Указом императрица Елизавета Петровна с 1 апреля 1754 года отменяет в России внутренние таможенные пошлины, являющиеся одним из препятствий к развитию внутреннего рынка, а вместе с ним и купечества [10]. Анализ законодательных инициатив первой половины XVIII века в лице Петра I и Елизаветы Петровны показывает, попытку законодателя выделить купечество из общего перечня «граждан», что в свою очередь говорит о предпосылках к генерации нового сословия, связанного преимущественно с экономической деятельностью, показывая заинтересованность со стороны государства.

Окончательное формирование купечества как сословия, происходит в период правления Екатерины II. Сначала издается Манифест о Высочайших дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою от 17 марта 1775 г. [11], освобождающий купечество от 40 алтынного оклада сверх души по 80 копеек (статья 5) [11], «по городам всем тем мещанам, кои не имеют капитала выше 500 рублей впредь не называться купцами, но переименовать их мещанами, купцов имеющих капитал выше 500

рублей и сделавшихся банкротами, также вписывать в мещане; кои из мещан мелким торгом расторгнутся и капитал свой умножат свыше 500 рублей и выше капитал имеющих разделить, как и ныне, на три гильдии и брать с них по одному проценту с объявляемого ими по совести капитала погодно а подушное с них не брать; мещане же да останутся при прежних податях» (статья 47) [11]. Указанные нормативные предписания впервые законодательно устанавливают правовой статус купечества и отделяют его от мещан и иных граждан города, а также улучшают налоговое бремя. Далее 29 апреля 1785 г. издается Грамота на права и выгоды городам Российской империи [12], которая:

а) определила финансовый ценз для вступления в купеческие гильдии «дозволяется всякому кто за собою объявит капитал выше тысячи рублей до пятидесяти тысяч рублей» (статья 92) [12];

б) утвердила 3 купеческие гильдии: для вступления в 1 гильдию необходимо было «объявить капитал выше десяти тысяч рублей и до пятидесяти тысяч рублей» (статья 102) [12]; для вступления во 2 гильдию необходимо было объявить капитал от пяти до десяти тысяч рублей; для вступления в 3 гильдию – от одной тысячи до пяти тысяч;

в) купцам 1 гильдии дозволила вести торговлю как за пределами государства так и внутри его, оптом или в розницу; купцам 2 гильдии дозволялось вести торговлю только внутри государства оптом или в розницу; купцам 3 гильдии «производить мелочный торг по городу и по уезду, продавать мелочный товар в городе и в округе, и тот мелочный товар возить водою и сухим путем по селам, селениям и сельским Торжкам, и на оных Торжках продавать, выменивать и покупать потребное для мелочного торгу оптом или подробно в городе или округе» (статья 116) [12];

г) купцам 1 и 2 гильдии разрешала иметь фабрики, заводы морские и речные суда соответственно, так же они были освобождена от телесных наказаний; купцам 3 гильдии не запрещала иметь станы, производить рукоделия и иметь и содержать малые речные суда, дозволялось иметь трактиры, герберги, торговые бани и постоялые дворы для проезжих и прохожих людей, а также запрещалось по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади;

д) срок записи в гильдии и платеж с капитала объявленного по совести в 1 % осуществлялся в период с 1 декабря по 1 января;

е) крупные купцы (с капиталом более 50000 рублей), банкиры (с капиталом от 100 до 200 тысяч руб.) и некоторых других горожан выделила в разряд «именитых граждан», имевших право на внешнюю торговлю, на заведение фабрик и заводов, на возможность иметь сады, загородные дворы, быть освобожденными от телесных наказаний, иметь морские и речные суда и прочие привилегии.

Реформы 1775 г. и 1785 г. в России окончательно утвердили сословную стратификацию общества, включающие в себя следующие сословия: дворянство, духовенство, купечество, мещанство и крестьянство. Несмотря на зарождение нового купеческого сословия и выделение его законодателем, все-таки положение торговой страты оставалось достаточно неординарным. Обыкновенно термин «сословие» обозначал в истории феодальной Европы социальную группу, обладающую закрепленными в законе или обычае и передаваемыми по наследству правами и обязанностями [18]. Но, для вступления в купеческое сословие требовалось лишь владеть определенным капиталом и оплатить установленный сбор удовлетворяющий требованию закона, а в случае несоответствия субъекта требованиям, необходимым для пребывания в купечестве на следующий год, он понижался на разряд ниже - в мещане. Очевиден и тот факт, что купечеству отведена роль очередной ступени податного населения России, которую законодатель прочно закрепил на вершине всего податного сообщества государства не исключая свою дотационную природу, прямопропорционально зависимую от налоговых сборов.

Начало нового столетия, а вместе с ним и его первая половина характеризовалась дальнейшей корректировкой нормативной базы определяющей правовой статус купечества, повлекшее ряд изменений и дополнений.

Так 1 января 1807 года Манифестом о даровании купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах распространения и усиления торговых предприятий[13] с купцов сняли рекрутскую повинность, отменили звание именитых граждан и ввели звание первостатейных купцов, увековечивая их память в бархатной книге под названием: «Бархатная книга знатных купеческих родов», дворянству же дозволено было вступать в 1 и 2 гильдию. В большей степени указанный Манифест имел вектор направления в сторону первостатейных купцов, вместе с тем, начинает проследиваться желание законодателя в очередной раз выделить в целом купеческое сословие из городского населения. Что в скором времени находит дальнейшую реализацию и воплощается в Дополнительном соглашении об устройстве гильдий и торговых прочих состояний от 14 ноября 1824 года [14]: «Вообще купечество 1 гильдии не почитается податным состоянием, но составляет собой особый класс почетных людей в государстве» (§ 28) [16]. В целом купечеству 1 гильдии помимо звания «первостатейных» вводится звание «негоциант» (§ 21) [14], также они могли получать звание банкира (§ 22) [14], в случае принадлежности к «первостатейным» или «негоциантам». Более того, у купцов 1 гильдии состоящих в ней не менее 12 лет, была возможность получить звание Комерции Советников, если они будут к нему удостоены (§ 23) [14]; и просить о принятии их детей в гражданскую службу на равнее с Обер-Офицерскими детьми (§ 25)[14]. Помимо всего прочего, купцы 1 гильдии могли быть удостоены орденом по особенно важным заслугам (§ 24)[14]. Личные преимущества, изложенные в § 24 и § 25 имели юридическую силу только в отношении купцов 1 гильдии исповадавших христианство. Общим для всех купцов разрешительным правом стала возможность вести свою деятельность в любом другом городе с условием дополнительного приобретения торгового свидетельства 3 гильдии этого города. Однако, купцу желающему пользоваться правом торговли и личными преимуществами с таковым правом сопряженными, необходимо помимо объявления капитала, являющийся финансовым цензом, в следующих размерах: 50000 рублей – для 1 гильдии, 20000 рублей – для 2 гильдии, 8000 рублей – для 3 гильдии; оплаты гильдейской подати, земской и городской повинностей, а также налога за водяные и сухопутные сообщения, обязательно покупать торговое свидетельство: для 1 гильдии – 2200 рублей, для 2 гильдии – 880 рублей, для 3 гильдии – 220 рублей, в период с 1 ноября по 1 января следующего года, что несомненно является новеллой.

В свою очередь дворянам не находящимся на государственной службе дозволялось впредь записываться только в первую гильдию.

Торговые права внутри купеческих гильдий по существу различались по географии ведения торговли, по денежному обороту, по количеству нанятых работников, по объемам торговли (оптом или в розницу), по виду торговой деятельности и так далее, также их права различались и по занимаемым должностям в городах, где купцы 1 гильдии имели право занимать должности «Градских Голов и Заседателей Палат, Совестных Судов и Приказов Общественного Призрения...., от прочих должностей, если они будут выбраны, имели право отказаться» (§ 30)[14], купцы 2 и 3 гильдии правом отказываться от назначенной должности не имели.

Во второй половине XIX века капиталистические отношения продолжают стремительно развиваться, оказывая непосредственное влияние на социально-экономическое положение в России. 19 февраля 1861 года Александр II отменяет крепостное право. В связи с чем, правовой статус купечества незамедлительно подвергается изменениям, отражающим текущие перемены в России. 1 января 1863 г. вступает в силу «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов» [15], а законом от 9 февраля 1865 г. в него вносятся некоторые уточнения [16]. Нововведения коснулись числа гильдий, теперь количество гильдий упразднилось с 3 до 2. Торгующему классу для осуществления своей деятельности надлежало приобретать свидетельства на производство разных видов торговли и промыслов и билеты на торговые и промышленные заведения.

Свидетельство разделялось на купеческое или гильдейское и промысловое, последнее давало лишь право осуществлять торговую деятельность и исключала какие-либо особые личные преимущества купеческого сословия. Купеческое свидетельство в свою очередь делилось на два разряда: для оптового торга купцам 1 гильдии и розничного торга купцам 2 гильдии. Получателю гильдейского свидетельства давалось право пребывать в прежнем звании. Более координальных изменений законодателем внесено не было вышеназванными нормативными правовыми актами в правовое положение купеческого сословия, но вместе с тем, расширились торговые правомочия остального городского населения и крестьянства Российской империи. Тем самым предопределяя важность и значимость предпринимательской составляющей в экономическом потенциале страны. Последующая законодательная политика государства в области правового регулирования купечества значимых новшеств также не приносит вплоть до уничтожения сословий и гражданских чинов в России Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11 (24) ноября 1917 года [1].

Нарождающиеся, развивающиеся и захватывающие экономические отношения постепенно расшатывали нормативно-правовую базу России, заставляя государство приспосабливаться к новым веяниям капиталистических отношений, стремительно пронизывающих общество как по вертикали так и по горизонтали в общей системе градации. Изучение правового наследия XVIII-XX, веков касающегося правового положения купечества доказывает, что в целом купечество в России играло закономерную податную роль, отведенную всем непривилегированным сословиям. Сильнейшее влияние дворянского сословия максимально сдерживало развитие купечества, не позволяя внедриться представителям торгового класса в свои ряды. Статус купечества в полной мере, возможно, охарактеризовать статьей 2 Гражданского кодекса РФ [17]: «...что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами...». Фактически купечеству был поставлен ультиматум государством, то есть субъект владел купеческим званием до тех пор, пока мог приобретать соответствующее свидетельство, при этом мотивацией выступали ряд привилегий.

Возвращаясь к вопросу о купечестве как состоявшемся сословию поэтому поводу существуют несколько точек зрения. Б. Н. Миронов считает купцов одной из категорий единого городского сословия [2]. Н. В. Обнорзская называет купечество верхушкой торгового класса [3]. Однако, автор считает, что в полной мере купечество так и не состоялось как сословие, несмотря на упоминание и попыток ограждения оногo законодателем в нормативных правовых актах, а в период конца XIX века и начала XX века вовсе теряет свою четкость и оформленность, становясь фундаментом для зарождения новых экономических классов, а также гражданского общества. Уже несословие, но еще и некласс. «Тягловая» экономическая мощь, сдерживаемая государством, зависшая между двумя мирами, с нереализованным потенциалом.

Подводя окончательный итог допустимо определить понятие «купца». Купцом называлось лицо, владеющее указанным званием и состоящее в гильдии, после приобретения соответствующей «лицензии», наделявшей личными и экономическими преимуществами, для осуществления торговой и промысловой деятельности.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. Т. I. М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 72.
2. Миронов Б. Н. Социальная история периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. I. СПб., 1999. С. 77–80.
3. Обнорзская Н. В. Купечество Ярославской губернии в конце XVIII – начало XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 9–10.
4. ПСЗРИ-I. Т. 3. № 1666.
5. ПСЗРИ-I. Т. 4. № 2220.
6. ПСЗРИ-I. Т. 4. № 2327.
7. ПСЗРИ-I. Т. 4. № 2327.
8. ПСЗРИ-I. Т. 6. № 3708.
9. ПСЗРИ-I. Т. 11. № 8504.
10. ПСЗРИ-I. Т. 13. № 10164.
11. ПСЗРИ-I. Т. 20. № 14275.
12. ПСЗРИ-I. Т. 20. № 16188.
13. ПСЗРИ-I. Т. 29. № 22418 .
14. ПСЗРИ-I. Т. 39. № 30115.
15. ПСЗРИ-II. Т. 38. № 39118.
16. ПСЗРИ-II. Т. 40. № 41779.
17. Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
18. Сухарева А. Я. Большой юридический словарь / А. Я. Сухарева – 3-е изд. дор. и перераб., - М.: ИНФРА-М, 2006, 858 с.

12.00.03

И.В. Мирошниченко

Российский университет дружбы народов,
юридический факультет, кафедра гражданского и трудового права,
Москва, miroshnichenko.igor@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА

В статье рассмотрены особенности гражданско-правового регулирования договорных отношений в сфере профессионального спорта на основе анализа действующего законодательства Российской Федерации и доктрины гражданского права.

Ключевые слова: гражданско-правовые отношения, профессиональный спорт, гражданско-правовой договор, правовой статус спортсмена.

Заметной тенденцией государственной политики последних лет в сфере профессионального спорта в России является её направленность на формирование целостной системы правового регулирования соответствующих общественных отношений. При этом особая актуальность данного направления деятельности законодателя связана с подготовкой и проведением XXVII Всемирной летней универсиады 2013 г., а также XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. [1]. В тоже время произошли существенные изменения и дополнения в действующее отечественное законодательство: 28.02.2008 г. в Трудовой кодекс РФ была введена гл. 54.1 «Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров» [2].

Важно отметить, что главенствующая роль в правовом регулировании общественных отношений в сфере профессионального спорта должна быть отведена нормам и институтам гражданского права. Это обусловлено, в первую очередь, частноправовым характером указанных правоотношений, диспозитивным методом, а также равноправием сторон и возможностью правового регулирования посредством гражданских договоров, как именных, так и не именных. Проблематика настоящего исследования основана на трёх базовых элементах, связанных с современным состоянием правовой практики и юридической науки гражданского права.

Во-первых, спектр общественных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся, в сфере профессионального спорта достаточно широк в виду:

- особого круга субъектов. Согласно ст. 5 ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» к субъектам физической культуры и спорта в России относятся: физкультурно-спортивные организации, спортивные федерации, спортсмены и их коллективы, спортивные судьи, тренеры и другие субъекты [1];

- различных по своей юридической природе правовых связей между названными субъектами, в виду чего данные отношения достаточно сложно урегулировать в рамках одной конкретно взятой отрасли права.

Во-вторых, существует ряд коллизий отраслевого правового регулирования общественных отношений в сфере профессионального спорта (к примеру, гражданское и трудовое законодательство в отношении спортсмена и спортивной организации, спортивной организации и тренера).

В-третьих, в российской правовой доктрине формируется достаточно противоречивое направление – выделение спортивного права в самостоятельную отрасль юридической науки. Такой позиции придерживаются С. В. Алексеев, К. Н. Гусов, О. А. Шевченко, А. А. Соловьев и другие отечественные правоведы [3, 6–7]. Высоко оценивая вклад указанных авторов в юридическую науку, справедливо заметить, что неоднозначность

данной гипотезы заключается в отсутствии реальных оснований такой новации – уникального предмета и метода правового регулирования. По нашему мнению, на сегодняшний день спортивное право можно определить в качестве межотраслевого института, что наиболее полно соответствует его особенностям, рассмотренным выше.

Помимо названных выше специалистов в сфере спортивного права, частноправовым вопросам тематики доклада посвящены работы следующих отечественных юристов-исследователей: А.А. Гужова, М.С. Гуленкова, Ю.В. Зайцева, Р.О. Зыкова, А.С. Леонова, Д.П. Никитиной, М.А. Погорелова, Е.В. Погасян, М.А. Прокопец, Е.Г. Стрельцовой, Ж.В. Супряги, С.А. Тукманова, Л.В. Чхутиашвили и других.

Для характеристики договорных отношений в сфере профессионального спорта, необходимо определить их основные признаки. С. В. Алексеев выделяет следующие специфические признаки спортивных отношений:

- наличие специального субъекта – участника физкультурно-спортивной деятельности;
- наличие специальных объектов, к которым, в частности, следует отнести физическую культуру и физическое воспитание, массовый, профессиональный и любительский спорт, имидж спортивной организации, способности и авторитет человека (выдающиеся личности в сфере спорта), спортивную промышленность, физкультурно-оздоровительные, спортивные и спортивно-технические сооружения и другие объекты спорта;
- опосредованность через спортивные правоотношения государственной политики в области физической культуры и спорта, что предполагает прямое или косвенное участие государства в данных правоотношениях;
- особенность порядка и способов защиты прав участников физкультурно-спортивной деятельности, которая, в частности, состоит в том, что в случае нарушения прав субъекты спортивных правоотношений используют главным образом несудебные формы защиты (дисциплинарные комитеты спортивных федераций), а также защиту посредством спортивного арбитража;
- тесная связь спортивных правоотношений с требованиями спортивной этики (социальными нормами и правилами спортивной этики, а также мерами этической и социальной ответственности [3].

Анализируя позицию С. В. Алексеева относительно признаков спортивных отношений, стоит отметить два «слабых места» в подходе автора. В первую очередь, это подход к признакам спортивных отношений с позиции спортивного права как самостоятельной отрасли права. Также нельзя не уловить акцент на публичных аспектах спортивных отношений, который доминирует над частными. На основании этого можно сделать вывод о необходимости выработки иной концепции спортивных отношений с учётом присущего им частноправового (гражданско-правового) начала.

В силу того, что профессиональный спорт является относительно обособленной и самостоятельной сферой общественных отношений, исследуемая область справедливо охарактеризована в научной литературе как «совокупность общественных отношений частного и публичного характера, возникающих между субъектами в связи с их участием в профессиональной спортивной деятельности». Отношения первой группы представляют собой общественные связи, подпадающие под действие норм гражданского, а также трудового права. К указанной группе отношений можно отнести различные отношения, возникающие на основе гражданских и трудовых договоров [5]. Таким образом, в структуре общественных отношений, возникающих по поводу профессиональной спортивной деятельности, нужно выделять профессиональные спортивные отношения, которые в совокупности можно определить как систему (комплекс) общественных отношений, складывающихся между субъектами профессиональной спортивной деятельности.

Одной из особенностей сферы профессиональных спортивных отношений выступают виды профессионального спорта, исходя из которых, необходимо выделять отношения, складывающиеся в каждом виде спорта. Исследуемые отношения в различных видах спорта имеют свои специфические особенности. Необходимо признать тот факт, что современное

объективное право в исследуемой области - есть, в основном, право локальное. К сожалению, на практике сформировавшееся локальное (корпоративное) регулирование, носит, во многом, правоограничительный характер для субъектов профессиональных спортивных отношений, и в первую очередь, профессиональных спортсменов. Это зачастую приводит к ущемлению субъективных прав профессиональных спортсменов и иных субъектов профессиональных спортивных отношений. Единство отношений в профессиональном спорте в целом и их дифференциация в различных видах спорта, является основанием для единства и дифференциации законодательства в исследуемой области [4].

Таким образом, договорные отношения в сфере профессионального спорта имеют ряд специфических особенностей, позволяющих их охарактеризовать как особую сферу правового регулирования. Во-первых, субъектный состав данных отношений, включающий участников профессиональной спортивной деятельности. Во-вторых, специальные объекты, как непосредственно профессиональной спортивной деятельности, так и неразрывно связанных с ней областей. В-третьих, в указанных отношениях имеет место прямое (принятие нормативно-правовых актов, бюджетное финансирование) или косвенное (через Олимпийский Комитет России, федерации по видам спорта, профессиональные спортивные клубы), опосредованное участие публичноправовых образований.

Список литературы

1. Федеральные законы «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007; «Об организации и проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.12.2007.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. С постатейным приложением материалов практики Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА - М, 2013. - 1024 с.
3. *Алексеев С.В.* Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям 021100 «Юриспруденция» и 022300 «Физическая культура и спорт» / Под ред. проф. П.В. Крашенинникова. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2005. - 671 с.
4. *Васькевич В.П., Челышев М.Ю.* Правовое регулирование профессионального спорта // Российская юстиция, 2001. — № 7. - С. 35-36.
5. Гражданское право России. Обязательственное право: Курс лекций / Отв. ред. О.Н. Садилов. - М.: Юристъ, 2011. - 845 с.
6. *Соловьев А.А.* Кодификация спортивного права: постановка научных задач и определение векторов // Нравственные императивы в праве. – 2008. – № 1.
7. *Соловьев А.А.* О значении и самостоятельности отрасли и науки спортивного права // Юрист ВУЗа. – 2010. - № 1.

12.00.03

Д.А. Пономарев к.ю.н.

Сургутский государственный университет,
Сургут, dpsurgut@mail.ru

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН В ДОГОВОРЕ ПОДРЯДА С УЧАСТИЕМ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются вопросы, связанные с правами и обязанностями сторон в договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел которые носят взаимный характер, т.е. правам одной стороны соответствуют обязанности другой стороны. Делается вывод о том что необходимо реализовать довольно часто встречаемые в литературе предложения о возложении обязанности по материально-техническому снабжению, как на подрядчика, так и на заказчика.

Права и обязанности сторон в договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел носят взаимный характер, т.е. правам одной стороны соответствуют обязанности другой стороны. Поэтому рассмотрение прав и обязанностей сторон может быть сведено к анализу обязанностей каждой из них.

Начальник учреждения системы органов внутренних дел (заказчик) обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену. Начальник учреждения системы органов внутренних дел обязан провести комплексное опробование оборудования с участием проектной, подрядной и монтажной организаций, а при необходимости и организации-изготовителя оборудования.

По нашему мнению, следует нормативно закрепить получение согласия проектной организации на внедрение мероприятий подрядчика, вызывающих необходимость изменения проектных решений в том случае, когда проектное обеспечение возложено на начальника учреждения системы органов внутренних дел, добавив в п. 3 ст.703 ГК РФ слова: «...при крупных подрядных работах необходимо получение согласия проектной организации на внедрение мероприятий подрядчика, вызывающих необходимость изменения проектных решений в том случае, когда проектное обеспечение возложено на заказчика».

Одна из важнейших обязанностей начальника учреждения системы органов внутренних дел заключается в том, что он обязан своевременно предоставить подрядчику для строительства земельный участок. Площадь и состояние предоставляемого земельного участка должны соответствовать содержащимся в договоре подряда условиям, а при отсутствии таких условий обеспечивать своевременное начало работ, нормальное их ведение и завершение в срок.

Эта обязанность носит организационно-обеспечительный характер, поскольку до ее выполнения подрядчик лишен возможности вообще начать выполнение строительно-монтажных работ. Выполнение обязанности по предоставлению строительной площадки фактически сводится к двум действиям со стороны начальника учреждения системы органов внутренних дел: передаче подрядчику документов о выделении земельного участка под строительство и принятии каких-либо мер по освобождению этого участка от оказавшихся там строений и сооружений. Площадь и состояние предоставляемого земельного участка должны соответствовать содержащимся в договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел условиям, а при отсутствии таких условий обеспечивать своевременное начало работ, нормальное их ведение и завершение в срок. В юридической литературе совершенно справедливо отмечается, что «статья 747 ГК, посвященная обязательствам заказчика, не совсем удачно именуется их «дополнительными обязанностями». В действительности все они целиком укладываются в более общую - «создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ», то есть именно в одну из конституирующих

договора строительного подряда обязанность, что подтверждается включением ее в легальное определение данного договора»¹. В договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел стороны устанавливают некоторые особые правила по освобождению строительной площадки. В частности, выполнение строительно-монтажных работ, связанных с освобождением строительной площадки, может производиться подрядчиком. Осуществление работ по демонтажу оборудования, механизмов и устройств, отключению действующих сетей водо-, газо-, паро- и энергоснабжения и других сетей на объектах, подлежащих сносу, переносу или реконструкции, является обязанностью начальника учреждения системы органов внутренних дел, как заказчика. Эта обязанность должна быть выполнена в сроки, согласованные с подрядчиком. По соглашению с подрядчиком выполнение работ по демонтажу оборудования, механизмов и устройств на указанных объектах может быть поручено подрядчику.

Начальник учреждения системы органов внутренних дел осуществляет и технический надзор за соответствием объекта, стоимости и качества выполняемых работ, строительной документации. Он вправе в любое время проверять ход и качество строительно-монтажных работ, а также качество используемых материалов, не вмешиваясь при этом в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. Так, если объект строится на основе оригинального архитектурного проекта, начальник учреждения системы органов внутренних дел обязан заключить с архитектором договор на осуществление авторского надзора за строительством объекта (ст. 12, 20 Закона РФ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»²). Технический надзор за строительством осуществляется во всех случаях, когда строительство ведется за счет бюджетных средств и т.д. В подобной ситуации начальник учреждения системы органов внутренних дел должен проявлять особую внимательность, так как подрядчик, ненадлежащим образом выполнивший работы, может впоследствии сослаться на то, что появление недостатков и их не устранение обусловлены тем, что начальник учреждения системы органов внутренних дел не осуществлял должного контроля и надзора за выполнением работ (п. 4 ст. 748 ГК РФ).

Осуществляя надзор за выполнением работ, начальник учреждения системы органов внутренних дел не должен вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика, например, давать подрядчику указания о том, как следует организовать работу на объекте, какие методы и приемы ведения работ нужно применять, и т.п. Но если подрядчик ведет работы с нарушением СНиПов и ГОСТов, других обязательных правил, в том числе содержащихся в договоре подряда с участием учреждения системы органов внутренних дел, использует некондиционные строительные материалы и конструкции и т.д., указания начальника учреждения системы органов внутренних дел об устранении выявленных нарушений носят для подрядчика обязательный характер.

Начальник учреждения системы органов внутренних дел, обнаруживший при осуществлении контроля и надзора за выполнением работ отступления от условий договора подряда, которые могут ухудшить качество работ, или иные их недостатки, обязан немедленно заявить об этом подрядчику. Обычно выявленные в ходе строительства недостатки фиксируются начальником учреждения системы органов внутренних дел в специальном журнале производства работ. Во избежание споров в договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел целесообразно указывать сроки, в течение которых подрядчик обязан устранять отмеченные начальником учреждения системы органов внутренних дел недостатки. Если таких сроков в договоре не установлено, подрядчик должен выполнить эту обязанность в разумный срок. Время, затраченное подрядчиком на устранение выявленных начальником учреждения системы органов внутренних дел недостатков, не ведет к увеличению общего срока строительства объекта.

Начальник учреждения системы органов внутренних дел, выявивший недостатки, но не

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2003. С. 131.

² СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4473; 2002. Ч. I. № 1. Ст.2; 2003. № 2. Ст.167.

сообщивший о них подрядчику и не потребовавший их устранения, теряет право в дальнейшем ссылаться на обнаруженные им недостатки. Иными словами, начальник учреждения системы органов внутренних дел не должен заниматься простым сбором сведений о допущенных подрядчиком недостатках с тем, чтобы заявить о них лишь тогда, когда строительство объекта будет завершено. Напротив, при осуществлении надзора за строительством начальник учреждения системы органов внутренних дел должен вести себя активно и своей деятельностью способствовать созданию качественного продукта. Устранить своевременно выявленные недостатки значительно проще и дешевле, чем делать это тогда, когда объект фактически уже построен. Рассматриваемое правило не должно, однако, трактоваться в том смысле, что начальник учреждения системы органов внутренних дел лишен возможности выявлять недостатки выполненных работ в ходе их приемки. Речь в данном случае идет лишь о тех недостатках, о которых начальник учреждения системы органов внутренних дел определенно знал еще в ходе выполнения работ, но никак на них не реагировал.

В связи с тем, что начальник учреждения системы органов внутренних дел не располагает специалистами по подрядным работам, ему предоставляется возможность заключить специальный договор об оказании услуг по осуществлению контроля и надзора за строительством с соответствующим инженером (инженерной организацией). В этом случае в договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел определяются функции такого инженера (инженерной организации), связанные с последствиями его действий для подрядчика.

Вместе с тем следует иметь в виду что, в конечном счете, само по себе осуществление контроля и надзора - все-таки обычное право, но не обязанность начальника учреждения системы органов внутренних дел, как заказчика. По указанной причине подрядчик не может ссылаться на то, что начальник учреждения системы органов внутренних дел не осуществлял контроля и надзора за его действиями.

Вместе с тем ГК РФ допускает возможность установления в законе, что надзор и контроль признаются обязанностью заказчика. Тогда, естественно, подрядчик сможет осуществить ту ссылку на неисполнение указанной обязанности со стороны начальника учреждения системы органов внутренних дел, о которой идет речь. Нет никаких препятствий для установления такой же обязанности не только в законе, но и в договоре.

Следующей обязанностью начальника учреждения системы органов внутренних дел, как заказчика, после предоставления строительной площадки является передача подрядчику, если это предусмотрено договором подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел, технической документации. Начальник учреждения системы органов внутренних дел по каким-либо причинам может внести изменения в техническую документацию. Соответствующее решение по общему правилу может затронуть интересы подрядчика. Поэтому ГК РФ в ст. 744 предусмотрел ряд ограничений в праве заказчика изменять проектную документацию.

Таким образом, подобные ограничения признаются обязательными для подрядчика лишь в случаях, когда связанные с этим дополнительные работы не превышают 10 % указанной в смете общей стоимости работ и не меняют характера работ, которые предусматривались в договоре. В этой связи изменение технической документации по требованию заказчика за указанными пределами возможно только с согласия подрядчика и требует согласования дополнительной сметы (п. 2 ст. 744 ГК РФ).

Список литературы

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2003.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая – от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая – от 26 января 1996 года № 14-ФЗ.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья – от 26 ноября 2001 года № 147-ФЗ.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая – от 18 декабря 2006 года № 230 -ФЗ.

12.00.01

Э.М. Султанова

Институт права Башкирского государственного университета,
кафедра теории и истории государства и права,
Уфа, sultanovy09@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В системе охраны правопорядка в периоды социальной стабильности характерен интерес к социально-морфологическим аспектам правонарушений, тогда как в периоды резких социальных изменений фокус научного рассмотрения смещается к социально-этическим детерминантам, определяющим правопорядок в обществе. Все это актуализирует интерес к социально-правовым аспектам этических проблем правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *субъект юридической деятельности, социально-правовая система, профессиональная этика, социально-правовые ценности и нормы, ролевая идентификация, структура, функция.*

Характерные для современного общества изменения во всех сферах жизни предполагают активное освоение социально-правовых аспектов деятельности человека, которые объективно требуют превращения юридической деятельности в сферу создания профессиональной культуры. Социально-правовая система профессиональной деятельности является важным источником формирования юридической этики. Имеющиеся научные исследования касаются лишь общих вопросов усовершенствования профессиональной этики субъекта юридической деятельности [1]. Объясняется это недостаточной разработанностью самой сути феномена профессиональной этики юриста в контексте социально-правовых аспектов формирования личности специалиста, поэтому для отечественной исследовательской традиции приобретают все большую значимость социально-правовые аспекты юридических профессий.

Изучение социально-правовых аспектов профессиональной этики и профессиональной эффективности человека в обществе в социально-правовом предметном поле относительно ново [4]. Однако, чем дальше идет разработка этой темы – взаимоотношения субъекта юридической деятельности и профессиональной среды через рассмотрение социально-правовых аспектов этой проблемы – тем больше обнаруживается трудностей. Концептуальные рамки проблемы социально-правовых аспектов профессиональной этики субъекта юридической деятельности обнаруживают три спорных теоретических момента. Первый теоретический момент связан с трактовкой профессиональной этики как одного из структурных элементов социально-правовой системы. Второй момент возникает при ответе на вопрос, обладают ли субъекты, реализующие профессиональную этику условиями, способствующими развитию социально-правовых аспектов в профессиональной среде. Третий момент обусловлен дискуссией о преобладании социальной либо индивидуальной детерминации в реализации профессиональной этики в контексте её социально-правовых аспектов. Однако во всех случаях профессиональная этика выступает системообразующим элементом всех теоретических подходов, имеющих отношение к проблеме становления и развития социально-правовой системы.

Источником теоретических трудностей являются также некоторые особенности той модели специалиста, которая обычно применяется при анализе взаимодействия человека и некоторого профессионального образования – института, общности, организации, группы и

т.п. В качестве «материала» элементов модели специалиста используются не субстанциональные, а функциональные его характеристики. Это значит, что в рамках этой модели специалист описывается не через свои субстанциональные, неотъемлемые свойства, а через некоторую сеть профессиональных отношений, в которые он включен. При этом необходимая для построения модели сеть отношений задается обычно через описание ценностного основания профессиональной среды. Социально-правовые аспекты профессиональной этики определяются как такой процесс взаимодействия индивида и социальной среды, в ходе которого, оказываясь в различных проблемных ситуациях, возникающих в сфере профессиональных отношений, индивид приобретает механизмы и нормы профессионального поведения, установки, черты характера и их комплексы и другие особенности и подструктуры, которые в целом имеют позитивное и социально – приемлемое значение [3]. Каждый процесс преодоления проблемных ситуаций можно считать процессом реализации профессиональной этики индивида, в ходе которого он использует приобретенные на предыдущих этапах своего развития и профессиональной социализации навыки и механизмы поведения или открывает новые способы профессионального поведения и решения задач.

Таким образом, берется некоторая система, в которой субъект юридической деятельности присутствует и, следовательно, может быть описан через функциональные и структурные связи и элементы внутри социально-правовой системы. Поскольку субъект юридической деятельности описывается как элемент целого (системы), то описывая целое, задается определенная модель специалиста. Однако при осуществлении этой внешне несложной схемы построения модели в эмпирическом исследовании обнаруживается целый ряд трудностей.

Одним из социально-правовых аспектов, связанных с этическими проблемами юридической практики является проблема, связанная с тем, что субъекты юридической деятельности объективно становятся агентами социального контроля [2]. Профессиональное образование включает в себя знания и навыки, которых не имеют непрофессионалы, поэтому обладание специальными юридическими знаниями и полномочиями является одним из источников так называемой профессиональной власти, с помощью которой субъекты юридической деятельности могут влиять на субъектов правоотношений и доминировать над ними. В этом смысле возникает стратификация во взаимоотношениях, в которых субъекты юридической деятельности занимают доминирующую позицию, а субъекты правоотношений – подчиненную. Субъект юридической деятельности и субъект правоотношений – это ячейка социального взаимодействия в социально-правовой системе, поэтому выявление ценностных доминант, на которых основаны эти взаимодействия, разрешение ценностных конфликтов, оценка альтернатив и т.д. – все это представляет собой основу развития социально-правовых аспектов профессиональной этики, которые должны проявляться в позитивной реализации социальной субъектности всеми участниками социально-правового взаимодействия. Таким образом, любая социальная связь в обществе, а в контексте нашего исследования – это взаимоотношения субъекта юридической деятельности и субъекта правоотношений – может осуществляться лишь в том случае, если ее участники знают и соблюдают нормы поведения, обеспечивающие взаимопредсказуемость совместных действий, а это в свою очередь, и есть социально-правовой аспект профессиональной этики субъекта юридической деятельности.

В социально-правовом контексте проблема профессиональной этики предполагает функциональную динамику двух составляющих – это общественная система и система личности и связывающие их процессы взаимодействия [5]. Именно при таком подходе появляется необходимость в социально-правовом обосновании процесса становления профессиональной этики, а это, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки и обоснования теоретических основ построения модели формирования профессиональной этики субъекта юридической деятельности в контексте её социально-правовых аспектов. Проблема выявления социально-правовых аспектов профессиональной культуры субъекта юридической деятельности предполагает рассмотрение следующих моментов: во-первых,

функциональное отношение индивида и профессиональной среды (функции профессиональной среды по отношению к индивиду и функции индивида по отношению к профессиональной среде), во-вторых, связанный с функциональным отношением вид взаимодействия индивида и социально-правовой системы. Несмотря на внешнюю разнородность этих оснований, они позволяют упорядочить социально-правовые аспекты профессиональной этики субъекта юридической деятельности и оказываются внутренне связанными между собой. Получается так, что социально-правовые аспекты содержания профессиональной этики раскрываются через систему индивидуально-профессиональных качеств, ведущих её компонентов и функций, а профессиональная культура предстает как интегративное качество личности юриста-профессионала, условие и предпосылка его эффективной деятельности, как обобщенный показатель профессиональной компетентности и цель профессионального самосовершенствования.

Уровни анализа и аналитические типы взаимоотношений индивида и профессиональной среды, характер тех механизмов становления профессиональной этики, которые исследуются на том или ином уровне неизбежно предполагают социально-правовые аспекты профессиональной этики субъекта юридической деятельности, которые можно свести к следующим моментам: во-первых, это модель и структура профессиональной этики, степень включения индивида в профессиональную среду; во-вторых, социальная эффективность индивида в профессиональной среде; в-третьих, объективные характеристики профессиональной среды, в контексте её правового поля. Методологические элементы этого ряда возникают там, где встает вопрос о том, как исследовать взаимоотношения человека и профессиональной среды, а именно в каких категориях – социальной системы, культуры, символического взаимодействия, потребностей человека и т.п.? К теоретико-методологическим проблемам тесно примыкает ряд социально-практических проблем, связанных с поисками путей управления изучаемыми процессами. В частности, с поисками тех социальных факторов, которые детерминируют процесс и результаты взаимодействия субъекта юридической деятельности и профессиональной среды в социально-правовом поле. Такими факторами являются не личностные характеристики субъекта юридической деятельности и даже не особенности реализации его профессиональной деятельности, а та социально-правовая система, в рамках которой происходит взаимодействие субъекта юридической деятельности и профессиональной среды.

Анализ социально-правовых аспектов профессиональной этики субъекта юридической деятельности предполагает следующие направления. В первом направлении способ анализа задан тем, что социально-правовая среда описана как культура. Отсюда следует, во-первых, что отношения между субъектом юридической деятельности и социально-правовой системой рассматриваются как безличные, т.е. как отношение субъекта юридической деятельности к безличной внешней, имеющей наиндивидуальное существование правовой культуре, состоящей из системы правовых ценностей и норм. Социально-правовая система здесь описывается в терминах ценностей и норм, функциональных по отношению к ней, а субъект юридической деятельности - в терминах интернализованных им ценностей и норм. Основные исследовательские задачи этого направления – измерить степень и структуру включенности субъекта юридической деятельности в культуру социально-правовой системы, выявить те факторы и характеристики личности, от которых зависит включенность субъекта юридической деятельности в профессиональную деятельность, в контексте социально-правовых аспектов профессиональной этики. Во втором направлении исследования способ анализа предопределен тем, что социально-правовая система представлена как система, которая основана на принципе законности как доминантного ценностного основания. Отношения между субъектом юридической деятельности и социально-правовой системой рассматриваются как межличностные, как отношения между индивидами, где некоторые из них выступают от лица этой социально-правовой системы (субъекты правоотношений и субъекты юридической деятельности). Социально-правовая система описывается как многомерная структура ролей. Основные исследовательские задачи этого направления –

измерить степень и структуру принятия ролевых идентификаций, из которых состоит социально-правовая система, определить уровни этих идентификаций, а также те характеристики личности, от которых зависит степень реализации ролевых характеристик профессиональной этики субъектом юридической деятельности. В третьем направлении исследования способ анализа определяется тем, что социально-правовая среда выступает как ценностная система. Отношение субъекта юридической деятельности к профессиональной среде на этом уровне – это те ценностные доминанты профессиональной этики, которые дают (или не дают) возможность субъекту юридической деятельности соответствовать ценностным основаниям социально-правовой системы на которых она (система) функционирует.

Таким образом, социально-правовая система является тем полем на котором осуществляется связь общества и субъекта юридической деятельности. Осуществить эту связь означает задать субъекту юридической деятельности определенные, связанные с данной сферой деятельности, образцы и способы поведения. Только в результате активных познавательных действий субъекта (будущих специалистов – юристов), побуждаемых потребностью в профессиональной реализации формируется ценностный образ этой профессии как система отношений, проявляемых в профессиональной этике. Теоретическое значение нашего исследования состоит в разработке основ и конкретных рекомендаций по совершенствованию процесса формирования развития профессиональной этики субъектов юридической деятельности, а выводы будут способствовать дальнейшему, более полному исследованию проблем, связанных с феноменами профессиональной культуры и права, а также в практике совершенствования в системе высшего профессионального образования. Материалы исследования могут быть также использованы в законотворческой деятельности, при создании федеральных и региональных программ социально-правового развития, при разработке мероприятий по совершенствованию правового сознания, а также в совершенствовании учебных планов в системе высшего профессионального юридического образования.

Список литературы

1. *Алюшин А.Л.* Разрывы правовой преемственности в истории России XX века //Полис. – 2005. – № 3. С. 83-91.
2. *Арзамаскин Н.Н., Сандальникова Е.В.* Современные тенденции развития института общественного контроля как механизма формирования правового государства в России на современном этапе // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – №2 (32). С. 59-62.
3. *Красникова Е.А.* Этика и психология профессиональной деятельности представителей юридических профессий. – М.: «Форум-ИНФРА», 2003.
4. *Лукашева Е.А.* Механизм действия социокультурного комплекса цивилизаций// Ценности и образы права. – 2007. №4, С. 15-28.
5. *Минаков П.А.* Гражданское общество – социальная основа правового государства // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2 (32). С. 110-117.

12.00.03

К.Р. Файзрахманов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
юридический факультет, кафедра гражданского и предпринимательского права,
Казань, k.fayzrakhmanov@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В АСПЕКТЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Настоящая работа посвящена соотношению инструментальной теории права и учения о межотраслевых связях. На примере данного соотношения, используя системный подход, выявлены так называемые коллизионные узлы, участки противоречий, пробелов в научном знании, которые, как полагает автор, содержат в себе значительный эвристический потенциал. С помощью данной методологии поставлена проблема выделения межотраслевых гражданско-правовых средств в теории гражданского права.

Ключевые слова: инструментальная теория права, учение о межотраслевых связях, метод коллизионных узлов.

Серьезный шаг в эволюции научного знания в XX веке сделала научная дисциплина, именуемая синергетикой, основоположниками которой считают Г. Хакена и И. Пригожина. В основе данного научного направления лежит системный подход, предпосылкой которого является тезис о том, что системность, является способом существования материи [1].

В настоящее время не вызывает сомнений тот факт, что позитивное право представляет собой иерархически построенную систему норм права. Поэтому системный подход в праве, полагаем, является квинтэссенцией изучения права как объекта социальной реальности.

Одной из наиболее ярких современных работ в области теории гражданского права, в которой системный подход был реализован в полном объеме, является учение о межотраслевых связях, разработанное Казанским профессором М.Ю. Чельшевым. Межотраслевые связи в праве, в том числе и межотраслевые связи гражданского права, как полагал ученый, это системные связи многоуровневого характера между правовыми нормами разной правоотраслевой принадлежности, а применительно к гражданскому праву – нормами этой отрасли и других правовых образований [7].

Проведенное профессором М.Ю. Чельшевым комплексное исследование межотраслевых связей гражданского права позволило построить определенную правовую модель (учение о межотраслевых связях), которая через призму собственно введенных сущностей и допущений по-новому объясняет определенную сферу бытия права.

Следует признать, что одной из эпистемологических особенностей всего спектра социальных и гуманитарных наук является инвариативность научной истины.

В частности, интервальный подход исходит из того, что в научном познании могут существовать в качестве допустимых разные «картины» одного и того же объекта [5].

На современном этапе развития юридической науки, в том числе на уровне отраслевых наук, также наблюдается расширение границ объекта исследования, как следствие, появляются совершенно новые теоретические конструкции с собственным понятийным аппаратом, по-новому либо в иной плоскости объясняющие известные нам правовые феномены. Данное обстоятельство, кроме очевидных преимуществ, связано и с тем, что по мере усложнения категориального аппарата науки исследователи сталкиваются с проблемой, когда традиционные правовые термины могут сосуществовать в полисмысловых границах.

В данном аспекте одной из важнейших научных задач становится выявление места и связей отдельного элемента, являющегося, к примеру, объектом отдельно взятого исследования, в общей правовой модели.

Системный подход в праве позволил профессору М.Ю. Чельшеву обнаружить, что отраслевые системы права являются системами открытого типа и элементы этих систем могут взаимодействовать на внутреннем и внешнем уровнях, образуя системные связи особого рода.

При внимательном соприкосновении с указанной работой Казанского ученого, достижения анализируемой научной концепции методом индукции и абстрагирования можно экстраполировать на область общенаучной философской методологии. В данной связи, необходимо отметить, что межотраслевые (межсистемные) связи проявляются не только в плоскости отраслевого правового регулирования, схожее взаимодействие наблюдается и в сфере структуры научного знания, в том числе на уровне юридической науки.

Скажем, на метауровне юридическая наука взаимодействует с политической наукой, экономической наукой, и т.д., образуя межнаучные связи (межнаучные коммуникации). На внутрисистемном уровне юридической науки коммуникация происходит на внутриотраслевом, например, связи между различными концепциями в рамках отдельно взятой науки гражданского права, и межотраслевым (междисциплинарным) уровнях, например, очевидна связь между теоретическими разработками теории государства и права и отраслевыми научными направлениями.

Подобное взаимное влияние и взаимное проникновение, как и в случае с межотраслевыми связями, способно порождать коллизионные узлы, то есть участки, на которых элементы одной теоретической модели вступают в противоречие либо не находят своего отражения в рамках другой. В подобном аспекте одним из приемов правового исследования является поиск и изучение подобных коллизионных узлов.

Данный метод научного исследования можно условно именовать в качестве «метода коллизионных узлов». При использовании данного приема происходит некий теоретический эксперимент, при котором исследователь сознательно выявляет конфликт между различными теоретическими моделями, описывающими схожий (либо единый) объект. При этом не всякое противоречие или конфликт образует коллизионный узел. Коллизионный узел может быть обнаружен лишь в том случае, если он содержит эвристический потенциал, то есть в будущем может быть разрешен либо способен генерировать новые участки исследования. Эффект данного метода заключается не в том, что он непосредственно образует приращение нового знания, а в том, что указывает исследователю потенциальный источник нового знания.

Возвращаясь в плоскость науки гражданского права, продемонстрируем эффект применения метода коллизионных узлов.

В настоящее время одной из перспективных и динамично развивающихся правовых теорий, как полагает автор, является инструментальная теория права. Вместе с тем, следует одновременно признать, что до сих пор в научном сообществе не выработано единых представлений о сущности и содержании данного научного направления. Оставляя за рамками настоящей работы рассмотрение всех возможных точек зрения относительно содержания указанной теоретической модели, отметим, что наиболее последовательной представляется позиция, выраженная в работах Б.И. Пугинского [2] и С.Ю. Филипповой [4]. В самом общем виде инструментальный подход в праве, или как указывает Б.И. Пугинский теория деятельности, представляет собой такой срез в праве, при котором объектом исследования являются не совокупность норм права, а деятельность субъектов применяющих право.

Центральным элементом инструментальной модели права является категория гражданско-правовых средств. Будучи цементирующим элементом данной системы, указанная категория одновременно является наиболее слабым звеном, поскольку ее понятийная размытость искусно используется оппонентами в научных дискуссиях. Поскольку в рамках настоящей работы нет возможности подробно анализировать данную категорию, в качестве исходного определения предложим следующее: это существующие в правовой действительности

(материи) формы юридического поведения, призванные в своем функционировании удовлетворять цели (интересы) субъектов права.

Вне зависимости от способа определения понятия правовых средств, важно выделить то, что в праве существуют помимо известных нам традиционных категорий некие образования отличные либо схожие, но изучаемые в иной смысловой плоскости явления, которые нуждаются в отдельном и самостоятельном изучении.

Вместе с тем, выделяя гражданско-правовые средства в качестве самостоятельной сущности, неизбежно возникает проблема соотношения данной категории с уже известными праву явлениями, которые в качестве элементов гармонично входят в существующую правовую модель. Вышесказанное должно поставить перед исследователем, как минимум, следующие вопросы: не образует ли коллизионный узел выделение категории гражданско-правовых средств в качестве самостоятельного элемента системы в аспекте традиционной доктрины права, в том числе учения о межотраслевых связях; не разрушает ли это выделение категориальный аппарат науки гражданского права.

Обнаруживая и демонстрируя внутриотраслевые и межотраслевые связи по стадиям механизма правового регулирования, в диссертационном исследовании профессор М.Ю. Чельшев неоднократно упоминал категорию гражданско-правовых средств. Например, как отмечал ученый, отсылки в налоговом законодательстве к гражданскому свидетельствуют о том, что в механизм правового регулирования налоговых отношений включаются частноправовые средства, повышающие его эффективность [8].

При положительном ответе на вопрос о включенности гражданско-правовых средств в сферу системы догматики права, возникает целый комплекс иных проблем. Так, остается открытым вопрос о классификации правовых средств и гражданско-правовых средств, в частности.

Оставаясь в плоскости традиционных представлений о праве, В.А. Сапун в своей работе отмечает, что в зависимости от методов, способов и типов правового регулирования выделяются властно-императивные правовые средства и средства автономного регулирования [3].

Приведенная классификация, при ближайшем соприкосновении, обнаруживает свою схожесть с классификацией норм права на императивные и диспозитивные. В таком случае остается дискуссионным вопрос о том, в чем качественная эффективность подобной классификации и не возникает ли эффект, когда схожий объект описывается наукой различным понятийным аппаратом.

Подключая к проблеме классификации гражданско-правовых средств категории учения о межотраслевых связях, можно обнаружить следующий коллизионный узел.

Допуская существование частных и публичных правовых средств, отраслевых правовых средств, логически можно предположить о существовании межотраслевых гражданско-правовых средств.

В качестве примера межотраслевых связей в анализируемой работе М.Ю. Чельшева приводится связь института компенсации морального вреда с трудовым правом, где применяется категория возмещения морального вреда. В данном случае компенсация морального вреда становится не только гражданско-правовым средством защиты, но и средством защиты прав работника, применяемого в иной отрасли права. Возможно ли в таком случае делать вывод о межотраслевом статусе указанного средства защиты.

В триаде проблема-гипотеза-теория, постановка вопроса о выделении межотраслевых гражданско-правовых средств это лишь предварительный этап научного поиска, результатом которого может быть научная проблема. Сам по себе коллизионный узел это еще не научная проблема.

Под категорией проблема принято считать форму знания, содержанием которой является то, что еще не познано человеком, но что нужно познать [6].

Выявляя коллизионные узлы, исследователь выявляет спектры (области), в рамках которых возможно формирование научной проблемы. Важно понимать, что на всех этапах

научного поиска ученый не ограничивается единственным взятым методом. Как на этапе выявления коллизионных узлов, так и на этапе перехода от коллизионного узла к научной проблеме применяются в полном объеме и иные известные науке методы.

В данном контексте, можно утверждать, что метод коллизионных узлов это прием, который интуитивно всегда присутствовал в рамках познавательного процесса, однако логика и правила данной методики, равно как и сам метод, в науке, как полагает автор, в настоящее время не сформированы.

На данном этапе, полагаем, что вопрос о выделении категории межотраслевых гражданско-правовых средств в контексте инструментальной теории права в качестве научной проблемы не исследовался. По крайней мере, для положительного ответа на вопрос о нецелесообразности выделения межотраслевых гражданско-правовых средств в качестве самостоятельной сущности, необходимо провести соответствующее научное исследование.

Таким образом, эти и другие вопросы могут быть обнаружены на стыке коллизионных узлов межотраслевого учения и инструментальной теории права. Ответы на поставленные вопросы могут быть и вовсе не обнаружены в ближайшее время, либо привести к углублению противоречий. Однако, важно отметить, что это вовсе не свидетельствует о бесплодности научного поиска, поскольку накопление противоречий в рамках одной парадигмы является предпосылкой к следующему шагу в эволюции научного знания.

Список литературы

1. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – С. 455. ISBN 5-98032-278-7.
2. *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. - М.:Юрид.лит., 1984 – 224с
3. *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01/ Сапун Валентин Андреевич. – Нижний Новгород, 2002 – С.66
4. *Филиппова С.Ю.* Инструментальный подход в науке частного права. – М.: Статут, 2013. – 350 с. ISBN 978-5-8354-0907-5 (в обл.).
5. Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. для вузов. / Под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М: Академический Проект, 2008. – С. 32.
6. Философия: Учебное пособие для высших учебных заведений. - Издание 6-е, переработанное и дополненное – Ростов н/Д: «Феникс», 2003. – С. 464
7. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Челышев Михаил Юрьевич. – Казань, 2008 – С. 14
8. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование. - С.55

12.00.01

М.А. Фастова к.ю.н.

Астраханский государственный технический университет,
юридический факультет, кафедра теории и истории государства и права,
Астрахань, romanenkoma82@mail.ru

ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В работе представлено исследование посредничества с точки зрения характеристики его как одной из теоретических моделей – формы общественных отношений. Рассматривается концептуальная схема различных аспектов и сторон посредничества как формы общественных отношений, анализируемая через осуществление связей между субъектами.

Ключевые слова: *посредничество, теоретическая модель, общественные отношения, конфликт.*

Теоретические модели можно рассматривать с семантической (то есть связанной с понятиями репрезентации и сходства) и познавательной (связанной с косвенным получением информации об изучаемой системе) точек зрения. Социологический словарь рассматривает теоретическую модель предмета исследования как совокупность логически взаимосвязанных абстрактных понятий, описывающих предметную область исследования. С учетом этого, предполагается рассмотреть концептуальную схему различных аспектов и сторон посредничества, складывающуюся из теоретической модели посредничества как: формы общественных отношений; формы поведения; формы разрешения конфликтов; явления и процесса; вида деятельности; комбинации приемов, способа функционирования.

Посредничество как форма общественных отношений понимается как осуществление связей между субъектами, а также как многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности.

Характер посреднических отношений зависит от субъектов, взаимодействующих друг с другом. На его изменение и прогрессирующее развитие оказывает влияние человек со своими интересами, мотивами, ценностями, потребностями. Уровень развития общества в рамках того или иного государства определяется как господствующими типами хозяйства, уровнем развития производительных сил, так и установившимися экономическими, политическими, социальными, культурными, нравственными, правовыми и другими отношениями субъектов.

Общими чертами всех общественных отношений, в том числе посреднических, являются: объективное содержание, существующее в объективной реальности субъектно-субъектных связей; связи с производительными силами, посреднические отношения изменяются под воздействием производительных сил, одновременно оказывая влияние на их изменение; субъектно-субъектные отношения по поводу объектов; взаимодействие между субъектами всегда целенаправленно и ориентировано на разрешение возникающих противоречий; посреднические отношения определяются, прежде всего, рыночными отношениями, а те, в свою очередь, экономическими отношениями, без которых невозможно удовлетворение многочисленных человеческих потребностей, что делает посредничество связанным с производством, расширенным воспроизводством; посреднические отношения возникают благодаря всеобщим законам взаимосвязи между субъектами (взаимодействия и взаимозависимости людей в обществе); посреднические отношения формируются в процессе определенной деятельности (оказание услуг, торговля, обслуживание и т.д.); посреднические отношения сочетают материальные (материализуются все процессы обмена,

приобретения, владения и т.п.) и духовные элементы (связаны с культурой рынка, проявлением его в общественном сознании и мышлении и т.п.); посреднические отношения представляют собой образ жизни – способ существования и функционирования субъектов по поводу распределения благ; совокупность устойчивых, типичных видов деятельности на рынке.

Таким образом, все общие черты общественных отношений проявляются в посреднических, как связанных с образом жизни и деятельностью субъектов, социальных групп и классов, вступающих в сложные многообразные отношения по поводу распределения общественных благ.

Вместе с тем, посреднические отношения имеют и ряд специфических признаков, а именно: возникли с появлением первобытного обмена (т.е. одновременно с первобытно-общинными отношениями), развивались параллельно с производственными отношениями, тем самым способствуя развитию общественно-экономической системы; определяются статусом субъектов – классами, социальными организациями, социальными группами, индивидами в различных сферах, выполняющих в обществе свои функции и роли. Подобные субъектно-субъектные связи имеют устойчивый, повторяющийся характер, возникают по поводу обмена объектами производственно-распределительного процесса – товарами, услугами, денежными средствами, знаниями, информацией, навыками и т.п.

Субъектно-субъектные связи могут носить: интегрирующий характер (сотрудничество, заключение договоров, купля, продажа, слияние); противодействующий характер (конкурентная борьба, соревнование, захват, поглощение).

Главными элементами структуры посредничества как общественных отношений выступают большие социальные группы и отдельные личности, потребители разного уровня, начиная с организаций, заканчивая людьми, приобретающими товары и услуги для личного пользования и употребления. Соединение объективного и субъективного в посредничестве проявляется в сознательном поведении субъектов и отношении к своей деятельности в обществе. Сознательность выражается в способности субъектов адекватно отражать рыночные проявления, представлять и применять целесообразность взаимодействия с другими субъектами в условиях определенной деятельности в соответствии со своими потребностями и опытом.[1]

Особенностью посредничества как формы общественных отношений является и то, что посредничество является социальным явлением не в «чистом виде», а выступает как: социально-экономическое явление; общественное отношение по поводу обмена и торговли; способ распределения товаров, услуг и доходов; инструмент управления общественными производственно-распределительными процессами.

Посредничество по своему содержанию в ракурсе рассматриваемого вопроса представляет собой объективную реальность и общественную ценность. Направленность и содержательность посредничества участвуют в организации производственно-распределительных процессов, в определении структуры производства товаров и услуг, которые обладают ценностной значимостью для данного общества, в регулировании общественных отношений, в координации рыночных отношений с целью достижения социально ориентированного рынка с присущими ему социальными нормами.

Посредничество как явление рассматривается как выражение сущности, как проявление посреднических отношений в общем, и предполагает: выделение субъектов особого рода со своими социально значимыми признаками и интересами; наличие социальных функций посредничества (аксиологическая, управленческая, коммуникативная, аналитическая, прогностическая и другие) и дисфункций посредничества; присутствие социальных норм, кодексов, образцов поведения, символических культурных признаков (заключение договоров, проведение маркетинговых исследований, разработка товарного знака, стандартизация и сертификация, получение лицензий и т.п.).

Посредничество как явление общественной жизни может быть изучено только при более детальном рассмотрении его структурных элементов: источников, движущих сил,

механизмов запуска и функционирования системы, главного системообразующего звена (деятельности в обществе), дополнительных системообразующих звеньев, цели (потребностей субъектов), результата (степени удовлетворения субъектов).

На развитие посредничества оказывают влияние многие факторы: характер производственных отношений, культурные установки и традиции, политические отношения, природные факторы, демографические, социальные, правовые и другие.

Характерными особенностями аспектов посредничества выступают его содержательность и направленность. Содержание посредничества определяют его социальные функции. Направленность развития посредничества зависит от общественных отношений, в которые вступают многочисленные, многообразные субъекты с субъективными взглядами, деятельностью, а также зависит от сложившегося в обществе уровня производственных отношений. Направленность посредничества является содержательной, точно так же, как и содержание посредничества является направленным. Они находятся в диалектическом единстве и противоречии.

Содержательность и направленность посредничества зависят от формы участия субъектов посредничества, формируются под воздействием культурно-ценностных ориентацией субъектов, их образа жизни, быта, профессии, семьи, работы, государственного иерархического влияния и др.

Посредничество и субъекты посредничества развиваются и существуют в диалектическом единстве и противоречии: с одной стороны, оно управляет, организует, стимулирует производство, контролирует деятельность субъектов, заставляя их постоянно совершенствоваться; с другой стороны, субъекты сами при помощи механизма посредничества управляют своими взаимоотношениями и взаимодействуют с природой, средствами производства, другими субъектами с целью удовлетворения своих потребностей.

Список литературы

1. *Абдуллина С.В.* Социальный феномен посредничества: Дисс... канд.социол.наук. Уфа, 2011. С. 58.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

13.00.01

И.П. Белов к.п.н., Т.Г. Белова к.п.н.

Московский технологический институт «ВТУ», филиал в г. Оренбурге,
Оренбург, belovip@mail.ru, tgbelova@mail.ru

**СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ
В ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКЕ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

В статье рассматривается процесс становления исследовательского метода обучения в зарубежной педагогике.

Ключевые слова: *исследовательский метод обучения, зарубежная педагогика.*

В современной системе образования исследовательский метод обучения является одним из наиболее актуальных.

Цель работы заключалась в том, чтобы проследить процесс становления исследовательского метода обучения в зарубежной педагогике. Временные рамки обусловлены тем, что именно в середине XIX века происходит окончательное оформление концепции исследовательского обучения, однако этому предшествовал долгий период попыток практического применения и теоретического осмысления его необходимости. Задачи работы связаны с анализом педагогического наследия обозначенной эпохи и с выявлением элементов исследовательского метода обучения в теории и практике образовательной деятельности.

Анализ зарубежных педагогических систем показывает, что идеи о необходимости организации самостоятельного исследовательского поиска учащихся в процессе обучения появились не сразу и прошли длительный путь развития.

Одним из первых применил данный метод в своих знаменитых «сократических» («эвристических») беседах древнегреческий философ Сократ (469-399 гг. до н.э.). Полагая, что человек приобретает знание не извне, а как бы порождает его сам, он не навязывал слушателям готовые выводы, а побуждал их самих находить истину. Исходя из известного жизненного тезиса философа – «Я знаю только то, что я ничего не знаю», обе стороны находились в равном положении относительно свободного поиска истины, что предполагало возможность критического отношения к утверждениям наставника.

Сократ называл свой метод «майевтикой», «повивальным искусством» самопорождения истины в сознании ученика, с помощью направленных вопросов помогающим ему обнаружить противоречия в рассуждениях и пройти путь от неопределенных представлений к выявлению сути предмета.

В современной интерпретации познавательная майевтика Сократа непосредственно соотносима с основными идеями исследовательского обучения, поскольку включает в себя:

- систему наводящих вопросов, отвечая на которые ученик сам постепенно приходит к верным суждениям;
- отстраненную позицию педагога, демонстрирующего свое мнимое незнание обсуждаемой проблемы.

В педагогических системах эпохи Древнего мира и Средневековья в обучении преобладали репродуктивные методы, направленные на передачу молодому поколению необходимого социального опыта в готовом виде.

Эвристический потенциал сократической беседы, педагогическая плодотворность идеи свободных занятий в саморазвитии личности с необходимостью были востребованы эпохой

Возрождения, высокой гуманитарной доминантой которой явилось понимание того, что «для самореализации человека и высвобождения его потенциала нужны благоприятные внешние обстоятельства (богатая культурная среда) и внутренние условия (собственные цели и интерес)» [111, с. 48].

Подобное понимание было отражено, в частности, в модели свободной школы итальянского мыслителя и педагога Витторино де Фельтре (1378-1446), где образование ребенка основывалось не столько на получении знания как такового, сколько на обнаружении и развитии (саморазвитии) его творческих возможностей, а также, во взглядах Эразма Роттердамского (1469-1536) и Франсуа Рабле (1494-1553), призывающих применять в обучении собственные наблюдения воспитанников.

Знаковыми фигурами новой образовательной парадигмы явились французский философ-гуманист М. Монтень (1533-1592) и английский философ Ф. Бэкон (1561-1626) – сторонники экспериментального метода познания и критического осмысления истины, считавшие, что взрослому человеку необходимо научиться самому наблюдать окружающий мир, формулировать собственные суждения, самостоятельно прокладывая путь к новому знанию исходя из опыта и данных научного эксперимента.

В XVII веке некоторые положения сократовской педагогики были развиты чешским педагогом-гуманистом Я.А. Коменским (1592-1670), разработавшим – в противовес средневековой схоластике – новую систему обучения на основе принципа природосообразности образования как педагогически инициируемого процесса развития естественных дарований ребенка.

Коменский считал, что природное в человеке обладает самостоятельной и самодвижущейся силой. Будучи последователем философии сенсуализма, Я.А. Коменский полагал, что только чувственное восприятие в процессе собственных наблюдений может дать каждому ученику истинные представления о мире. Великим мыслителем был сформулирован принцип исследовательской самостоятельности ученика в познании мира: «Людей следует учить главным образом тому, чтобы они черпали знания не из книг, а наблюдали сами небо и землю, дубы и буки, то есть, чтобы они исследовали и познавали самые предметы», развивали в себе «способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание их и употребление их» [99, с. 304-305].

Каждое из приведенных утверждений Я.А. Коменского можно рассматривать как призыв к преодолению «школы принуждения» в пользу «школы свободного развития», построению обучения на фундаменте природной поисковой (исследовательской) активности ребенка. Однако, в условиях действовавшей в то время модели школы, эти призывы оказываются малоприменимы.

Стремление спроектировать школу, адекватную не столько социальным запросам, сколько запросам самого ребенка объединяло видных деятелей культуры Нового времени – Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, создавших собственные философско-педагогической концепции.

Основное содержание гносеологической концепции английского философа, политика и педагога Дж. Локка (1632-1704) определила теория сенсуализма, исходным понятием выступила категория опыта. Поскольку у ребенка отсутствуют врожденные представления и идеи, и он появляется на свет, будучи подобен «чистой доске», готовый воспринимать окружающий мир посредством своих чувств, именно на опыте основывается и из него происходит всё знание человека.

Кроме внешнего опыта ощущений существует и внутренний, рефлексивный опыт, являющийся результатом собственной мыслительной деятельности, преобразующий посредством разума простые идеи, составляющие основу знания, в идеи сложные. Образование, строящееся на таком подходе, призвано, прежде всего, организовать и обогатить внутренний опыт размышлений ребенка.

С современными идеями исследовательского обучения концепцию Дж. Локка сближает то, что он выступал против знаний, оторванных от жизни, против преобладания словесных методов обучения, ориентировал образование на достижения научной мысли, старался

придать ему практический характер. С точки зрения исследовательского обучения важно, что английский мыслитель призывал обучать ребенка увлекательно, побуждая его вопросами, опираясь на интересы и природную активность, поощряя любознательность, позволяя иметь свою точку зрения. Важнейший тезис педагогической системы Дж. Локка заключается в том, что ученика надо научить мыслить самостоятельно. Цель обучения - в развитии у учащегося способностей к самостоятельным суждениям и умозаключениям, а также в том, «чтобы сообщить уму ту свободу, то предрасположение и те привычки, которые бы сделали его способными в дальнейшей жизни овладеть любой областью знания, которой он займется или которая ему понадобится». [132, с. 61]

Реальное воплощение идеи исследовательского обучения нашли в концепции «свободного воспитания». Хотя в статусе самостоятельного данное направление оформилось только в конце XIX – начале XX века, оно исторически неразрывно связано с гуманистическими традициями западноевропейского Ренессанса, достойным продолжателем которых стал выдающийся деятель французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо (1712-1778). Руссо был поборником развития у детей познавательных способностей, самостоятельности мышления, врагом догматики и схоластики.

Выдвинув идею активного обучения, Руссо считал, что знания ребенок должен добывать путем самостоятельного исследования окружающего мира: «Не нужно иной книги, кроме мира; не нужно иного наставления, кроме фактов... Сделайте вашего ребенка внимательным к явлениям природы... Ставьте доступные его пониманию вопросы и предоставьте ему решить их. Пусть он узнает не потому, что вы ему сказали, а потому, что он сам понял» («Эмил, или О воспитании») [7, с. 32]. Тем самым Чувственное познание и опыт становятся важными источниками становления научного знания ребенка, а потому следует развивать потребности познавательного действия учащихся, всячески поощряя исследовательские навыки и изобретательность.

Система «естественного воспитания» Руссо опиралась на врожденную активность детей и идею «спонтанного научения», предполагая создание особой среды развития ребенка, целенаправленного наполнения его жизненного пространства предметами, способствующими «насыщению» детского сознания. При этом, следуя за «природой человека», развивающая среда должна соотноситься с возрастными особенностями ребенка.

Так в период от 2 до 12 лет ребенку необходимо накапливать чувственный опыт, без которого невозможна умственная деятельность. От 12 до 15 лет следует развивать потребности действия, поощрять исследовательские навыки и изобретательность. Дети переходят от ощущений к идеям, знаниям. Движимые интересом, они приобретают опыт, на основе которого и формулируют выводы. Чувственное познание и опыт становятся источниками научного знания.

Именно Ж.Ж. Руссо, одним из первых на практике максимально привносит в обучение компонент самостоятельной исследовательской деятельности воспитанника: необходимо обучать, включая ребенка в исследовательский поиск, развивая его ум и способность самостоятельно приобретать знания, искать, думать, находить решение проблем. Главная задача воспитателя – пробудить желание воспитанника к изучению науки, вызвав интерес к ней, побуждая желание учиться, незаметно направляя его деятельность и создавая нужные условия.

Провозглашая идею развивающего обучения, швейцарский педагог И.Г. Песталоцци (1746-1827) утверждал: «Главная цель первоначального обучения не в том, чтобы наделить знанием учащегося, а в том, чтобы развить и увеличить его умственные силы» [182, с. 29], при этом педагогу следует только помогать ученику, направляя его на путь саморазвития. Полагая, что у ребенка изначально есть «духовное стремление к совершенству», Песталоцци усматривал сущностные основы образования в постижении взрослеющим человеком принципов познания и способов самостоятельной познавательной деятельности, раскрытии и саморазвитии его природных сил и способностей.

С точки зрения исследовательского обучения значим провозглашенный И.Г. Песталоцци принцип самостоятельности ребенка в деятельностном освоении мира. Уже на уровне элементарного образования ребенок учится, развивается благодаря чувственному восприятию и собственной деятельности, осуществляя «возвышение духа от смутных наблюдений до ясных понятий», «получая впечатления и обогащаясь опытом», который «должен найти ясное выражение в словах» [181, с. 41].

Поэтому необходимо поощрять детское свойство удивляться миру и желание познавать его, чему во многом должна способствовать система взаимоотношений между учителем и учеником, строящаяся на гуманной основе признания свободы и независимости детской личности. Предоставив ребенку возможность наблюдать, самостоятельно исследовать внешний мир, педагогу важно научить его анализировать результаты наблюдений и сравнивать их, устанавливать причинно-следственные связи между явлениями, обобщать факты и постепенно переходить к формированию понятий.

Хотя немецкого философа, психолога и педагога И.Ф. Гербарта (1776-1841), традиционно причисляемого к авторитарной педагогике, вряд ли можно отнести к сторонникам идеи исследовательского обучения, нельзя не отметить, что в его педагогической концепции высказываются суждения, весьма близкие к образовательным постулатам названной идеи. Так, основанием всякого мышления Гербарт считал опытное познание: чего не дано в опыте, то не должно быть предметом мышления; знание не может преступить границы опыта.

Придавая большое значение умственному развитию учащихся, Гербарт выделял два основных акта мыслительной деятельности – углубление и осмысливание (размышление), связанные с выявлением и объединением отдельных частей познаваемого объекта. Детей следует учить так, чтобы они получали новые представления с опорой на уже имеющиеся, пытались самостоятельно устанавливать отношения между понятиями, умели применять полученные знания в своей деятельности.

Ф.А.В. Дистервег (1790-1866), соотечественник Гербарта, связывал идею активизации обучения с принципом самостоятельности учащихся: только в самостоятельной деятельности реализуется способность растущего человека к совершенствованию, интенсивно развиваются свойственные ребенку ум, мышление, наблюдательность, активность, инициатива. Степень практической реализации самостоятельного потенциала личности во многом зависит от учителя. Дидактической вершиной учительского мастерства Дистервег считал способность к применению метода «сократической беседы», утверждая, что плохой учитель преподносит истину, а хороший учит ее находить.

Обосновывая преимущества «отыскивающего» метода в противовес методу «сообщающему», он писал: «...то, что познано другими, идет мне на пользу лишь в той мере и постольку, поскольку будит во мне стремление к исследованию». [65, с. 170]

Прогрессивные взгляды Дистервега ориентировали педагогическую науку и практику на кардинальные реформы и преобразования, но зримые их ростки активно проявятся позже.

Проведенный историко-педагогический анализ показывает, что исследовательский метод обучения имеет многовековые традиции в зарубежной теории и практике. Однако в условиях господствовавшей организационной модели школы он оказывался малоприменим.

Свое целостное выражение идея исследовательского метода получила во второй половине XIX века, когда были созданы реальные образовательные модели, ориентированные на практическое применение исследовательского обучения в школе. И связано это, прежде всего с именами Г. Спенсера, Р.Э. Армстронга, Т. Гексли (Великобритания), считавшими, что «Давать чистый результат исследования без всякого ведущего к нему исследования - недействительно». [228, с. 205]

Именно в это время была сформулирована общая концепция метода, называемого в дальнейшем «эвристическим», «лабораторно-эвристическим», «опытно-испытательным», «естественнонаучным», «исследовательским».

Длительный период педагогического поиска завершился окончательным оформлением идеи исследовательского метода обучения во II п. XIX века. Что в свою очередь, создало

предпосылки к его дальнейшему развитию и воплощению в педагогических системах XX-XXI вв.

Список литературы

1. *Андреев, В.И.* Педагогика творческого саморазвития / В.И.Андреев. – Казань: Издательство Казанского университета, 1998. – 318 с.
2. *Дистервег, А.* Руководство для немецких учителей // Дистервег, А. Избранные педагогические сочинения / Адольф Дистервег. – М : Учпедгиз, 1956. – 374 с.
3. *Коменский, Я.А.* Великая дидактика / Я.А. Коменский // Избранные педагогические сочинения : в 2 т. – М.: Педагогика, 1982. - Т.1. – 656 с.
4. *Крылова, Н.Б.* Культурология образования / Н.Б. Крылова. – М.: Народное образование, 2000. – 272 с.
5. *Локк, Д.* О воспитании разума / Джон Локк – М.: Изд. Дом Ш. Амонашвили, 2001. – 210 с.
6. *Песталоцци, И.Г.* Речь 12 января 1812 года / И.Г. Песталоцци // Антология гуманной педагогики. – М.: Изд. Дом Ш. Амонашвили, 1998. – 230 с.
7. *Спенсер, Г.* Воспитание умственное, нравственное и физическое / Герберт Спенсер. – М.: Университет РАО, 2002. – 336 с.

13.00.01

И.Ф. Гарафутдинова

Казанский государственный университет культуры и искусств,
факультет социально-культурной деятельности,
кафедра педагогики и психологии,
Казань, whiterain.88@mail.ru

АКТИВИЗИРУЮЩИЙ И ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГОТОВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Статья посвящена проблеме активизирующего и интенсифицирующего потенциала игровых технологий и их использования в процессе формирования готовности старшеклассников к семейной жизни. Выявлены особенности игровых технологий, проанализированы виды игр, способствующие подготовке к семейной жизни и брачно-семейным отношениям и приобретению знаний, умений и навыков в сфере семейной жизни.

Ключевые слова: семья, игровые технологии, социально-ориентирующие игры, сюжетно-ролевая игра, деловая игра, имитационные игры, «деловой театр».

Современная семья – это система, которая требует тщательной подготовки к ней, включающая социально-психологические установки личности, определяющая эмоционально-психологическое отношение к образу жизни, ценностям супружества [1 с.85]. Анализ теоретических работ по формированию готовности старшеклассников к семейной жизни позволил сделать вывод, что готовность к семейной жизни включает в себя ряд аспектов: нравственную готовность, готовность к межличностному общению, способность к самоотверженности, эмпатийный комплекс, эстетическую культуру чувств и поведения личности и конструктивность в умении разрешать конфликты [1,6 и т.д.].

История изучения формирования готовности старшеклассников к семейной жизни позволяет утверждать, что традиционные пути и способы данной деятельности теряют свою актуальность в силу отсутствия решения проблемы и требуют инновационного педагогического подхода к современной ситуации подготовки к семейной жизни.

Формирование готовности старшеклассников к семейной жизни средствами современных педагогических технологий актуально в силу его активизирующего и интенсифицирующего характера в современном образовательном пространстве.

Активизация подразумевается как деятельность, направленная на организацию мотивации в потребности усвоения знаний и умений, высокую результативность. Такая активность возможна лишь при использовании педагогических средств и умелого педагогического воздействия. Современные педагогические технологии обладают такими активизирующими и интенсифицирующими характеристиками, однако, только в некоторых из них данная референция составляет главную идею и основу эффективности результатов. К таким технологиям относятся игровые технологии.

Анализ теоретических исследований и практического опыта использования игры зарубежными и отечественными педагогами показывает важность использования игровых технологий в обучении и воспитании. Игровые педагогические технологии включают в свою систему обширную группу методов и приемов организации педагогического процесса в форме дидактических игр. Как средство обучения игра притягательна потому, что в процессе игровой деятельности ее участники находятся в позиции активных деятелей, а действия, выполняемые ими, являются выражением их внутренней позиции [3 с.123].

Применение игровых технологий в воспитании семьянина и формировании готовности старшеклассников к семейной жизни обуславливается некоторыми причинами:

Во-первых, игра повышает активность старшеклассников и интенсифицирует их познавательную деятельность в рамках темы, что позволяет успешному вовлечению в познания о сущности семьи и брака;

Во-вторых, традиционные уроки нравственности, беседы обладают неким ограниченным характером, тогда как применение обучающих игр открывают широкие возможности познания основ семейной жизни с ее различными аспектами;

В-третьих, проигрывание игровых ситуаций, касающихся семейной жизни, позволяет «примерять» еще не использованные возможности в семье. В этом скрыты потенциальные возможности игры как средства активизации учащихся;

В-четвертых, игровые технологии влияют на формирование высоких коммуникативных возможностей в семейной жизни;

В-пятых, применение различных видов игровых технологий способствуют творческому развитию старшеклассников. Так, например, использование элементов труда в игровой ситуации позволяют перенести игровой вариант в познавательную и трудовую деятельность учащихся старших классов;

В-шестых, положительный результат применения игровых технологий при формировании готовности старшеклассников к семейной жизни могут повлиять на использование игры в дальнейшем учениками в различных жизненных ситуациях, в том числе в своей семье. Например, обучение конструктивному спору может способствовать применению его в спорных и конфликтных ситуациях в добрых отношениях и в семейной жизни в дальнейшем.

Сегодня современные ученые, делая акцент на старший школьный возраст, выделяют игры, которые могут применяться в формировании готовности старшеклассников к семейной жизни.

Одним из таких видов игр являются *социально-ориентирующие игры*. Социально-ориентирующая игра – импровизация, которая характеризуется включенностью всех участников. Особенностью этих игр является то, что здесь выстраивается ситуация выбора, где дается возможность не только выбрать ход своего участия в игре, но и метод и пути достижения цели [2, с.13]. Такие игры обладают возможностью ориентации на социализацию личности старшеклассника. Рассмотрим наиболее яркие из них:

- *Сюжетно-ролевая игра* ориентирована на моделирование старшеклассниками социальных отношений, которые развиваются согласно заданному сюжету. Главный педагогический смысл подобных игр при формировании готовности старшеклассников к семейной жизни исследователи видят в построении ситуаций, связанных с семейной жизнью, в которых присутствует условие выбора. Учащийся, играя ту или иную роль, например, супруга, должен найти способ решения семейной проблемы, конфликтной или спорной ситуации в межкупужеских взаимоотношениях с играемой позиции, включая при этом и свои ценности, установки и характерные особенности своей личности. По мнению Б.В. Куприянова, игры, в которых учащиеся вживаются в роли и играют по заданному сюжету, имеет и иную сторону, а именно, использование реального отношения к заданной игровой ситуации [2]. Педагогическая задача в таких играх направлена на достижение единого результата, поэтому роль в игре должна исполняться без воздействия внешних факторов.

- *Деловая игра*, используется для решения целого комплекса задач: усвоения нового и закрепления полученного материала, развития творческих способностей. [7]. С точки зрения формирования готовности старшеклассников к семейной жизни, деловая игра отличается своей направленностью на конкретные семейные процессы, конкретные действия членов семьи, достижение определенной познавательной цели, а также выполнение правил семейных взаимоотношений в рамках определенной игровой роли. В результате определенных согласованных и обусловленных данной ситуацией действий участников игры, должно быть принято компетентное решение, позволяющее решить возникшую проблему наиболее рациональным путем [5, с.121].

- *Имитационные игры* как средство подготовки старшеклассников к семье и браку направлены на имитацию семьи, которая включена в определенное событие. В подобных играх важно воссоздать обстановку и условия, в которых происходит разворачивание ситуации и определить характер действия «членов семьи». Кроме того, имитационные игры должны включать в свой сценарий структуру и назначения имитируемых процессов и объектов.

- *Операционные игры* в подготовке старшеклассников к семейной жизни направлены на отработку выполнения конкретных операций, которые направлены на различные аспекты семейной жизни. Операционные игры отличаются моделированием соответствующего рабочего процесса.

- *«Деловой театр»* так же направлен на разыгрывание какой-либо ситуации, в котором рассматривается поведение и ситуации выбора в заданной обстановке. Феномен театрализованности игры состоит в том, что она позволяет решать актуальные проблемы психолого-педагогической науки: способствует обучению, развивает воображение, фантазию и память, активизирует мышление и т.д. [4, с.185].

Применение игровых технологий как одной из продуктивных форм обучения и воспитания обеспечивает воссоздание содержания и условий подготовки старшеклассников к семейной жизни. Ролевые, деловые, операционные и другие виды игр помимо активности учащихся старших классов требуют профессионализма учителя, так как организация и ход подобных игр отличается своими особенностями. В рамках ограниченного времени урока это кажется невыполнимым, однако, умелое распределение времени и выполнение всех этапов проведения игры обеспечивают ее успешность и результативность.

Таким образом, использование игровых технологий, формирующих готовность старшеклассников к семейной жизни, способствуют эффективности приобретения знаний, умений и навыков в сфере семейной жизни. На наш взгляд модель подготовки к семейной жизни средствами игровых технологий обеспечивает возможность формирования готовности старшеклассников к семейной жизни в единстве его целей, содержания и форм. В ходе реализации этой модели на все более высоком уровне отрабатываются необходимые навыки и умения будущих семьянинов в условиях субъект-субъектного взаимодействия. Сочетание учебной, воспитательной и квазисемейной деятельности в игровых технологиях формируют в старшеклассниках умения и навыки решения семейных задач в дальнейшей жизни. Кроме того, в ходе реализации игровых технологий в формировании готовности старшеклассников к семейной жизни можно получить практическое применение знаний, необходимых в построении стабильной благополучной семьи – коммуникативные, межсупружеские, детско-родительские – а также соответствующие умения и навыки. Все это способствует формированию готовности юношей и девушек к семейной жизни.

Список литературы

1. *Калмыкова, Е.С.* Психологические особенности первых лет супружеской жизни / Е.С. Калмыкова // Вопросы психологии. – 1983. - №3. – С.83 – 89.
2. *Куприянов, Б.В., Рожков, М.И., Фришман, И.И.* Организация и методика проведения игр с подростками; взрослые игры для детей: уч.-метод. Пособие / Б.В. Куприянов, М.И. Рожков, И.И. Фришман. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. – 216 с.
3. *Левшина, Н.И.* Использование игровых технологий в профессиональной подготовке специалистов / Н.И. Левшина // Начальная школа. – 2010. - №7. – С. 122 – 124.
4. *Фасхутдинова, Э.С.* Театрализованная деятельность как один из методов игровых технологий с целью активизации познавательной деятельности / Э.С. Фасхутдинова // Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании: материалы международной научно-практической конференции 1-2 апреля 2012 г. – Пенза – Витебск – Москва: Научный издательский центр «Социосфера», 2012. – С.
5. *Фролова, О.А.* Формирование профессиональной межкультурной компетенции средствами игровых технологий / О.А. Фролова // Научный вестник МГИИТ. – 2011. - №3. – С. 116 – 125.
6. *Шнейдер, Л.Б.* Семейная психология: уч. пособие для вузов. – изд.4-е / Л.Б. Шнейдер. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – 736 с.
7. *Щедровицкий, Г.П.* Организационно-деятельностная игра. Сборник текстов / Г.П. Щедровицкий. – М.: Наследие ММК, 2005. – 320 с.

13.00.02

П. Голестан

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, филологический факультет, кафедра методики, педагогики и психологии Москва, delashena_golestan@yahoo.com

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ – ФИЛОЛОГОВ

В статье предпринимается попытка проанализировать круг наиболее частотных ошибок в письменной речи иранских студентов, представить их типологию и дать объяснение причин их возникновения.

Ключевые слова: *ошибки, письменная речь, иранские студенты, русский язык, интерференция.*

В основе обучения письму лежит овладение графической и орфографической системами языка для записи отдельных слов, словосочетаний, предложений, становление навыков фиксации устной речи с помощью графических знаков. Обучение письменной речи подразумевает формирование умений сочетать слова в письменной форме для выражения своих мыслей в соответствии с потребностями общения, а также формирование коммуникативных умений. Письменная речь является сложной аналитико-синтаксической деятельностью, в которой действуют определенные механизмы, включающие различные элементы, например: отбор слов, требуемых для данного конкретного текста; распределение предметных признаков в группе предложений; выделение предиката как стержневой части в смысловой организации предложения; организацию связи между предложениями и др. Основным продуктом письменной речи является текст, для производства которого необходимо владеть соответствующими умениями. Трудности, возникающие в процессе овладения письмом иностранными учащимися, приводят к преобладанию ошибок следующих типов: 1) графические (смещение букв, внешне сходных в русской и латинской графике, неразличение похожих между собой по начертанию русских букв; 2) орфографические (правописание букв, передающих звуки в функционально слабых позициях); 3) коммуникативные трудности (отсутствие непосредственного собеседника, промежуточной обратной связи, общей ситуации для пишущего и его адресата). Коммуникативный подход в методике преподавания русского языка позволяет квалифицировать ошибки в письменной речи иностранных учащихся, выявить отсутствие целого ряда коммуникативных умений у иранских учащихся при работе с письменным текстом. К типичным ошибкам может привести неумение: а) создавать собственные тексты разных жанров (план, тезисы, конспекты, аннотации, резюме, рефераты, заявления и т.д.), относящиеся к разным сферам общения; б) использовать приемы описания, повествования, рассуждения, доказательства; в) писать под диктовку или передавать своими словами содержание прослушанного; г) находить и исправлять в письменном тексте разнородные ошибки [1].

Исследование проблемы количества и характера ошибок имеет двойную цель: диагностическую и прогностическую. Диагностическая заключается в возможности узнать об уровне знаний учащихся во время учебного процесса, а прогностическая - подсказывает путь коррекции учебного процесса для решения основных текущих проблем. Анализ ошибок учащихся способствует правильной организации отбора, подачи и отработки языкового материала, в частности, повторяемость ошибки - один из критериев дозировки упражнений для тренировки, изучение типичных ошибок и причин их появления является необходимым условием управления учебным процессом [2]. Основной массив типичных устойчивых ошибок возникает на интерференционной основе, под влиянием системы родного языка,

которую учащийся освоил в раннем детстве. Важен также учёт внутриязыковых ошибок, отражающих динамику процесса овладения языком. Просчеты методической организации обучения также могут являться причинами нарушений. Значительная часть внутриязыковых ошибок возникает вследствие расхождения в системах изучаемого и родного языков, а также объясняется специфическими трудностями изучаемого языка, например, русского и персидского языков, особенностей графической системы двух языков.

Ошибки такого рода обнаруживаются прежде всего в письменных работах студентов. Практика показывает, что объяснение и тренировка со студентами проблемных моментов графики и орфографии в начале процесса изучения языка позволяет избежать повторения ошибок в дальнейшем. Рассмотрим наиболее частотные ошибки в письменной речи на основе экзаменационных работ 2009 – 2010 учебного года студентов Машхадского и Мазандаранского университетов (Иран). Нами выделяются графические, орфографические, пунктуационные, грамматические, и социокультурные ошибки. Например, анализируя графические ошибки иранских учащихся, можно отметить, что они при написании на русском языке допускают распространенные ошибки: использование на письме печатных букв; обратное написание букв (*б, д, ы*); замена русских букв латинскими (*б* на *b*, *т* на *t*, *п* на *p*, *р* на *r*, *ш* на *w*) и др.

Довольно часто учащиеся путают употребление прописных и строчных букв: в начале предложения, в начале прямой речи и цитаты; при написании имен собственных (фамилии, отчества людей, клички животных, названия стран, городов, рек, озер и тому п.д.); при написании названий фирм и компаний, должностей и титулов, а также при написании отдельных слов (Бог, Родина). Это относится и к местоимению *Вы* при использовании в качестве вежливого обращения к одному человеку. Бесспорно, эти ошибки связаны с традициями персидского и русского письма, они допускаются вследствие отсутствия дифференциации прописных и строчных букв в персидском письме.

Анализ орфографических ошибок и трудностей иранских студентов показал влияние межъязыковой интерференции: отсутствие редукции гласных в персидском вокализме, отсутствие ассимиляции согласных по звонкости/ глухости, мягкость-твёрдость персидских согласных не несёт той смысловозначительной и фонематической нагрузки, которая свойственна согласным русского языка и др. Наибольшее количество ошибок иранских учащихся допускают в написании: безударных гласных (например, *вакзал, мароз, вады, шол*); звонких и глухих согласных на конце и в середине слова (например, *зуп, дуп, экзамен, шупка, изсохнуть*); твердых и мягких согласных (например, *возми, баньтих, песньня*); двойных согласных (например, *клигром, артиллерия*); *Ь* после шипящих (например, *тучь, мыш, навзнич*).

Сравнительный анализ позволяет также выявить причину довольно частых случаев культурной интерференции, когда студенты используют принятые в Иране речевые формулы, например, такие, как обращение, выражение вежливости и признательности при создании текстов на русском языке. Персидские письма начинаются словами и словосочетаниями *besmehi taālā* «Во имя Всевышнего, Именем Всевышнего». В персидском языке отсутствует обращение по имени и отчеству, поскольку у иранцев отчество не существует. При официальном общении у иранцев частотной формой является обращение по фамилии, которое в основном употребляется в сочетании с уважительным компонентом «*господин* и «*госпожа*» с добавлением ученой степени, звания, которые помещаются перед фамилией, *jenābe āqāy-e mohandes Karimi, modir-e mohtaram-e omure beynollmelal* «уважаемый господин инженер Карими, менеджер по международным связям». *jenābe āqāy-e doktor Naderi, riyāsat-e mohtaram-e danešgah* «Уважаемый ректор господин доктор Надери». После обращения в тексте в персидском языке восклицательный знак не ставится.

Приветствие в начале персидского письма является обязательным элементом, используются разнообразные формулы, например: *bā salām, bā eхdāe salām, salāmaleykom* «С приветствием!», *bā salām va dorud, bā salām va tahniyat* «С поздравлением и приветствием!», *ba salām va doay-e хeyr* «С приветствием и благословением!», *zamn-e salām va хast-e nabāšid*

«Поздравляя и с пожеланием, чтобы Вы не устали», *ba salām va ārezu y-e qabuliy-e tāat va ebādāt* «С приветствием и пожеланием принятия Вашей молитвы!».

Просьба в деловых письмах на персидском языке выражается лишь в положительной форме безличным предложением, Например, *khāheshmand ast, mostadi ast, motemani ast, estedā dārad* «просит», «убедительно просит».

Анализ ошибок иранских учащихся убеждает в необходимости повышения уровня коммуникативной компетенции, что служит залогом подготовки квалифицированного специалиста по русскому языку в Иране.

Список литературы

1. Балыхина Т.М. / Игнатьева О.П. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся – М.: РУДН, 2006. – С. 126.
2. Rogoznaya N.N. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (На материале разноструктурных языков): Дис. д-ра филол. наук. – М., 2003. – С. 212

13.00.05

В.Г. Иванова

Московский государственный университет культуры и искусств,
факультет социально-культурной деятельности, кафедра звукорежиссуры,
Химки, nii007@bk.ru

АВТОРСКИЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКО-ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ СКД В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ И УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

В статье Ивановой В.Г. «Авторские модели развития творческо-продуктивной деятельности у специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры» рассматривается роль творческо-продуктивной деятельности в формировании личности, которая являлась и в настоящее время является предметом исследования современных исследователей. Учеными создаются авторские модели развития творческо-продуктивной деятельности и следует отметить, что эффективное ее развитие обеспечивает целостное и оптимальное сочетание принципов обучения и воспитания, педагогических условий и требований к организации взаимодействия субъектов, позволяет реализовать содержание педагогического процесса, направленного на: 1) непрерывное, поэтапное овладение инновационно-информационными технологиями, 2) формирование активности в творческо-продуктивной деятельности, 3) дальнейшее развитие современной информационной культуры.

Ключевые слова: модель, развитие, творчество, продукт, специалист, социально-культурная деятельность, вуз, учреждение, культура, технология.

Эффективную подготовку будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры обеспечивает целостное и оптимальное сочетание принципов обучения и воспитания, педагогических условий и требований к организации взаимодействия субъектов, что позволяет реализовать содержание педагогического процесса, направленного на формирование активности в творческо-продуктивной деятельности, на непрерывное, поэтапное овладение инновационно-информационной компетентностью.

Моделирование СКД позволяет прогнозировать динамику формирования исследуемого личностного образования у будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры от низкого к среднему и высокому уровню, дает возможность привести результат этого процесса в соответствие с требованиями современного информационного общества. Универсальными возможностями для развития творческо-продуктивной деятельности у специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры обладает активная деятельность, способная интегрировать ее разнообразные виды.

Результативность модели формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности у специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры достигается благодаря применению комплексной педагогической технологии, включающей в себя традиционные и инновационные технологии в сочетании с проникающими технологиями. Основой комплексной технологии является моделирование, а также проектирование и конструирование образовательного процесса, его определенных компонентов с ориентацией на высокий результат, что позволяет более эффективно организовать и осуществить процесс формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности у будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры.

Профессор МГУКИ В.С. Садовская, занимающаяся ряд лет проблемами моделирования

СКД, отмечает: «Педагогический аспект социально-культурной деятельности, сущность которого не только в самореализации, но и в саморазвитии личности, позволяет говорить о технологии моделирования социально-культурной деятельности» [2].

Целесообразно выделить традиционные технологии – это классические, апробированные практикой технологии, обеспечивающие эффективность педагогического процесса при условии их грамотного использования. К традиционным технологиям формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности у специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры относятся технологии, основанные на объяснительно-иллюстративном, диалоговом, индивидуализированном, дифференцированном обучении.

Инновационные технологии – это технологии, разработанные с учетом современных тенденций развития научно-технического прогресса и тенденций информатизации образования. К инновационным технологиям, применяемым в ходе формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности у будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры, относятся технологии, основанные на проблемном, модульном, дифференцированном обучении; интернет-технологии, видеотехнологии, мультимедиа-технологии, дистанционные, технология портфолио и т.д. Названные выше технологии сопровождаются проникающими технологиями, играющими роль катализаторов и активизаторов. В процессе формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности проникающими технологиями выступают такие, как: видеолекции, рейтинговая технология, технология «кейс-стади» и др. В настоящее время роль традиционных, инновационных и проникающих технологий, их организационных решений, применяемых форм, методов, средств, а также их возможностей и преимуществ в формировании исследуемого личностного образования у будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры имеет определяющее значение.

Целью комплексной технологии является формирование активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры как интегративного личностного образования, обеспечивающего мобильность и комфортность в условиях информатизации образования. Поставленная цель достигается при решении следующих задач: обогащение специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры знаниями и умениями из области инновационно-информационных технологий; развитие интеллектуальных способностей, мотивационно-потребностной, ценностно-смысловой, рефлексивной и эмоционально-волевой сферы; формирование информационного мировоззрения будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры; приобретение опыта самообеспечения учебной, профессиональной, исследовательской или иной познавательной деятельности.

Исследователь СКД, декан факультета СКД МГУКИ Е.В. Чижикина отмечает в своей работе, посвященной изучению технологий формирования профессиональной направленности менеджера культуры, что реальная действительность диктует потребность в профессионально ориентированных специалистах, не только хорошо знающих свое дело, но и предприимчивых, деловых, энергичных, обладающих развитым профессиональным самосознанием, организаторскими способностями, умеющими в сложных и противоречивых условиях работы добиваться результативности и успеха [3].

Одним из основных условий внедрения в педагогический процесс и эффективного функционирования авторской модели формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры посредством комплексной технологии является разработка необходимого программно-методического и организационного обеспечения данного процесса. Под программно-методическим

обеспечением в работе понимается создание целевого дидактического пакета материалов (учебных пособий, учебно-методических комплексов, методических рекомендаций, разработок, специальных программ, программных средств учебного назначения и пр.). Блок дидактического обеспечения включает в себя курс лекций, методические указания по темам занятий, учебно-методические пособия, вопросы к экзаменам и зачетам, списки литературы и рекомендуемых Интернет-ресурсов, способы, формы обучения и контроля. Блок программно-технологического обеспечения предполагает оснащенность современными компьютерами, техническими средствами обучения; наличие необходимых компьютерных программ учебного назначения. Организационное обеспечение предполагает создание благоприятных условий, способствующих эффективному протеканию процесса формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, информационно-коммуникационной компетентности будущего специалиста СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры. К этому виду обеспечения относятся: применение разработанного учебно-методического комплекса по каждому предмету; организация помощи студентам; предоставление соответствующим образом оборудованных аудиторий, использование ресурсов локальной компьютерной сети и т.д. В контексте организационного обеспечения анализируемого процесса рассматриваются изменения учебного плана, принимаемые для осуществления непрерывного характера процессу формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, инновационно-информационной компетентности у будущих специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры.

Неотъемлимой частью программно-методического и организационного обеспечения процесса формирования активности в творческо-продуктивной деятельности, информационно-коммуникационной компетентности у специалистов СКД в вузах культуры и искусств и учреждениях культуры является разработка комплексного содержания обучения в рамках всех дисциплин, решающих поставленную задачу, создание модульной программы. Важно отметить, что «... современная государственная социально-культурная политика — это интегрирование различных программ и проектов, касающихся всех слоев населения, в единое целое при усилении регулирующей роли современного общества», - констатирует профессор МГУКИ А.Д. Жарков [1].

Формирование современной личности - это сложный процесс, который находится в прямой зависимости от факторов внутренней и внешней среды, где внутренняя среда - это потенциал самого человека, а внешняя среда - это то, что связано с общественным и научно-техническим развитием общества.

Список литературы

1. Жарков А.Д. Социально-культурная политика государства — важнейшее условие функционирования социально-культурной деятельности // Культура и образование №1 (10).- 2013. С. 67.
2. Садовская В.С. Технологии моделирования социально-культурной деятельности: один из подходов к проблеме//Культура и образование №1 (10).- 2013. С. 86.
3. http://nsomsuc.amoti.ru/chizhikova_e_v____professionalnaya_napravlennost_menedzhera_kultury_tehnologii_formirovaniya_uchebnoe_posobie_2006_g (10.09.13)

13.00.05

В.Г. Иванова

Московский государственный университет культуры и искусств,
факультет социально-культурной деятельности, кафедра звукорежиссуры,
Химки, nii007@bk.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИИТ И РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СКД В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

В статье Ивановой В.Г. «Совершенствование ИИТ и развитие творческо-продуктивной деятельности специалистов СКД в учреждениях культуры» рассматривается активное использование инновационно-информационных технологий в различных областях человеческой деятельности, их стремительное совершенствование. Выделены этапы, знаменующие яркие изменения в обращении с информацией, наступление которых, исследователи называют информационными революциями.

Автором статьи отмечено, что развитие творческих способностей осуществляется посредством творческо-продуктивной деятельности специалистов СКД (социально-культурной деятельности) в учреждениях культуры; происходит эффективное, гармоничное и полноценное развитие креативности и творческого потенциала специалистов СКД, продолжается совершенствование их профессионального мастерства с учетом функционирования инновационно-информационных технологий.

Ключевые слова: совершенствование, развитие, творчество, продукт, специалист, мастерство, социально-культурная деятельность, учреждение, культура, инновационно-информационные технологии.

В современном обществе происходит стремительное развитие и активное использование инновационно-информационных технологий в различных областях человеческой деятельности. Мы живем в информационном пространстве, современное общество называем информационным обществом. Эффективная организация обмена информацией стала в настоящее время залогом успешной практической деятельности людей.

В истории развития общества определены этапы, знаменующие яркие изменения в обращении с информацией, наступление которых, ученые называют информационными революциями. Первая информационная революция связана с изобретением письменности, позволившим накапливать и передавать знания. Цивилизации, освоившие письменность, быстрее других достигали высокого культурного и экономического уровней развития. Позднее переход к алфавитному способу письма сделал письменность более доступной и способствовал смещению центров цивилизации в Европу. Вторую информационную революцию (в середине XVI в.) вызвало изобретение книгопечатания, когда стало возможным не только сохранять и тиражировать информацию, но и делать ее массово-доступной. Это ускорило развитие науки и техники, что в свою очередь, дало толчок промышленной революции. Третья информационная революция (в конце XIX в.) была обусловлена появлением новых средств связи. Использование телеграфа, телефона, радио позволило оперативно передавать информацию на дальние расстояния. Этот информационный прорыв совпал с периодом активного развития естествознания, следствием чего стала последовательность многих научных открытий. Четвертую информационную революцию связывают с появлением микропроцессорной техники (в 70-х гг. XX в.), персональных компьютеров. Применение и широкое распространение компьютерной техники и телекоммуникационных сетей упростило и радикально изменило процедуры поиска обработки, хранения и передачи информации.

Роль информационных процессов в жизни современного общества неуклонно возрастает.

Информация постепенно становится основным фактором развития цивилизации, стратегическим ресурсом человечества, единственным из всех ресурсов, который при потреблении приумножается. В последние десятилетия XX века человечество столкнулось с ситуацией информационного взрыва. Чтобы справиться с лавиной информации, потребовались специальные средства для ее хранения и использования, что привело к необходимости внедрения новых технологий обработки и передачи информации и послужило началом перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Наступившую эру в истории человечества назвали постиндустриальным обществом, информационным обществом, обществом знаний. Постиндустриальное общество – это общество, в котором сфера услуг имеет приоритетное развитие. В социальной структуре постиндустриального общества возрастает численность людей, занятых в сфере услуг, в сфере обработки информации. Главными продуктами производства в современное время являются информация и знания, которые становятся определяющими факторами развития общественной жизни и экономики, инновационно-информационные технологии оказывают решающее влияние на повышение уровня и качества жизни.

Следует отметить, что в 90-е годы XX века начинается изучение феномена Интернета и среди первых зарубежных учёных следует выделить Д.Белла, который в 1973 году начал изучение формирующегося общества, которое он назвал постиндустриальным. Теоретики информационного общества открыли широкие перспективы для изучения современного цивилизационного развития - здесь можно назвать труды Д.Белла, Ж.Бодрийяра, У.Д.М.Кастельса, М.Маклюэна, Дж. Мартина, Й.Масуды, Т.Стоуньера, Э.Тоффлера, А.Турена и др.

В информационном обществе процесс компьютеризации дает людям доступ к надежным источникам информации, избавляет их от рутинной работы, обеспечивает высокий уровень автоматизации обработки информации в производственной и социальной сферах; изменяются уклад жизни, система ценностей, возрастает значимость культурного досуга по отношению к материальным ценностям. В информационном обществе производятся и потребляются интеллект, знания, что приводит к увеличению доли умственного труда. От человека требуется способность к творчеству, возрастает спрос на знания. Материальной и технологической базой информационного общества становятся различного рода системы на базе компьютерной техники и компьютерных сетей, информационной технологии, телекоммуникационной связи. Первоосновой всех направлений деятельности человека является информация, информация является и продуктом деятельности современного человека.

Существуют опасные тенденции: все большее влияние на общество имеют средства массовой информации; информационные технологии могут разрушить частную жизнь людей и организаций; наблюдается проблема отбора качественной и достоверной информации; многим людям, особенно пожилого возраста, трудно адаптироваться к среде информационного общества; имеется опасность разрыва между людьми, занимающимися разработкой информационных технологий – так называемой информационной элитой, и потребителями.

Становление информационного общества осуществляется через информационное развитие, предполагающее трансформацию всех общественных институтов и сфер человеческой деятельности под воздействием инновационно-информационных технологий, создание условий для формирования развитой информационной среды, адекватной задачам социально-экономического развития.

Основные тенденции развития инновационно-информационных технологий в социально-культурной сфере совпадают с направлениями развития информационного общества. В связи с направленностью приоритетов России в эпоху информационного общества, ученые прогнозируют дальнейшее развитие инновационно-информационных технологий, в том числе и в сфере СКД. Технологический процесс является наиболее значимым фактором развития общества, способным влиять на социальные процессы, улучшение технологий

СКД, при этом необходимо выделить творческий аспект, где творчество — процесс деятельности, при котором появляются качественно новые материальные и духовные ценности. Развитие творческих способностей осуществляется посредством творческо-продуктивной деятельности специалистов СКД в различных учреждениях культуры, при этом происходит эффективное, гармоничное и полноценное развитие креативности и творческого потенциала специалистов СКД, продолжается совершенствование их профессионального мастерства с учетом функционирования инновационно-информационных технологий.

В современных исследованиях личности развитие способностей к творчеству признается многомерным явлением, включающим интеллектуальные, личностные и социальные факторы. Важнейшим путем реализации творческо-продуктивной деятельности специалистов СКД в учреждениях культуры является организация такой деятельности, которая в современное время основывается на использовании инновационно-информационных технологий.

Профессор МГУКИ А.Д. Жарков считает, что: «В современной социально-культурной ситуации культурные интересы и потребности личности меняются весьма быстро, изучить их особенности, факторы, оказывающие влияние на формирование потребностей и интересов — важное направление таких исследований» [1].

Необходимость модернизации современной системы социально-культурной деятельности следует из общей проблемы значительного возрастания объема накопленных обществом знаний, которые должен освоить современный человек, поэтому одним из главных направлений развития социально-культурной деятельности становится инструментально-технологическая модернизация, заключающаяся в использовании возможностей различного рода технологий, в том числе инновационно-информационных.

Инновационно-информационные технологии активно применяются во всех постановках различных программ специалистов СКД. В СКД современного общества первой половины 21 века создаются оригинальные формы досуга: интерактивные спектакли, мюзиклы, антрепризы, ледовые шоу, модельные представления, а также появляются многочисленные новые формы с применением инновационно-информационных технологий.

Список литературы

1. Жарков А.Д. Социально-культурная политика государства — важнейшее условие функционирования социально-культурной деятельности // Культура и образование №1 (10).- 2013. С. 72.

13.00.08

Т.О. Катербарг

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средней общеобразовательной школы №1, г. Сургут, kto85@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ

В статье уточняется: понимание самообучающейся организации; рассматриваются условия развития, активизации и реализации профессионального потенциала педагогов непосредственно в ситуации профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональный потенциал педагога; самообучающаяся организация; режим развития.

Перевод школы в режим развития позволяет «создать условия для массового творчества, для перерастания отдельных зон прорыва в целостное инновационное пространство с новыми технологиями, средствами, типами педагогической деятельности» [2].

Большое внимание в отечественной педагогике сегодня уделяется исследованию проблем развития системы непрерывного педагогического образования. Различным аспектам этой проблемы посвящены работы многих исследователей (С.Г. Вершловский, Л.Н. Горбунова, Н.А. Григорьева, С.А. Дочкин, И.Р. Лазаренко, Е.А. Леванова и др.) Как показывает анализ их работ, основная проблема заключается в преодолении оторванности системы повышения квалификации учителей от реальных потребностей их профессиональной деятельности.

За прошедшие годы апробированы и внедрены разнообразные инновационные формы повышения квалификации учителей (И.А. Носков, Л.С. Страхова, О.Г. Тавстуха, Н.В. Тарасова, И.П. Цвелюх и др.) Однако в целом ведущей формой дополнительного образования педагогов в этой системе остается групповое курсовое повышение квалификации.

С точки зрения развития профессионального потенциала педагога данная форма дополнительного профессионального образования мало эффективна и, по мнению О.О. Киселевой [3] обуславливает необходимость поиска и разработки «различных форм интеграции образования и профессиональной деятельности». С этой точки зрения одной из продуктивных представляется идея «школы как самообучающейся организации».

По мнению Л.С. Обласовой [4], становление образовательной организации как «самообучающейся организации» представляет собой процесс и результат развития образовательного учреждения, обеспеченный непрерывностью инновационных процессов, осуществляемых в образовательном учреждении, и непрерывным профессиональным развитием педагогического персонала образовательной организации.

На протяжении трех лет нами осуществлялась опытно-экспериментальная работа в рамках разработанного нами и реализуемого под нашим руководством (как заместителя директора школы по научно-методической работе) управленческого проекта «Внутришкольное обучение педагогов как фактор качественных изменений в образовательном пространстве школы» [1], который был направлен на совершенствование методической работы в школе и требовал внесения изменений в ее структуру с последующим организационно-структурным закреплением форм работы.

На завершающем этапе опытно-экспериментальной работы, в ходе которой осуществлялось внедрение разработанного нами организационно-методического обеспечения, была выполнена оценка изменений по выбранным показателям.

Диагностика уровня саморефлексии педагогов по завершении эксперимента показала увеличение числа педагогов с высоким уровнем саморефлексии – с 3 до 12%.

Были получены также данные, свидетельствующие об *изменении ценностных ориентаций* части педагогов в направлении принятия значимости реализации своего профессионального потенциала в практической деятельности: выделенные нами ценности получили высокие ранговые места (1-4) у 29% учителей (против 24% в начале эксперимента).

Данные, характеризующие *уровень мотивации* педагогов к освоению инноваций, полученные до и после опытно-экспериментального внедрения разработанного организационно-методического обеспечения, в сопоставлении представлены в табл. 1

Таблица 1 - Уровни мотивации педагогов (в % к числу респондентов)

Уровни мотивации	Начало эксперимента	Конец эксперимента
1 уровень	40	61
2 уровень	36,4	29,7
3 уровень	23,6	9,3

Проведенное исследование показало, что число педагогов с высоким уровнем мотивации к концу опытно-экспериментальной работы увеличилось с 40% до 61%. Это свидетельствует о желании и стремлении учителей развивать и реализовывать свои профессиональные потенциальные возможности. Изменения были отмечены и в характере профессиональной направленности педагогов как интегральной характеристике личности. В табл. 2 приведены показатели сформированности профессиональной направленности до и после проведения опытно-экспериментальной работы.

Таблица 2- Уровни сформированности профессиональной направленности педагогов (в % к числу респондентов)

Уровни мотивации	Начало эксперимента	Конец эксперимента
Высокий уровень	82	87
Средний уровень	15	11
Низкий уровень	3	2

Преобразование форм внутришкольного обучения и создание развивающей профессионально-педагогической среды в образовательном пространстве школы оказали заметное влияние на показатели познавательной активности педагогов: число педагогов, характеризующихся высоким уровнем познавательной активности, увеличилось с 15% до 24%.

Уровень готовности педагогов к применению современных образовательных технологий достиг к концу опытно-экспериментальной работы 100%- ого показателя (на начало эксперимента – 81%).

Повысились также показатели уровня творческой активности педагогов. Если на начало эксперимента число педагогов, проявляющих творческое отношение к профессиональной деятельности составляло 84% (76% и 8% соответственно), то по окончании эксперимента оно возросло до 93%.

Свидетельством повышения уровня творческой активности учителей следует также рассматривать желание заниматься научно-исследовательской деятельностью, которое выразили 3 педагога.

Косвенным показателем повышения творческой активности педагогов школы выступает также высокая оценка и поддержка их деятельности у социальных партнеров: поощрены дипломами 3 педагога – на международном уровне, 9 – на всероссийском, 1 – на региональном. Трое награждены грантом мэра г. Сургута, 4 – грантом Губернатора ХМАО-Югры, 6 человек – победители федерального конкурса на получение денежного поощрения лучшим учителям в рамках приоритетного национального проекта «Образование», 9 поощрены премией мэра города за достижение высоких результатов в профессиональной деятельности.

Согласно полученным данным (табл. 3), число педагогов, которые в своей педагогической деятельности ограничиваются рамками нормативных требований, в результате внедрения разработанного организационно-методического обеспечения сократилось более чем в два раза (с 48% до 20%). Остальные педагоги более или менее активно включились в инновационную деятельность. Увеличилось почти вдвое число творчески работающих учителей.

Таблица 3- Изменение уровня активизации профессионального потенциала педагогов (в % к числу респондентов)

Уровни мотивации	Начало эксперимента	Конец эксперимента
нормативно-прагматический	48	20
инновационно-проективный	46	69
инновационно-творческий	6	11

Внешним показателем активизации профессионального потенциала педагогов является увеличение числа учителей школы, принявших участие в профессиональных конкурсах разного уровня: в 2011-2012 уч. г. участвовали 9 человек (в 2009-2010 уч. г. – 6 человек), из них 7 стали победителями и лауреатами российского уровня.

Главным результатом опытно-экспериментального внедрения разработанного организационно-методического обеспечения развития и активизации профессионального потенциала педагогов в образовательном пространстве школы следует считать то, что запущенные в ходе эксперимента процессы получили характер **устойчивой тенденции**, что во многом обеспечило успешное решение задачи, поставленной Программой развития школы, – создание условий для саморазвития и самоопределения личности школьников как способа социальной адаптации.

Достигнутые результаты, в свою очередь, позволили проектировать новый этап в развитии школы, который получил содержательное воплощение в Программе развития образовательного учреждения на 2011-2015 годы «Школа личностного роста».

Проведенный среди педагогов опрос, направленный на выявление их ожиданий в отношении развития школы, позволил определить основные «векторы» дальнейшей работы по развитию и активизации их профессионального потенциала: изучение и учет индивидуальных запросов педагогов на повышение квалификации; формирование высокого уровня мотивационной и профессиональной готовности педагогов к деятельности в условиях компетентного подхода через систему практико-ориентированных семинаров, тренингов, курсов повышения квалификации; содействие развитию самоанализа деятельности педагогов; создание условий для их творческой самореализации в профессиональной деятельности; обеспечение комплексного психолого-педагогического сопровождения профессиональной деятельности учителей, разработка и внедрение системы мониторинга показателей личностного роста; организация творческих групп учителей по предметам для разработки и внедрения компетентно-ориентированных заданий; подготовка учителей к реализации технологии сотрудничества как фактора развития субъект-субъектных отношений в образовательном пространстве школы.

Таким образом, внедрение разработанного в ходе диссертационного исследования организационно-методического обеспечения развития и активизации профессионального потенциала педагогов в образовательном пространстве школы оказало заметное влияние на качественные показатели профессиональной деятельности педагогического коллектива в направлении усиления общей ориентации учителей на инновационную деятельность, их творческой активности, стремления самореализоваться в профессии, что свидетельствует о реализации их потенциальных возможностей, личностных ресурсов профессионального развития и самосовершенствования.

Список литературы

1. Катербарг, Т. Внутришкольное обучение педагогов как фактор повышения качества образования [Текст] / Катербарг Т.О // Актуальные вопросы модернизации российского образования. - Москва: Изд-во "Спутник+", 2011г.- 270с.
2. Кваша, В. Только один способ управления эффективен [Текст] / В. Кваша // Народное образование. – 1997. – № 1. – С. 4-12.
3. Киселева, О.О. Теория и практика развития профессионально-педагогического потенциала учителя : автореф. дис. ... д-ра пед. наук [Текст] / О.О. Киселева. – М., 2002. – 378 с.
4. Обласова, Л.С. Научно-методическое сопровождение педагогического персонала в становлении образовательного учреждения как «обучающейся организации»: автореф. дис. ... канд. пед. наук [Электронный ресурс] / Л.С. Обласова. – Омск, 2010. – <http://nauka-pedagogika.com>.

13.00.08

Е.В. Курилина

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
физико-технологический институт, кафедра экономики и менеджмента,
Калуга, buh@kspu.kaluga.ru

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ

В работе автором представлено понимание сущности управления, этапов управленческой деятельности, результаты социологических и психологических исследования, предложены признаки профессиональной компетенческой модели и их эмпирические индикаторы, на основе которых автор представляем свою модель формирования управленческой компетентности у будущих специалистов-менеджеров.

Ключевые слова: менеджер, образовательный процесс, управленческая компетентность, модель формирования управленческой компетентности.

В настоящее время особую актуальность имеет научно-педагогическая проблема, напрямую связанная с усовершенствованием компетентного подхода, внедряемого в процессе подготовки менеджеров в высших учебных заведениях. Значительная роль при этом отводится реконструкции эффективной модели, могущей способствовать формированию управленческой компетентности будущих специалистов-менеджеров.

Общепризнано, что принятие решений в современных условиях сопряжено с целью управленческой деятельности и направлено на преодоление возникающих противоречий, конечное разрешение проблемы.

Структура индивидуальной управленческой деятельности характеризуется рядом этапов: 1) Изучение состояния объекта управления, направленное на формирование его идеальной модели (или возникает проблемная ситуация); 2) поиск решений, направленных на разработку программы преобразования проблемной ситуации, в которую входят определённые задачи – проблемы, цели, средства достижения цели; 3) организация исполнения, направленная на обеспечение выполнения программы руководства; 4) организация контроля над реализацией решения.

Основываясь на представленном понимании сущности управления, этапов управленческой деятельности, анализе результатов социологических и психологических исследований, предложим признаки профессиональной компетенческой модели и их эмпирические индикаторы.

При моделировании формирования управленческой компетентности будущих специалистов мы опирались на принципы и технологию педагогического проектирования, выделенные В.С. Безруковой [1, с. 107-108], что предполагает структурный анализ объекта моделирования с делением его компонентов, выбор формы моделирования. Результатом осуществления данных действий явилось создание модели процесса формирования управленческой компетентности будущих специалистов, направленного на объединение в единое целое факторов, способствующих развитию учащихся и педагогов в их непосредственном взаимодействии.

Субъектом деятельности в данной системе является педагог (преподаватель), а объектом – обучаемый (студент), который, однако занимает позицию не пассивного, а активного участника учебно-воспитательного процесса, так как педагогическое взаимодействие, составляющее основу любого педагогического процесса, строится не на субъект–объектных, а на субъект–субъектных отношениях.

Подчеркнем, что структуру формирования управленческой компетентности составляют несколько взаимосвязанных компонентов, отражающих различные аспекты подготовки (методологической, теоретической, методической, технологической). Их совокупность в сочетании с нравственно-психологической подготовкой обеспечивает эффективное функционирование системы и достижение ее цели.

Особую роль в моделировании и компонентном анализе моделируемого объекта играет выбор системообразующего фактора, компонента, который способен объединять все другие компоненты в целостное единство, целенаправлять и стимулировать развитие [5, с. 63]. Выявление системообразующего компонента осуществляется на основе двух стратегий: содержательной и динамической.

При моделировании рассматриваемого процесса необходимы обе стратегии для выбора системообразующего фактора, что подтверждается и современными исследованиями, где отмечается, что «всякое воздействие на личность всегда имеет содержательную и динамическую стороны» [2, с. 215].

С учетом данного положения, деятельностного характера управленческой компетентности, мы считаем целесообразным выделить в качестве системообразующего фактора взаимосвязанную деятельность обучаемых и педагогов в педагогическом процессе, направленную на достижение цели и задач рассматриваемого процесса и ориентированную на возможности личности обучаемых и педагогов.

Разработанная нами модель формирования управленческой компетентности представляет собой целостную, открытую, динамическую педагогическую систему, обладающую характерными для педагогических систем свойствами – целостности, структурности, иерархичности, взаимозависимости системы и среды, множественности описаний.

При разработке модели мы учли тот факт, что, осуществляемое в рамках гуманитарных образовательных технологий формирование управленческой компетентности реализуется в соответствии с заданными структурой компонентами управленческой компетентности, которыми являются – объектный, деятельностный, эмоциональный и рефлексивный компоненты.

Предлагаемая нами модель формирования управленческой компетентности будущего специалиста включает в себя следующие компоненты: **целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный.**

Необходимость выделения **целевого** компонента обусловлена тем, что сознательная цель в деятельности педагога определяет выбор способов, действий и выступает как средство управления, сверки результатов действий с прогнозируемым итогом. Именно этому компоненту подчиняются все остальные входящие в данную систему компоненты.

Содержательный компонент раскрывает содержание и направления формирования управленческой компетентности студентов. Содержательный компонент включает необходимые знания, умения и навыки, дает установку на реализацию намеченной цели. Успешность и эффективность (результативность) целенаправленной работы зависит от исходных положений, т.е. принципов, которые приняты за основу. Из всего разнообразия спектра принципов обучения нами были выделены те, которые позволяют отразить зависимость, существующую между объективными закономерностями образовательного процесса классического вуза и целями формирования управленческой компетентности будущих специалистов. Основными из них, на наш взгляд, являются следующие: принцип гуманизации, принцип субъектности, принцип непрерывности, принцип диалогичности, принцип интерактивности, принцип обратной связи, принцип рефлексивности, принцип проблемности, принцип продуктивности и др. Данные принципы конкретно определяют все аспекты формирования управленческой компетентности будущего специалиста-менеджера.

Процессуальный компонент показывает, что важным в формировании управленческой компетентности студентов вуза является деятельность преподавателя, направленная на реализацию педагогических условий, созданных в образовательном процессе для формирования управленческой компетентности студентов. Кроме того, данный компонент

предполагает поэтапную организацию учебной работы, подбор определенных методов, организационных форм и средств обучения и воспитания. В рамках нашего исследования данному компоненту мы уделяем особое внимание.

Формирование управленческой компетентности это не стихийный процесс, а поэтапное, планомерное движение, которое предполагает качественное преобразование всех ее содержательных компонентов постепенно. Этапы процесса формирования определяются не столько календарными сроками и количественными накоплениями в соответствии с годами обучения, сколько их качественным своеобразием – каждый этап подготовки представляет собой целостную систему содержания, форм и методов работы со студентом.

К выводу о необходимости выделения этапов в педагогической (образовательной) деятельности приходят многие исследователи (Н.С. Пряжников, И.А. Колесникова, Е.А. Кострикова, Н.Ю. Гузева, Н.М. Борытко и др.). При этом основанием для выделения этапов или стадий в работе, как правило, являются решаемые педагогические задачи, а последовательность этапов диктуется логикой решаемых задач.

В применении к нашему предмету исследования, мы основывались на идеях Н.М. Борытко о выделении следующих этапов формирования управленческой компетентности: рефлексивного, ценностного и проективного. Поскольку в основе нашего исследования лежит формирование управленческой компетентности будущих специалистов-менеджеров в условиях классического вуза, то существенные характеристики каждого из этапов могут быть сформулированы таким образом:

1-й этап – рефлексивный (осмысления). Переживание ситуаций управленческой деятельности, их обсуждение, постижение их смыслов и значений. Здесь целью является обращение к смыслам своей деятельности, достижение внутреннего согласия. При этом, как отмечает Н.М. Борытко, важен не только вопрос «против чего я?», но и «за что я?»; «почему именно это меня привлекает?»

2-й этап – ценностный (осознания). Осмысление и осознание ситуаций позволяет оформить смыслы управленческой деятельности в личностные (индивидуальные) ценности. Выделение типичных алгоритмов и освоение техники управленческого взаимодействия, освоение методов исследования управленческой деятельности становятся основой для развития управленческой компетентности. Этот этап характеризуется развитой познавательной активностью студентов, и нашей задачей становится обратить эту активность на понимание себя, другого, и, в конечном итоге, понимание позиций всех участников процесса формирования управленческой компетентности.

3-й этап – проективный (проектирования). Самопроектирование и реализация профессиональной позиции и управленческой деятельности. На этом этапе оформляются ценностные ориентиры студента, осознаются принципы его будущей управленческой деятельности в реальной практике управления.

Таким образом, системный анализ, моделирование и проектирование деятельности составляют содержание формирования управленческой компетентности студентов в условиях классического вуза на каждом этапе. Очевидно, что при переходе от одного этапа к другому возрастает потребность в осознании собственной позиции будущего специалиста, руководителя. В связи с этим деятельность преподавателя вуза видится нам как деятельность, направленная на создание условий, способствующих формированию управленческой компетентности будущих специалистов. А деятельность студента проявляется в учебной, квазипрофессиональной и профессиональной деятельности.

Так, формирование управленческой компетентности должно осуществляться с перехода от учебной деятельности к профессиональной, т.е. постепенного изменения, трансформации личностной позиции в профессиональную. В связи с этим, особый интерес для нас представляет концепция знаково-контекстного обучения в вузе А.А.Вербицкого. Переход от учения управлению к управленческой деятельности представляет собой сложный процесс трансформации учебной деятельности в профессиональную, что связано с превращением знаний об управлении из предмета учебной деятельности в средство

регуляции деятельности профессиональной, со сменой одного ведущего типа деятельности другим, с изменением управленческой позиции студента. Данная теория не только не противоречит выявленным в нашем исследовании этапам и их содержанию, но и подтверждает правильность их выделения.

И, наконец, последний **оценочно-результативный** компонент определяет эффективность функционирования предлагаемой модели, связанной с разработкой уровней сформированности управленческой компетентности: объектного, задачного и проблемного; критериев и показателей данных уровней.

Итак, процесс формирования управленческой компетентности схематично отображён в представленной модели, которая приобрела следующее содержание (рис. 1).

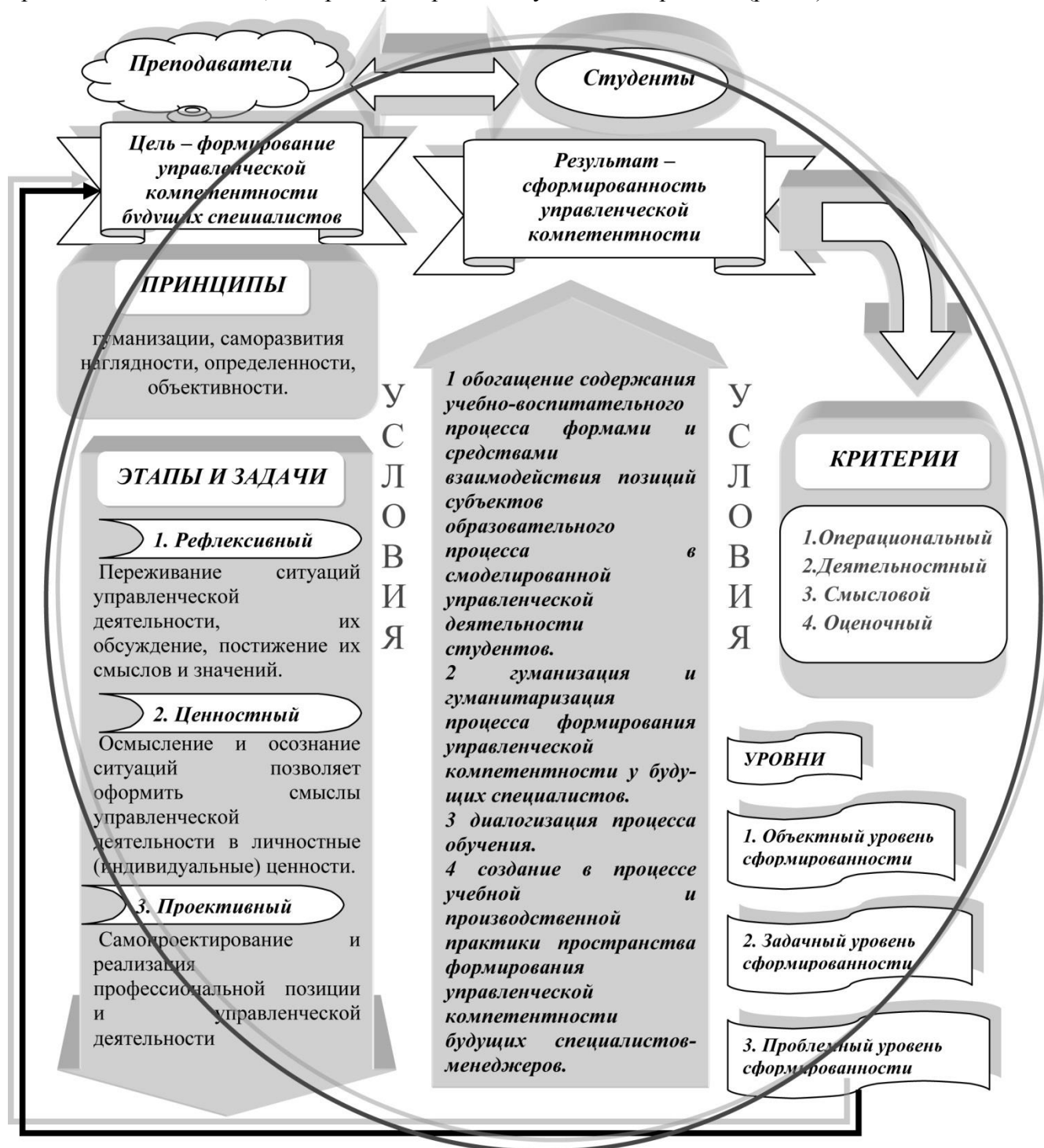

Рис.1 - Модель формирования управленческой компетентности у будущих специалистов-менеджеров

Обобщая вышеизложенное, мы пришли к выводу, что модель формирования управленческой компетентности студентов рассматривается как некий эталон, аналог деятельности преподавателя и студентов; направленной на решение общих задач формирования управленческой компетентности будущих специалистов в условиях классического университета.

Предлагаемая нами модель формирования управленческой компетентности будущих специалистов, построена на основе личностной ориентации образовательного процесса, на основе активизации и интенсификации деятельности субъектов образовательного процесса с направленностью на готовность к диалогу позиций субъектов образовательного процесса.

Разработанная модель формирования управленческой компетентности будущих специалистов представляет собой открытый, педагогически управляемый процесс, все компоненты которого (целевой, содержательный, процессуальный и оценочно-результативный) содержательно и функционально взаимосвязаны.

Список литературы

1. *Анцыферова, Л.И.* К психологии личности как развивающейся системе [Текст] / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. С. 3-19.
2. *Асмолов, А.Г.* Личность [Текст] / А.Г. Асмолов, А.В. Петровский // Российская педагогическая энциклопедия: в 2 Тт. – М., 1993. – Т. 1. С. 522-524.
3. *Борытко, Н.М.* Педагог в пространстве современного воспитания [Текст]: моногр. / Н.М. Борытко. – Волгоград, 2001. – 214 с.
4. *Вербицкий, А.А.* Контекстный подход и теория контекстного обучения [Текст] / А.А. Вербицкий. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
5. *Каган, М.С.* Мир общения: проблема межсубъектных отношений [Текст] / М.С. Каган. – М., 1988. – 319 с.

13.00.01

Х.Ф. Макаев

Филиал ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
в г. Стерлитамак,
Стерлитамак, makaev-63@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ КАК ГАРАНТИЯ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению психологического комфорта как гарантии формирования умений естественного общения. Дается технология определения и формирования психологических условий развития спонтанной иноязычной речи студентов.

Ключевые слова: *психологический комфорт, спонтанная речь, естественное общение.*

Формирование умений естественного общения студентов требует, на наш взгляд, совершенствования психологического знания, так как студенты владеют значительным объемом грамматики, лексики, но при этом не могут совершать спонтанную речь на иностранном языке, так как перед ними возникает «коммуникативный барьер, который имеет как собственно лингвистическую, так и психологическую природу» [1:41-43].

Психологическая неуверенность человека, боязнь сделать ошибку, как мы считаем, развивается из-за неправильно созданных условий обучения языку, отсутствия благоприятного психологического климата на учебных занятиях, лишения обучающегося возможности выразить свою точку зрения так, как ему хотелось бы. Поэтому необходим поиск путей активизации иноязычной речевой деятельности студентов через формирование их умений естественного общения, что требует, по нашему мнению, обеспечения психологического комфорта для развития навыков спонтанной речи.

Исследование проблемы определения психологических условий развития иноязычной речевой деятельности глубоко отражено в современной отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе (А.А. Алхазисвили, В.А. Артемов, Б.Ц. Бадмаев, Б.В. Беляев, Н.И. Жинкин, И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев, А.К. Маркова, Р.П. Мильруд, Е.И. Пассов, R. Clement, P. Macintyre, K. Noels и др.).

Анализ научной и методической литературы подтверждает, что для успешного усвоения языка нужны, во-первых, определённые внешние условия, делающие крайне незавидным положение не владеющего языком человека, например, условия, при которых люди постигают свой родной язык. В этой связи Зимняя И.А. считает, что «усвоение иностранного языка идет путем прямо противоположным тому, которым идет развитие родного языка. Ребенок усваивает родной язык неосознанно и ненамеренно, а иностранный - начиная с осознания и намеренности» [2:43], усвоение иностранного языка происходит через одностороннее «включение» только в коммуникативную, а не в предметно-коммуникативную деятельность [2:44]. Следовательно, задача преподавателя состоит в том, чтобы сделать использование иностранного языка в некоторой степени жизненно необходимым для студентов, чтобы они научились думать на нём.

Во-вторых, необходимо создать особые педагогические условия, гарантирующие обучающимся возможность практического владения языком.

Опыт обучения в нашей стране и за рубежом показывает, что самым эффективным условием формирования умений спонтанной речи для осуществления естественного общения является обеспечение психологического комфорта, сопровождающегося хорошо организованным как аудиторным, так и внеаудиторным обучением на основе учебной, ситуативно-игровой, творческой деятельности. Психологический комфорт, с нашей точки зрения, означает отсутствие страха у студентов как перед собой, так и перед остальными

говорить на иностранном языке: страха сделать ошибку и тем самым получить замечание от преподавателя, страха стать посмешищем перед окружающими из-за незнания, по его мнению, очень простых вещей, страха встать в тупик, начав высказывание и не быть в состоянии завершить его и т.д.

Таким образом, существующий теоретический и практический опыт создает предпосылки для разрешения противоречия между необходимостью формирования умений естественного общения студентов и отсутствием разработанной теории определения и обеспечения психологических условий развития спонтанной иноязычной речи. С целью определения возможности формирования умений естественного общения на основе создания психологических условий было проведено исследование в филиале ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» в г. Стерлитамак. Исследование проводилось в рамках образовательной деятельности Центра изучения языков на организованных при нём многоуровневых курсах по программе «Основы современного разговорного английского языка», где обучение проводилось для студентов с одинаковым уровнем знаний, умений и навыков, поскольку разный уровень знаний также является причиной появления неуверенности у более слабых студентов.

В исследовании участвовало 57 студентов. Параметрами для проведения исследования были уверенность в производстве спонтанной речи; количество предложений; их правильность и адекватность.

Эксперимент был проведён в три этапа. Констатирующий этап проводился на основе анкетирования, бесед, практических заданий. По результатам констатирующего этапа следует, что при производстве спонтанной речи уверенными чувствуют себя в контрольных группах 7%, а в экспериментальных группах – 8% студентов. По количеству произведённых предложений и их правильности и адекватности существенных различий между студентами обеих групп не выявилось.

Экспериментальное обучение проводилось по серии учебников «New Inside Out». Весь процесс обучения в экспериментальных группах проходил с учётом психологических факторов, выражающихся в правильном исправлении ошибок со стороны преподавателя; постоянной речи преподавателя и студентов на иностранном языке; выделение и поощрение студентов за более успешное выполнение заданий, чем остальные, по разным видам речевой деятельности; постоянное использование фраз для выражения эмоций в речи всех участников процесса обучения; поощрение преподавателем проявления творчества при производстве речи, а именно при составлении речевых фраз и предложений; создание единого образовательного пространства, т.е. общение на английском языке на учебных занятиях, при разговоре по телефону, на перемене, при встрече в коридоре, на улице и т.д.; организация и проведение конференций; мультисенсорный подход; организация самостоятельной работы; ориентация на реальные интересы, потребности и мотивы студентов как субъектов учебного процесса.

Рассмотрим некоторые из вышеназванных факторов более подробно. С целью достижения эффекта ситуации успеха обучение было организовано на основе теории универсальной грамматики, сформулированной американским лингвистом Н. Хомским, который рассматривает «универсальную грамматику» как набор глубинных синтаксических структур, являющихся базой для овладения любым языком. По теории Хомского, язык носит творческий характер, поэтому студенты не заучивают и воспроизводят большой набор предложений, но каждый раз создают новые предложения, которые они не слышали раньше.

Важным, как нам кажется, является научить студентов думать на иностранном языке, для чего необходимо постоянно говорить на нём, не прибегая к помощи перевода, не зазубривая слова. Учить нужно не отдельные слова, а целые фразы, стараться слушать записи носителей языка чтобы, во-первых, научиться понимать нормальную разговорную речь, а, во-вторых, научиться правильно произносить слова и фразы. Прослушивание записей носителей языка должно быть постоянным занятием, причём, записи должны содержать как уже изученный, так и новый материал.

Исправление ошибок производилось на основе педагогического такта, основным законом которого является «соблюдение преподавателем в общении со студентами меры в применении воспитательных воздействий» [4:39], что вообще имеет огромное значение для всего процесса обучения.

В момент речи «... не следует перебивать говорящего: лучше, записав ошибку в специальную тетрадь, исправить ее по окончании ответа студента» [3:387].

При изучении языка важным является применение мультисенсорного подхода, т.е. восприятие и передача информации обучаемыми различными органами чувств, одновременно задействуя разные каналы восприятия (зрительный, слуховой, кинестетический и т.п.), что создает условия естественного общения на уроке иностранного языка.

Огромным положительным психологическим эффектом обладают фразы для выражения разных эмоций (например, *Удивление*: How strange / unusual! I'm amazed to hear that! I'm absolutely flabbergasted), которыми необходимо пользоваться всем участникам общения. Они придают речи жизненность, способствуют её спонтанному протеканию, побуждают обучающихся к иноязычной мыслительной деятельности, помогают создавать иноязычную атмосферу на занятиях и за их пределами. Языковая атмосфера является такой же важной, как и атмосфера психологическая, отличающаяся исключительной доброжелательностью и участливостью преподавателя. Она создаётся самыми мельчайшими деталями, такими как, например, поощрение преподавателем обучающегося за любую спонтанно сказанную фразу ремарками и тактичными исправлениями.

Итак, учёт психологического фактора в ходе экспериментального обучения повысил активность студентов, определяемую по количеству инициированных студентами высказываний, на 9%; их правильности и адекватности на 11%. Анализ анкет, бесед со студентами, а также общая атмосфера на занятиях и общение во внеаудиторное время показывают значительный рост уверенности студентов в их способностях и желании производить неподготовленную речь. Более того, важным фактом является то, что студенты сами начали предлагать идеи по созданию условной языковой среды, роль которой неоценима для формирования навыков спонтанной иноязычной речи. Это настройка персональных компьютеров и мобильных телефонов на английский язык, что позволяет находиться в постоянной языковой среде.

Результаты эксперимента доказали эффективность создания психологического комфорта для студентов с целью формирования умений естественного общения посредством развития их навыков практического производства спонтанной речи.

Список литературы

1. *Дадаян Э.Г.* Коммуникативный барьер и некоторые причины его происхождения// Преподавание иностранных языков и культур: проблемы, поиски, решения (Лемпертовские чтения – VII). Материалы Международного научно-методического симпозиума «Преподавание иностранных языков и культур: проблемы, поиски, решения» (Пятигорск, 19-20 мая 2005 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – 212 с.
2. *Зимняя И.А.* Психология обучения иностранному языку в школе. М.; Просвещение, 1991.
3. *Павлова И.П.* Методика коррекции ошибок в устной речи студентов языкового вуза// Психология и методика обучения иностранных языков / Под ред. В.А. Артемова. М., 1968.
4. Психология педагогического общения: Методическая разработка для преподавателей и студентов. - Саратов, 1980.

13.00.01

М.Х. Мальсагова

Ингушский Государственный Университет,
кафедра педагогики и методики начального образования, Назрань, malsag06@mail.ru

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена проблемному полю этнопедагогических исследований, которое составляют методология этнопедагогического знания, любовь как содержание, цель и средство воспитания, совесть, дисциплинированность как ее результат, пренатальное воспитание, адаптация детей-мигрантов, церковь как духовно-религиозный воспитательно-образовательный механизм, здоровьесберегающие обычаи и традиции, взаимодействие семьи и школы в вопросах этнопедагогического воспитания.

Ключевые слова: *этнопедагогика, этнопедагогическое знание, этнопедагогическое исследование, любовь, пренатальное воспитание, здоровьесберегающие традиции.*

Проблемное поле этнопедагогических исследований определяется накопленным в данной науке багажом и насущными потребностями современного российского общества. Эти потребности касаются улучшения демографической ситуации, воспитания ребенка в семье, его адаптации в условиях миграции, привития резистентности к условиям изменяющейся среды и др.

Анализ выполненных к настоящему времени этнопедагогических исследований отражает тот факт, что к проблемному полю этнопедагогических изысканий следует отнести *методологию этнопедагогического знания, любовь как содержание, цель и средство воспитания, совесть, дисциплинированность как ее результат, вину и стыд как механизмы социального контроля, пренатальное воспитание, адаптацию детей-мигрантов, церковь как духовно-религиозный воспитательно-образовательный механизм, здоровьесберегающие обычаи и традиции, взаимодействие семьи и школы в вопросах этнопедагогического воспитания* и др.

К числу актуальных вопросов в области методологии этнопедагогического исследования К.Ж.Кожамметова относит разработку концептуальных основ этнопедагогики как научной дисциплины, уточнение специальной терминологии, установление взаимосвязи и взаимодействия эмпирического и теоретического, биологического и социального, особенного в этнопедагогическом познании. Решение этих вопросов составляет проблемное поле фундаментальных исследований.

Последующие аспекты являют собой основу прикладных исследований. В частности, одной из ключевых проблем является любовь в народной педагогике.

Любовь является эмоционально-интеллектуальным переживанием высшего порядка и составляет органическую часть общечеловеческой психосферы, наполняет систему человеческих отношений и общественного сознания. Это одна из естественных и социальных основ нравственности, существования человеческого общества [3: 145]. В этнопедагогике нередко пишут о любви к детям как обязательном условии педагогической деятельности у разных народов. Вместе с тем редко поднимается вопрос о любви как духовном содержании нравственности личности, как цели и средстве воспитания.

Полагаем, что в этнопедагогическом исследовании следует выяснить природную суть любви к ребенку, является ли она плодом рассудка или чувства и однозначно ли это явление, что в нем особенного, какова специфика выражения этого чувства у разных народов. Следует обратить внимание, что в понятие «любовь» в философской, национальной художественной, религиозной литературе вкладывается различное понимание. Более того, родительской любви свойственна самоотверженность, нравственной – самопожертвование, милосердие,

дружеской – преданность, бескорыстие, открытость, религиозной – отрешенность от мира и растворение в божестве, эстетической – любование.

Другой ключевой проблемой в этнопедагогических исследованиях является воспитание у ребенка совести. Самым значительным свойством совести, показателем ее наличия и действия в личности являются болезненные переживания, нравственные страдания и стыд. Эти аспекты являются одновременно мощным фактором развития совести. Совесть как образование прижизненное, подверженное социальным влияниям и изменениям, воспитуема. Б.Т.Лихачевым выделены четыре этапа становления совести: естественно-бессознательный, объективно-социальный, педагогически-воспитательный и самовоспитательный (самосовершенствования) [3: 170]. Полагаем, что исследователю в этнопедагогике следует сопоставить эти этапы с существующими у того или иного народа, выяснить их содержание и отличия.

Для обеспечения соответствующего совести внутреннего состояния необходимы убежденность, принципы, с позиции которых осуществляется оценка поведения. Исследователю целесообразно выяснить народные идеалы, императивы совестливого поведения.

Результатом совестливого поведения и недостаточно рассмотренной областью в этнопедагогике является *дисциплинирование* ребенка у разных народов. Актуальность такого исследования обусловлена тем, что оно контекстуально входит в проблемы достижения личностью онтологических и гносеологических основ, состоящих в освоении этнокультурного опыта, духовного развития, гармонизации отношений с социумом и собой. Рассматривая проблему дисциплинирования в этнопедагогическом плане, можно утверждать, что сознательная дисциплина является как результатом, так и предпосылкой отдельных черт личности. Без дисциплины нельзя воспитать в детях трудолюбия, организованности, умения планировать. Она способствует формированию у ребенка культуры поведения, создает условия для преодоления недостатков.

В исследованиях такого рода представляют интерес бытующие у разных народов игры как средство дисциплинирования. Внедрение в современное образование этнокультурно ориентированных игровых методов и технологий позволит оптимизировать воспитательный процесс в плане дисциплинарной направленности.

В перспективе развертывания этнопедагогического поиска – пренатальное воспитание у разных народов. С точки зрения Л.В. Кургановой, в людях заложены стереотипы, код этнического поведения, передаваемый на генетическом уровне из поколения в поколение. Для расшифровки, «считывания» этого кода нужны определенные сигналы, поступающие из внешней среды к человеку в определенное время. В частности, на ребенка, находящегося в утробе матери, благотворно будет влиять тот ритм, который был привычен предшествующей ему цепи поколений, именно он будет максимально стимулировать заложенные в нем способности, а традиционное воспитание закалит духовно и нравственно [2: 68].

Такого рода исследования будут иметь благотворные последствия в плане укрепления семьи, сознательного и ответственного родительства, оптимизации последующего обучения ребенка благодаря рано сформированным связям с родителями, гармонизации общества.

Не менее важна задача разработки проблемы *адаптационной роли этнопедагогики в миграционных процессах*. Массовые миграционные процессы в России стали следствием конфликтов 1990-х гг. и продолжаются до сих пор. Поэтому важно определить, при каких условиях общение между малолетними представителями разных народов оказывается менее травмирующим и порождает доверие.

В этнопедагогической проблеме детей-мигрантов усилия исследователя должны быть направлены на приспособление ребенка к новой культурной среде, культурную адаптацию (достижение совместимости с такой средой) и ее факторы, аккультурацию (изменение паттернов культуры в результате длительного контакта с представителями другой культуры), семью, этнокультурные составляющие в образовании, поликультурное воспитание, толерантность, диалог культур. В связи с этим в задачи этнопедагогических исследований

входят: приобщение детей мигрантов к культурным ценностям и традициям принимающих их народов в составе Российской Федерации, воспитание граждан, проявляющих национальную и религиозную терпимость, развитие культуры межэтнических отношений, формирование умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями разных культур.

К числу этнопедагогических может быть отнесена проблема *церкви* как духовно-религиозного воспитательно – образовательного механизма.

В фокусе этнопедагогического исследования – культурологическое значение религии и церкви (мечети, синагоги и др.), религиозное воспитание.

Поле для этнопедагогических исследований такого рода обеспечивает религиозное воспитание в разных конфессиях, представленных в нашей стране. Они опираются на силу религиозных обычаев, традиционно сохраняемых в ментальности народа.

Важным и менее изученным аспектом в этнопедагогике являются *здоровьесберегающие обычаи и традиции* в воспитании детей. Здоровье ребенка в системе этнопедагогических категорий рассматривается как динамичное, изменяющееся под влиянием внешних и внутренних причин специфическое целостное образование, обнаруживающее себя в сохранении, укреплении и поддержании детского здоровья с помощью этнопедагогических обычаев и традиций в образовательных учреждениях [1: 57-58].

Значительный потенциал для исследования проблемы развития культуры здоровья у детей содержится в этнопедагогических традициях и обычаях, выработанных в результате многовекового процесса адаптации ребенка к конкретной природно-социальной среде. На протяжении своего исторического развития народы выработали проверенную многовековым практическим опытом рациональную, природосообразную, действенную систему жизнедеятельности, основу которой составляет специфическое воспитание подрастающих поколений, развитие у них культуры здоровья. Следование здоровьесберегающим педагогическим традициям позволяло этносам жить в биологической и социальной гармонии с окружающим миром. Итогом научной рефлексии над феноменологией развития культуры здоровья у детей может быть этнорегиональная обусловленность этого процесса и целесообразность преемственности его базовых черт современной педагогикой и школой.

Полагаем, что в данной проблеме необходимо выделить специфические черты, формы, методы развития культуры здоровья у конкретных народов. Содержание развития такой культуры отражено в многочисленных фольклорных произведениях (пословицах, поговорках, сказках, сказаниях, былинах, легендах, загадках, заклинаниях, словесных элементах обряда, заговорах, благожеланиях), играх, танцах, обычаях, традициях.

Основную здоровьесберегающую нагрузку, равно как и воспитательную функцию, выполняет семья. Этнопедагогика семьи достаточно широко представлена в науке. Однако недостаточно освещено *взаимодействие семьи и школы в вопросах этнопедагогического воспитания*. Необходимость систематической квалифицированной конструктивной помощи родителям в области этнопедагогического развития и воспитания детей инициирует объединение воспитательного потенциала школы и семьи и делегирование первой функции развития педагогических компетенций у матерей и отцов. Параметрами этого процесса выступают этнопедагогическое просвещение, конструктивный диалог, сотворчество в решении актуальных вопросов этнонационального воспитания, в их совокупности представляющие собой развитие этнопедагогических компетенций родителей. В основе этого процесса – единство целей и задач школы и семьи в формировании всесторонне развитой, этно- и поликультурной личности ребенка.

Следует иметь в виду, что школа практически не определила концепцию формирования личности в семье, вытекающую из основополагающих документов Российского государства, положений педагогической науки. Необходим поиск путей повышения эффективности проверенных на опыте способов реализации этнокультурной воспитательной функции семьи по отношению к ребенку, то есть развитие этнопедагогических компетенций родителей, в основе которого – взаимодействие школы и семьи.

Список литературы

1. *Ковалева О.И.* Педагогическая антропология проектирования здоровьесберегающего педагогического процесса в вузе // Теоретические и прикладные проблемы педагогической и детской антропологии. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: СГПИ, 2005. – С. 57-58
2. *Курганова Л.В.* Традиции воспитания детей у русских крестьян конца XIX – начала XX вв. // Перинатальная психология и психотерапия, 2008. – С. 47.
3. *Лихачев Б.Т.* Философия воспитания // Специальный курс: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Прометей, 2005. С. 70, 145.

13.00.04

Н.А. Никитин, Г.Ш. Ашрафуллина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Кафедра физического воспитания и спорта,
Набережные Челны, niknikalec@mail.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ СТУДЕНТОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПО СИСТЕМЕ «БОДИФЛЕКС»

Проведен анализ и оценка уровня физической подготовленности студенток Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета до и после проведения исследования. Отмечается, что посредством применения в учебном процессе по физической культуре в вузе упражнений системы «бодифлекс», показатели физической подготовленности, а также функциональные показатели девушек улучшаются.

Ключевые слова: *исследования, физическая подготовленность, функциональные показатели.*

Проблема охраны здоровья населения, особенно молодежи, является одной из приоритетных задач нашего государства, так как здоровые молодые люди являются гарантией стабильного развития и благополучия общества. Инновационные процессы, происходящие в физическом воспитании студентов высших учебных заведений, требуют постоянного поиска новых организационно-методических форм, технологий обучения, эффективных средств, методов развития личности, укрепления здоровья студенческой молодежи.

К настоящему моменту в научно-методической литературе содержатся значительные экспериментальные данные, которые объективно указывают на отсутствие у большинства студентов мотивов к занятиям физическими упражнениями и низкую двигательную активность. Проблема заключается в противоречивости создавшейся острой ситуации: с одной стороны, существующее программно-методическое обеспечение (действующая программа, методики, формы и средства) физического воспитания, с другой - необходимость новых подходов к активизации двигательной деятельности студентов, основанной на ориентации их потребностно-мотивационной сферы, что создает предпосылки целевого, самостоятельного и рационального выбора форм физической культуры.

Инновационные процессы, происходящие в физическом воспитании студентов высших учебных заведений, требуют постоянного поиска новых организационно-методических форм, технологий обучения, эффективных средств, методов развития личности, укрепления здоровья студенческой молодежи. Очевидно, вполне оправданным и перспективным направлением, связанным с разрешением этой проблемы, было бы инновационное применение не только традиционных, (спортивная гимнастика, художественная гимнастика, акробатика, прикладная, лечебная, производственная), но и нетрадиционных форм и средств физической культуры. Наибольшей популярностью среди них пользуется атлетическая гимнастика, ритмическая гимнастика (аэробика), стретчинг, калланетика, пилатес, шейпинг, единоборства и комплексы физических упражнений из восточных систем: у-шу, йоги, цигун.

Огромный интерес возник и к занятиям по «бодифлексу». Bodyflex – это специальная система, сочетающая глубокое диафрагмальное дыхание с комплексом статических упражнений, направленных на укрепление мышечных групп организма в целом.

Изотонические позы, используемые в данном комплексе упражнений, способствуют растягиванию мышц и развитию одного из основных физических качеств – гибкости. Ускорение сжигания жиров и липидов посредством аэробного дыхания делает гимнастику «бодифлекс» привлекательной для людей с излишней массой тела. Упражнения просты и доступны для всех возрастных категорий и практически не имеют противопоказаний по состоянию здоровья. Для многих ценность программы занятий и привлекательность занятий «бодифлексом» заключается в ее непродолжительности и небольших физических нагрузках – достаточно 15-20 минут в день для того, что бы добиться первых результатов. Положительным моментом ценности занятий является и тот факт, что упражнения системы «бодифлекс» практически не имеют противопоказаний по состоянию здоровья, просты и доступны для всех возрастных категорий населения.

Учитывая эти достоинства, мы решили провести педагогический эксперимент, основной задачей которого определили – возможность использования для девушек в учебном процессе вуза упражнений системы «бодифлекс» с целью более полной реализации основных направлений физической подготовленности занимающихся на занятиях по физической культуре.

Изучение и оценка физической подготовленности студентов проводились в 2011/2013 учебном году на экономическом факультете Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета. Исследование проводилось со студентками в возрасте 18-22 лет 1-4 курсов экономического факультета, а также факультета прикладной математики и информационных технологий основной и подготовительной медицинских групп в количестве 75 человек. Упражнения «бодифлексом» выполнялись, как правило, в основной части практических занятий по физической культуре, которые проводились по учебному расписанию два раза в неделю.

Для определения уровня и динамики физического развития использовался метод педагогического тестирования. При обследовании студенток была использована комплексная система оценки уровня физического состояния, при помощи которой был определен начальный уровень показателей физического развития, а также получены результаты исследования после 4-х месяцев занятий «бодифлексом».

Для оценки уровня физической подготовленности использовались следующие контрольные тесты:

1. Определения силовой выносливости рук (сгибание и разгибание рук в упоре лежа на гимнастической скамейке).

2. Определения силовой выносливости мышц брюшного пресса (поднимание и опускание туловища из положения лежа на спине на наклонной доске под углом 30 градусов, руки скрестно на груди, ноги закреплены).

3. Измерения скоростно-силовых качеств (прыжок в длину с места).

4. Измерения гибкости (наклон туловища вперед из положения сидя).

Для получения обобщенной оценки состояния занимающихся дополнительно фиксировались: жизненная емкость легких (ЖЕЛ); артериальное давление (АД) и частота сердечных сокращений (ЧСС); функциональная проба с дозированной физической нагрузкой (20 приседаний за 30 сек) с фиксированием времени восстановления ЧСС до состояния покоя – проба Мартине-Кулешевского); индекс массы тела и процент жира в организме; обхваты плеча, талии, таза и бедер [1].

За период исследования средние показатели физического развития девушек во всех тестируемых упражнениях повышаются (рис. 1). Анализ средних показателей физической подготовленности в контрольно-педагогических тестах у студентов позволил констатировать достоверный прирост результатов по двум тестам: наклон туловища вперед из положения сидя – на 16,3%, поднимание и опускание туловища из положения лежа на спине на наклонной доске – на 10,2%. Прирост результатов в сгибании и разгибании рук в упоре лежа на гимнастической скамейке» (на 2,1%), а также в прыжках в длину с места (на 1,8%) оказался незначительным.

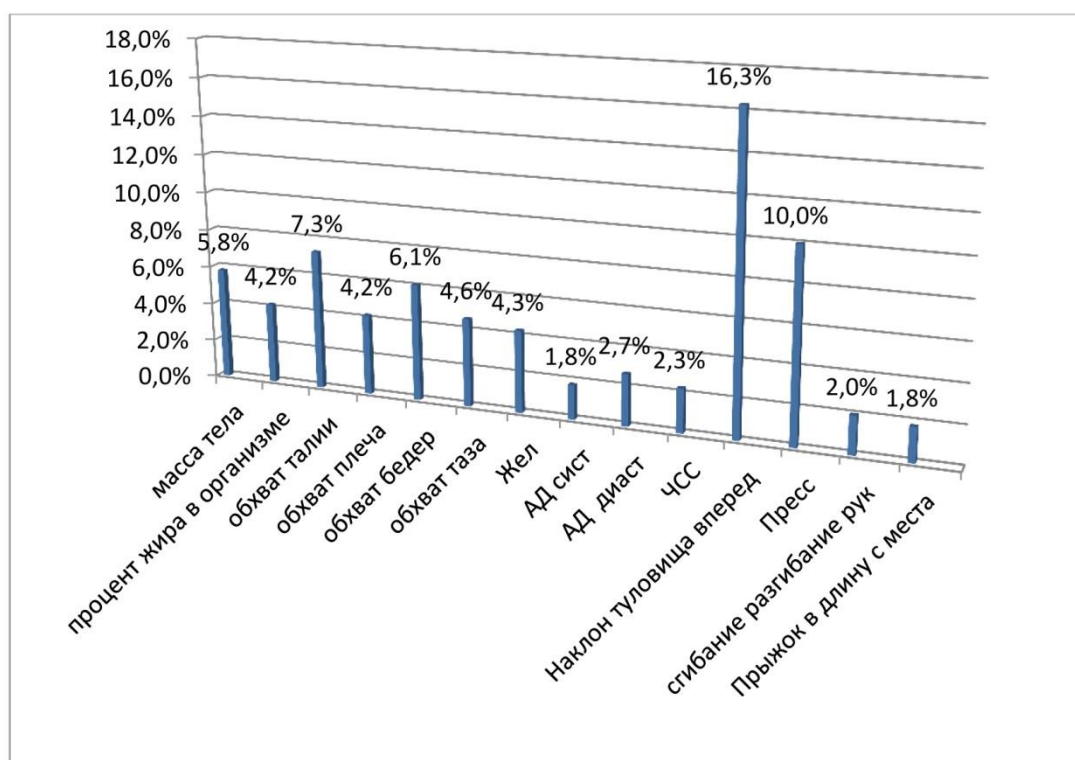

Рис. 1 – Физическое развитие, функциональные показатели и физическая подготовленность девушек после эксперимента

Анализ функциональных показателей девушек выявил, что по всем результатам исследования наблюдается: снижение ЧСС на 2,3%; снижение АД – диастолическое на 2,7% и систолическое на 1,8%; повышение ЖЕЛ на 4,3%.

Также произошли улучшение показателей – индекса массы тела на 5,8%, процентного соотношения жира в организме на 4,2%, обхвата плеча на 4,9%, обхвата талии на 7,3%, обхвата таза на 4,6% и обхвата бедер - 6,1%.

Анализируя данные педагогического эксперимента, был выявлен ожидаемый эффект положительной динамики физического подготовленности девушек, занимающихся «бодифлексом», во всех тестируемых упражнениях и по всем функциональным показателям.

Таким образом, положительные результаты педагогического эксперимента свидетельствуют о целесообразности внедрения упражнений по специальной системе «бодифлекс» в учебный процесс по физической культуре в вузе.

Список литературы

1. Апанасенко Г.Л. Медицинская валеология / Г.Л. Апанасенко, Л.А. Попова. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 248 с.
2. Бальсевич В.К. Физическая культура: молодежь и современность / В.К. Бальсевич, Л.И. Лубышева // ТиПФК. – 1995. – № 4. – С. 2-7.
3. Дегтярева Е.И. Новые виды и формы физической активности среди женщин в зарубежных странах и в России: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. И. Дегтярева. – М., 1998. – 26 с.
4. Дубровская Светлана Валерьевна. Здоровье и стройность за 15 минут или бодифлекс меняет жизнь к лучшему / С.В. Дубровская. – Москва: АСТ, 2007. – 125 с.
5. Захаров Е.Н. Энциклопедия физической подготовки (Методические основы развития физических качеств) / Е.Н. Захаров, А.В. Карасев, А.А. Сафонов; Под общей ред. А.В. Карасева. – М.: Лептос, 1994. – 368 с.
6. Никитин Н.А. Корригирующая гимнастика в вузе / Н.А. Никитин, Г.Р. Данилова и др.; под общей редакцией Н.А. Никитина. – 3-е изд. перераб. и доп. – Казань: Татарское Республиканское издательство «Школа», 2011. – 294 с.
7. Смирнова Ирина. Бодифлекс, каланетика, пилатес – фитнес для вашего здоровья, красоты, долголетия: сборник / Ирина Смирнова. – Санкт-Петербург: Вектор, 2008. – 214 с.
8. Чайлдс Г. Великолепная фигура за 15 мин в день / Г. Чайлдс; пер. с англ. Е.А. Мартинкевич. – 4-е изд. – Минск: «Попурри», 2010 – 208 с.
9. Ян Лика. Бодифлекс: самоучитель / Лика Ян. – Санкт-Петербург: Вектор, 2007. – 110 с.

13.00.08

О.Л. Серебrenникова

Забайкальский государственный университет, кафедра иностранных языков,
факультет филологии и массовых коммуникаций, Чита

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕСЕННОЙ МУЗЫКИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье рассматривается проблема профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки. Автором определены особенности профессионально-личностного развития студентов и педагогический потенциал использования англоязычной аутентичной песенной музыки в учебном процессе Забайкальского государственного университета. На основе приведенных данных результатов опытно-экспериментальной работы определены направления совершенствования процесса обучения иностранному языку в вузе.

Ключевые слова: профессионально-личностное развитие, аутентичная англоязычная песенная музыка, студент вуза, Забайкальский государственный университет.

Современный этап развития Российской Федерации, модернизация профессиональной подготовки студентов высшей школы предъявляют качественно новые требования к инновационному обновлению отечественного образования. Основная цель таких преобразований – свободное профессионально-личностное развитие будущего специалиста, его творческой инициативы, самостоятельности, самореализации, конкурентоспособности, социальной и академической мобильности.

В обстановке перехода к новым условиям обучения необходимо прогнозировать и выбирать средства воздействия как на учебный процесс, так и на студентов. Разумный выбор средств обучения в системе гуманитарного образования может способствовать раскрытию широких возможностей для профессионально-личностного развития обучаемых. В этом нас убеждает анализ научных публикаций, в частности, трудов И.В. Арнольд, О.С. Ахмановой, В.В. Виноградова, Н.Д. Гальсковой, В.Г. Костомарова, М.А. Суворова, С.Г. Тер-Минасовой, И.И. Халеевой и других, где получила развитие идея «человека в языке», восходящая к трудам В. Гумбольдта и М. Бахтина, рассматривающих употребление языка как разновидности деятельности, как способа становления человека.

Профессиональная подготовка специалистов по направлению «Филология» представляет собой, с одной стороны, процесс овладения системой профессиональных знаний, умений и навыков в соответствии с образовательным стандартом, а с другой – профессионально ориентированное становление и развитие системы личностных качеств и способностей при доминирующей роли ценностно-смысловых и нравственных характеристик личности. Профессионально-личностное развитие – процесс и результат становления личности студента как субъекта сознательной творческой преобразующей деятельности на нравственной основе, направленной на его личностную и профессиональную самореализацию.

Согласно ФГОС ВПО по направлению подготовки 032700 «Филология» расширение содержания обучения будущих учителей иностранного языка с целью развития и совершенствования их профессиональных и общекультурных компетенций возможно за счет включения культуроведческого материала и методик работы с ним в учебный процесс. Таким культуроведческим материалом, как нам представляется, и может стать аутентичная

англоязычная музыка, которая, при бытующей сегодня в вузе предметной модели обучения языку, остается недостаточно востребованной.

Вместе с тем песенная музыка является важным показателем культурных ценностей, обычаев и традиций, менталитета нации. Стоит напомнить о том, что стихотворный текст, положенный на музыку – это незаменимый способ передачи эмоций и чувств, настроения и даже мыслей [1]. Ученые (Б.Ф. Асафьев, Л.А. Баренбойм, Г.Г. Декер-Фойгт, Р. Штайнер и др.) утверждают, что одним из свойств музыки является ее способность создавать динамическую среду, обладающую специфическими (пространственными, временными, психологическими и педагогическими) параметрами. Именно вышеуказанные параметры оказывают сильное формирующее и воспитательное воздействие на человека. «Именно музыка, минуя сознание человека, напрямую воздействует на его подсознание. И, в первую очередь, песенная традиция, как самая древняя форма музыкального развития человека» (В.Ф. Базарный) [3].

Изучение отечественной и зарубежной литературы по теме исследования позволило установить, что до настоящего времени остаются недостаточно разработанными научные основы профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки (ААПМ). Опыт работы вузов России в этом направлении подтверждает тот факт, что ААПМ может выступать как средством обучения, так и средством личностного и профессионального развития, но, к сожалению, преподаватели высшей школы не уделяют должного внимания ее использованию при организации учебного процесса. Мы представляем профессионально-личностное развитие студента средствами ААПМ в виде процесса становления личности студента как субъекта сознательной преобразующей деятельности, направленной на личностную и профессиональную самореализацию человека, способного усваивать культурно-нравственные аспекты, заложенные в профессионально-лично-формирующем потенциале ААПМ, присущие как отдельным группам, так и современному мультикультурному обществу в целом.

Содержание профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ представлено в нашем исследовании через реализацию ее аутентичности, педагогического потенциала и ряда методических преимуществ с учетом требований современного общества, перспективного развития профессиональной деятельности. Учитывая вышесказанное, были выделены особенности профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ:

– **Развитие личностной самореализации студентов:**

– **Я-концепция:** формирование объективной картины мира в сознании студента, включающей представления о способностях, сочетаниях личных качеств, требующихся для самореализации в жизни и профессии. Развивая у студентов представления не только как о личности, во всей полноте ее качеств, чувств и проявлений, но и как о профессионале, носителе социальной роли, мы способствуем усваиванию студентами моральных, правовых, эстетических принципов, а также устойчивого отношения к будущей профессии.

– **Потребностно-мотивационная сфера:** создание системы развитых потребностей и мотивов. Укрепляя познавательные мотивы, мы способствуем развитию желания учиться, добывать знания. Развивая эстетические потребности мы учим студентов воспринимать прекрасное и безобразное, осваивать и преобразовывать окружающий нас мир. Суть художественных потребностей состоит в стремлении к самоопределению. Развивая эти потребности, мы помогаем студентам выстраивать собственную ценностно-смысловую систему.

– **Ценностные ориентации:** формирование субъектности как универсального свойства личности, выражающегося в способности к творческим преобразованиям и самореализации в учебной и профессиональной деятельности, мотивированном стремлении к непрерывному самообразованию и самосовершенствованию.

– **Развитие профессиональной самореализации студентов:**

– *Комплекс компетентностей и компетенций:* формирование профессиональных качеств (ответственность, внимание, выдержка и др.), способностей (интеллектуальные, лингвистические, культурологические, коммуникативные и др.), а также эмоциональности, одним из важнейших показателей которой служит эмпатия (ценностная ориентация на принятие другого, уважение к его личности, терпимое отношение к его взглядам и жизненной позиции) [2].

В связи с этим на основе анализа специальной литературы и результатов констатирующего эксперимента была разработана модель профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ, направленная на поэтапное решение проблемы исследования. Разработанная модель включает в себя цели и задачи, принципы; содержание, формы, методы и средства обучения и воспитания, а также ожидаемый результат, достигаемый при создании комплекса определенных педагогических условий.

Содержание процесса профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ в педагогической модели разделено на три этапа-направления: теоретическое, практическое и личностное направление. Теоретическое направление работы заключается в том, чтобы сформировать у студентов систему профессионально важных знаний о сущности процесса профессионально-личностного развития, а также показать роль ААПМ в этом процессе. Практическое направление предусматривает формирование основ профессиональной и специальных компетенций, устойчивого интереса к профессионально-личностному развитию через аудирование ААПМ. Личностное направление предполагает совершенствование личностных и профессиональных качеств на основе ААПМ. На данном этапе происходит становление субъект-субъектных отношений, развитие диалогичности, рефлексии, потребности и готовности студентов к активному и сознательному профессионально-личностному развитию. Также, одной из задач этапа, является развитие творческого потенциала студентов, их стремления к дальнейшему самообразованию и самосовершенствованию. Следует отметить, что на этом этапе определяются критерии и уровни профессионально-личностного развития студентов.

Разработанная модель была в учебный процесс Забайкальского государственного университета (ЗабГУ). Полученные результаты констатирующего среза, выявляющего уровень профессионально-личностного развития студентов, позволили определить мотивационно-ценностные потребности респондентов, а также наличие недостаточного уровня владения как личностными, так и профессиональными качествами. Результатом этого стало отсутствие инициативы в работе над собой, отсутствие желания самосовершенствования, незнание того какие средства и возможности могут быть полезны для собственного саморазвития, и как следствие этого, низкий уровень профессионально-личностного развития студентов.

Сложившаяся ситуация привела к необходимости разработки и внедрения в учебный процесс в целях экспериментального опробования спецкурса «Обучение через аутентичную музыку». Данный курс, соответствует требованиям личностно-деятельностного, и компетентностного подходов, призван помочь студентам овладеть потенциалом (развивающим, образовательным и воспитательным) ААПМ, направленным на формирование и развитие у студентов личностных и профессиональных качеств. Эффективность применения экспериментального обучения подтверждена следующими данными:

1) изменением мотивационно-ценностная сферы студенчества в отношении к иностранному языку. По данным опроса, студенты отмечали необходимость развития таких навыков как аудирование (99,2 %), фонетическая грамотность (98 %). По их мнению, изучение другой культуры (92,5 %), развитие творческого потенциала средствами иностранного языка (73 %) оказывает положительное воздействие на формирование человека.

2) наличием динамики в отношении осуществления профессионально-личностного

развития средствами ААПМ. Если на начало экспериментальной работы только 63,3 % респондентов было уверено в том, что ААПМ может помочь им сформировать профессиональные качества и только 49,6 % респондентов с уверенностью сказали это о личностных качествах, то на конец эксперимента первый показатель увеличился, по отношению ко второму, на 27,8 %.

3) наличием динамики увеличения уровня образовательных знаний, умений, навыков в области аудирования ААПМ на 48%;

4) увеличением на 39 % знаний иностранного языка в области страноведческой и социолингвистической наполняемости лексики, знаний эквивалентной и безэквивалентной лексики, знаний лексико-грамматических структур, связанных с этикетом речевого поведения и т.п. на 39 %;

5) увеличением на 23 % знаний и умений придерживаться этнокультурных традиций, желание и способность расширять свой кругозор;

6) возрастанiem на 51 % потребности в коммуникации на иностранном языке;

7) увеличением на 68 % желания выполнять творческие задания, участвовать в художественных постановках песен, готовить презентации;

8) улучшением развития на 37 % профессионально-деловых качеств;

9) повышением полноты овладения эмоционально-волевыми качествами на 14 % и психологическими качествами – на 12 %.

10) увеличением на 42,2 % количества студентов в экспериментальной группе, имеющих высокий уровень профессионально-личностного развития, на 65,3 % количества студентов в экспериментальной группе, имеющих низкий уровень профессионально-личностного развития, в то время как в контрольной группе увеличение составило соответственно 7,3 %, а сокращение – 22,1 %;

11) статистической и математической обработкой результатов экспериментальной диагностики и подтверждением их достоверности в соответствии с общепринятыми критериями.

В процессе экспериментальной работы были также уточнены педагогические условия (формирование у преподавателей и студентов положительной мотивации к использованию ААПМ в процессе обучения и профессионально-личного развития; обеспечение широкого использования возможностей ААПМ, обладающей профессионально и личностно-формирующим потенциалом; внедрение учебно-методического сопровождения, позволяющего использовать ААПМ в качестве средства профессионально-личного развития студентов; осуществление диагностического сопровождения изменений, происходящих в профессионально-личностном развитии студентов при изучении иностранного языка с использованием ААПМ), способствующие эффективной реализации предложенной модели, сформулированы рекомендации для преподавателей, вовлеченных в процесс профессионально-личностного развития студентов в высшей школе, определены рекомендации для студентов филологических специальностей, способствующие более успешному протеканию процесса профессионально-личностного развития средствами ААПМ.

Качественный и количественный анализ результатов формирующего эксперимента констатировал позитивные изменения по выделенным критериям (мотивационный, когнитивный, коммуникативный, личностный) и показателям профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ.

Результаты, полученные в ходе реализации модели профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ в учебном процессе ЗабГУ, позволяют говорить о том, что внесён определенный вклад в решение проблемы профессионально-личностного развития студентов средствами ААПМ, что обогащает теоретическую и практическую составляющую образовательного процесса в вузе.

Список литературы

1. Каплина С.Е. Воздействие музыки на духовное развитие личности Вестник ЗабГУ. – Чита, 2013. – № 9. (99). – С. 122 – 125.
2. Каплина С.Е., Серебренникова О.Л. Педагогические условия профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной песенной музыки Вестник ЗабГУ. – Чита, 2013. – № 4. (95). – С. 30 – 37.
3. Уколова Л.И. Педагогически организованная музыкальная среда как средство становления духовной культуры растущего человека: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Л.И. Уколова. – М., 2008. – 24 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

19.00.04

О.Л. Гончарова к.психол.н.

Казанский государственный медицинский университет
Казань, kcri@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ КАК ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ

Основная проблема инвалидов с последствиями травм позвоночника заключается в резкой смене социальной роли на фоне значительных ограничений жизнедеятельности. На наш взгляд, проблема социальной адаптации сводится к формированию мотивации и развитию способности к активному включению в процесс реабилитации, то есть выработке адаптивного поведения.

Ключевые слова: *психологическая реабилитация, тип отношения к болезни.*

Вопросы социально-психологических проблем инвалидов рассматриваются в работах Е.Р. Ярской-Смирновой (10), Р.М. Войтенко (2). Ж.В. Порохина (9), исследуя психологический реабилитационный потенциал инвалидов, отводит ведущую роль мотивационному компоненту личности. Среди факторов адаптации в ситуации инвалидности В.А. Черничкиной (10, 24) в качестве основных определены «сохранение социальных контактов и фрустрационная толерантность». Морозов И.Н. (5), исследуя социальные проблемы и ресурсы больных с позвоночно-спинномозговой травмой в раннем клиническом периоде, определил недостаточность их психологических ресурсов для проведения эффективной реабилитации. Теоретический анализ показал, что вопросы практического решения психологических проблем социальной адаптации инвалидов недостаточно разработаны и не представлены исследования, направленные на оценку практических программ реабилитации.

Реабилитация инвалидов со спинальной травмой сводится к формированию новых социальных ролей и достижению социальной адаптации. Социальная адаптация рассматривается нами как процесс приспособления личности к существованию в обществе в соответствии с его требованиями и со своими потребностями, мотивами и интересами (7, 19). В качестве теоретической основы исследования используется концепция В.Н.Мясищева, согласно которой личность рассматривается как система отношений (6, 48). Мотивационно-поведенческий компонент отражает выработку определенной стратегии поведения в жизненных ситуациях в связи с болезнью, а также связанные с болезнью реакции, способствующие адаптации или дезадаптации к ней (6, 64). Психологическая реабилитация, в рамках которой проблема социальной адаптации трансформируется в проблему личностного развития, на наш взгляд, может стать в комплексном реабилитационном процессе ключевым звеном. Формирование адаптивности в этом случае обусловлено внешними факторами: качеством социальной среды и внутренними характеристиками инвалида, в том числе преморбидно сформированными характеристиками личности. Целью разработанной нами программы психологической коррекции является – достижение адаптивного отношения к статусу инвалидности, и формирование мотивации к активному включению в процесс реабилитации. Используя комплексные, интегративные методы, мы решали следующие задачи по личностному развитию: снижение уровня тревожности и повышение уровня эмоциональной устойчивости; формирование и развитие навыков саморегуляции; коррекция отношения к инвалидизирующему фактору, повышение

представлений о собственной значимости; оптимизация мотивационно-потребностной сферы, формирование мотивации саморазвития.

Цель исследования – оценка результативности разработанной реабилитационной программы. В исследовании приняли участие 94 пациента, перенесших позвоночно-спинномозговую травму, с инвалидностью 1 группы в возрасте от 24 до 45 лет, проходивших курсы реабилитации в «Центре реабилитации инвалидов «Восхождение» в 2010-2012 гг. Из них 36% получили травму менее трех лет назад, у 41% – период последствия травмы варьировался от 3 до 5 лет, у 23% – более 5 лет. В исследуемой группе 10% составляли женщины. У 27% пациентов травма позвоночника была локализована на уровне шейного отдела, у 57% – на уровне грудного отдела, у 16% – на уровне поясничного.

Человек с инвалидизирующей травмой позвоночника утрачивает прежние социальные роли, почти всегда теряет работу, сужая круг социальных контактов, приобретает зависимость от ближайшего окружения, зачастую переживает распад семейных связей, что обуславливает проявления дезадаптивности. Анализ социальных характеристик исследуемой группы показал, что потеряли прежнюю работу 98% инвалидов, 93% – имели ограничения в самообслуживании 3 и 2 степени, вызывающие потерю независимости, в 34% – случаев травма стала причиной развода. Все инвалиды из исследуемой группы на протяжении 3 лет проходили комплексную реабилитацию, включающую медицинскую, социальную и психологическую составляющую. Медицинская реабилитация решала проблемы коррекции и компенсации двигательного дефицита и связанных с этим физиологических проблем. Социальная реабилитация проводилась средствами эрготерапии, в том числе с подбором оптимальных технических средств. (3), что компенсировало физические ограничения.

Программа психологической коррекции, включала в себя три этапа. Первый этап. Мультисенсорный тренинг в сенсорной комнате «Snoezlen». Содержание всех занятий условно можно разделить на три блока: релаксационный, когнитивно-чувственный, эмоционально-мотивационно преобразующий. Общие принципы нашей работы можно изложить так: используя полисенсорные воздействия, мы достигаем насыщения ощущений, тем самым обогащаем сенсорный опыт инвалидов, существенно ограниченный ведущим нарушением и депривацией, так отрабатываются не только навыки наблюдения за ощущениями, но и основы умения управлять ими. Устраняя проблемы в получении ощущений, стимулируя, интенсифицируя их, делая их более яркими, мы поднимаем «простые ощущения на уровень восприятия» (4

„„„„

„ 18), стимулируем процесс саморегуляции, самопознания и саморазвития.

На втором этапе проводилась когнитивно-поведенческая психотерапия, которая было призвана оптимизировать реагирование клиента программы на последствия травмы в сторону «нормонозогнозического» понимания своего актуального состояния и прогноза на будущее. Курс направлен на формирование адаптивного поведения. Применялись «домашние задания» в виде специальных психологических упражнений и ведения дневника с фиксацией мыслей и переживаний (для пациентов, у которых сохранились способности к письму).

Третий этап включает в себя тренинг, основными структурными компонентами которого являются, психокоррекционные упражнения в техниках гештальттерапии, направленные на поиск жизненных ресурсов, новых способов жизни.

Диагностический блок оценки результативности программы включал следующие методики: шкалу самооценки и оценки тревоги Спилбергера-Ханина; методику диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана, Ленинградский опросник Бехтеревского института (ЛЮБИ) для оценки адаптивности-дезадаптивности.

Проведенная диагностика показала, что обнаруживаются статистически значимые различия ($t=-23,54$; $p<0,000001$) уровня личностной тревожности до прохождения программы ($48,8\pm2,1$ баллов) и после ($20,5\pm1,2$ балла), что иллюстрирует достижение поставленных задач по снижению уровня тревожности и повышению уровня эмоциональной устойчивости.

Деятельностный подход рассматривает фрустрацию как «рассогласование между мотивом и результатом деятельности, порождающее эмоциональную реакцию отрицательного знака» (1, 41). После программы уровень социальной фрустрированности с очень высокого (3,5 балла) статистически значимо ($t=-4,88$; $p \leq 0,001$) снизился до умеренного (2,5 балла), что указывает на оптимизацию мотивационно-потребностной сфер испытуемых.

Анализ представленности типов реагирования на болезнь в исследуемой выборке выявил изменения в адаптивных типах реагирования: статистически значимое увеличение ($t= 2,9$; $p < 0,05$) гармонического типа, до программы ($8,6 \pm 1,8$) и после нее ($11,4 \pm 2,2$), статистически значимое уменьшение ($t= 2,79$; $p < 0,05$) эргопатического типа (с $16,6 \pm 0,7$ до $12,3 \pm 1,1$). В типах дезадаптивного реагирования интрапсихической направленности психической дезадаптации выявлены статистически значимые уменьшения ($p < 0,05$) тревожного типа (с $7,2 \pm 1,3$ до $6,1 \pm 1,2$; $t= 2,1$), меланхолического ($6,1 \pm 0,9$ до $4,8 \pm 0,9$; $t= 2,1$) и апатического (с $4,1 \pm 0,5$ до $2,1 \pm 0,7$ $t= 2,8$). В типах реагирования с интерпсихической направленностью до и после программы статистически значимых различий не обнаружено, что можно объяснить преморбидными особенностями личности. Можно утверждать о **наличии** положительной тенденции в формировании адаптивного реагирования на состояние у инвалидов спинальной травмы в результате проведения программы психологической коррекции.

Таким образом, в результате проведенного формирующего эксперимента выявлена положительная динамика в показателях по исследуемым параметрам, что доказывает, положительное влияние программы на личностное развитие инвалидов с травмой позвоночника.

Список литературы

1. *Васильюк Ф.Е.*, Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
2. *Войтенко Р.М.*, Экспертная психология. Внутренняя модель, болезни. Личность и установочное поведение. – СПб, 2002. – 23 с.
3. *Гончарова О.Л., Янонис В.В.*, Социальная реабилитация инвалидов: эрготерапия. – Казань: ООО ПФ "Гарт", 2012. – 88 с.
4. *Кушваха П.*, Snoezlen – уникальный сказочный мир ощущений//Сенсорные комнаты «Снузлин». – М.: «Вариант», 2001 – С. 15-22.
5. *Морозов И.Н.*, Характеристика психологических, социальных проблем и ресурсов у пациентов с позвоночно-спинномозговой травмой //Фундаментальные исследования. – 2011. – №.7. – С. 114-117.
6. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Лен. Унив-та, 1960, -426 с.
7. *Налчаджян А.А.*, Социально-психологическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии).– Ереван: издат. АН АССР, 1988. – 263 с.
8. *Перлз Ф., Гудме П., Хефферлин Р.*, Практикум по гешталь-терапии. – М.Изд-во Института психотерапии, 2005 – 227 с.
9. *Порохина Ж.В.*, Психологический реабилитационный потенциал инвалида: На примере больных с ишемической болезнью сердца., дис. канд. психол. наук. – М., 204. – С. 121-133
10. *Черничкина В.А.*, Социально-психологические проблемы инвалидов и основные стратегии их разрешения: Автореферат дис. канд. психол. наук. – Ярославль, 2003 – 27 с.
11. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Социальная реабилитация с инвалидов. – СПб: Питер, 2004. – 200 с.

19.00.05

А.И. Егорова к.психол.н., А.П. Макарова к.психол.н.

Северо-Восточный Федеральный Университет имени М.К. Аммосова,
Институт психологии, кафедра социальной и этнической психологии,
г. Якутск, agmaks@yandex.ru

ОЦЕНКА ТРАДИЦИОННЫХ МОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ САХА ЖЕНЩИНАМИ РАЗНОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

В статье представлены результаты исследования оценки моральных ориентаций в культуре саха женщинами четырех поколений, представляющих сельскую и городскую выборку. Анализ оценок пословиц осуществлялся при помощи определения степени согласия испытуемыми. В целом женщины саха разного поколения продемонстрировали высокую степень согласованности с традиционными моральными ориентирами, представленными в пословицах. С возрастом и у сельских женщин степень согласия с традиционными пословицами, отражающими моральные ориентиры культуры, увеличивается.

Ключевые слова: *Этнос саха, женщины, моральные ориентации.*

В современном обществе происходит трансформация моральных ориентаций и ценностей, тем не менее, в сознании представителей старшего поколения россиян сохраняются традиционные моральные нормы. Молодой и зрелый человек может являться носителем противоречивых моральных ценностей, в котором сочетаются западные приоритеты и традиционные устои нравственного сознания. Определение моральных ориентиров и формирование морального сознания имеет большую актуальность, поскольку моральные представления выступают регуляторами человеческой деятельности, сознания и поведения, отражают способы адаптации человека в окружающей среде.

Моральные представления – субъективные житейские образы о правилах и идеалах нравственности, о нормах поведения; субъективные отражения объективных правил, норм, представлений о должном, хорошем и плохом, добре и зле [1].

Моральные нормы носят как универсальный общечеловеческий, так и культурно специфический характер. К универсальным нормам относятся, например, запрет на инцест, обязанность матери заботиться о детях и т.п. Каждая культура может иметь свои специфические представления норм морали. Культурный релятивизм подходит к пониманию каждой культуры как уникального явления, в определённом типе культур формируется определённый тип морального сознания. Исследования, проведенные в русле культурного релятивизма, свидетельствуют о существовании различий между культурами в сфере морального сознания [4].

Существуют различия в степени жесткости и в структуре запретов, свойственные каждой культуре, а также различия в способах усвоения моральных норм, принятых в тех или иных культурах не могут не влиять на процесс морального развития, причем, вплоть до смены порядка следования стадий. Исследования, проведенные в 27 странах, позволили сделать вывод о том, что первые две стадии Л. Колберга являются универсальными, тогда как остальные стадии морального развития культурно специфичными [2], [3], [4].

Процедура исследования. В трактовке моральных норм и выборе дальнейшей стратегии исследования мы исходили из двух противоположных представлений – традиционных и современных. Нами была исследована степень подверженности женщин четырех поколений традиционным моральным ориентирам. Предполагалось, что чем старше поколение женщин, тем выше степень подверженности традиционным моральным устоям этноса саха. Нами

¹ Статья подготовлена при поддержке Регионального конкурса РГНФ (проект №13-16-14002)

были отобраны пять шкал: гостеприимство, взаимопомощь, коллективизм, родовая ответственность/справедливость, уважение старших. В качестве объекта оценки выступили пословицы народа саха, отражающие моральные ориентации. По каждой шкале было предъявлено от 3 до 5 пословиц.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ оценок пословиц по шкалам показал, что в целом по всем пяти шкалам женщины, независимо от возраста, согласны с пословицами, отражающими традиционные моральные ориентиры (см. Таблицу 1). Анализ отдельных пунктов, показал, что почти все испытуемые менее всего согласны с пословицей *Уруу ырааҕа, уучугаһа учугэй* (Хорошо когда родня далеко, а вода близко).

Таблица 1.

Степень согласия с пословицами (по категориям)
(оценки: от 1 до 1,6 полностью согласен, от 2,6 до 4 - не согласен)

	Гостеприимство	Взаимопомощь	Коллективизм	Родовая ответственность	Уважение старших
Школьники (село)	1,671	1,72	1,624	1,716	1,473
Школьники (город)	1,800	1,898	1,680	1,841	1,687
Студенты (родом из улусов)	1,582	1,657	1,606	1,564	1,566
Студенты (городские)	1,714	1,897	1,754	1,781	1,841
Женщины от 23-35 л. (село)	1,697	1,577	1,622	1,768	1,559
Женщины от 23-35 л. (город)	1,792	1,749	1,785	1,847	1,785
Женщины от 36-50 л. (село)	1,449	1,545	1,536	1,487	1,323
Женщины от 36-50 л. (город)	1,601	1,672	1,651	1,646	1,482

Анализ результатов и сравнение между возрастными выборками показало, что между школьницами и студентками в целом и по категориям пословиц различий не выявлено. Тем не менее, школьницы в меньшей степени согласны с пословицей 1) *Ыл дьэтэ аттаах хонуга, сатыы өйүөтэ* (Место, где ночуют и подкрепляются едой пешеходы) ($\varphi_s=2,497$, при $p \leq 0,01$); 15) *Киһи киэнигэр баҕарыма, бэйэнкиэни тэн матыан* (Не желай чужого, своего лишишься) ($\varphi_s=1,79$, при $p \leq 0,05$). Среди студенток больше не согласных с пословицей 6) *Утуөкиһи уллуктээх, бэрткиһи бэриилээх* (Хороший человек наделяет, отличный человек дает) ($\varphi_s=1,66$, при $p \leq 0,05$).

Сравнение результатов оценок между студентками и молодыми женщинами от 23-35 лет в целом и по категориям пословиц различий не выявило. Однако, среди молодых женщин от 23 до 35 лет не согласных с пословицами 1) *Ыл дьэтэ аттаах хонуга, сатыы өйүөтэ* (Место, где ночуют и подкрепляются едой пешеходы) ($\varphi_s=2,037$, при $p \leq 0,05$); 5) *Аччыгы аһат тонмуту ириэр* (Покорми голодного, обогрей замерзшего) ($\varphi_s=2,526$, при $p \leq 0,01$); 16) *Кырдьык хаһан да кыайа турар* (Правда всегда побеждает) ($\varphi_s=1,903$, при $p \leq 0,05$) больше.

Если рассматривать категорию молодых женщин от 23-35 л. и женщин зрелого возраста от 36-50 л., то в целом выявлены различия ($\varphi_s=6,596$, при $p \leq 0,01$). Различия по категориям пословиц: 1) гостеприимство ($\varphi_s=2,876$, при $p \leq 0,01$); 3) коллективизм ($\varphi_s=2,147$, при

$p \leq 0,05$); 4) родовая ответственность ($\varphi_s = 4,042$, при $p \leq 0,01$); 5) уважение старших ($\varphi_s = 3,524$ при $p \leq 0,01$).

Степень согласия с отдельными пословицами выше среди зрелых женщин 3) *Дьиз хаааайына ыалдьыты маанылыыр, тонмуту ириэрэр* (Гостю оказывают честь, замерзшего греет) ($\varphi_s = 1,831$ при $p \leq 0,05$); 5) *Аччыгы аһат тонмуту ириэр* (Покорми голодного, обогрей замерзшего) ($\varphi_s = 4,998$, при $p \leq 0,01$); 9) *Эйэ5эс киһи угус до5ордоох* (Приветливый человек имеет много друзей) ($\varphi_s = 3,945$, при $p \leq 0,01$); 10) *Сугэ кыайбата5ын субэкыайар* (Берись дружно, не будет грузно) ($\varphi_s = 2,77$, при $p \leq 0,01$); 12) *Биир бэйэн бэрт буолуон суо5а* (Один в поле не воин) ($\varphi_s = 2,041$, при $p \leq 0,05$); 13) *Кырдыа5аһы хааһахха хаалаан сылдыа субэлэт* (послушай совета старика неся его с собой в сумке) ($\varphi_s = 3,62$, при $p \leq 0,01$); 16) *Кырдык хаһан да кыайатурар* (Правда всегда побеждает) ($\varphi_s = 2,349$, при $p \leq 0,01$); 17) *Туох да изстэбилэ суох буолбат* (Ничего не бывает без возмездия) ($\varphi_s = 3,394$, при $p \leq 0,01$).

Если рассматривать такой параметр как место жительства (село/город), то в разных выборках тоже можно обнаружить некоторые различия как по отдельным шкалам, так и по отдельными пословицам. Среди школьников село/город) в целом выявлены различия ($\varphi_s = 1,965$, при $p \leq 0,05$). Различия по категориям пословиц составили: 2) взаимопомощь ($\varphi_s = 2,751$, при $p \leq 0,01$); 4) родовая ответственность ($\varphi_s = 2,067$, при $p \leq 0,05$); 5) уважение старших ($\varphi_s = 2,197$ при $p \leq 0,05$).

Между студентками родом из сел и города в целом выявлены различия ($\varphi_s = 2,946$, при $p \leq 0,01$). Различия по категориям пословиц: 4) родовая ответственность ($\varphi_s = 2,288$, при $p \leq 0,05$); 5) уважение старших ($\varphi_s = 1,742$, при $p \leq 0,05$).

Среди городских студенток больше не согласных с половицами: 11) *Аска а5ыйах учугэй, улэ5э угусучугэй* (Когда приходится кушать, хорошо быть малочисленным, а когда приходится работать – хорошо быть многочисленным) ($\varphi_s = 2,199$, при $p \leq 0,05$); 13) *Кырдыа5аһы хааһахха хаалаан сылдыан субэлэт* (послушай совета старика неся его с собой в сумке) ($\varphi_s = 1,976$, при $p \leq 0,05$); 15) *Киһи киэнигэр ба5арыма, бэйэн киэниттэн матыан* (Не желай чужого, своего лишишься) ($\varphi_s = 1,714$, при $p \leq 0,05$).

Между сельскими и городскими молодыми женщинами от 23-35 л. в целом выявлены различия ($\varphi_s = 4,689$, при $p \leq 0,01$). Так, по категориям пословиц: 2) взаимопомощь ($\varphi_s = 1,836$, при $p \leq 0,01$);

В выборке городских женщин не согласных больше с пословицами 6) *Утуө киһи уллуктээх, бэрт киһи бэриилээх* (Хороший человек наделяет, отличный человек дает) ($\varphi_s = 1,990$, при $p \leq 0,05$); 12) *Биир бэйэн бэрт буолуон суо5а* (Один в поле не воин) ($\varphi_s = 1,990$, при $p \leq 0,05$); 13) *Кырдыа5аһы хааһахха хаалаан сылдыан субэлэт* (послушай совета старика неся его с собой в сумке) ($\varphi_s = 2,500$, при $p \leq 0,01$); 15) *Киһи киэнигэр ба5арыма, бэйэн киэниттэн матыан* (Не желай чужого, своего лишишься) ($\varphi_s = 2,495$, при $p \leq 0,01$); 18) *Быһах угун кыстыммат, суор хара5ын онуспат* (Нож не режет свою рукоять, ворон не клюет глаза ворону) ($\varphi_s = 1,99$, при $p \leq 0,05$).

В выборке женщин зрелого возраста от 36-50 л. в целом выявлены различия ($\varphi_s = 2,387$, при $p \leq 0,01$). Различия обнаружены по категории пословиц: 5) Уважение старших ($\varphi_s = 2,214$, при $p \leq 0,05$). Среди сельских женщин зрелого возраста больше согласных с пословицами: 2) *Кырдыа5ас киһи субэтэ дьолго тизэрдэр* (Советы старого человека доводят до счастья) ($\varphi_s = 2,120$, при $p \leq 0,05$); 3) *Дьиз хаааайына ыалдьыты маанылыыр, тонмуту ириэрэр* (Гостю оказывают честь, замерзшего греет) ($\varphi_s = 2,214$, при $p \leq 0,05$); 5) *Аччыгы аһат тонмут*

уириэр (Покорми голодного, обогрей замерзшего) ($\varphi_s=2,853$, при $p\leq 0,01$); 12) Биир бэйэн бэрт буолуон суоҕа (Один в поле не воин) ($\varphi_s=1,665$, при $p\leq 0,05$); 13) Кырдыаҕаһы хааһахха хаалаан сылдьан субэлэт (послушай совета старика неся его с собой в сумке) ($\varphi_s=5,963$, при $p\leq 0,01$).

Таким образом, в целом женщины саха разного поколения продемонстрировали высокую степень согласованности по традиционным категориям пословиц. Несмотря на это, нами обнаружены следующие тенденции: 1) с возрастом степень согласия с традиционными пословицами, отражающими моральные ориентиры культуры, увеличивается: чем моложе женщина, тем ниже степень согласия с отдельными пословицами; 2) у сельских женщин в целом степень согласия с традиционными пословицами, отражающими моральные ориентиры культуры, выше.

Таким образом, наше предположение о том, что чем старше поколение женщин, тем выше степень подверженности традиционным моральным устоям этноса саха с определенной долей вероятности подтверждается. Традиционные моральные ориентиры больше сохраняются в селе.

Список литературы

1. Егорова А.И., Макарова А.П. Возрастные и гендерные особенности моральных представлений этноса саха // Вестник ЯГУ. 2007. № 1. С. 65-72.
2. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Еврознак, 2002. 417 с.
3. Николаева О.П. Исследование этнопсихологических различий морально-правовых суждений // Психологический журнал. 1995. №4. С. 79-88.
4. Хвостов А.А. Сравнительный анализ моральных суждений от подростков до среднего возраста в России и США // Развитие личности. 2001. №1. С. 62-82.

19.00.01

А.А. Калинин

Удмуртский государственный университет,
Институт педагогики, психологии и социальных технологий,
кафедра общей психологии, Ижевск, andrey.kalinenko@yandex.ru

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

В работе анализируются результаты эмпирического исследования базовых ценностей лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, в связи с их этнической принадлежностью. Целостность структуры личности осужденных обеспечивается ценностью «благочестие» (хранение веры, религиозные убеждения), помогающей справиться с трудной жизненной ситуацией.

Ключевые слова: *социальная депривация, ценности, культурная ценность «благочестие».*

Исследования ценностей, проводившиеся в нашей стране и за рубежом, показали (Лебедева Н.М., Солдатова Г.У., Стефаненко Т.Г., Хотинец В.Ю., Шварц С. И др.), что ценностные ориентации являются важнейшими компонентами структуры личности. Наряду с другими социально-психологическими образованиями они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности. Система ценностей отдельной личности, как и социальной группы, зависит от возрастных, половых и психологических особенностей, социального, экономического, политического, профессионального, конфессионального и этнического статуса.

Особо отметим, что в основе каждой социокультурной общности лежит система ценностей, которые являются важнейшими и глубинными принципами, усваиваемыми человеком в ходе инкультурации и определяющими его отношения с природой, социумом, ближайшим окружением и самим собой. Ценности культуры имеют надситуативный характер и отличаются относительной стабильностью во времени, они формируют индивидуальные и групповые убеждения, цели, регулируют поведение и взаимодействие человека с миром. Культурные ценности, получившие выражение в религиозно-мифологической форме, закрепляют базис единой картины мира, выверяют единые смыслы, цели и задачи социальной общности. Как действенный потенциал культуры, они реализуют себя в способе жизнедеятельности социальных субъектов [10].

Нахождение осужденных в условиях пенитенциарной среды является формой социальной депривации – от частичного ограничения до полного отсутствия контактов человека или группы с обществом [3]. Она приводит к дезорганизации ценностно-смысловой сферы осужденных, что по выходе из пенитенциарных учреждений может способствовать их повторному совершению преступлений, приводящих к обострению социальной напряженности [7; 8]. Одним из способов совладания с трудностями, вызванными повышенным психологическим напряжением, тревожностью и конфликтностью в местах лишения свободы – в условиях длительной социальной депривации, становится построение осужденными жизненных стратегий, основу которых составляют жизненные намерения, ценностные ориентации [2; 12].

Цель: исследование структуры базовых ценностей лиц в условиях социальной депривации. **Научная новизна исследования** заключается в том, что впервые изучаются ценности осужденных, находящихся в пенитенциарных учреждениях, с учетом их этнокультурной самоидентификации.

Методы исследования: теоретические; организационный метод – сравнительный; эмпирические методы: психодиагностические: опросник изучения ценностей С. Шварца (адаптированный Н. М. Лебедевой) [5], позволяющий изучать ценности на культурном и

индивидуальном (мотивационные типы) уровнях. Религиозные предпочтения и этнокультурная принадлежность осужденных определялась по самоотчетам и подтверждалась в индивидуальной беседе с каждым. Методы обработки данных: качественный, количественный – методы математической статистики: иерархический кластерный анализ. Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS 11.5 for Windows.

Выборка. На этапе организации исследования (срок проведения 2010-2012 гг.) были организованы группы: 1) идентифицирующие себя с русскими (всего 87 чел.), 2) причисляющие себя к финно-угорским народам (всего 30 чел.) в возрасте 20-37 лет, отбывающие наказание в исправительных колониях общего режима (осужденных за различные уголовно-правовые преступления) на территории одного из субъекта РФ.

Результаты исследования и их обсуждение.

В начале исследования были выявлены предпочитаемые ценности осужденных с разной этнической идентичностью (см. табл. 1)

Таблица 1. Средние значения предпочитаемых ценностей лиц различной этнической принадлежности, находящихся в условиях социальной депривации

Удмуртская группа			Русская группа		
Ценности	Ср.знач.	δ	Ценности	Ср.знач.	δ
Защита семьи	6.0	1.74	Защита семьи	6.4	1.16
Здоровье	5.8	1.39	Здоровье	6.1	1.35
Уважение родителей и старших	5.6	1.84	Уважение родителей и старших	5.9	1.43
Самоуважение	5.5	1.58	Смысл жизни	5.8	1.32
Смысл жизни	5.4	1.50	Верность	5.7	1.35
Чистоплотность	5.4	1.58	Самоуважение	5.7	1.27
Верность	5.3	1.24	Настоящая дружба	5.6	1.32
Ответственность	5.2	1.47	Чистоплотность	5.5	1.44
Интеллект	5.2	1.23	Интеллект	5.5	1.40
Мир на земле	5.2	1.50	Ответственность	5.4	1.49
Сохранение публичного образа	5.2	1.66	Национальная безопасность	5.4	1.90
Вежливость	5.2	1.52	Уединение	5.3	1.79
			Вежливость	5.3	1.50
			Честолюбие	5.2	1.48
			Мир на земле	5.2	2.08
			Независимость	5.2	1.44
			Честность	5.1	1.56
			Наслаждение жизнью	5.1	1.94

Условные обозначения: выделенные ценности являются отличительными в каждой из групп.

По результатам анализа ценностей нами было обнаружено, что в условиях социальной депривации приоритетными ценностями в регуляции поведения выступают коллективистские ценности: установления социальных связей, равенства равноправия (относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе), сохранения мира и гармонии с окружающими (приспосабливаясь, не изменяя окружающее пространство) [см. 2].

Исследователи отмечают, что складывающиеся в среде осужденных нормы, обычаи и ритуалы, отражая их коллективные представления, всегда направлены на сплочение и приспособление к специфическим условиям тюремной среды для сохранения собственной безопасности и характеризуются чувством солидарности [см. 9, с. 10-11].

Можно увидеть, что среди предпочитаемых ценностей в обеих группах есть ценности универсальные общечеловеческие, которые, прежде всего, проявляются в связи с гражданской идентичностью (я россиянин) [1;4].

Ценность «сохранение публичного образа» становится особой ценностью для осужденных-удмуртов. Как известно, в «культурах стыда» (Р.Бенедикт) человек в своем поведении ориентируется на мнение и оценку других, избегая осуждения и позора. У русских осужденных среди особенных ценностей выделяются: национальная безопасность, уединение, честолюбие, независимость, наслаждение жизнью, честность, относящиеся к базовым ценностям российской культуры [5].

С помощью иерархического кластерного анализа выявлена структура ценностей. Так, в группе идентифицирующих себя с русским этносом, преобладает большее количество блоков ценностей (при пороговом значении 11 – 14 кластеров), чем у осужденных удмуртов (при пороговом значении 11 – 4 кластера). Вернее всего число кластеров согласуется с количеством предпочитаемых ценностей у осужденных разных этногрупп. Наличие большего набора ценностей в русской группе осужденных можно объяснить тем, что осужденные, идентифицирующие себя с русским этносом, прибыли с разных регионов России, привнося в условия социальной депривации свои этнокультурные ценности.

Важно отметить, что в обеих группах системообразующей ценностью является «благочестие» (хранение веры). Данная ценность занимает системообразующую позицию в иерархической структуре ценностей. Мы смеем предположить, что позиционирование ценности «благочестие» в различных иерархических структурах ценностей разных групп указывает на значимость данной ценности. Она несет смысловую нагрузку религиозно-мифологической направленности (православной для русской, языческой для финно-угров), сохраняя целостность структуры личности и во многом определяя смысловую нагрузку других ценностно-смысловых образований. Это подтверждалось в ходе беседы с осужденными, выражающими надежду на помощь Бога (у православных) и Покровителя рода и семьи (из религиозных верований удмуртов) в их сложной жизненной ситуации.

Таким образом, для лиц, находящихся в условиях социальной депривации, наиболее значимыми ценностями являются коллективистские ценности (*ценности социальных отношений*): установление социальных связей, равенства и равноправия, сохранения мира и гармонии с окружающими. При этом в группе осужденных-удмуртов особенной культурной ценностью является «сохранение публичного образа», «приспосабливающий взгляд на мир», «приспособление себя к чувствам своих слушателей» [см. 6], исходящие из мифологической картины мира удмуртского народа [11]. В группе осужденных-русских культурными ценностями являются «национальная безопасность», «уединение», «честолюбие», «независимость», «наслаждение жизнью», «честность», большинство из которых относятся к базовым ценностям русской (российской) культуры. Целостность структуры личности осужденных сохраняется за счет системообразующей *ценности «благочестия»* (хранение веры), являющейся внутренним защитным стержнем от безнадежности и бессмысленности существования [11] в жестких депривационных условиях пенитенциарных учреждений.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. - СПб.: Изд-во СПб. 2007. - 560 с.
2. Калинин А.А. Жизненные предназначения и смысложизненные ориентации осужденных в связи с их религиозными предпочтениями// Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. -2013. -Т. 19. -№ 2. -С. 25-29.
3. Кондратьев М. Ю. Социальная психология закрытых образовательных учреждений.– СПб.: Питер, 2005.
4. Кондаков И.В. Культура России. -М., 2007. -360 с.
5. Лебедева Е.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. Москва: Изд. дом ГУ - ВШЭ, 2007.
6. Лебедева Е.М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. -М.: МАКС Пресс, 2011. -С. 204-207
7. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. -М., 2007. -704 с.;
8. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 2008. 352 с.
9. Сухарев А.В., Чулисова А.П. Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления.- М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.- 144 с.
10. Хотинец В.Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. - М.: ФОРУМ, 2012.
11. Хотинец В.Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов// Социологические исследования. -2011.- № 2. -С.99-107.
12. Хотинец В.Ю. Ценностно-мотивационные факторы жизненных предназначений осужденных пенитенциарных учреждений / В.Ю. Хотинец, Б.А. Вяткин, А.А. Калинин // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2012. - № 2. - С. 7-11.

19.00.07

Е.В. Каширская

Череповецкий государственный университет,
Институт Педагогики и Психологии, кафедра психологии и педагогики,
Череповец, ek.kashirskaya@gmail.com

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

В работе представлены результаты изучения речемыслительной деятельности студентов – будущих психологов, обозначены ее психологические особенности, выделены альтернативные стратегии становления речемыслительной деятельности у студентов – будущих психологов.

Ключевые слова: *речемыслительная деятельность, языковые, речевые, смысловые особенности речемыслительной деятельности, адаптивная и развивающая стратегии становления речемышления, внутренний диалог, направленность на практическое решение задач.*

В течение последних десятилетий профессия психолога неизменно занимает высокое место в рейтинге популярности, постоянно расширяется сфера психологических услуг, ценность данных знаний у населения нашей страны возрастает, тем самым профессиональная деятельность психолога становится весьма востребованной.

При этом в классическом плане данная профессия относится к разряду социальных специальностей, требующих развитых интерперсональных способностей – тех качеств личности, которые обеспечивают успешное взаимодействие между людьми, установление контактов и организацию совместной деятельности. Поскольку «профессиональное мышление психолога осуществляется в виде текста, содержание которого проявляет, фиксирует, создает качества психической реальности как особого предмета мышления» [1, С.16], труд психолога можно отнести к лингвоинтенсивным профессиям.

Однако на сегодняшний день как в теоретическом, так и в практическом плане данная проблема остается слабо изученной. Большинство исследователей (Н.А. Аминов, М.В. Молоканов, Е.А. Климов, А.В. Юнда, О.В. Соловьева и др.) акцент делается на рассмотрении коммуникативной компетентности специалиста - психолога, которая включает в себя высокий уровень речевого развития, позволяющий человеку в процессе общения свободно передавать и воспринимать информацию, умение активного слушания, построение обратной связи, понимание языка невербального общения и т.д. Зачастую внутренние компоненты коммуникативной компетентности психолога остаются в стороне от специального изучения, но на наш взгляд именно они имеют первостепенное значение, так как результативность общения определяется не только качеством самого текста, но особенностями мышления субъекта взаимодействия, его способностью грамотно сформулировать свою мысль и также интерпретировать сообщение собеседника.

Таким образом в нашем исследовании мы ограничиваем речевую деятельность речемыслительным актом, отвлекаясь от коммуникативного момента. Предметом изучения в данном случае становится не речевая, а речемыслительная деятельность психолога, которая определяется нами как динамичный процесс формирования и формулирования профессионального речевого высказывания, средство профессионального общения, которое обслуживает различные стороны деятельности психолога и является необходимым условием становления его профессиональной компетентности. Эта деятельность направлена на решение определенной вербальной задачи, тогда как речевая деятельность, в которую

включается речемыслительная, дополняется еще и коммуникативной задачей, реализующей коммуникативное намерение говорящего.

Как следуют из определения активизация речемыслительной деятельности предшествует процессу коммуникации, и включает в себя не только речевой, но и мыслительный компонент.

Данная трактовка речемыслительной деятельности основана на положении выдающегося отечественного ученого Л.С. Выготского о взаимосвязи, но не тождественности процессов мышления и речи. Л.С. Выготский утверждал, что «внешняя речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация и объективизация мысли» [5 С.210-211].

В ряде исследований констатируется наличие тесной взаимосвязи между словесно-логическим мышлением и речью, авторы которых единогласно признают тот факт, что речевая деятельность – это сложный вид деятельности, функционирование которого невозможно вне связи с речевым мышлением (Н.И. Жинкин, А.Р. Лурия, А.Н. Соколов, С.Д. Канцельсон, Г.П. Щедровикий, И.А. Зимняя, Т.К. Решетникова, Г.А. Абрамова).

В структурном плане речемыслительная деятельность – это целенаправленный, мотивированный и осмысленный процесс познания действительности речевыми средствами. При этом речемыслительное действие – это одна из форм и составляющих речемыслительной деятельности человека. Каждое такое действие характеризуется интенциональным и операциональным аспектами. Интенциональный аспект определяется тем, что должно быть достигнуто в результате речемыслительной деятельности, а операциональный аспект связан с составом речемыслительных операций, в совокупности которых реализуется речемышление профессионала.

К основным речемыслительным действиям психолога можно отнести обобщение, доказательство, сопоставление фактов, резюмирование речи собеседника, введение и истолкование психологических терминов.

Среди операций можно выделить комментирование, освещение какой-либо тематики, осмысление, выдвижение психологических гипотетических предположений.

Предметом речемыслительной деятельности является определенная речемыслительная задача, направленная на поиск той речевой информации, которая составит содержание речевого сообщения специалиста [8].

При этом речемыслительная деятельность психолога обладает специфическими особенностями, которые отличают ее от речемышления других специалистов. Данные особенности можно разделить на три группы.

Первую группу составляют языковые особенности речемыслительной деятельности, которые проявляются в специфическом профессиональном словаре психолога, умении использовать им психологические теории, интерпретировать научные понятия на языке собеседника. Большое значение в данном случае приобретает уровень интегративности семантической памяти, так как именно данный компонент отвечает за структурированность и логическую организацию языкового материала у субъекта.

Вторую группу представляют смысловые особенности речемыслительной деятельности, предполагающие гибкость мыслительных операций, умение ориентироваться в ситуации взаимодействия, способность точно понимать и интерпретировать содержание высказывания собеседника, улавливать смысл сообщения, считывать подтекст высказывания.

К третьей группе относятся речевые особенности речемыслительной деятельности, связанные с продуктивностью и динамичностью речемышления специалиста, которые проявляются в скорости формулирования высказывания, количестве гипотетических предположений и рекомендаций, а также в объеме высказывания.

На наш взгляд, развитые психологические особенности речемыслительной деятельности во многом обеспечивают успех профессиональной деятельности психолога, так как именно они выступают внутренним базисом профессиональной коммуникации, что является главным средством труда специалиста данного профиля.

При этом в рамках классического университетского образования формированию речемыслительной деятельности будущих психологов уделяется недостаточно внимания, часто молодые специалисты проходят стихийный путь становления качеств своей речемыслительной деятельности, что приводит к возникновению массы трудностей при столкновении с реальной профессиональной задачей.

Так среди речевых ошибок начинающих психологов исследователями отмечаются: использование профессиональной терминологии без объяснения значений терминов, многословность или длительное бесцельное молчание, неточные названия чувств, неправильные формулировки мыслей, невнимательность к словам клиента, искажения в процессе репродукции текста и интерпретации [6].

Т.В. Рыцарева отмечает, что начинающий психолог часто испытывает трудности в процессе интерпретирования запроса клиента и формулирования гипотезы в силу недостаточности собственного опыта практической деятельности [9].

Безусловно процесс формирования речемыслительной деятельности является сложным и длительным, и затрагивает не только этап профессионального обучения, но и этапы последующего развития и повышения своих умений молодыми специалистами в ходе реальной профессиональной деятельности.

Тем самым процесс становления речемыслительной деятельности неразрывно связан с процессом личностно-профессионального развития будущих психологов. При этом успешность данных процессов напрямую зависит от владения студентами конструктивными психологическими стратегиями данного процесса.

Стратегии становления речемыслительной деятельности были обоснованы и сформированы нами на основе анализа имеющихся научных исследований по проблемам профессионального развития личности (К.А. Абульханова-Славская, И.В. Афанасенко, В.А. Бодров, Л.М. Митина, Э.Э. Сыманюк, А.Р. Сыркин и др.).

Наиболее конструктивными, с точки зрения интересующей нас проблемы, являются предложенные Л.М. Митиной модели профессионального функционирования и личностно-профессионального развития, которые во многом определяют отношение человека к профессии, а также рассматривают альтернативные стратегии профессионального развития личности.

В первом случае у человека доминирует пассивная адаптивная стратегия профессионального поведения, которая проявляется в приспособлении и в подчинении профессиональной деятельности внешним обстоятельствам. В плане становления речемыслительной деятельности данная стратегия будет проявляться в стремлении пользоваться готовыми шаблонами и речевыми стереотипами в процессе решения учебно-профессиональных задач. Тем самым, даже обладая развитыми теоретическими знаниями, студент не сможет быстро сориентироваться в новой для него ситуации, изменить план своих действий в соответствии с поставленной задачей.

Вторая - развивающая стратегия становления речемыслительной деятельности предполагает активную позицию субъекта обучения, проявляется в стремлении к высвобождению внутренних ресурсов, включающих способность самостоятельно решать жизненные задачи и при необходимости противостоять среде. Учащиеся с такой стратегией склонны подходить к своей работе творчески, каждую ситуацию они рассматривают как новую и уникальную, что и позволяет им преобразовывать ее.

Внутренними компонентами данной стратегии с точки зрения Л.М. Митиной является профессиональная компетентность, творческая практическая направленность личности, а регулятором личностно-профессионального развития является осознание и преобразование внутренних противоречий [7]. Во взаимосвязи с речемыслительной деятельностью будущих психологов нам представляется возможным изучать развивающую стратегию ее становления через анализ таких феноменов как внутренний диалог и направленность на практическое решение задач.

В профессии психолога диалог занимает важное место, между тем, анализ литературы подтверждает, что одной из основных задач в работе психолога является не только взаимодействие с людьми, но и активизация их взаимодействия с самими собой. Именно поэтому так важно развитие внутренней диалогичности самого специалиста, которая предполагает гибкость, открытость, принятие, обмен смыслами, контакт с реальностью и ответственную позицию [3].

Внутренний диалог определяется нами как развернутая внутренняя речевая активность субъекта, направленная на значимые для него объекты действительности и собственное «Я». Специфика данной активности определяется взаимодействием двух и более несовпадающих точек зрения, которые рассматриваются одним и тем же субъектом [2], что предполагает осознание и последующий анализ внутренних противоречий.

На наш взгляд развитый внутренний диалог стимулирует речемыслительную активность субъекта и оказывает положительное влияние на формирование языковых, смысловых и речевых особенностей речемышления будущего психолога.

Что, касается выбора направленности на практическое решение задач в качестве составляющей развивающей стратегии становления речемыслительной деятельности, то с одной стороны это связано с особенностями классической университетской подготовкой психологов, в рамках которой по-прежнему не хватает практико-ориентированных заданий для будущих специалистов. В результате часто психологи заканчивают профессиональную подготовку с солидным багажом знаний, но недостаточным развитием навыков речемыслительной деятельности.

С другой стороны направленность на практическое решение задач повышает активность самого субъекта, заставляя его самостоятельно формулировать проблему, искать новые пути решения для нестандартной, заранее не определенной ситуации. Все это как нельзя лучше отражает профессиональную деятельность психолога и показывает причины тех трудностей, которые часто испытывают молодые специалисты в силу недостатка у них профессионального опыта.

Таким образом, с нашей точки зрения актуализация развивающей стратегии является эффективным условием формирования речемыслительной деятельности у студентов – будущих психологов, так как она позволяет активизировать все действия и операции речемышления, а также позитивно влияет на процесс развития психологических особенностей речемыслительной деятельности.

В целях проверки обозначенных предположений нами было проведено исследование, направленное на изучение психологических особенностей и условий формирования речемыслительной деятельности у студентов – будущих психологов, которое проводилось на базе Череповецкого государственного университета, в качестве испытуемых выступили студенты специальности «Психология» в возрасте от 17 до 22 лет.

В качестве методов исследования выступили: экспертная оценка, контент-анализ, тестирование, анкетирование, наблюдение и методы математико-статистической обработки данных. На первом этапе проводилось изучение психологических особенностей речемыслительной деятельности учащихся.

В результате нами были выделены группы студентов с разным уровнем сформированности языковых, речевых и смысловых особенностей речемыслительной деятельности. 29% будущих психологов обладают высокими показателями по всем трем параметрам речемыслительной деятельности, такие студенты умеют оперировать психологическими терминами и понятиями, проявляют активность на семинарских и лабораторных занятиях, могут своевременно оценить психологическую ситуацию, если задача задана спонтанно, быстро переключают свою речь с обыденной на профессиональную. При этом 33% студентов – будущих психологов демонстрируют низкий уровень развития всех трех групп особенностей речемыслительной деятельности, их речемышление характеризуется низким уровнем продуктивности и динамичности, ригидным вербальным мышлением, у таких студентов скудный профессиональный словарный запас,

они с трудом ориентируются в психологических понятиях и теориях. Остальные 38% будущих психологов показывают средний уровень развития особенностей речемыслительной деятельности.

На втором этапе у студентов оценивался уровень развития внутреннего диалога и уровень направленности на практическое решение задач, которые в совокупности отражают уровень актуализации развивающей стратегии становления речемыслительной деятельности.

Для оценки уровня развития внутреннего диалога у студентов – будущих психологов нами использовалась методика исследования внутренних диалогов, предложенная Т.Н. Березиной [2]. А для определения уровня направленности на практическое решение задач применялась методика диагностики практической направленности мышления Л.П. Урванцева – Н.В. Володиной [4].

Нами были получены следующие результаты: 25% учащихся демонстрирует высокий уровень развития внутреннего диалога и высокий уровень выраженности направленности на практическое решение задач, что на наш взгляд соответствует развивающей стратегии становления речемыслительной деятельности. Это активные учащиеся с развитой рефлексией, стремятся преобразовывать окружающую действительность, выбирают нестандартные задания и темы исследования, готовы брать на себя ответственность за принятие решений.

При этом 23% испытуемых обладают низким уровнем развития внутреннего диалога и низким уровнем выраженности направленности на практическое решение задач, что соответствует адаптивной стратегии становления речемыслительной деятельности. Такие учащиеся в основном ориентируются на внешние обстоятельства, склонны слепо подчиняться нормам, не выходить за рамки заданной ситуации. Оставшиеся 52% студентов – будущих психологов демонстрируют разные сочетания уровней развития внутреннего диалога и направленности на практическое решение задач, в данном случае не представляется возможным однозначно определить у них стратегию становления речемыслительной деятельности.

Далее перед нами стояла задача проследить, как связаны особенности проявления адаптивной и развивающей стратегии становления речемыслительной деятельности с уровнем развития психологических особенностей речемышления учащихся. Как показал проведенный анализ 44% студентов из группы с высоким уровнем развития всех трех групп особенностей речемыслительной деятельности демонстрируют развивающую стратегию становления речемыслительной деятельности, при этом адаптивную стратегию из данной группы учащихся не использует никто. Следовательно, для данной группы учащихся характерен относительно высокий уровень развития внутреннего диалога и направленности на практическое решение задач.

И напротив среди студентов с низким уровнем развития речемыслительной деятельности только 5% учащихся опирается на развивающую стратегию становления речемыслительной деятельности, а 46% - ориентированы на адаптацию.

Таким образом, мы получили данные, свидетельствующие о том, что развитие внутреннего диалога и направленности на практическое решение задач может оказывать позитивное влияние на процесс формирования речемыслительной деятельности. Студенты – будущие психологи с высоким уровнем развития речемыслительной деятельности чаще демонстрируют развивающую стратегию ее становления, и наоборот, студенты с низким уровнем развития психологических особенностей речемышления склонны ориентироваться на адаптивную стратегию становления речемыслительной деятельности.

Раскрытие и уточнение механизмов становления речемыслительной деятельности в рамках адаптивной и развивающей стратегии и проверка эффективности формирования речемышления будущих психологов при условии развития у них внутреннего диалога и направленности на практические решения определяют перспективы нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Абрамова, Г.А.* Психологическое консультирование: Теория и опыт [Текст] / Г.А. Абрамова. – М.: Изд. Центр «Академия», 2000. – 240с.
2. *Березина, Т.Н.* Многомерная психика. Внутренний мир личности [Текст] /Т.Н. Березина – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 319с.
3. *Визигина, А.В.* Роль внутреннего диалога в самосознании личности: Дис. ...канд. психол. наук [Текст] /А.В. Визигина. - М., 1987. – С. 195.
4. *Володина, Н.В., Урванцев, Л.П.* Опросник для диагностики практической направленности мышления [Текст] /Н.В. Володина, Л.П. Урванцев // Практическое мышление: теоретические проблемы и прикладные аспекты. Коллективная монография /Под ред. А.В. Карпова и Ю.К. Корнилова. - Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2007. – С.35-57.
5. *Выготский, Л.С.* Мышление и речь [Текст] /Л.С. Выготский //Избранные психологические исследования. - М., 1956, - С. 39-386. То же название //Собр. Соч.: В 6-ти т. - Т. 2.- М., 1982. - С. 5-361.
6. *Минакова, М.* Исследование ошибок начинающих психологов-консультантов [Электронный ресурс] /М. Минакова – Режим доступа: <http://maria-psy.ru/?q=nauchno-issledovatel'skie-statji>. – 25.11.2013.
7. *Митина, Л.М.* Психология профессионального развития учителя [Текст]/ Л.М. Митина. – М.: Флинта: Московский психолого-педагогический институт, 1998. – 200с.
8. *Решетникова, Т.К.* Зависимость успешности овладения иностранным языком от особенностей речемыслительной деятельности субъекта обучения (на материале иноязычных способностей): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук [Текст] /Т.К. Решетникова. - М., 1981 – 22с.
9. *Рыцарева, Т.В.* Трудности первых шагов психолога-консультанта [Электронный ресурс] / Т.В. Рыцарева – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2619>. – 20.10.2013

19.00.07

Е.В. Царева

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева», факультет психологии и дефектологии, кафедра психологии, Саранск, docent69@bk.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ АГРЕССИИ СПОРТСМЕНА КАК ФАКТОРА ДОСТИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Статья посвящена экспериментальному исследованию стратегии обеспечения психологической безопасности спортсмена - субъекта спортивной деятельности. Рассмотрен и проанализирован феномен агрессии спортсмена как фактор угрозы психологической безопасности личности. Приведены результаты экспериментального исследования агрессии спортсменов, занимающихся большим теннисом, на основе которых разработана программа профилактики агрессивности спортсмена. Ожидаемые результаты освоения программы: владение спортсменом приемами нейтрализации агрессии, формирование психологической безопасности личности спортсмена.

Ключевые слова: *психологическая безопасность, спортсмен, спортивная деятельность, агрессия, агрессивность, профилактика.*

Современный спорт как многогранное общественное явление тесно связан с экономикой, политикой, здравоохранением, нравственным воспитанием человека. Тенденция развития спорта, спортивные зрелища и спортивная борьба способствуют укреплению международного бизнеса, кросс-культурному обмену, интегрируют нацию, культивируют в людях стремление к успеху в карьере, формируют способность принимать оперативные решения. Спорт способствует образованию тех своеобразно-потенциальных основ действий, в которых выражается характер человека, его индивидуальные особенности, воля [7, с. 182].

Вместе с тем спортсмены постоянно подвергаются влиянию неблагоприятных факторов, таких как высокое физическое напряжение, приводящее к пределу возможностей организма человека, увеличенный риск травматизма, неблагоприятные метеофакторы, частая смена часовых поясов из-за проведения соревнований в разных областях страны и за рубежом и т.п.

Не менее опасными, отмечает Ю.В. Варданян [1, с. 72], являются, «источники психологической угрозы», негативно влияющие на успешность и эффективность спортивной деятельности, нанося значительный ущерб психическому и психологическому здоровью, снижая уровень психологической безопасности субъекта спортивной деятельности.

Психологическая безопасность субъекта спортивной деятельности понимается нами как состояние психологического благополучия, достигаемое в результате владения приемами нейтрализации и преодоления психологической опасности и наличия атмосферы психологической безопасности (т. е. свободной от деструктивного влияния) социальной среды, способствующее сохранению целостности личности, ее развитию и нормальному функционированию [7, с.184].

Одним источников психологической угрозы в спорте является агрессия и агрессивное поведение. Агрессия – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, носящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт [6]. Она служит формой

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева». Проект «Исследование стратегий формирования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности».

отреагирования физического и психического дискомфорта, стрессов, фрустраций, может выступать как средство достижения некоей значимой цели, в том числе повышения собственного статуса за счет самоутверждения.

Агрессия определяется нами как определенные действия, причиняющие ущерб другому одушевленному или неодушевленному объекту или самому себе, а агрессивность – это потенциальная готовность личности к подобным действиям, которая вызывает восприятие и интерпретацию условий деятельности соответствующим образом.

Для изучения феномена агрессии в спорте нами был выбран большой теннис, так как теннис – это «игра, в которой человеческие слабости играют немалую роль» [3, с. 4]. К тому же современный теннис характеризуется агрессивным стилем игры. Поэтому так важно принимать в расчет не только физическую подготовку спортсмена, но и его психологическое состояние.

С целью выявления агрессивности спортсменов, занимающихся большим теннисом, нами было проведено исследование в АУ ДОД «Теннисный центр Мордовии», в котором приняли участие 52 человека. Из них 26 подростков в возрасте 11-13 лет с опытом занятий большим теннисом от 1 года до 5 лет и 26 старшеклассников в возрасте от 14 до 18 лет со стажем занятий 2-10 лет.

В рамках изучаемой проблемы мы использовали методику диагностики состояния агрессивности человека (опросник Басса-Дарки), при обработке опросных листов – методы первичной статистической обработки, одним из которых стало определение выборочной средней величины агрессивности и враждебности.

В ходе исследования выявлено, что для подростков, занимающихся большим теннисом 1-3 года, характерны следующие показатели уровня агрессивности: низкий уровень выявлен у 30% опрошенных, средний уровень – у 40%, высокий уровень – у 30%. У подростков, занимающихся 4-5 лет, преобладает низкий уровень агрессивности – 57%, средний уровень агрессивности выявлен у 43% испытуемых. У взрослых спортсменов преобладает низкий уровень агрессивности, соответственно у 67% со стажем занятий 1-3 года, у 60% со стажем занятий 4-5 лет и свыше 5 лет. Средний уровень агрессивности демонстрируют 33% взрослых спортсмена со стажем занятий 1-3 года, 40% - со стажем занятий 4-5 лет и свыше 5 лет.

Индекс враждебности у спортсменов с малым опытом занятий выше, чем у спортсменов с большим стажем занятий.

Итак, результаты нашего исследования позволяют предположить, что уровень агрессии от стажа занятий большим теннисом значительно не меняется, но спортсмены с большим опытом лучше умеют управлять ею, агрессия становится более осознаваемой.

В ходе беседы со спортсменами нами были выявлены основные причины проявления агрессии, которые можно охарактеризовать как реакции на фрустрацию: проигрыш; несправедливость судьи; беспокойство перед соревнованиями; выступление ниже своих возможностей; боязнь разочаровать тренера и т. д.

Конечно, спортсмен не может предотвратить и не всегда может контролировать данные ситуации, поэтому важно научить его контролировать свои эмоции и реакции на фрустрацию.

В рамках решения обозначенной проблемы нами разработана программа профилактики агрессии спортсмена. Она включает 15 занятий, объединенных в 3 модуля:

1 модуль – «Адаптация к соревновательной ситуации» - включает 4 занятия, цель которых: изучение факторов, определяющих психическое состояние спортсмена в предсоревновательный период, формирование умения диагностировать установку к условиям и факторам публичных соревнований, формирование умений адаптации к соревновательной ситуации.

2 модуль – «Основы саморегуляции» - 8 занятий. Основной целью занятий является освоение способов саморегуляции (саморегуляция неблагоприятных предстартовых

состояний, способы преодоления тревожности, регуляция переживания фрустрации, приемы поведенческой антистрессорной защиты).

3 модуль – «Аутогенная тренировка» - 3 занятия. Основная цель занятий: выработка навыков концентрации внимания, визуализации и регуляции мышечного тонуса.

Каждое занятие включает четыре блока: организационный, теоретический (содержательный), технологический, рефлексивный. Методы работы: дискуссия, работа в парах, интерактивные игры, тренинговые упражнения, визуализация.

В настоящее время экспериментальная программа проходит апробацию на базе АУ ДОД «Теннисный центр Мордовии». Ожидаемые результаты освоения программы: владение спортсменом приемами нейтрализации агрессии, формирование психологической безопасности личности спортсмена. Кроме того, в процессе обучения в вузе необходимо обеспечить психолого-педагогическое сопровождение подготовки будущих тренеров к формированию безопасности спортсменов [2, 4, 5, 7].

Список литературы

1. Варданян, Ю.В. Проблемы исследования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности и обоснование стратегий ее реализации / Ю.В. Варданян // Российский научный журнал. – 2012. – № 5 (30). – С. 71-77.
2. Майдокина, Л.Г. Содержание направлений психолого-педагогического сопровождения развития саморегуляции субъекта спортивной деятельности / Л.Г. Майдокина, О.В. Кудашкина // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 2 (14). – С. 50-54.
3. Метцлер, П. Теннис. Секреты мастеров / П. Метцлер. – М.: Советский спорт, 2000. – 320 с.
4. Руськина, Е.Н. Экспериментальное исследование возможностей формирования психологической безопасности субъекта спортивной деятельности / Е.Н. Руськина // Гуманитарные науки и образование. – 2013. – № 3 (15). – С. 92-94.
5. Руськина, Е.Н. Реализация компетентностного подхода в процессе преподавания бакалаврам социально-психологических курсов по выбору / Е.Н. Руськина, Е.В. Царева // Казанская наука. – 2013. – № 10. – С. 282-284.
6. Современный психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2008. – 490 с.
7. Царева Е.В. Развитие в вузе психологической безопасности субъекта спортивной деятельности: проблемы и опыт решения / Е.В. Царева // Российский научный журнал. – 2012. – № 5 (30). – С. 182-188.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

22.00.04

В.Т. Ананьина

Уральский Федеральный Университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ИСПН, кафедра теории и истории социологии,
г. Екатеринбург, miviya@mail.ru

**ТЕОРИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ**

В данной статье рассматриваются научные подходы к исследованию миграционных процессов в современном глобальном обществе. Особое внимание уделяется анализу теории транснациональной миграции, ее базовым понятиям, российской практике регулирования транснациональной миграции на примере государственной программы «Соотечественники».

Ключевые слова: *миграция, международная миграция, транснациональная миграция, транснационализм, трансмигрант, транснациональное сообщество, транснациональное социальное пространство.*

Нарастание миграционных процессов, связанных с перемещением отдельных людей, семей, этнических и социальных групп в географическом и территориальном пространстве, становится одним из значимых признаков современного глобального общества. Особый интерес в этом плане представляет международная миграция, поскольку ее последствия связаны не только с расширением межкультурной коммуникации, но и с культурной экспансией, перераспределением финансовых потоков, нарастанием социальных противоречий между коренным населением и мигрантами.

Миграция, под влиянием процесса глобализации, создает не только поле для всеобщего объединения, но и провоцирует разъединение единых государств. Исправление ошибок национальной политики Советского Союза являются одной стороной миграционной стратегии. В результате распада СССР появились «бывшие соотечественники», идентифицирующие себя с советским народом, но оказавшиеся за границами современной РФ и испытывающие потребность в возвращении на историческую Родину. Потребность сформировалась в силу острых проблем, сложившихся на этнической почве прежних советских республик, которые не дают возможность нормального функционирования и развития. Наши соотечественники ощущают себя в роли этнического меньшинства, чувствуют влияние этнических стереотипов и предрассудков. С другой стороны, миграционная стратегия, заключается в достижении объединения русской нации, и для соотечественников за рубежом это выражается в формально-правовом признаке – предоставлении гражданства, в соответствии с чем, мигранты будут идентифицировать себя, как граждане РФ. Необходимо отметить важность внутреннего осознания принадлежности к российской общности, которое будет противоречивым в силу влияние на этническое самосознание соотечественников ряда факторов (макро-, мезо-, и микроуровня). Эти факторы изменили, на наш взгляд, их этническую идентичность, в результате чего перспектива объединения будет носить формальный характер, а ожидание притока мигрантов идентифицирующих себя как русские – преждевременны.

Не случайно к вопросам международной миграции в своей деятельности обращаются политики и журналисты, ученые и государственные деятели.

Исследование данной проблемы актуально и для социологической науки, для которой миграция органично включена в систему социальных процессов, характеризующих как состояние общества, так и тенденции его развития.

В самом общем плане под международной миграцией понимают «процесс межгосударственного перемещения людей через государственные границы, основанный главным образом на изменении постоянного места жительства»[5].

Столь общее понимание миграции для ее практического анализа требует дополнительного методологического обеспечения. В западной социологии сложилось три подхода к ее изучению: системный, экономический и транснациональный. Общим для них является то, что они описывают миграцию как явление, обладающее изменчивым, динамичным характером. Кроме того, следует отметить, что практически во всех современных западных теориях проявляется тенденция к формированию интегративного знания для изучения миграции.

Первый подход опирается на теорию миграционных систем, автором которой является М. Критц. По его мнению, при изучении миграционных процессов следует исходить из их системного характера, и в исследовательской практике необходимо акцентировать внимание на миграционных системах и различных видах связей между группами стран.

Второй подход мы относим к экономическому. Его представителями являются Д. Массей, Р. Дженниссен, они претендуют на создание синтетической теории миграции, их реальные интересы сфокусированы на экономическом аспекте миграционных процессов.

Третий подход основывается на концепции транснациональной миграции. Ее основателями выступают такие ученые как Ш. Глик, С. Каслз, А. Портес, Т. Файст. Они исходят из концептуальной идеи, что основным последствием современных миграционных процессов выступает создание транснациональных сообществ, в которых в результате поддержания трансмигрантами множественных отношений внутри, и за пределами страны их пребывания формируется многослойная идентичность, существующая в противоречивом единстве на уровне личности или этнических диаспор, так и транснационального сообщества, масштабы которого выходят за пределы границ национальных государств. Это создает «структурную зависимость между странами эмиграции и иммиграции» [3,с.114] и, в свою очередь, нивелирует основные характеристики национального государства.

Известный американский социолог М. Кастельс делает акцент на том, что в контексте дестабилизации и разрушения характеристик национального государства происходит трансформация территориальной организации мира, то есть наблюдается переход от «пространства мест» к «пространству потоков» [3,с.114]. Осуществляется определенная территориальная трансформация, особенность которой заключается в формировании «транснационального социального пространства», где, по мнению Т. Файста, и совершаются перемещения мигрантов [4].

Существование транснациональных социальных пространств разрушает понимание о традиционных формах миграции. По мнению Л. Пирса, предложившего категорию «транснационального социального пространства», появление сложных потоков людей, информации, товаров, дает начало новой миграции. Социальные сети мигрантов вопреки национальным границам, фрагментируют национальную идентичность людей, структурируют их жизненные пути и карьеры, разрушая тем самым традиционно сложившиеся формы миграции.

Одновременно с переходом к «транснациональному социальному пространству» происходит не только подъем миграции, но и повышается дифференциация самих мигрантов по различным характеристикам, также у мигрантов наблюдаются установки на существование в двух и более сообществах, вследствие чего укрепляется повышение роли неформальных сетей как форм коммуникации и организации. На фоне таких изменений теряет актуальность понятие «международная миграция», предполагающая простое пересечение национальных границ.

Хотя отечественные социологи в своих работах чаще опираются на традиционные концепции международной миграции, однако в последнее десятилетие транснациональная миграция как новый феномен глобального общества становится объектом внимания и для российского научного сообщества. Среди ученых, обратившихся к проблемам транснациональной миграции, следует назвать М.С. Блинову, О.Н. Бредникову, М. Кайзер и др.

Любая теоретическая концепция для превращения ее в методологическую базу для эмпирических исследований и анализа практики требует либо введения новых понятий, либо уточнения уже существующих, на что обращают внимание российские социологи М. Кайзер, О.Н. Бредникова в статье «Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии)» [4].

Вообще, понятия «транснационализм» и «трансмигранты» в научный оборот вводятся Ш. Гликом в 1990-х гг. Важно отметить, что именно они стали основополагающими в концепции транснациональной миграции.

Понятие транснационализма начинает свое формирование в 1970-х гг. В этот период происходит распространение транснациональных корпораций и банков, то есть, происходят такие изменения в экономической сфере, которые, с одной стороны, выступают результатом транснациональных миграционных процессов, а с другой – становятся опорной базой для их расширения и углубления.

Позднее понятие транснационализма было использовано при исследовании миграционных процессов с учетом обязательной локализации, то есть конкретного «места». В классическом понимании взаимосвязь взаимосвязь с «местом» – это подключение мигрантов к процессу ассимиляции в принимающее сообщество. Но Ш. Глик подверг сомнению тезис о локализации при помощи ассимиляции, результатом чего стало формирование новой парадигмы в исследованиях миграции.

Транснационализм определяется Ш. Гликом как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политические границы», что приводит к увеличению мобильности, разнообразию населения, формированию групп со «сложной, многослойной идентичностью» [1]. Эти процессы могут дестабилизировать общество, в связи с тем, что увеличивают в нем мобильность, а также разнообразие населения, и как следствие они становятся сложны с точки зрения управления ими и осуществления государственного контроля.

Субъектами вышеуказанных процессов являются – транснациональные мигранты, которые «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные отношения, пересекающие границы» [3, С.117], сохраняют связь со страной своего происхождения. Они постоянно взаимодействуют, формируют взаимосвязи, взаимозависимости, которые конструируют новые сообщества, на различных территориях, куда включены трансмигранты.

Возможности практического применения концепции транснациональной миграции связаны с изменением подхода к изучению вопроса, который выступает ведущим и для классических теорий миграции, – роли национального государства, одной из задач которого является управление этническим разнообразием (в особенности приграничных территорий). Данная концепция создает методологическую базу для решения новых проблем – проблем, связанных с управляемостью этнически разнородными, входящими в транснациональные сообщества группами.

Этнически разнородные группы возникают в результате миграции населения из стран ближнего зарубежья, они пересекают границы и создают транснациональное пространство. Вообще этничность является характеристикой личностной и групповой, существует при возможности коммуникации и сравнения с «другими» группами.

У транснациональных мигрантов, а именно «бывших соотечественников», происходит, на наш взгляд, трансформация этничности. На личностном уровне изменение выражается в самоотождествлении с различными этническими группами, поскольку они долгое время

проживали на другой этнической территории, сравнивали себя с «другими», взаимодействовали с ними, их этничность проявляла свою «индивидуальность». В течение многих лет на соотечественников оказывали влияние этнические «другие» группы, находившиеся в численном большинстве. Воздействия формировались в соответствии с уверенностью многих людей о примордиальности связей этнических групп. Эти представления об архаичности этничности конструируют стереотипы, установки, взгляды, и действия. На групповом уровне тенденции следующие: трансформация включенности в этническую и гражданскую среду, этнонациональная vs гражданская идентичность.

Таким образом, бывшие соотечественники, находящиеся за рубежом, и испытывающие потребность в переселении на территорию РФ, должны стать объектом эмпирических исследований. Вследствие изменения их этнической идентичности и включенности в транснациональные процессы, сообщества, и, наконец, в результате переселения – они становятся транснациональными мигрантами.

Представителями трансмиграционных сообществ и транснациональными мигрантами могут быть участники программы «Соотечественники» и члены их семей. Необходимость такой программы определялась проблемами, которые возникли из-за трудностей государственного контроля и управления миграционными потоками, в результате чего в России возникла диспропорция региональных рынков труда, рост социальной напряженности, сформировались условия для национальной нетерпимости и ксенофобии.

Данная государственная программа была принята Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. [7]. Цель программы заключается в объединении соотечественников путем содействия переселению людей, оказавшихся после распада СССР за пределами Российской Федерации, и в развитии российских регионов, для которых свойственна неблагоприятная демографическая ситуация, характеризующаяся оттоком населения со стратегически важных территорий, сокращением численности населения, в частности трудоспособного возраста.

Эта цель опирается на идею, что соотечественники в большей мере способны адаптироваться и приобрести положительные социальные связи в новом сообществе, поскольку владеют русским языком, сохранили контакты с людьми, постоянно проживающими на территории РФ, имеют желание восстановить связь с Родиной и интегрироваться в российское сообщество.

Участникам программы предоставлялась возможность переселиться в те регионы РФ, которые выделялись в программе, с правом получения различных видов льгот (компенсация за проезд, и выплату пошлины для установления правового статуса переселенца; компенсационный пакет на услуги в области здравоохранения, социального обслуживания, занятости и образования; пособие по безработице в течение шести месяцев и пособие на обустройство). Регионы, ставшие участниками программы, были подразделены на три категории: стратегические приграничные территории; территории, требующие массового количества переселенцев в силу реализации инвестиционных проектов; территории, где наблюдается сокращение общей численности населения (как естественной, так и механической).

Срок реализации программы «Соотечественники» первоначально был обозначен 2006-2012гг. Но в процессе осуществления программы выявился целый ряд недоработок и трудностей.

К их числу относятся проблемы бюрократического характера связанные с утверждением нормативных документов, необходимых для выполнения всех положений и требований программы. В ряде регионов, например, в Свердловской области, это привело к тому, что ожидаемый поток переселенцев-соотечественников в реальности представлен небольшим количеством человек. Однако существуют другие факторы, которые оказывают влияние на решение об окончательном переезде. В качестве причин отказа может быть негативный опыт социального взаимодействия, когда постоянное население воспринимает соотечественников как «других», отождествляя с этнической группой их постоянного проживания и распространяя на мигрантов этнические стереотипы сформированные поколениями,

собственным социальным опытом или СМИ. Стоит полагать, что участие в программе не символизирует благосклонности или бессознательной солидарности к группе переселения, тождества в мировоззрении, отсутствий противоречий во взглядах. Также мигранты могут быть не удовлетворены территорией переселения, поскольку климат среднего Урала является не стабильным.

По данным на 2012г. в Свердловскую область переехало всего 25 человек, хотя свидетельства участников программы получили 166 человек[6]. Численность переселенцев, которая была запланирована согласно программе по Свердловской области [7], составляла 1680 человек, в том числе по годам: в 2009 г. - 160 человек, 2010 г. - 240 человек, 2011 г. - 400 человек, 2012 г. - 880 человек.

Данные на 2013 г., представленные директором департамента по труду и занятости населения Свердловской области Д.А. Антоновым, так характеризуют ситуацию по ее выполнению [6]. Во-первых, региональная программа реализуется только со второй половины 2012 г. Во-вторых, количество соотечественников, которых должна была принять область во втором полугодии 2012 г., отличается от планируемых цифр программы – всего 95 человек, при том, что было подано 198 анкет. Положительное заключение выдано 192 соотечественникам и 211 членам их семей.

Еще одна проблема связана с интеграцией мигрантов в существующие на территории переселения сообщества. Данные экспертов о результатах работы программы «Соотечественники» в Свердловской области свидетельствует о сохранении социальных связей и возникновении новых социальных сетей участников программы и членов их семей вопреки национальным границам [8].

При этом по своему значению ориентация на интеграцию с местным населением и в местное территориальное сообщество для мигрантов стоит не на первом месте, поскольку прочность, значимость и возможности созданных транснациональных структур несравнимы с государственными. А вот результаты функционирования таких структур могут войти в противоречие с интересами национального государства, что в комплексе способно породить проблемы, требующие специальных исследований.

По нашему мнению, это связано с тем, что на «старом» месте жительства «соотечественники» образовали прочные социальные связи, и при этом продолжили взаимодействовать в социальных сетях на территории их первичного пребывания, сохранив социальную связь со страной своего происхождения – Россией.

В процессе участия в программе они вторично меняют место жительства, однако сохраняют социальные связи с территорией, которую покидают. Дети, в особенности из межнациональных семей, для которых свойственна сложная идентичность, также сохраняют отношения со своими «старыми» друзьями, достаточно активно вступая с ними в коммуникацию, используя при этом Интернет. Они создают виртуальные сообщества, включаются в сообщества, которые организуют их родители с участниками программы, а также вступают в новые социальные связи со сверстниками в школах или высших учебных заведениях.

Такое «вторичное» перемещение при сохранении национального разнообразия способствует проявлению, как уже отмечалось выше, «нового национализма», порождаемого взаимодействием новых социальных групп со сложной, многослойной идентичностью, к которым относятся представители данной программы и местного населения.

С учетом этих проблем в 2013 г. утверждается новая редакции государственной программы «Соотечественники», в которой она фактически становится бессрочной [9].

При ее реализации следует учитывать, что главной особенностью трансмигранта является транснациональная активность, и, как отмечают в своих работах Ш. Глик, А. Порт, С. Эскобар, А. Радфорд, именно она становится центральной частью жизни индивида [2].

В результате транснациональной активности самих мигрантов миграция является не простым пересечением территории, а «проектом расширения пространства» [4]. Сохраняя связи со страной своего происхождения трансмигранты с помощью этих связей фактически

проживают одновременно в двух и более сообществах и организуют новые транснациональные пространства.

Транснациональная активность участников программы «Соотечественники» проявляется, прежде всего, в том, что хотя программа является государственной, индивиды сами делают выбор – участвовать в ней или нет. Этот выбор возникает в результате потребности в реализации целей, таких как гарантия выживания и воспроизводства семьи, повышения социального статуса на новой территории.

Активность соотечественников способствует их включению в различные группы (например, профессиональные, статусные), приводит к увеличению значимости этничности и формированию «моей общности» и «других общностей». А, в частности, повышенная трудовая активность на фоне общего снижения уровня жизни способствует возникновению ситуативной ксенофобии со стороны принимающего сообщества.

Таким образом, соотечественники должны восприниматься в принимающем обществе не только на основе их этнической идентичности, но и шире – с учетом их социальных связей, то есть как транснациональные мигранты. Дальнейшее изучение транснациональной миграции формирующихся и уже возникших на территории России транснациональных сообществ будет способствовать усилению контроля и управлению миграционными потоками и снижению социальной напряженности, порождаемой «новым национализмом».

Список литературы

1. Casteles S. The Myth of the Controllability of Difference: Labour Migration, Transnational Communities and State Strategies in East Asia [Электронный ресурс] URL: <http://www.unesco.org/most/apmrcast.htm> (дата обращения: 22.09.2013).
2. Portes A., Escobar C., Walton Radford, A. Immigrant Transnational Organizations and Development: A Comparative Study/ Center for Migration and Development Princeton University. 2005 p. 66 [Электронный ресурс] URL: <http://www.princeton.edu/cmd/working-papers/papers/wp0507.pdf> (дата обращения: 10.11.2013).
3. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения: монография / под ред. В.И. Добренкова. – М.: КДУ, 2009. С. 114.
4. Кайзер М., Бредникова О. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) / Под ред. Бараулиной Т., Карпенко О. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 133—146.
5. Международная миграция населения // Демографический словарь [Электронный ресурс] URL: http://demography.academic.ru/1974/МЕЖДУНАРОДНАЯ_МИГРАЦИЯ_НАСЕЛЕНИЯ (дата обращения: 01.10.2013).
6. Портал для российских соотечественников Русский век [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruvek.info/?module=articles&action=view&id=7873> (дата обращения: 13.11.2013).
7. Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Свердловскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2009-2012 годы [Электронный ресурс] URL: <http://www.ruvek.info/?module=regions&action=list> (дата обращения: 13.11.2013).
8. Сайт ГБУ СО Единый миграционный центр [Электронный ресурс] URL: <http://www.migraciaural.ru/content/17/dlya-sootechestvennikov/1/> (дата обращения: 21.11.2013).
9. Утверждена новая редакция Государственной программы «Соотечественники» / Официальный сайт Федеральной миграционной службы России [Электронный ресурс] URL: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=53802 (дата обращения: 10.12.2013).

22.00.06

О.В. Лисина

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра государственного муниципального управления и социологии,
Казань, socio-olga@mail.ru

СПЕЦИФИКА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО ВУЗОВ

В статье представлен сравнительный анализ результатов социологического исследования социокультурных особенностей здоровьесберегающего поведения студентов технологического вуза различной профессиональной направленности и студентов духовного вуза, проведенного в рамках интегративно-эклектического подхода с помощью качественного и количественного метода.

Ключевые слова: *социокультурный эталон здоровья, здоровьесберегающие практики, уровни жизнестойкости, витальная метакомпетентность, стратегии здоровьесориентированности.*

В настоящее время в России актуализировано несоответствие декларируемых витальных ценностей современной молодежи с фактическим витальным поведением, в частности, рассогласование в уровне витальной компетентности, референтах ее жизнестойкости и выборе здоровьесберегающих практик. Мотивация молодежи к здоровому образу жизни продолжает оставаться низкой. Это подтверждает и тот факт, что по мнению россиян, забота о здоровье – это прерогатива старых, больных или состоятельных людей [1].

Гипотеза данного исследования состояла в предположении о том, что отличительные особенности здоровьесберегающих практик студенческой молодежи светского и духовного высшего учебного заведения исходят из разнохарактерности природы смыслов их здоровьесориентированных действий. Эмпирической базой исследования служат данные качественного исследования, проведенного методом полуструктурированного глубинного интервью (N=44) среди студентов КНИТУ и КДС; данные количественного исследования, проведенного методом анкетирования: студенты факультета социотехнических систем, факультета промышленной политики и бизнес-администрирования КНИТУ и воспитанники пастырского факультета КДС.

Выявлено, что специфика здоровьесберегающего поведения верующей студенческой молодежи вузов технологического и духовного образовательного профиля выражается в некоторых различиях, детерминированных социокультурными факторами: 1) природой смыслов применяемых здоровьесберегательных практик, доминирующих социальных представлений о здоровье, болезни, общей схемы представлений индивидуального и коллективного опыта оздоровления в контексте конкретного социально-исторического пространства; 2) стратегий здоровьесориентированности; 3) уровней витальной метакомпетентности; 4) уровня жизнестойкости, эмпирически измеряемого по показателям вовлеченности, контроля, принятия риска, социабельности, альтруизма и самоэффективности.

Подчеркнем, что разнохарактерность здоровьесберегающих практик верующей студенческой молодежи светского и духовного вуза, а также неверующих студентов со студентами с высокой степенью реализованности религиозных традиций состоит не в различии применяемых самосохранительных и оздоровительных практик (хотя некоторые особенности наблюдаются), а в диаметральной природе смыслов-ориентиров – духовно-ценностных или материально-целевых, формирующих индивидуальные формы личностной активности, проявляющейся на поведенческом уровне в выборе стратегий

здоровьесберегающей деятельности, нормах реагирования на социальные обстоятельства, аффективную среду и т.п. Установлено, что смыслы верующей студенческой молодежи ориентированы на социокультурный образец религиозного мировосприятия с репродуктивным уровнем его усвоения, т.е. воспроизведение по эталону, что понижает их субъектность в пространстве реализации здоровьесберегающих практик. Однако субъективная интерпретация обеспечивает соотношение индивидуальных смысловых значений с объективными условиями и организует продуктивную среду здоровьесберегающей деятельности. В применяемых практиках верующей студенческой молодежи наиболее актуализированы те, что одобряемы с точки зрения локального социокультурного эталона. Смыслы неверующей студенческой молодежи, в частности студентов с минимально выраженной религиозностью, основываются на универсальном социокультурном эталоне доминирующего в современном времени-пространстве, что позволяет исходить не только из устоявшихся образцов эпохи, но и находить новые знания, способы действий, быть более свободными в выборе здоровьесберегающих практик. Соответственно, здоровьесберегающие практики неверующих студентов более разнообразны, «оглобализированы», могут носить нелегитимизированный характер, например, включать псевдоздоровьесберегающие практики.

Дополнительно произведен сравнительный анализ жизнестойкости верующей студенческой молодежи светского и духовного вуза на примере КНИТУ и КДС. Выявленные данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1 - Сравнение показателей жизнестойкости студенческой молодежи светского и духовного ВУЗа, разной профессиональной направленности (средний балл по адаптированному тесту Д.А. Леонтьева)

Индикатор	КДС (духовный вуз) (N=55)	КНИТУ (светский вуз, гуманитарии) (N=30)	КНИТУ (светский вуз, технические специальности) (N=30)
Вовлеченность	39,6	26,4	42,2
Контроль	33,9	9,3	39,2
Принятие риска	12,0	18,2	12,0
Общий показатель жизнестойкости	85,5	53,9	93,4

Таким образом, первую позицию по общему уровню жизнестойкости занимают студенты КНИТУ технической специальности – 93,4 балла, вторую – воспитанники КДС – 85,5 балла и третью (53,9 балла) – студенты КНИТУ гуманитарных специальностей при среднем значении нормы по тесту – 80,72 балла. Соответственно, большинство участвующих в исследовании студентов обладают выраженной жизнестойкостью и способностью к адаптации.

Обыденные социальные представления студентов различной профессиональной направленности о здоровье, болезни и практиках ЗОЖ, выявлены с помощью качественного исследования – полуструктурированных интервью студенческой молодежи КНИТУ и КДС. Интервьюирование показало, что среди основных практик здоровьесбережения студентов КНИТУ оказались легитимные практики, обусловленные материально-целевыми смыслами, направленными на достижение конкретных оздоровительно-сохранительных целей, отказа от вредных привычек и отражающими универсальный социокультурный образец здорового образа жизни. Среди высказываний воспитанников КДС систематично появлялись ответы, подчеркивающие духовно-ценностную смысловую ориентированность, проявляющуюся в стандартных, легитимно-одобряемых средствах достижения долговременной цели, согласованности выбора практик с предполагаемыми последствиями, ожиданиями, минимальной субъектности в пространстве реализации практик, локальности, и, главное, репродуктивной направленностью, выражающейся в воспроизведении образца. Выявлены

социальные представления верующих студентов о здоровье исходят из нескольких детерминирующих признаков и подходов: 1) отсутствие паталогий, болезней, недугов (нормоцентрический подход); 2) нормальное, обычное состояние организма, когда здоровье подразумевает совокупность среднестатистических норм поведения (нормоцентрический); 3) целостность физического, психологического, социального благополучия (системно-холистический подход); 4) ценность (аксиологический подход); 5) ресурс, позволяющий полноценно выполнять социальные функции (инструментальный подход); 6) баланс, гармония внутреннего и внешнего, равновесие организма и среды (адаптационный подход).

С помощью анкетирования было выявлено, что по уровню витальной метакомпетентности первую позицию занимают студенты КНИТУ гуманитарных специальностей, православного вероисповедания, студенты КДС пастырского факультета и технической специальности мусульманского вероисповедания, демонстрирующие оптимальный уровень. Управляемый уровень характерен для студентов технической специальности православного вероисповедания и неверующих, а также гуманитарных специальностей у студентов мусульманского вероисповедания. Третью позицию занимают неверующие студенты гуманитарного профиля с стандартизированным уровнем витальной метакомпетентности. Сберегающе-резервирующий тип стратегии здоровьеориентированности, отражающий максимальную интенцию на здоровый образ жизни и воспроизводство, приумножение жизненных сил, присущ верующим студентам КНИТУ, как православных, так и мусульман, технической специальности и воспитанникам КДС. Придерживающийся тип, второй из наиболее самосохранительных, стратегии наиболее характерен для неверующих студентов технических специальностей и гуманитарных специальностей и православного и мусульманского вероисповедания. Наиболее разнообразными оказались здоровьесберегающие практики студентов гуманитарных специальностей КНИТУ вне зависимости от вероисповедания – это оздоровительные медицинские, легитимные, нетрадиционные практики, духовные практики оздоровления и различные способы самолечения с опорой на народную медицину. Воспитанники КДС продемонстрировали склонность к православным, псевдоправославным практикам оздоровительной и сохранительной направленности, чаще всего легитимных и религиозно-одобряемых. Студенты технической специальности КНИТУ чаще всего применяют оздоровительные практики (нацеленные на приумножение ресурсов), в частности медицинские, легитимные и иногда нетрадиционные.

Подтверждена гипотеза о том, что верующая студенческая молодежь как технологических так и гуманитарных специальностей более склонна к здоровьесберегающему поведению, чем молодежь с менее реализованными религиозными традициями.

Список литературы

1. Забота о здоровье. Опрос граждан РФ от 30 июня 2013 года // Фонд Общественное мнение. Интернет-ресурс. [Режим доступа]: <http://fom.ru/obshchestvo/10984> (Дата обращения: 17.10.13)

22.00.00

В.Т. Литвиненко д.п.н.

Ставропольский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»,
г. Ставрополь, sfranhgs@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

В статье даётся характеристика и раскрывается сущность, значение, влияние общественного контроля в европейских государствах на систему государственного управления. Особое внимание автор акцентирует на существующем порядке взаимодействия государства и общества, их консолидации в вопросах решения существующих проблем.

Ключевые слова и фразы: *гражданское общество, политический дискурс, эпистемологический эволюционизм, общественный контроль, национальный социальный и экономический совет (НСЭС), МАЭСССИ.*

Европейский опыт контроля общества над государством показывает, что положительная тенденция его развития имеет успех только в том случае, когда это общество является гражданским, это же является условием формирования социального демократического государства.

Гражданское общество понятие более развёрнутое, широкое и на Западе оно позиционирует себя как самостоятельное, независимое, самоорганизованное, институционализированное, осуществляющее контроль над государством, а также оказывает значимое влияние на его формирование как правового, социального, демократического, способного защищать интересы своих граждан и оказывать государственные услуги высокого качества.

Различие интересов государства и общества всегда являлись причиной многих переворотов, революций, гражданского неповиновения и других негативных явлений. За рубежом этот фактор является одним из главенствующих при определении политического дискурса государства и во внутренней и во внешней политике. Как справедливо отметили Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю.: «Основой достижения солидарности государства и других социальных сфер является компромисс, т.е. способность всех участников социального контракта жертвовать частью своих интересов для рационального достижения их базовой части, а также для достижения общественного блага. Это понятие включает: экономический рост, улучшение благосостояния всех граждан, социальную справедливость, социальное участие, благоприятную моральную атмосферу, культурное и духовное развитие, поддержание демократических и гуманистических ценностей, развитие прав и свобод. Государство жертвует своим всевластием, поскольку сознательно берёт на себя ответственность за создание общества и желает разделить бремя этой ответственности с работодателями и общественными организациями[2, 15]

В пору отметить, эпистемологический эволюционизм в контексте трансформации и модернизации связей и отношений между государством и обществом с допущением определённого уровня ошибок, проб и просчётов в европейских условиях не теряет своей значимости, эффективности и практического значения.

В европейских условиях общество и государство максимально консолидированы в вопросах решения существующих проблем. К примеру, В Великобритании на добровольной основе в помощь полиции привлекаются граждане. В соответствии с планами правительства этой страны численность подразделений "добровольной стражи" в перспективе достигнет 5 млн. человек — цифра весьма внушительная. На добровольных помощников возлагаются

обязанности по патрулированию и поиску сигналов о преступлениях. Они не вооружены, не имеют особой униформы. Узнав о преступлении, сообщают о нем по радиации дежурному полицейскому подразделению быстрого реагирования — пресечение преступлений не входит в их функции. В Дании, Франции, Нидерландах, Швеции, Великобритании и Германии возникли общественные советы по предупреждению преступлений. Главным директором Шведского совета по предупреждению преступности стал известный ученый, криминолог Свенсон Бу. Правление этих советов, как правило, возглавляют авторитетные политики. Например, в германской земле Шлезвиг-Гольштейн в правление вошли министр внутренних дел, министр культуры, министр юстиции и министр по социальной защите. В задачу этих советов входит уточнение картины преступности за счет выявления латентного криминала и вскрытие ее причин, носящих локальный характер, — тех факторов, на которые можно эффективно воздействовать на местном уровне[3, 31].

Общественный контроль в Европе не следует рассматривать только как надзорную функцию за государственными структурами. Общество само принимает активное участие в сферах государственного управления. Так, по инициативе датского общественного совета по профилактике преступлений в стране была существенно изменена молодежная политика. В пятимиллионной Дании создали почти семь тысяч подростковых и молодежных клубов, центров досуга и кружков по интересам (самого широкого спектра: от любителей конного спорта до филателистов). По инициативе Совета в парламент Дании был внесен законопроект о замене судов для молодежи конфликтными советами, задача которых — находить наиболее эффективные способы наказания подростков и молодых людей за совершение противоправных действий. В соответствии с теорией стигмы они стремятся избежать навешивания неприятных ярлыков на юных граждан, только начинающих свой путь в жизни. Весьма популярны в Дании труды А.С. Макаренко, его система перевоспитания трудных подростков успешно прижилась на скандинавской земле. Особый акцент в перевоспитании правонарушителей делается на том, чтобы подросток почувствовал вкус к труду, сумел найти в добросовестном труде и мастерстве заменитель криминальных импульсов типа побуждений к вандализму или агрессии. И усилия датчан принесли положительные результаты: за десятилетие (с 1979 г. по 1989 г.) уровень тяжких преступлений среди молодежи Дании уменьшился в два раза[3, 32].

Во Франции, перенесшей в своё время революционные потрясения, в соответствии с Конституцией 1958 года создан и успешно действует Национальный социальный и экономический совет (НСЭС), состоящий из представителей различных профессиональных групп, который даёт правительству заключения по всем без исключения законопроектам социального и экономического характера.

Для России, учитывая особенности ее политической системы, предоставляющей особую роль исполнительной власти, наиболее интересен опыт Франции, где исполнительная власть, бюрократия так же имеют огромное значение при разработке политики страны. Именно поэтому, говоря о реформе российской политической системы, предложенной недавно Владимиром Путиным, государственные СМИ ссылаются на действующий во Франции Социальный и экономический совет (Le Conseil économique et social) [1, 7].

Сравнивая Общественную палату РФ с подобными структурами в странах Европы не трудно заметить — насколько европейские институты гражданского общества развиты, влиятельны и значимы и соответственно опережают российские.

Так, Национальный социальный и экономический совет (НСЭС) является консультативным органом, чья деятельность закреплена в Конституции страны и включена в систему публичной власти. Представляя основные экономические и общественные интересы, Совет способствует сотрудничеству различных профессиональных категорий и обеспечивает их участие в выработке экономической и социальной политики Правительства. НСЭС входит в международную Ассоциацию социально-экономических палат и европейский Комитет.

В Голландии и в Австрии созданы аналогичные советы. На французском опыте наглядно проиллюстрированы значимость вышеуказанных органов — в случае политической

конфронтации именно эти организации могут выступать стабилизирующим фактором, ставя на первое место не конкретные политические интересы политических групп, а общенациональные интересы, не тактику политической борьбы, а стратегическое видение общенационального развития.

В арабском мире значимым событием следует отметить организацию, становление и постепенное развитие социально-экономических советов, основное предназначение которых – исключение конфронтации и поддержание мерных взаимоотношений между гражданским обществом и властью.

В аспекте исследования международного опыта развития общественных институтов особого внимания заслуживает МАЭСССИ – Международная Ассоциация общественно-экономических связей, которая объединяет около 50 национальных и международных консультативных органов, с которыми правительства советуются по проблемам социальной и экономической политики.

МАЭСССИ, действующая преимущественно как сетевая организация, имеет целью развитие и стимулирование диалога и обменов между членами Ассоциации в духе уважения независимости каждого из участников. В более широком смысле МАЭСССИ стремится содействовать диалогу между экономическими и социальными партнёрами во всём мире.

Другая цель МАЭСССИ – способствовать консолидации и созданию ЭСС в странах, где подобные институты ещё не учреждены, и посредством контактов, обменов опытом и встреч вносить вклад в процветание и экономическое развитие народов, а также в зарождение демократического гражданского общества в духе взаимного уважения, на основе идей мира, в соответствии с принципами ООН и Всеобщей декларации прав человека, основополагающими правами в сфере труда, одобренными членами МОТ[4, 44].

Не менее значимым в процессах дальнейшего развития гражданского общества, защиты интересов различных социальных групп, в вопросах достижения консенсуса между обществом и властью является: «Экономический и социальный комитет (ESC) - консультативный орган, выступающий гарантом того, что в структуре управления Европейским Союзом представлены интересы различных экономических и социальных групп (предприниматели, профсоюзы, фермеры, потребители, и т.д.). Основанный в 1957 году в соответствии с Римским договором, ESC - это одновременно форма ведения диалога и институциональная платформа, которая дает вовлеченным в экономическую и социальную жизнь Европы группам населения возможность быть неотъемлемой частью процесса принятия Сообществом решений. Высказывая свое мнение, ESC вносит заметный вклад в формирование и реализацию политики Европейского Союза. ESC играет особую роль в системе институтов Сообщества - это то место, где организованное гражданское общество Европы, для которого социо-профессиональные объединения являются жизненно важной частью, может принять участие в дебатах и заставить услышать свой голос. Комитет, таким образом, - это своеобразный мост между Европой и ее гражданами[5,45].

В Европе со свойственной ей прагматичностью вышеуказанный орган выполняет следующие задачи: 1 - выступает в качестве советника трех властных институтов ЕС (Европейского Совета, Комиссии и, в соответствии с Амстердамским договором, Европейского Парламента); 2 - способствует большему вкладу организованного гражданского общества в общеевропейское единство, формируя таким образом более активное, более содержательное и потому более демократическое общество; 3 - поддерживает роль ассоциаций и общественных организаций в не входящих в Сообщество странах, способствуя структурированному диалогу с их представителями и, уважая их экономические, социальные особенности, поддерживать создание консультативных структур.

В процессах становления различных общественных институтов и общественного контроля в системе государственного управления их стимулировании в последние годы во многих странах с различной формой правления, особенностями политической системы, внутригосударственной спецификой взаимоотношений общества и государства отмечена

динамика, способствующая дальнейшему развитию гражданского общества, с одной стороны, и, готовности к консенсусу, диалогу с обществом по вопросам предоставления более качественных государственных услуг со стороны государства, с другой стороны, что является предпосылкой мирного сосуществования всего мирового сообщества в аспекте взаимного уважения, понимания, развития толерантности независимо от национальных особенностей в области культуры, быта, сакральных ценностей и т.д.

Список литературы

1. Буссель Юлия Николаевна. Социальный и экономический Совет Франции: роль в системе оптимизации государственных программ http://www.politanaliz.ru/articles_374.html
2. Смирнов С.Н., Сидорина Т.Ю. Социальная политика: Учебное пособие. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. — 432 с. — (Учебники Высшей школы экономики). С115.
3. <http://www.pravoznavec.com.ua/books/298/22943/31/>
4. http://www.aicesis.org/IMG/doc_110927_note...
5. <http://www.ruseu.org/article.php?id=44>

22.00.08

А.Э. Ушамирский к.ю.н.

муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волжский институт экономики, педагогики и права»,
юридический факультет, кафедра теории государства и права,
Волжский, rector@viepp.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ

В статье анализируется проблема выявления системы социальных факторов, провоцирующих нарушения прав человека, в результате возникновения региональных конфликтов. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что главной задачей, в региональных конфликтах, возлагаемой на региональную власть становится предельно возможное использование полномочий для восстановления нарушенного права человека и гражданина.

Ключевые слова: *права человека, защита прав человека, социальные факторы конфликта, соотношение государственного и регионального законодательства, нарушения прав человека, региональный конфликт.*

В связи с трансформацией государственного устройства и общества эффективное управление внутренними государственными процессами в социальной жизни общества стало приобретать особое значение. А для проведения модернизации и реформ потребовался переходный период.

Перечисленные обстоятельства, касаясь защиты прав человека, проявляют все более очевидное противоречие между потребностью в успешном регулировании региональных конфликтов, связанных с обеспечением защиты прав человека, с одной стороны, и недостаточной научной разработанностью вопросов повышения готовности органов всех уровней власти для разрешения возникающих конфликтов. К сожалению, ожидание, как общества, так и простых граждан быстрого и успешного достижения провозглашенных целей – не оправдалось.

Политическое противоборство различных лидеров, партий, общественных движений привело к тому, что конфликты в ряде регионов постепенно стали приобретать антиконституционную направленность. Социальная напряженность в ряде регионов привела к ослаблению различных государственно-правовых институтов и разрыву конституционных связей в государстве и обществе.

Неоднократно органы законодательной власти, Президент и Правительство Российской Федерации, органы субъектов Федерации пытались систематизировать истоки кризисных ситуаций.

На сегодняшний день к ним можно отнести - сложный процесс демократизации, сопровождающийся конфликтами на политической, национальной и религиозной почве, экономическим кризисом 1998-1999 годов, коррупцией, ростом общеуголовной и экономической, межнациональной, организованной преступности.

Устранение негативных социальных явлений, снижение темпов преступности, ликвидация в обществе социальной апатии, коллективной и индивидуальной раздражительности, паники, неверия в силу закона и власть государства - вероятно, являются оптимальными путями, создающими благоприятные условия при применении ненасильственных методов воздействия и уважительного отношения органов власти к населению.

Однако, несмотря на то, что в результате наметившегося экономического подъема часть конфликтов удалось перевести на стадию «затухания», в любой момент ряд национальных,

региональных, межконфессиональных противоречий может спровоцировать новые конфликты.

Как известно, конфликт между индивидами, социальными группами и государственной властью может прекратиться самостоятельно, но может быть разрешен насильственным путем или мирным, цивилизованным, методом, применение которого возможно благодаря таким внутригосударственным и международно-правовым институтам, как суд, арбитраж, парламентские и конституционные процедуры, а также неформальные средства достижения согласия (советы старейшин, третейские суды и т.п.).

С принятием Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека (10 декабря 1948г.) [3], а позже - Международных пактов об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах (16 декабря 1966г.) [2], современное учение о правах человека стало представлять собой систему экономических, социальных и культурных, гражданских и политических прав.

Данное обстоятельство позволяет выстроить систему социальных факторов нарушений прав человека в региональных конфликтах. В число таких факторов допустимо включить: систему нарушений перечисленных прав человека.

Социальная защита человека стала основной проблемой, для решения которой потребовалось с одной стороны на теоретическом уровне активно исследовать социальные факторы нарушения прав человека, прежде всего на региональном уровне, а во-вторых - в правовом порядке, на законодательном уровне создавать механизмы защиты прав человека.

Практика исследования нарушений прав человека показывает, что наиболее острые конфликты возникают в случае нарушения гражданских, экономических и политических прав человека [7].

Рассмотрим систему возможных нарушений гражданских прав человека. Классификация этих прав определяется теми личными благами, обладание которыми является целью прав, входящих в определенную группу. Можно выделить следующие виды *гражданских прав*:

1. *Право на жизнь и право на достоинство.*

2. *Право на свободу и личную неприкосновенность.*

3. *Право на охрану личной жизни; неприкосновенность жилища; тайна переписки; право на охрану брака и семьи.*

4. *Группа прав человека, обеспечивающая возможность признания его субъектом права и гарантии равноправия: право на признание права на гражданство; правосубъектность; равенство перед законом и право на равную защиту закона; права иностранцев и лиц без гражданства.*

5. *Группа, в которую входят права, обеспечивающие условия и средства эффективной правовой защиты, безопасности.*

Анализ социальных факторов влияющих на нарушения прав в каждой из указанных групп прав человека позволяет отметить, что формирование определенных факторов зависит от особенностей экономической и политической обстановки, складывающейся в каждом регионе или группы регионов объединяемых в федеральные округа.

Например – Южный и Северо-Кавказский Федеральные округа характеризуются неравномерностью экономического развития отдельных регионов внутри самих Федеральных округов. В этих округах сохраняется высокая степень региональных межконфессиональных противоречий, высокий уровень преступности.

Экономические права человека во многом определяют стабильность в обеспечении и защиты как гражданских, так и политических прав человека.

К ним традиционно относят: право собственности; право на предпринимательскую деятельность; право на труд, свободу труда; право на справедливые и благоприятные условия труда; право, гарантирующее соблюдение прав трудящихся; право на отдых.

Наиболее серьезными нарушениями экономических прав человека, приводящими к массовой бедности населения многих регионов России и других государств, следует признать: незаконные увольнения, принудительный труд, безработицу, нарушения права на

вознаграждение за труд, незаконное использование детского труда и дискриминацию многих лиц в сфере труда и бизнеса по полу, возрасту, месту регистрации и жительства, этническим, имущественным и социальным мотивам, выражающихся, в частности, в России в ограничении возможностей трудовой деятельности женщин, молодежи, иностранцев, апатридов, мигрантов, представителей мелкого бизнеса, профсоюзов, различные формы лишения и ограничения права собственности и возможности заниматься предпринимательской деятельностью. Нарушения экономических прав – грубейшие посягательства на права человека и гражданина[8].

Особенностью причин нарушений экономических прав в России является их тесная связь с изменением общественного и государственного строя, экономическими реформами (90-х гг. XX века – начала XXI века), политикой государства и правоприменительной деятельностью должностных лиц, которые часто выступают не гарантами, а нарушителями указанных прав[1].

Именно начало XXI века можно определить как начало перехода к активной экономической политики в государстве. Об этом свидетельствуют выступления Президента РФ, постановления Государственной Думы и Другие официальные публикации.

Общетеоретический анализ защиты социально-экономических прав позволит подойти комплексно к решению данной проблемы, определить тенденции и направления развития соответствующего законодательства, выявить взаимосвязь проблемы защиты социально-экономических прав с проблемами защиты других прав и интересов граждан.

Необходимость исследования условий правовой защиты социально-экономических прав обусловлена тем, что в переходный период развития российского общества особенно остро стоят вопросы юридической защиты этих прав. Содержание защиты социально-экономических прав охватывает вопросы погашения задолженности по заработной плате, восстановления незаконно уволенных работников, пенсионной реформы и т.д.

Российская конституция закрепляет широкий перечень как общих, так и специальных гарантий экономических прав, которые могут быть обращены как к законодателю и правоприменительным органам, так и к отдельным гражданам. Среди них и нормы – принципы, и отдельные права человека (право на обращение за международной защитой, право на создание профсоюзов, право на забастовку и другие), и нормы, регламентирующие отдельные аспекты деятельности государственных органов и должностных лиц, среди которых особо следует отметить Президента России, суды, включая Конституционный Суд, Уполномоченного по правам человека. Значительное место среди них занимают общие гарантии, в частности, гарантии, направленные на защиту прав от нарушений.

Политические права и свободы человека закреплены в международном пакте о гражданских и политических правах, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции о политических правах женщин 1953 г. и др. международных актах[6].

Политические права и свободы имеют ряд особенностей: могут быть реализованы личностью как индивидуально (право на доступ к государственной службе), так и коллективно (право на мирные собрания); некоторые из политических прав и свобод могут быть осуществлены только при наличии гражданства государства (избирательные права).

Система политических прав человека, согласно международному пакту о гражданских и политических правах включает две группы прав:

- права народов – право на самоопределение и право на развитие (экономическое, социальное и культурное),
- политические права и свободы человека и гражданина.

К политическим правам народов, как правило, относят:

Право народа на самоопределение - это выражение его воли относительно своего политического статуса в международном сообществе и относительно своей внутренней политической организации (формы государственности).

Реализуя свое право на самоопределение, народ может принять решение: о выходе из состава государства и создании своего суверенного государства; о свободном присоединении к суверенному государству; об объединении с суверенным государством.

Кто является субъектом права на самоопределение? Согласно документам ООН – народ. Однако в конституционном и международном праве часто используются иные понятия: «нация», «этнос», «национальное (этническое) меньшинство». Для понимания позиции международного сообщества, признающего в качестве субъекта права на самоопределение именно «народ», необходимо определиться с соотношением данных понятий.

Понятие «нация» тождественно понятию «этнос», оно объединяет людей по их происхождению: «русский этнос», «украинский этнос» и т.п.

Как соотносятся между собой «этнос» и «народ»? Вряд ли в мире найдется много народов, состоящих из представителей одного этноса. Как правило, народы мира многонациональны.

Какую же общность можно считать народом, то есть субъектом права на самоопределение? Народ как социальная общность предполагает объединение представителей разных этнических групп в рамках единой государственности. Хотя, надо признать, что иногда государство изначально задумывается как объединение лиц одной этнической (национальной) принадлежности. Создавая в 1946 г. государство Израиль, евреи приглашали всех представителей своей этнической группы стать его гражданами.

Свои критерии категории «народ» рекомендовала Международная Комиссия юристов. К их числу она отнесла: общность истории; расовые, этнические, культурные, языковые, религиозные и идеологические связи; общее географическое местонахождение, общую экономическую основу; достаточную численность данного образования.

Однако у этих критериев есть и недостатки. Какая численность населения, к примеру, может быть признана «достаточной»? Как рассматривать «связь с территорией», если народ насильственно изгнан со своей земли и т.д.?

Очевидно, что вопрос о признании данной группы людей «народом» должен решаться применительно к каждому конкретному случаю с учетом всех упомянутых критериев и обстоятельств[4].

В действующей Конституции РФ 1993г. республики, входящие в состав России, обозначены как «государства». Государства, как известно, обладают суверенитетом. Но само по себе употребление термина «государство» в отношении субъектов федерации еще не влечет за собой одного из важнейших правовых последствий суверенитета – право выхода субъекта из состава федерации. Конституция РФ 1993г. в ст. 5 провозгласила, что «Федеративное устройство РФ основано на ее государственной **целостности** ...равноправии и **самоопределении народов** в Российской Федерации». Этот предлог «в» для Российской Федерации имеет очень существенное значение. Он устанавливает, как полагают некоторые ученые[9], что народы России могут избирать любые формы самоопределения, изменять их, но это должно осуществляться в пределах Федерации, не нарушая ее целостности.

Сказанное, конечно, не означает, что невозможны - никакие изменения в постановке этого вопроса, никакие соглашения между Федерацией и республиками, но для этого, если придерживаться строго юридических позиций, сначала внести соответствующие изменения в Конституцию РФ.

В мировой практике стремление к отделению – сепаратизм - как правило, не поощряется. Данное деяние подрывает целостность государства, способствует его распаду на более мелкие государственные образования, причем зачастую они оказываются экономически слабыми, политически нестабильными и нуждаются в активной поддержке извне. При этом в процессе отделения могут нарушаться политические и гражданские права национальных меньшинств.

В международных и внутригосударственных нормативных актах часто встречается понятие «национальных меньшинств» – отдельных групп лиц, существующих среди населения того или иного государства и обладающих устойчивыми этническими,

религиозными и языковыми характеристиками, значительно отличающимися от характеристик остальной, как правило, большей части населения. Национальные или этнические меньшинства не являются субъектами права на самоопределение. Ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативному протоколу к нему прямо указывает на то обстоятельство, что за представителями этнических, религиозных и языковых меньшинств закрепляется лишь право «совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком» [5]. При этом важно учитывать такой субъективный критерий, как стремление членов группы сохранить присущие им характеристики. Если группа ассимилировалась до такой степени, что отказалась от своих традиций, то она, скорее всего, не подпадет под действие ст. 27 указанного пакта.

К основным политическим правам и свободам человека и гражданина, относятся:

- *Право беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно их выражать.*
- *Право на мирные собрания.*
- *Право участвовать в управлении делами государства.*
- *Избирательное право.*

Однако практика отечественных избирательных кампаний свидетельствует о том, что ряд участников избирательного процесса нарушали демократические принципы проведения выборов.

Основные нарушения:

1) Перенос выборов на более ранние или более поздние сроки по сравнению со сроками истечения полномочий выборных органов. Подобное деяние, во-первых, нарушает международно-правовой принцип регулярности выборов, установленный п. 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, п.б ст. 25 международного пакта, а во-вторых может вызвать дестабилизацию политической обстановки в определенном регионе или в целом по стране, поскольку автоматически возникает вопрос легитимности вновь избранного органа.

2) Непредставление в избирательную комиссию необходимых документов, либо сообщение недостоверных сведений.

3) Анализ выборных кампаний показывает, что нередко нарушения в период предвыборной агитации. В частности, не гарантируются фактически равные условия доступа к СМИ зарегистрированным кандидатам и избирательным объединениям. Широко известны факты активного участия в предвыборной агитации руководителей государственных органов и органов местного самоуправления. Их высказывания относительно личных или деловых качеств отдельных кандидатов или лидеров избирательных блоков могут быть расценены как запрещенная законом предвыборная агитация.

К сожалению, все более массовый характер приобретает применение «грязных» технологий в ходе предвыборной агитации.

- *Право доступа к государственной службе:*

Равный доступ на государственную службу призван обеспечить нормальную сменяемость и обновление чиновничества, недопустимость его превращения в касту.

Данное право должно осуществляться на общих условиях равенства. Это означает равные возможности для каждого гражданина (без какой-либо дискриминации) поступить на государственную службу при наличии вакансий и профессиональном соответствии. Нельзя отказать в этом гражданину в связи с его полом, расой, национальностью, языком, социальным происхождением, отношением к религии, принадлежностью к общественным объединениям.

В РФ вопросы поступления на государственную службу регулируются законами РФ «Об основах государственной службы» и «О системе государственной службы РФ».

- *Право на ассоциации.*

К видам ассоциаций относятся общественные организации, политические партии, профсоюзы, творческие союзы и др.

В соответствии с российским законодательством объединения создаются без предварительного разрешения госорганов, а их уставы принимаются ими самостоятельно и только регистрируются в Министерстве юстиции и его органах.

Общественное объединение может быть ликвидировано только в двух случаях (и только по решению суда): нарушение ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, совершение иных уголовно наказуемых деяний; совершение повторно, в течение года действий, выходящих за пределы уставных целей и задач, или нарушений закона.

В 2001г. в России был принят Федеральный закон «О политических партиях». В законе речь идет о праве граждан на объединение в политические партии.

Цели и задачи политической партии излагаются в ее уставе и программе. Основными целями являются: формирование общественного мнения; политическое образование и воспитание граждан; выражение мнения граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти; выдвижение кандидатов на выборах в законодательные (представительные) органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления; участие в выборах в указанные органы и в их работе.

Таким образом, социальными факторами нарушений прав человека в региональных конфликтах являются, прежде всего, нарушения прав человека, защита которых обеспечивается международным, федеральным и региональным законодательством. Система законодательства по защите прав человека, как социальный фактор должна обеспечивать соблюдение и защиту прав человека всеми имеющимися способами, средствами и механизмами которые входят в полномочия региональных властей и органов местного самоуправления. И, последнее – главной задачей, в региональных конфликтах, возлагаемой на региональную власть становится предельно возможное использование полномочий для восстановления нарушенного права человека и гражданина.

Список литературы

1. *Александрова А.П.* Защита социально-экономических прав и свобод: общетеоретический анализ. Автореф. канд. юрид. наук. Казань 2002.
2. *Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И.* Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практ. пособие. М., Права человека, 1996. С.30.
3. *Всеобщая декларация прав человека* от 10 декабря 1948 г. / Международное право в документах. М., 1982. С. 27.
4. *Лившиц Р.З.* Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов. // Государство и право. 1990. № 10. С.27-29.
5. *Международные акты о правах человека.* Сборник документов. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА—ИНФРА.) М, 2000.
6. *Международные акты о правах человека.* Сборник документов. — М.: Издательство НОРМА, 2000.
7. *Морозова Э.Г.* Политический конфликт как объект политических и правовых исследований. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. Казань. 2002; *Анисимов П.В.* Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека. Автореф. дисс. доктора юрид. наук. Нижний Новгород. 2005.; *Астахов. П.А.* Юридические конфликты и современные формы их разрешения. Автореф. дисс. доктора юрид. наук. Москва. 2006.; *Василенок В.Е.* Юридические технологии предупреждения и разрешения политических конфликтов. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2006.; *Ромашов Р.А.* Конфликтология: Учебное пособие. Санкт-Петербург, 2006.; *Н.М. Межевич* Основные направления региональной политики Российской Федерации Учебное пособие. Санкт-Петербург, 2009.
8. *Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А.* Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики. Под общей редакцией Ф.М. Рудинского. — М.: Права человека, 2009.
9. *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. — М., 1998. — С. 313.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Ю.М. Кудрявцев, У.А. Казакова
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦЕЛОСТНОЙ НЕПРЕРЫВНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ И
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
СОСТАВА

Ключевые слова: педагогическая подготовка,
повышение квалификации, преподаватель
технического вуза.

В последнее время обострились противоречия между объективной необходимостью переподготовки преподавателей высшей школы к профессионально-педагогической деятельности в современных динамично меняющихся условиях и узкопредметной организацией подготовки в аспирантуре, докторантуре и факультете повышения квалификации.

Р.Р. Бариев, Э.И. Никонова
СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
В.Л. ЦЫМБУРСКОГО

Ключевые слова: геополитика, В.Л. Цымбурский,
цивилизация, структура, «Остров Россия», «Великий
Лимитроф» («Евразия»).

Авторы продолжают серию публикаций по истории геополитической науки в России в конце XX – начале XXI вв. Этот вопрос является недостаточно освещенным в современных исследованиях [1–4]. В этой статье анализируется концепция известного филолога и политолога В.Л. Цымбурского [5–8]. Этот автор выделяет «ядро» российской цивилизации, «Остров Россия» и ее «полипериферию», «Великий лимитроф» («Евразия»).

Р.Р. Бариев, Э.И. Никонова
СТРАТЕГИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
В.Л. ЦЫМБУРСКОГО

Ключевые слова: геополитика, В.Л. Цымбурский,
цивилизация, стратегия, «островитянство».

Авторы продолжают серию публикаций по истории геополитической науки в России в конце XX – начале XXI вв. Этот вопрос является недостаточно освещенным в современных исследованиях [1–4]. В новой статье также анализируется концепция известного филолога и политолога В.Л. Цымбурского [5–8]. Этот автор характеризует стратегию российской цивилизации, «островитянство».

В.Н. Гильденберг
ОБРАЗ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ В
СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В
КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Ключевые слова: крестьянские начальники, крестьяне,
крестьянская ментальность, чиновники,

Y.M. Kudryavtcev, U.A. Kazakova
ENSURING THE INTEGRITY OF CONTINUOUS
PEDAGOGICAL TRAINING AND PROFESSIONAL
DEVELOPMENT OF THE EDUCATORS OF HIGHER
SCHOOL

Keywords: teacher training, professional development,
teacher of Technical Higher School.

Recently sharpened the contradictions between the objective is necessary retraining of teachers of high school to the professional and educational activities in the current rapidly changing environment and subjective organization of training in postgraduate, doctoral, and faculty training.

R.R. Bariev, E.I. Nikonova
STRUCTURE OF THE RUSSIAN CIVILIZATION IN
V.L.TSYMBURSKY'S GEOPOLITICAL THEORY

Keywords: geopolitics, V.L.Tsyumbursky, civilization,
structure, "Island Russia", "Great Limitrof" ("Eurasia").

Authors continue a series of publications about development of geopolitical thought in Russia. This question is insufficiently studied in a modern science. In this publication V.L. Tsyumbursky's theory is analyzed. Structure of the Russian civilization – "Island Russia" and "Great Limitrof" ("Eurasia").

R.R. Bariev, E.I. Nikonova
STRATEGY OF THE RUSSIAN CIVILIZATION IN
V.L.TSYMBURSKY'S GEOPOLITICAL THEORY

Keywords: geopolitics, V.L.Tsyumbursky, civilization,
strategy, "ostrovityanstvo".

Authors continue a series of publications about development of geopolitical thought in Russia. This question is insufficiently studied in a modern science. In this publication V.L. Tsyumbursky's theory is analyzed. Strategy of the Russian civilization – "ostrovityanstvo".

V.N. Gildenberg
IMAGE OF PEASANT CHIEFS IN THE MINDS OF
THE PEASANTS IN WESTERN SIBERIA IN THE
LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Keywords: peasant chiefs, peasants, peasant mentality,
officials, administration.

административное управление.

В данной статье образ крестьянских начальников в сознании крестьян рассматривается сквозь призму крестьянской ментальности, сформировавшейся в конце XIX – начала XX веков в Российской империи в целом и в Западной Сибири в частности.

А.М. Губайдуллин
БУЛГАРСКИЕ КРЕПОСТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ (К
ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ)

Ключевые слова: Волжская Булгария, городища, фортификация, история изучения.

Статья посвящена началу истории изучения фортификации Волжской Булгарии. Здесь рассматривается зарождение и последующее развитие интереса разных слоев общества к столь неординарным памятникам древности, которые до сих пор возвышаются над окружающей территорией и привлекают к себе внимание исследователей. Также прослеживается и эволюция взглядов на отдельные аспекты болгарского военного зодчества.

А.М. Губайдуллин
К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ КАЗАНСКОГО
ХАНСТВА

Ключевые слова: Казанское ханство, фортификация, история изучения.

Статья посвящена истории изучения фортификации городищ Казанского ханства. В ней рассматривается возникновение и развитие интереса к остаткам крепостных сооружений XV-XVI веков со стороны разных социальных слоев общества. В первую очередь, он был связан с изучением истории столицы государства, а также других населенных пунктов. Здесь же анализируются и различные точки зрения, касающиеся исторического облика города Казани, которые существуют до нашего времени.

А.С. Жулаева
ОБРАЗ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНОК СИБИРСКОГО
РЕГИОНА В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: гендерные аспекты истории, женское движение, женское образование, женский вопрос, образ жизни, социальные проблемы женщин.

Данная работа раскрывает актуальность исследования образа жизни крестьянок сибирского региона в первые десятилетия советской власти. Работа содержит обзор советской, зарубежной и современной исторической литературы по изучаемой проблеме. Автор изучает эволюцию гендерных и женских исследований в истории.

А.И. Кортунов
ПРОШЕНИЯ МЕЩЕРЯКОВ О ЗАЧИСЛЕНИИ В
СОСТАВ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Ключевые слова: зачисление, служба, мещеряки, Оренбургское казачье войско, Южный Урал.

In this paper, the image in the minds of Chiefs peasant farmers is viewed through the prism of the peasant mentality that emerged in the late XIX - early XX centuries in the Russian Empire as a whole and in Western Siberia in particular.

A.M. Gubaidullin
BULGAR FORTIFICATIONS (TO STUDYING
HISTORY)

Keywords: Volga Bulgaria, ancient settlements, fortification, studying history.

Article is devoted to the beginning of history of studying of fortification of the Volga Bulgaria. Here origin and the subsequent development of interest of different sectors of society to so extraordinary monuments of an antiquity which still tower over the surrounding territory is considered and draw to itself attention of researchers. Also evolution of views of separate aspects of Bulgar military architecture is traced also.

A.M. Gubaidullin
TO HISTORY OF STUDYING OF ANCIENT
SETTLEMENTS OF THE KAZAN KHANATE

Keywords: Kazan khanate, fortification, studying history.

Article is devoted to history of studying of fortification of ancient settlements of the Kazan khanate. In it emergence and development of interest to the remains of fortifications of the XV-XVI centuries is considered from different social groups of society. First of all, it was connected with studying of history of the capital of the state, and also other settlements. Here the various points of view concerning historical shape of the city of Kazan which exist till our time are analyzed also.

A.S. Zhulaeva
LIFESTYLE PEASANT WOMEN IN THE SIBERIAN
REGION IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET
POWER IN THE HISTORICAL LITERATURE

Keywords: gender aspects of the history, women's movement, women's education, women's issues, image of life, social problems of women.

This work opens relevance of research of a way of life of peasants of the Siberian region in the first decades of the Soviet power. Work contains the review of the Soviet, foreign and modern historical literature on a studied problem. The author studies evolution of gender and female researches in the history.

A.I. Kortunov
PETITION MESHCHERYAK ABOUT ENLISTMENT
AS THE ORENBURG COSSACK ARMY AS A
HISTORICAL SOURCE

Keywords: enrollment, service, mescheryak, Orenburg Cossack army, Southern Urals.

В работе проводится анализ прошений мещераков о зачислении в состав Оренбургского казачьего войска, датированные первой половиной XIX в. В исторической литературе это первый опыт их специального исследования. Особое внимание автор уделяет фактической содержательности данных источников и их значимости для исследователя. Исследуемые источники позволяют выявить новые исторические факты, связанные с историей мещераковского народа.

О.Ю. Лютых
РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ
В 2008-2012 ГГ.

Ключевые слова: модернизация, политические реформы, гражданское общество, новейшая история России.

В статье анализируется процесс реформирования политической системы России в период 2008-2012 годов. В статье представлены предварительные выводы результатов реформирования, дана характеристика современной политической системы страны.

К.В. Моряхина
ПЕРСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ УСЬВИНСКОЙ
ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОГО
ВАРИАНТА ЛОМОВАТОВО-РОДАНОВСКОЙ
ОБЩНОСТИ

Ключевые слова: перстяные украшения, ломоватово-родановская общность, средневековье.

В статье представлены результаты исследования перстяных украшений памятников юго-восточного варианта ломоватово-родановской общности: классификация, техника изготовления, химический состав изделий. Были сделаны выводы об особенностях перстяных украшений данного региона.

А.К. Ситдикова, Б.М. Ягудин
КУРДСКИЙ ВОПРОС И ПОПЫТКА ЕГО РЕШЕНИЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ А.Х. АЛЬ-БАКРА В ИРАКЕ
(1968 – 1979 гг.).

Ключевые слова: Ирак, Курдистан, курды, Партия Арабского Социалистического Возрождения (Баас), Демократическая партия Курдистана (ДПК), А.Х. аль-Бакр, М. Барзани, С. Хусейн.

Данная статья посвящена проблеме национально-освободительного движения курдов в Ираке. Прослеживается эволюция отношений Партии Арабского Социалистического Возрождения с Демократической Партией Курдистана во главе с М. Барзани. Освещаются причины неудачной политики правительства А.Х. аль-Бакра по курдскому вопросу.

А.А. Титова
ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОДЕРЖАНИЕ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН В КОНЦЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ
ГУБЕРНИИ)

Ключевые слова: Курская губерния, городское

We analyze petitions meshcheryak of enrollment in the Orenburg Cossack Army, dated the first half of the XIX century. In the historical literature is the first experience of their special study. Particular attention is paid to the actual meaningfulness of data sources and their importance to the researcher. The test can detect new sources of historical facts relating to the history meshcheryak people.

O.Y. Lyutykh
REFORMING OF POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA
IN 2008-2012

Keywords: modernization, political reforms, civil society, the contemporary history of Russia.

In article process of reforming of political system of Russia during 2008-2012 is analyzed. Preliminary conclusions of results of reforming are presented in article, the characteristic of modern political system of the country is given.

K.V. Moriakhina
RINGS USVINSKOY GROUP OF MONUMENTS
SOUTHEASTERN OPTION LOMOVATOV-
RODANOVSKOY COMMUNITY

Keywords: rings, lomovatovo-rodanovskaya community, the Middle Ages.

The article presents the results of a study perstyanyh jewelry monuments southeastern variant lomovatovo-rodanovskoy generality: classification, machinery manufacturing, chemical composition of the products. Conclusions were drawn about the characteristics of the region perstyanyh ornaments.

A.K. Sitdikova, B.M. Yagudin
KURDICH QUESTIONS AND ATTEMPTS OF ITS
DECISIONS BY A.H. AL-BAKR'S GOVERNMENT
IN IRAQ (1968 – 1979 YEARS)

Keywords: Iraq, Kurdistan, Kurds, Arab Socialist Ba'ath Party (Ba'ath Party), Kurdistan Democratic Party (KDP), A.H. Al-Bakr, M. Barzani, S. Hussein.

This article is devoted to the national liberation movement of the Kurds in Iraq. We can see the evolution of relations of Arab Socialist Ba'ath Party with the Kurdistan Democratic Party, headed by M. Barzani. There are considered reasons of A.H. Al-Bakr's policy's failure on Kurdish issue.

A.A. Titova
INFLUENCE OF EDUCATION ON THE CONTENT
EVERYDAY LIFE OF THE URBAN POPULATION
IN LATE XIX - EARLY XX CENTURIES (ON THE
EXAMPLE OF THE KURSK PROVINCE)

Keywords: Kursk province, urban population, education,

население, образование, уровень грамотности, повседневность.

Статья позволяет расширить представление о влиянии развития образования и образовательного уровня городского населения, в том числе и вчерашних крестьян, на изменение практик провинциальной городской повседневности в условиях модернизационного развития Российской империи на рубеже XIX - XX веков.

О.В. Фидченко
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО
УКРЕПЛЕНИЮ САМОДЕРЖАВИЯ СРЕДИ
РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX ВВ.

Ключевые слова: потомственное дворянство, личное дворянство, почетные граждане, аристократия, Первая перепись населения, самодержавие, кооптация, нерусские элиты.

В данной статье автором представлены результаты анализа политики самодержавной власти по укреплению идеи монархии среди российского дореволюционного дворянства конца XIX – начала XX вв. Несмотря на то, что представители императорской фамилии сами принадлежали к данному сословию, восстание Декабристов, Польское восстание и т.н. «хождение в народ» стали показателями нарастающей радикализации российского общества, обусловившей необходимость укрепления идеи самодержавия и среди дворянства. Исследование осуществлено при использовании статистических данных Первой переписи населения России 1897 г.

И.А. Юрков
ЦВЕТНЫЕ МЕТАЛЛЫ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ
КАЛИНСКОГО СЕЛИЩА (ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПОК 2011-2013 ГГ.)

Ключевые слова: эпоха средневековья, Пермский край, родановская археологическая культура, цветные металлы и сплавы, украшения.

В статье представлены результаты рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) химического состава средневековых украшений Калинского селища. Полученные данные показывают состав сплавов, применяемых местными ювелирами в XI-XIII вв. в Пермском Предуралье.

Л.Р. Амирханова, Е.Е. Будник, С.Ф. Рахматуллина
ОПТИМИЗАЦИЯ ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ
ПРЕДПРИЯТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
АУТСОРСИНГА

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, аутсорсинг, модель, оптимизация, маржинальная прибыль, допустимый риск.

В статье рассмотрены возможности повышения эффективности производства продукции военного и гражданского назначения предприятия оборонно-

literacy, everyday life.

The article expands the idea of the influence development of education and the educational level of the urban population (including the former peasants) on everyday life in the provincial towns during the modernization in the Russian Empire on the turn of the XIX - XX centuries.

O.V. Fidchenko
ACTIVITIES TO STRENGTHEN THE SECULAR
AUTHORITY AMONG RUSSIAN NOBILITY
AUTOCRACY AT THE END OF XIX – AT THE
BEGINNING OF XX CENTURIES

Keywords: hereditary nobility, personal nobility, freemen, aristocracy, first census, Autocracy, co-optation, the non-Russian elite.

In this article the author presents an analysis of the policy of autocratic power to strengthen the idea of monarchy among the Russian pre-revolutionary nobility at the end of XIX – at the beginning of XX centuries. Despite the fact that members of the royal family themselves belonged to this estate, the Decembrist uprising, and the so-called Polish uprising "Going to the people" were indicators of the growing radicalization of Russian society which has caused the need to strengthen the idea of autocracy and of the nobility. The study was conducted using the statistical data of the first census in 1897 Russia.

I.A. Yurkov
NON-FERROUS METALS OF JEWELRY KALINSKY
SETTLEMENT (ON MATERIALS OF EXCAVATION
OF 2011-2013)

Keywords: Middle Ages, Rodanovskaya culture, non-ferrous metals and alloys, jewelry's.

The results of the X-ray fluorescent analysis of the chemical composition of medieval jewelry are presented in an article about the settlement of Kalino. The obtained data shows the structure of alloys applied by local jewelers in the XI-XIII centuries in the Perm Cis-Urals.

L.R. Amirhanova, E.E. Budnik, S.F. Rahmatullina
OPTIMIZATION OF ORDERS IN THE DEFENDED
INDUSTRIAL COMPLEX WITH THE USE OF
OUTSOURCING

Keywords: defended industrial complex, outsourcing, model, optimization, marginal profit, acceptable risk.

The article is dedicated to questions of increasing the efficiency in production of military and civil product of defended industrial complex. The model of distributing the recourse of defended industrial enterprise between the products of military and civil purpose according to

промышленного комплекса. Предложена модель распределения ресурсов предприятия оборонно-промышленного комплекса между производством продукции военного и гражданского назначения по критериям маржинальной прибыли и риска портфеля, позволяющая определить возможности применения аутсорсинга.

Н.А. Аюбов

КОНТРОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ УЧЕТНОЙ ПОЛИТИКЕ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ МСФО

Ключевые слова: международные стандарты, адаптация учетных систем, учетная политика, контроль, единые правила, отчетность.

В статье рассмотрены принципы международных стандартов отчетности с позиций адаптации национальных стандартов. Даны рекомендации по совершенствованию системы контроля учетной политики в соответствии с международными принципами контроля и разработаны мероприятия по созданию национальной эффективной системы контроля.

Н.А. Аюбов, П.В. Попова

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДИКА КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ РАБОТЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Ключевые слова: контроль, рыночная экономика, финансовые ресурсы, финансово-хозяйственное законодательство, финансовые правонарушения.

В статье рассмотрены ключевые вопросы контроля и ревизии предприятий различных форм собственности. Представлена методика организации действенного финансового контроля, за полнотой формирования и своевременного поступления государственных доходов, а также за законностью и эффективностью использования бюджетных средств.

О.Н. Балабанова

ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, средняя численность, оборот производства, валовой внутренний продукт.

В работе представлены результаты анализа системы государственной поддержки малого предпринимательства. Предложены индикаторы эффективности системы государственной поддержки. Выполнен расчет индикаторов за 2 года в России и Республике Татарстан.

Ю.Ю. Бравая

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Ключевые слова: дистанционное обучение, виртуальные классы, современные средств обучения, e-learning.

В работе представлен обзор средств и методов

the criteria of marginal profit, portfolio risk is offered which allows to determine the possibilities of outsourcing.

N.A. Ayubov

CONTROL OF EXECUTION OF ACCOUNTING POLICIES IN ACCORDANCE WITH IFRS

Keywords: international standards, adaptation of the accounting systems and accounting policies for the control of the uniform rules, reporting.

The article considers the principles of international accounting standards, with the positions of the adaptation of national standards. Recommendations for improvement of monitoring system of accounting policy in accordance with international principles of monitoring and development of measures on creation of the national system of efficient control.

N.A. Ayubov, P.V. Popova

ORGANIZATION AND METHODS OF CONTROL AND AUDIT WORK FOR ENTERPRISE

Keywords: control, market economy, financial resources, financial and economic legislation, financial offenses.

The paper examines the key issues of control and audit of enterprises of different ownership forms. Presents a methodology for organizing an effective financial controls over the completeness and timely flow of formation of state revenues, as well as the legality and effectiveness of the use of budgetary funds.

O.N. Balabanova

EFFICIENCY INDICATORS OF THE STATE SYSTEM OF SMALL ENTREPRENEURSHIP SUPPORT

Keywords: small and medium entrepreneurship, average quantity, turnover of production, gross domestic product.

This paper presents the results of the analysis of the state system of small entrepreneurship support. Proposed efficiency indicators of the state support system. Calculated the efficiency indicators for two years for Russia and Republic of Tatarstan.

Y.Y. Bravaya

MODERN FACILITIES AND METHODS OF DISTANCE LEARNING IN THE EDUCATIONAL SPHERE

Distance learning, virtual classrooms, modern learning tools, e-learning.

The goal of the article is to observe modern facilities and methods of distance learning, advantages and

дистанционного обучения, анализируются преимущества и недостатки синхронного и асинхронного видов обучения, приведены наиболее удачные решения и рассмотрены будущие тенденции развития данного направления.

disadvantages of synchronous and asynchronous types of training, future development trend in this direction.

М.Н. Бурмистрова
ИНТЕГРАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ
ПЕРЕРАБОТКИ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ

Ключевые слова: корпорация, холдинг, аграрные промышленно-финансовые группы, контрактная система.

M.N. Burmistrova
INTEGRATION AS THE MOST IMPORTANT
FACTOR OF INCREASE OF FUNCTIONING
EFFICIENCY AT ENTERPRISES PROCESSING
AGRICULTURAL PRODUCTION

Keywords: corporation, holding company, agrarian industrial groups.

В работе рассмотрены современные формы интегрированных связей в зависимости от стратегии их создания. Определены основные проблемы создания интегрированных структур на уровне регионов и предложены приоритетные условия их эффективного функционирования в АПК.

The contemporary forms of integration ties are considered in this article. The strategy of their creating are considered too. The main problems of the integration structures creating at regional levels are defined and the priority conditions of their functioning in the agricultural and industrial complex are offered.

Е.А. Гладышева
МЕХАНИЗМ АККУМУЛЯЦИИ И
ИНВЕСТИРОВАНИЯ ВЕНЧУРНОГО КАПИТАЛА В
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ
ПРЕДПРИЯТИЙ

Ключевые слова: венчурное инвестирование, научно-техническое обновление производства, инновации, экономические мотивы.

E.A. Gladysheva
MECHANISM OF ACCUMULATION AND
INVESTMENT OF VENTURE CAPITAL IN
SCIENTIFIC AND TECHNICAL RENOVATION OF
ENTERPRISES

Keywords: venture investment, scientific and technical renovation of production, innovations, economic motives.

В работе предложен механизм аккумуляции ресурсов венчурного инвестирования на предприятии. Он основан на системном представлении мотивов и рисков научно-технического обновления производства. Предложена форма сотрудничества между венчурными фондами и предприятиями, позволяющая усилить эффективность научно-технического обновления производства.

This paper presents mechanism of resources accumulation of venture investment in enterprise. It is based on system conception of motives and risks of scientific and technical renovation of production. Proposed form of cooperation between venture funds and enterprises, which allows to enhance efficiency of scientific and technical renovation of production.

З.В. Ефимова, М.Ю. Борисов
УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ
ПРОЦЕССАМИ В МОЛОЧНОМ СКОТОВОДСТВЕ

Ключевые слова: материально-техническая база, экономическая эффективность, молочное скотоводство, методика оценки, классификация организаций.

Z.V. Efimova, M.Y. Borisov
MANAGEMENT OF TECHNOLOGICAL
PROCESSES IN DAIRY CATTLE BREEDING

Keywords: material base, economic efficiency; dairy cattle breeding; assessment technique; classification of the organizations.

Эффективность функционирования сельскохозяйственного производства в современных условиях в значительной степени зависит от организации, форм и методов управления, адекватных требованиям рыночной экономики. В связи с этим возрастает роль руководителей и специалистов, работников органов управления агропромышленного комплекса, повышаются требования к качеству их подготовки. Многообразие форм собственности, хозяйствования и организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций требует новых подходов к управлению, пересмотра его сущности. Эффективность производства молока определяется согласованным решением ветеринарных, зоотехнических, экономических и технологических

Efficiency of functioning of agricultural production in modern conditions substantially depends on the organization, forms and the methods of management adequate to requirements of market economy. In this regard the role of heads and experts, employees of governing bodies of agro-industrial complex increases, requirements to quality of their preparation raise. The variety of forms of ownership, managing and organizational and legal forms of the agricultural organizations demands new approaches to management, revision of its essence.

Production efficiency of milk is defined by an agreed decision of veterinary, zootechnical, economic and technological tasks, however in practice level of interaction is quite insignificant. For this reason creation of a rational control system by technological

задач, однако на практике уровень взаимодействия довольно невелик. Именно поэтому создание рациональной системы управления технологическими процессами позволяет преодолеть данное противоречие путем создания интегрированных и комплексных мер.

И.В. Жуплей

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ВЛИЯНИЯ СТРУКТУРЫ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕГИОНА

Ключевые слова: сельское хозяйство, структура товаропроизводителей, методика анализа эффективности, комплексная оценка эффективности, сценарные варианты развития.

Разработана методика анализа эффективности сельскохозяйственных предприятий. Введено понятие комплексной оценки эффективности аграрной структуры. Рассчитаны сценарные варианты структурного развития аграрного сектора Приморского края.

С.В. Ильин, Л.А. Ильина

ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ПРИ ИНВЕСТИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Ключевые слова: инвестиционный проект, государственно-частное партнерство, инфраструктура, территория.

В работе изложены новые подходы и соответствующие им альтернативные схемы реализации инфраструктурных инвестиционных ГЧП-проектов с учетом первоочередных задач, стоящих перед региональными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления.

М.Г. Корицкая

РЫНОК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ СИСТЕМЫ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Ключевые слова: дошкольные образовательные услуги, общественные блага, нерыночный сектор экономики.

В работе рассмотрены вопросы актуальности и необходимости всестороннего исследования процессов рыночных отношений в системе дошкольного образования, разработки направлений совершенствования экономического механизма его функционирования.

А.А. Ломов, С.В. Сухов, В.Д. Сухов

ОЦЕНКА И НОРМИРОВАНИЕ ТРУДОЗАТРАТ В СЕРВИСНЫХ КОМПАНИЯХ

Ключевые слова: сервисная компания, фонд рабочего времени, норма утилизации, норматив.

В работе представлены результаты изучения оценки и нормирования трудовых затрат в сервисных компаниях.

processes allows to overcome this contradiction by creation of the integrated and complex measures.

I.V. Zhupley

METHODS OF THE ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF PRODUCERS ON THE EFFICIENCY OF THE AGRICULTURAL SECTOR IN THE REGION

Keywords: agriculture, the structure of commodity producers, methods of effectiveness analysis, a integrated evaluation of agricultural enterprises effectiveness, the scenario development options.

Methods of analysis of agricultural enterprises effectiveness is made. Introduced the concept of a integrated evaluation of agricultural enterprises effectiveness. Scripting options for the structural development of the agricultural sector of Primorskiy region is calculated.

S.V. Ilyin, L.A. Ilyina

APPLICATION OF THE MECHANISM OF STATE- PRIVATE PARTNERSHIP FOR INFRASTRUCTURE INVESTMENT

Keywords: investment project, public-private partnership, infrastructure, territory.

The paper describes new approaches and appropriate alternative arrangements for the implementation of infrastructure investment PPP projects taking into account the priority tasks of the regional authorities and local authorities.

M.G. Korickaya

SERVICE MARKET OF PRESCHOOL EDUCATION: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE RESEARCH

Key words: preschool educational services, public goods, unmarketed sector of the economy.

The research work studies the matters of relevance and necessity of thorough investigation of market relations in preschool education and development of its economic performance.

A.A. Lomov, S.V. Sukhov, V.D. Sukhov

THE RESEARCH OF THE LABOUR RATIONING IN SERVICE COMPANIES

Key words. Service company, working time fund, the rate of recycling, the norm.

The article represents the results of the research of the labour rationing in service companies. Key questions of

Сформулированы пять ключевых вопросов управления фондом рабочего времени, ответы, на которые позволят компании более эффективней мотивировать труд работников.

Д.А. Маринцев
ОЦЕНКА РИСКОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ
СУБЪЕКТОВ

Ключевые слова: экономика и управление.

В работе исследованы некоторые вопросы совершенствования оценки рисков в деятельности промышленных предприятий и организаций. Предложен авторский подход к количественной и качественной оценке рисков хозяйствующих субъектов.

Д.А. Маринцев
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАДЕЖНОСТЬ КАК ОСНОВА
РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА

Ключевые слова: экономика и управление.

В работе исследована проблема совмещения экономической надёжности с кластерным подходом. Предложено рассматривать идеологию экономической надёжности как основу реализации кластерной политики.

А.П. Панов
АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инновационное развитие, потребительская кооперация, автоматизация предприятий розничной торговли.

В работе представлены результаты изучения состояния потребительской кооперации Новосибирской области, проанализирована ее структура, рассмотрены показатели розничной торговли.

В.К. Поспелов
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОДНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ЕГИПТА

Ключевые слова: Нил, Египет, Эфиопия, распределение водных ресурсов, строительство плотины Возрождение, производство пшеницы и риса.

В работе изложены некоторые вопросы обеспечения водных ресурсов для ведения сельского хозяйства в Египте в изменившихся геополитических условиях в странах Северо-Восточной Африки. В качестве примера рассмотрена ситуация с обеспечением Египта важнейшими видами сельскохозяйственной продукции – пшеницей и рисом.

М.И. Сычев
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА (понятие, структура, развитие)

Ключевые слова: экономический потенциал, потенциал, элементы экономического потенциала, структура.

management of the working time fund are being formulated there too. The answers to these questions will allow companies to motivate employees in their work more effectively.

D.A. Marintsev
VALUATION OF RISK OF THE ECONOMICS
SUBJECTS

Keywords: economics and management.

The problems of the development of the valuation of risk in the sphere of the industrial enterprises and organizations were researched in this article. The author's model of the quantitative and qualitative assessment of risk of the economics subjects was proposed.

D.A. Marintsev
THE ECONOMICS RELIABILITY AS THE BASE OF
THE REALIZATION OF THE CLUSTER APPROACH

Keywords: economics and management.

The problem of the combination of the economics reliability and the cluster approach was researched in this article. It was proposed to view the economics reliability as the base of the realization of the cluster policy.

А.П. Панов
CONDITION OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN
CONSUMER'S COOPERATION OF NOVOSIBIRSK
REGION

Keywords: innovative development, automation of retail, consumer's cooperation

This paper presents the results of the study of condition of innovative development in consumer's cooperation. The area is Novosibirsk region.

В.К. Поспелов
SECURING WATER REQUIREMENTS OF
EGYPTIAN AGRICULTURE

Keywords: The Nile River, Egypt, Ethiopia, distribution of water resources, Renaissance Dam, wheat and rice production in Egypt.

The article discusses problems relating to providing Egyptian agriculture with water resources in the context of changing geopolitical environment in Northeast Africa, with wheat and rice both of which are major agricultural products singled out as a typical example.

М.И. Сычев
THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE
ECONOMIC POTENTIAL OF (concept, design,
development)

Keywords: economic potential, potential, economic potential, structure.

Экономический потенциал, его интенсивное развитие и эффективное применение образуют все необходимые предпосылки для постоянного экономического роста отдельных предприятий на микроуровне и, как следствие, отраслей, регионов, национального хозяйства на макроуровне. В статье представлены понятийный аппарат экономического потенциала, структурная модель основных элементов входящих в экономический потенциал, а так же указаны элементы определяющие уровень использования экономических благ.

И.В. Филимоненко

РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ РЫНКОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕГИОНА

Ключевые слова: региональная экономическая система, экономический рост, фактор экономического роста, локальный рынок, структурные сдвиги.

Ориентация региональных экономических систем на инновационную модель развития сопровождается усилением дисбалансов спроса и предложения локальных рынков. Это свидетельствует о диспропорциях в параметрах региональных воспроизводственных процессов, что, в свою очередь, приводит к потере устойчивости экономического роста не только на уровне отдельных регионов, но и государства в целом. В статье обосновывается роль локальных рынков в обеспечении устойчивости роста региональной системы.

В.П. Черданцев, С.А. Шаклеина

РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА СВИНИНЫ С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: самообеспеченность территории продуктами питания, поголовье животных на сельхозпредприятиях, потребность в мясной продукции.

Проведен анализ самообеспеченности Пермского края продуктами питания. На основании статистических данных рассмотрено финансовое состояние отрасли свиноводства в регионе. Представлены данные анкетирования, позволяющие определить потребность и удовлетворенность жителей мясом свинины, на основании полученных ответов сделаны выводы и рекомендации.

Е.В. Фидченко

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: синергетика, коммуникация, конвергенция, синергия, интеракция, философия науки и техники.

В данной статье автором представлен ряд положений, посвящённых философскому и синергетическому анализу феномена коммуникации. Аккумуляция «synergetic basis» коммуникативного

Economic potential, its intensive development and effective application form all the necessary conditions for sustained economic growth of micro-enterprises and, as a consequence, industries, regions, national economy at the macro level. The article presents the conceptual apparatus of economic potential, structural model of key elements of economic potential, as well as the elements which define the level of economic benefits.

I.V. Filimonenko

ROLE OF LOCAL MARKETS IN SUSTAINING ECONOMIC GROWTH IN THE REGION

Keywords: regional economic system, economic growth, growth factors, local market, structural changes.

The orientation of the regional economic systems to the innovative development model is accompanied by increase of difference between local markets demand and supply. That shows the imbalance in the parameters of regional reproduction processes. This imbalance, in turn, lead to the loss of economic growth stability not only on the level of several regions, but also the state as a whole. The article explains the role of local markets in stabilization of regional system growth.

V.P. Cherdantsev, S.A. Shakleina

THE RESERVES OF THE INCREASE IN PORK PRODUCTION TAKING INTO ACCOUNT THE POPULATION DEMAND ON THE TERRITORY OF PERM KRAI

Key words: foodstuff self-sufficiency of the territory; total number of animals in agricultural enterprises; demand in meat products.

Perm Krai foodstuff self-sufficiency analysis was made. A financial state of swine-breeding in the region was studied according to the statistics. The results of the survey which allow defining the demand and the satisfaction of the population with the pork were presented and according to the received answers of the survey the conclusions were drawn and the recommendations were given.

E.V. Fidchenko

SYNERGETIC BASIS OF COMMUNICATION PRACTICES: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Keywords: synergetics, communication, convergence, synergy, interaction, philosophy of science and technology.

In this article the author presents a number of provisions dealing with philosophical and synergistic analysis the phenomenon of communication. Accumulation «synergetic basis» communicative practicum in the context of the work presented, validated system solutions

практикума, в контексте представленной работы, подтверждена системными решениями по типу «кластерного сигнификата». Эта позиция представляется весьма целесообразной с точки зрения философии науки и техники. Исследование осуществлено на примере практических конвергенций и коммуникативных технологий.

Д.Г. Шабалин

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ КОММУНИКАТИВНО-СМЫСЛОВОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова: социальность, ментальность, текст, дискурс.

В статье представлены результаты исследования проблемы коммуникативно смыслового процесса в контексте социально-философского знания: рассматриваются феномены текста и дискурса, интерпретируемые автором как способы отражения социальности.

О.Г. Берестова

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДИКАТА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: семантика состояния, предикат состояния, физиологическое состояние, субстантивный предикат, глагольный предикат.

В статье представлены результаты исследования предложений с предикатом состояния. Объектом исследования являются семантические разновидности предикатов со значением физиологического состояния. Названы ядерные и периферийные средства и формы выражения указанного предиката, выявлена их специфика в реализации семантики состояния лица.

Н.Г. Бурмакина

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЖАНР ЭКЗАМЕНА

Ключевые слова: коммуникативный жанр, экзамен, академический дискурс, коммуникативные роли.

Данная статья посвящена рассмотрению одного из ядерных жанров академического дискурса – экзамена. Описываются ключевые характеристики коммуникативной ситуации, в которой разворачивается жанр университетского экзамена, анализируются коммуникативные роли общающихся.

А.И. Конова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ НА ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК СТИХОТВОРЕНИЙ Г. ТУКАЯ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДЕТЯМ

Ключевые слова: Г. Тукай, поэзия, переводы, подстрочный, творчество, татарский, турецкий, тюркские языки.

Объектом исследования статьи является обзор турецких переводов стихотворений посвященных детям из поэтического наследия татарского народного поэта Габдуллы Тукая (1886-1913),

by type "cluster significatum". This position seems very appropriate in terms the philosophy of science and technology. The study was conducted on a practical example of convergence and communication technologies.

D.G. Shabalin

THE PROBLEM OF THE BASES OF COMMUNICATION-NOTION PROCESS

Keywords: sociality, mentality, text, discourse.

The paper summarizes the results of research of communication-notion process in the context of social philosophy: it analyzes the concepts of text and discourse being interpreted as methods of representation of sociality.

O.G. Berestova

SEMANTIC TYPES OF THE STATE SUBJECTS IN MODERN RUSSIAN

Keywords: semantics of state, state predicate, physiological state, substantive predicate, verb predicate.

This paper presents the results of the study of sentences with the state predicates. Object of research is the semantic types of the state predicate. There are three main types of the physiological state predicate. The nuclear and peripheral means and forms of expression of the predicate are named and their specificity in implementing state semantics are identified.

N.G. Burmakina

THE COMMUNICATIVE GENRE OF EXAMINATION

Keywords: communicative genre, examination, academic discourse, communicative roles.

The article deals with the communicative genre of examination – one of the most important genres of the academic discourse. The author describes the essential characteristics of the communicative situation of university examination, analyses the communicative roles of the interactants.

A.I. Konova

ON THE PROBLEM OF TRANSLATION OF G. TUKAY'S POETRY DEVOTED TO CHILDREN IN TO THE TURKISH LANGUAGE

Key words: G. Tukay, poetry, translations, interlinear translation, creation, Turkic languages, Turkish.

Object of research of article is the review of the Turkish translations of poems devoted to children from poetic heritage of the Tatar national poet Gabdulla Tukay (1886-1913). The analysis is focused on the only Turkish translation of his poetry made by Fatma Ozcan, well

выполненных профессором Анкарского университета Гази Фатмой Озкан. Анализируется степень эквивалентности переводов стихотворений с татарского языка на турецкий язык. В статье приведены примеры некоторых неэквивалентных переводов произведений народного поэта.

И.В. Кумичев

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЗМЕЯ И ЕГО
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ В ПЕСЕННОЙ
ПОЭЗИИ ДЖИМА МОРРИСОНА (РОК-ГРУППА
«THE DOORS»)

Ключевые слова: хтоническая образность, рок-искусство, символ, мифопоэтика, бессознательное.

Статья посвящена исследованию образа змея в песенных текстах Джима Моррисона как ключевого символа в художественной системе поэта. Через выявление семантических корреляций и семантического наполнения данного образа исследуются особенности хтонической образности поэзии Моррисона и, в конечном итоге, производится попытка раскрыть и охарактеризовать основное «событие» его мифопоэтики в культурно-историческом контексте.

О.Е. Носова

КУЛЬТУРНЫЙ КОД И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ОБЩЕНИИ

Ключевые слова: коммуникативное поведение, стереотипы общения, лингвокультурология, культурный код, лингвокультурный код, речеповеденческий код.

В работе рассматривается проблематика коммуникативного поведения в совокупности вербальных и невербальных средств коммуникации. Суть данной работы составляет изучение коммуникативных процессов, основанное на признании существования лингвокультурного кода в той или иной культуре, позволяющее выявить ее ценностные доминанты.

Д.Ф. Сагандыкова

КОННОТАЦИЯ И ЕЕ МИКРОКОМПОНЕНТЫ

Ключевые слова: фразеологическая единица, коннотация, структура значения слова, структура значения фразеологизма.

В статье, посвященной проблеме коннотации, даются определение термина «коннотация», описание структурных компонентов коннотации и определение ее места в семантической структуре языковой единицы. Несмотря на большое количество работ по данной теме эти вопросы до сих пор остаются до конца нерешенными. На примере фразеологизмов мы можем проследить и увидеть структуру коннотации.

known expert on poetry of Turkic peoples from Ankara Ghazi University. There are given some examples of some nonequivalent translations of works of the national poet.

I.V. Kumichev

THE SEMANTICS OF THE IMAGE OF THE
SERPENT AND ITS SEMANTIC REFLECTION IN
JIM MORRISON'S SONG POETRY (ROCK BAND
"THE DOORS")

Keywords: chthonic imagery, rock art, symbol, mythopoetics, unconscious.

The article is devoted to the image of the serpent in song texts of Jim Morrison as a key character in the artistic system of the poet. Through the identification of semantic correlation and semantic content of this image we examine the characteristics of chthonic imagery Morrison's poetry. As a result we try to reveal and describe the main "event" of his mythopoetics in cultural and historical context.

O.E. Nosova

CULTURAL CODE AND LINGUACULTURAL
INTERPRETATION OF NONVERBAL
COMMUNICATION IN ENGLISH INTERCOURSE

Key words: communication behavior, intercourse stereotypes, linguaculture, cultural code, code of speech behavior.

The article deals with the problem of communication behavior in the aggregate of verbal and nonverbal means of communication. The essence of this paper is studying of the processes of communication based on the admission of the existence of linguacultural code in either culture allowing to reveal cultural values.

D.F. Sagandykova

CONNOTATION AND ITS MICROCOMPONENTS

Keywords: phraseological units, connotation, the structure of word meaning, the structure of phraseologism meaning.

In the article which is devoted to the problem of connotation the definition of term "connotation", description of structural connotation components are given and definition of its place in semantic structure of a language unit. In spite of the great amount of works on this issue this question still stays unresolved. As in example of phraseologisms we can follow and see the structure of connotation.

М.А. Солод

**ГЛАГОЛ *ШАРКАТЬ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРАХ (СЕВЕРНОРУССКИХ И
ЮЖНОРУССКИХ)**

Ключевые слова: глаголы движения, лексико-семантическая группа, семантическая структура, сопоставительный анализ, диалекты.

Статья посвящена сопоставительному анализу глагола шаркать принадлежащего к семантической группе глаголов движения в современном русском литературном языке и русских народных говорах. Используя данный метод, мы сравнили материал на основе данных словаря литературного языка под ред. А.П. Евгеньевой «Словарь русского языка» (МАС) с диалектным материалом.

Ф.Н. Ульбашева, Л.Х. Хараева

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ
«РАЦИОНАЛЬНОЕ» - «ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ» В
РУССКОМ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ
ЯЗЫКАХ**

Ключевые слова: прагматическая вариативность, инверсия, коммуникация, языковая картина мира.

В статье рассматривается прагматическая вариативность понятий «рациональное» - «эмоциональное» на материале русского и карачаево-балкарского языков, а также роль метафоры в создании подобной инверсии.

А.Я. Хусаинова

**ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ
ОРЕНБУРЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ
НЕКОТОРЫХ МУЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ)**

Ключевые слова: лексико-семантическая система, татарские говоры Оренбуржья, названия мучных изделий, семантическое переосмысление, ритуальные значения.

В данной статье рассматривается система названий мучных изделий в татарских переселенческих говорах Оренбуржья в сравнительном освещении. Прослеживается их возникновение, лексико-грамматическое и семантическое развитие. Выявляется, с одной стороны, общность этих говоров с татарским литературным языком, отличительные моменты, особенно в семантическом плане – с другой.

И.В. Белобородова

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ
НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ДЕТСКОЙ
ПОРНОГРАФИИ**

Ключевые слова: детская порнография, международные документы, уголовный кодекс Российской Федерации.

В статье, на основе изучения международных документов, представлены предложения по совершенствованию уголовно-правовых мер,

M.A. Solod

**THE VERB TO *SHUFFLE* IN THE RUSSIAN
LITERARY LANGUAGE AND IN THE RUSSIAN
DIALECTS (NORTHERN AND SOUTHERN
DIALECTS)**

Key words: verbs of motion, lexico-semantic group, semantic structure, comparative typological analysis, dialects.

This article is devoted to the comparative typological analysis of the verb to shuffle belonging to the semantic group denoting motion in the Russian language and in the Russian dialects. The author makes the comparative typological analysis of the verb to shuffle. Dialectal material is confronted with the material that is presented in the dictionaries of the literary language.

F.N. Ulbasheva, L.H. Charaeva

**PRAGMATIC INVERSION «RATIONAL»-
«EMOTIONAL» IN THE RUSSIAN AND
KARACHAY-BALKAR LANGUAGES**

Keywords: pragmatic variability, inversion, communication, language world picture.

The article deals with the pragmatic variability of the concepts “rational” and “emotional” based on the Russian and Karachay-Balkar languages. The role of metaphor in the process of inversion formation is also observed.

A.J. Husainova

**THE VOCABULARY OF MATERIAL CULTURE OF
TATAR RESETTLEMENT DIALECTS OF
ORENBURG (ON THE EXAMPLES OF THE NAMES
OF SOME PASTRY)**

Keywords: Lexic-semantic system, Tatar dialects of Orenburg, the names of pastry, semantic reinterpretation, ritual meanings.

This article deals with the names of pastry of Tatar resettlement dialects of Orenburg in comparative aspect. Their origin, lexical-grammatical and semantic development are traced. On the one hand common features of these dialects with tatar literary language are observed, on the other hand specific distinctive features in semantic aspect.

I.V. Beloborodova

**TO THE QUESTION ABOUT UPGRADING OF
CRIMINAL LEGAL STEPS DIRECTED TO
PREVENT CHILD PORNOGRAPHY**

Keywords: child pornography, international documents, criminal code of the Russian Federation.

In this article suggestions to upgrade criminal legal steps to prevent child pornography are represented and they are based on studying of international documents.

направленных на предотвращение детской порнографии.

А.Р. Валиева

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИСПОЗИТИВНЫХ НОРМ ПРАВА

Ключевые слова: Диспозитивность, диспозитивные нормы, управомочивающие нормы.

В рамках герменевтического и системного методов исследования уточняется понятие диспозитивных норм права как нормативной основы познания юридической природы и сущности принципа диспозитивности.

А.Ю. Верин

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Ключевые слова: правовой статус несовершеннолетнего, структурные элементы правового статуса, юридическая ответственность, правосубъектность, юридические гарантии прав несовершеннолетнего.

В статье рассматривается категория «юридическая ответственность» применительно к структурным элементам правового статуса несовершеннолетнего. Сформулирован вывод о том, что юридическая ответственность не является самостоятельным элементом правового статуса несовершеннолетнего, а проявляется через деликтоспособность, как составляющая правосубъектности в регулятивных правоотношениях, и непосредственно влияет на правовой статус несовершеннолетнего в охранительных правоотношениях.

Д.А. Герасименко

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУПЕЧЕСТВА

Ключевые слова: гильдия, купец, сословие, законодательство.

В настоящей статье автор рассматривает правовое положение одного из податных сословий России – купечества, на протяжении всей истории его существования. Материалом для исследования купеческого статуса послужили нормативно-правовые источники XVII-XX вв. России.

И.В. Мирошниченко

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА

Ключевые слова: гражданско-правовые отношения, профессиональный спорт, гражданско-правовой договор, правовой статус спортсмена.

В статье рассмотрены особенности гражданско-правового регулирования договорных отношений в сфере профессионального спорта на основе анализа действующего законодательства Российской Федерации и доктрины гражданского права.

A.R. Valieva

ON THE LEGAL NATURE AND ESSENCE OF THE PRINCIPLE OF DISPOSITIVE IN THE CONTEXT OF DISPOSITIVE NORMS LAW

Dispositive, dispositive norms, authorizes the norm.

In the framework of the hermeneutical and systematic methods research clarifies the definition of the dispositive norms law as a normative basis of knowledge of the legal nature and essence of the principle of dispositive.

A.Y. Verin

THE LEGAL LIABILITY IN THE STRUCTURE OF JUVENILE LEGAL STATUS

Key words: juvenile legal status, structural elements of legal status, legal liability, legal personality, juvenile legal guarantees.

The category «legal liability» with reference to the structural elements of juvenile legal status is examined in this article. We concluded that the legal liability is not an independent element of juvenile legal status but it is revealed through the delictual dispositive capacity as the component of the legal personality in regulatory legal relationships and it influences directly on the juvenile legal status in the protective legal relationships.

D.A. Gerasimenko

THE LEGAL STATUS OF MERCHANTS

Keywords: guild, merchant, estate, legislation.

In this article the author examines the legal status of a tax-paying classes Russia - merchants, throughout the history of its existence. Material for the study of merchant status served regulatory sources XVII-XX centuries of Russia.

I.V. Miroshnichenko

ON THE FEATURES OF CIVIL LAW REGULATION OF THE CONTRACTUAL RELATIONSHIP IN PROFESSIONAL SPORTS

Keywords: civil relations, professional sports, civil contract, legal status of athlete.

The peculiarities of civil regulation of contractual relations in professional sport, based on analysis of the current legislation of the Russian Federation and the doctrine of civil law.

Д.А. Пономарев

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН В ДОГОВОРЕ ПОДРЯДА С УЧАСТИЕМ УЧРЕЖДЕНИЙ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Рассматриваются вопросы, связанные с правами и обязанностями сторон в договоре подряда с участием учреждений системы органов внутренних дел которые носят взаимный характер, т.е. правам одной стороны соответствуют обязанности другой стороны. Делается вывод о том что необходимо реализовать довольно часто встречаемые в литературе предложения о возложении обязанности по материально-техническому снабжению, как на подрядчика, так и на заказчика.

Э.М. Султанова

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СУБЪЕКТА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: субъект юридической деятельности, социально-правовая система, профессиональная этика, социально-правовые ценности и нормы, ролевая идентификация, структура, функция.

В системе охраны правопорядка в периоды социальной стабильности характерен интерес к социально-морфологическим аспектам правонарушений, тогда как в периоды резких социальных изменений фокус научного рассмотрения смещается к социально-этическим детерминантам, определяющим правопорядок в обществе. Все это актуализирует интерес к социально-правовым аспектам этических проблем правоохранительной деятельности.

К.Р. Файзрахманов

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В АСПЕКТЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Ключевые слова: инструментальная теория права, учение о межотраслевых связях, метод коллизионных узлов.

Настоящая работа посвящена соотношению инструментальной теории права и учения о межотраслевых связях. На примере данного соотношения, используя системный подход, выявлены так называемые коллизионные узлы, участки противоречий, пробелов в научном знании, которые, как полагает автор, содержат в себе значительный эвристический потенциал. С помощью данной методологии поставлена проблема выделения межотраслевых гражданско-правовых средств в теории гражданского права.

М.А. Фастова

ПОСРЕДНИЧЕСТВО КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: посредничество, теоретическая модель, общественные отношения, конфликт.

В работе представлено исследование посредничества с точки зрения характеристики его как одной из

D.A. Ponomarev

THE RIGHTS AND OBLIGATIONS OF THE PARTIES IN CONTRACTOR'S AGREEMENT WITH PARTICIPATION OF INTERNAL AFFAIRS INSTITUTIONS

Issues related to the rights and obligations of the parties of the contractor's agreement with participation of the internal affairs institutions have a mutual character, i.e. rights on one side correspond to the duties on the other side. The conclusion is that you need to implement quite frequently mentioned offers to incur obligations on procurement both on the sub-contractor and the customer.

E.M. Sultanova

SOCIO-LEGAL ASPECTS OF FORMATION OF PROFESSIONAL ETHICS OF THE SUBJECT OF LEGAL ACTIVITY

Key words: subject of legal activity, legal system, professional ethics, legal norms and values, role identification, structure, function.

In the system of protection of the law during periods of social stability is characteristic of interest to the social-morphological aspects of the offences, whereas in periods of sharp social change focus the scientific discussion shifted to the social and ethical determinants of determining the rule of law in society. All this brings to the fore the interest to the social-legal aspects of ethical problems of law enforcement.

K.R. Fayzrahmanov

TO (ABOUT) THE PROBLEM OF ALLOCATION OF INTERBRANCH CIVIL-LEGAL MEANS IN THE ASPECT OF THE INSTRUMENTAL THEORY OF LAW

Keywords: instrumental theory of law, the doctrine of interbranch connections, knots of collision method.

This report is devoted to the relation between (correlation of) the instrumental theory of law and the doctrine of interbranch connections (linkages). So-called knots of collision, fields of contradictions and gaps in scientific knowledge, which, as author supposes, contain a considerable heuristic potential, are revealed on the example of this ratio, using a systematic approach. The problem of allocation of interbranch civil-legal means in the theory of civil law is put forth using (with the help of) this methodology.

M.A. Fastova

MEDIATION AS A FORM OF PUBLIC RELATIONS: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

Keywords: mediation, theoretical model, public relations, conflict.

The paper presents a study of mediation in terms of the characteristics of it as one of the theoretical models - forms of social relations. We consider various aspects of

теоретических моделей – формы общественных отношений. Рассматривается концептуальная схема различных аспектов и сторон посредничества как формы общественных отношений, анализируемая через осуществление связей между субъектами.

И.П. Белов, Т.Г. Белова
СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ
ПЕДАГОГИКЕ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Ключевые слова: исследовательский метод обучения, зарубежная педагогика.

В статье рассматривается процесс становления исследовательского метода обучения в зарубежной педагогике.

И.Ф. Гарафутдинова
АКТИВИЗИРУЮЩИЙ И
ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ
ГОТОВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К
СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Ключевые слова: семья, игровые технологии, социально-ориентирующие игры, сюжетно-ролевая игра, деловая игра, имитационные игры, «деловой театр».

Статья посвящена проблеме активизирующего и интенсифицирующего потенциала игровых технологий и их использования в процессе формирования готовности старшеклассников к семейной жизни. Выявлены особенности игровых технологий, проанализированы виды игр, способствующие подготовке к семейной жизни и брачно-семейным отношениям и приобретению знаний, умений и навыков в сфере семейной жизни.

П. Голестан
ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК В РУССКОЙ
ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ У ИРАНСКИХ СТУДЕНТОВ –
ФИЛОЛОГОВ

Ключевые слова: ошибки, письменная речь, иранские студенты, русский язык, интерференция.

В статье предпринимается попытка проанализировать круг наиболее частотных ошибок в письменной речи иранских студентов, представить их типологию и дать объяснение причин их возникновения.

В.Г. Иванова
АВТОРСКИЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКО-
ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У
СПЕЦИАЛИСТОВ СКД В ВУЗАХ КУЛЬТУРЫ И
ИСКУССТВ И УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ
Ключевые слова: модель, развитие, творчество, продукт, специалист, социально-культурная деятельность, вуз, учреждение, культура, технология.

В статье Иванова В.Г. «Авторские модели развития творческо-продуктивной деятельности у специалистов СКД в вузах культуры и искусств и

the conceptual scheme and house parties as a form of public relations, analyzed through the implementation of links between subjects.

I.P. Belov, T.G. Belova
THE RESEARCH METHOD OF TEACHING IN
FOREIGN PEDAGOGICS IDEA FORMATION UNTIL
THE MIDTH OF THE XIX-th CENTURY
Key words: idea formation, foreign pedagogics.

The research method of teaching in foreign pedagogics process of formation is considered in the article.

I.F. Garafutdinova
ACTIVATING AND INTENSIFYING POTENTIAL
OF GAME TECHNOLOGIES IN THE FORMATION
OF WILLINGNESS OF HIGH SCHOOL STUDENTS
FOR FAMILY LIFE
Key words: family, game technologies, social orienting games, plot-role-playing game, business game, imitating games, "business theater".

This article is devoted to the problem of the game technologies. Their activating and intensifying potential and usage during the formation of family life. Game technologies' characteristics were detected, sorts of games which have the contribution to the preparation of family life, marriage and family relations were analyzed. It can help facilitate knowledge acquisition, skills in the sphere of family life.

P. Golestan
TYPOLOGY OF MISTAKES IN RUSSIAN
WRITINGS OF IRANIAN STUDENTS
Keywords: errors, written speech, the Iranian students, Russian language, interference.

This article tries to analyze and systems the most frequent mistakes in writing in Russian by Iranian students and introduce the typology of mistakes. The article gives an explanation of causes of these mistakes' occurrence.

V.G. Ivanova
AUTHOR'S MODELS OF CREATIVE AND
PRODUCTIVE ACTIVITY DEVELOPMENT OF SCA
EXPERTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
OF CULTURE AND ARTS AND CULTURAL
INSTITUTIONS
Keywords: model, development, creativity, product, expert, welfare activity, higher education institution, establishment, culture, technology.

In Ivanova V. G. article "Author's models of creative and productive activity development of SCA experts in higher

учреждениях культуры» рассматривается роль творческо-продуктивной деятельности в формировании личности, которая являлась и в настоящее время является предметом исследования современных исследователей. Учеными создаются авторские модели развития творческо-продуктивной деятельности и следует отметить, что эффективное ее развитие обеспечивает целостное и оптимальное сочетание принципов обучения и воспитания, педагогических условий и требований к организации взаимодействия субъектов, позволяет реализовать содержание педагогического процесса, направленного на: 1) непрерывное, поэтапное овладение инновационно-информационными технологиями, 2) формирование активности в творческо-продуктивной деятельности, 3) дальнейшее развитие современной информационной культуры.

В.Г. Иванова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИИТ И РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СКД В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: совершенствование, развитие, творчество, продукт, специалист, мастерство, социально-культурная деятельность, учреждение, культура, инновационно-информационные технологии.

В статье Ивановой В.Г. «Совершенствование ИИТ и развитие творческо-продуктивной деятельности специалистов СКД в учреждениях культуры» рассматривается активное использование инновационно-информационных технологий в различных областях человеческой деятельности, их стремительное совершенствование. Выделены этапы, знаменующие яркие изменения в обращении с информацией, наступление которых, исследователи называют информационными революциями. Автором статьи отмечено, что развитие творческих способностей осуществляется посредством творческо-продуктивной деятельности специалистов СКД (социально-культурной деятельности) в учреждениях культуры; происходит эффективное, гармоничное и полноценное развитие креативности и творческого потенциала специалистов СКД, продолжается совершенствование их профессионального мастерства с учетом функционирования инновационно-информационных технологий.

Т.О. Катербарг

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕДАГОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ШКОЛЫ

Ключевые слова: профессиональный потенциал педагога; самообучающаяся организация; режим развития.

В статье уточняется: понимание самообучающейся организации; рассматриваются условия развития,

education institutions of culture and arts and cultural institutions" the role of creative and productive activity in formation of the personality is considered, which was and now is an research object of modern researchers. Scientists create author's models of creative and productive activity development and it should be noted that its effective development provides a complete and optimum combination of training and education principles, pedagogical conditions and requirements to the organization of interaction of subjects, allows to realize the content of the pedagogical process directed on: 1) continuous, stage-by-stage mastering innovative and information technologies, 2) activity formation in creative and productive activity, 3) further development of modern information culture.

V.G. Ivanova

IMPROVEMENT OF IIT AND DEVELOPMENT OF CREATIVE AND PRODUCTIVE ACTIVITY OF SCA EXPERTS IN CULTURAL INSTITUTIONS

Keywords: improvement, development, creativity, product, expert, skill, welfare activity, establishment, culture, innovative and information technologies.

In Ivanova V. G. article *Improvement of IIT and development of creative and productive activity of SCA experts in cultural institutions*'s considered active use of innovative and information technologies in various areas of human activity, their prompt improvement. The stages are marked indicating bright changes in the address with information, such approach researchers call information revolution.

In the article it is noted that development of creative abilities is carried out by means of creative and productive activity of WA (welfare activity) experts in cultural institutions; there is an effective, harmonious and full development and improvement of creative potential of WA experts of SCA, their professional skill taking into account functioning of innovative and information technologies.

T.O. Katerbarg

STRUCTURAL AND METHODOICAL SUPPORT OF REALISING TEACHERS' PROFESSIONAL SKILLS IN SCHOOL ENVIRONMENT

Key words: teacher's professional abilities; self-learning organization; the development mode.

The basic conception of self-learning organization is defined in the article; the conditions needed for development of teachers' professional abilities during their professional activities are also examined in this article.

активизации и реализации профессионального потенциала педагогов непосредственно в ситуации профессиональной деятельности.

Е.В. Курилина

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ И СУЩНОСТНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ
МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ
СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕНЕДЖЕРОВ

Ключевые слова: менеджер, образовательный процесс, управленческая компетентность, модель формирования управленческой компетентности.

В работе автором представлено понимание сущности управления, этапов управленческой деятельности, результаты социологических и психологических исследования, предложены признаки профессиональной компетентности модели и их эмпирические индикаторы, на основе которых автор представляет свою модель формирования управленческой компетентности у будущих специалистов-менеджеров.

Х.Ф. Макаев

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМФОРТ КАК ГАРАНТИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЙ ЕСТЕСТВЕННОГО
ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: психологический комфорт, спонтанная речь, естественное общение.

Статья посвящена рассмотрению психологического комфорта как гарантии формирования умений естественного общения. Дается технология определения и формирования психологических условий развития спонтанной иноязычной речи студентов.

М.Х. Мальсагова

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: этнопедагогика, этнопедагогическое знание, этнопедагогическое исследование, любовь, пренатальное воспитание, здоровьесберегающие традиции.

Статья посвящена проблемному полю этнопедагогических исследований, которое составляют методология этнопедагогического знания, любовь как содержание, цель и средство воспитания, совесть, дисциплинированность как ее результат, пренатальное воспитание, адаптация детей-мигрантов, церковь как духовно-религиозный воспитательно-образовательный механизм, здоровьесберегающие обычаи и традиции, взаимодействие семьи и школы в вопросах этнопедагогического воспитания.

Н.А. Никитин, Г.Ш. Ашрафуллина

ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ
СТУДЕНТОК, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПО СИСТЕМЕ
«БОДИФЛЕКС»

Ключевые слова: исследования, физическая подготовленность, функциональные показатели.

E.V. Kurilina

THE PROBLEM OF THE RECONSTRUCTION AND
THE INTRINSIC CHARACTERISTICS OF A
PROGNOSTIC MODEL OF FORMATION OF THE
MANAGERIAL COMPETENCE OF FUTURE
SPECIALISTS-MANAGERS

Keywords: Manager, educational process, administrative competence, a model of administrative competence.

In the work the author presents the understanding of the essence of management, stages of administrative activity, the results of sociological and psychological studies, offered evidence of professional professional competence models and their empirical indicators, on the basis of which the author to present its own model of administrative competence of future specialists-managers.

Kh.F. Makayev

PSYCHOLOGICAL COMFORT AS A GUARANTEE
FOR FORMING OF NATURAL COMMUNICATION
SKILLS

Keywords: psychological comfort, spontaneous speech, natural communication.

The article is devoted to considering psychological comfort as a guarantee for forming of natural communication skills. Technology of defining and forming psychological conditions for developing students' spontaneous foreign language speech is given.

M.Kh. Malsagova

PROBLEM AREA OF ETHNOPEDAGOGICAL
RESEARCHES

Keywords: ethnopedagogy, ethnopedagogical knowledge, ethnopedagogical research, love, prenatal education, health saving traditions.

The article is devoted to the problem area of ethnopedagogical studies that comprise the methodology of ethnopedagogical knowledge: love as the content, purpose and educational tool; conscience, discipline as its result; prenatal education; adaptation of migrant children; the church as a spiritual and religious, educational mechanism; health saving customs and traditions; the interaction of family and school in the sphere of ethnopedagogical education.

N.A. Nikitin, G.S. Asrafullina

PHYSICAL TRAINING OF GIRL STUDENTS,
DEALING WITH THE «BODYFLEX»

Keywords: students, research, physical training, functional parameters.

Проведен анализ и оценка уровня физической подготовленности студенток Набережночелнинского института (филиала) Казанского (Приволжского) федерального университета до и после проведения исследования. Отмечается, что посредством применения в учебном процессе по физической культуре в вузе упражнений системы «бодифлекс», показатели физической подготовленности, а также функциональные показатели девушек улучшаются.

О.Л. Серебренникова

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕСЕННОЙ МУЗЫКИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ключевые слова: профессионально-личностное развитие, аутентичная англоязычная песенная музыка, студент вуза, Забайкальский государственный университет.

В статье рассматривается проблема профессионально-личностного развития студентов средствами аутентичной англоязычной песенной музыки. Автором определены особенности профессионально-личностного развития студентов и педагогический потенциал использования англоязычной аутентичной песенной музыки в учебном процессе Забайкальского государственного университета. На основе приведенных данных результатов опытно-экспериментальной работы определены направления совершенствования процесса обучения иностранному языку в вузе.

О.Л. Гончарова

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ КАК ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ

Ключевые слова: психологическая реабилитация, тип отношения к болезни.

Основная проблема инвалидов с последствиями травм позвоночника заключается в резкой смене социальной роли на фоне значительных ограничений жизнедеятельности. На наш взгляд, проблема социальной адаптации сводится к формированию мотивации и развитию способности к активному включению в процесс реабилитации, то есть в выработку адаптивного поведения.

А.И. Егорова, А.П. Макарова

ОЦЕНКА ТРАДИЦИОННЫХ МОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ САХА ЖЕНЩИНАМИ РАЗНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ключевые слова: Этнос саха, женщины, моральные ориентации.

В статье представлены результаты исследования оценки моральных ориентаций в культуре саха женщинами четырех поколений, представляющих сельскую и городскую выборку. Анализ оценок пословиц осуществлялся при помощи определения степени согласия испытуемыми. В целом женщины саха разного поколения продемонстрировали высокую

The analysis and evaluation of the level of physical fitness of female students Naberezhnye Institute (branch) of Kazan Federal University both before and after the study. Notes that, by applying in the teaching process in physical culture in University exercises of bodyflex, indicators of physical fitness and functional indexes of girls are improving.

O.L. Serebrennikova

PECULIARITIES OF STUDENTS' PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT BY MEANS OF ORIGINAL ENGLISH SONGS IN TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY

Key words: professional and personal development, original English songs, university student, Transbaikali State University.

The problem of students' professional and personal development by means of original English songs is described in the article. The author defines the peculiarities of students' professional and personal development as well as pedagogic potential of original English songs in the educational process of Transbaikali State University. On the bases of the received data the directions of foreign language teaching are defined.

O.L. Goncharova

SOCIAL ADAPTATION OF DISABLED PERSONS AS PERSONAL DEVELOPMENT

Keywords: psychological rehabilitation, type of attitude to the disease

The main problem for those who suffer spinal trauma during their working careers is to accept the sudden changes that occur to both their social lives as well as major physical restrictions. It is important to assist the patients in understanding the severity of their situation and further help them in developing a different approach to their lives, thus assisting them in better adapting to their current circumstances.

A.I. Egorova, A.P. Makarova

ASSESSMENT OF TRADITIONAL MORAL ORIENTATIONS IN CULTURE SAKHA TO WOMEN OF DIFFERENT GENERATION

Ethnos sakha, women, moral orientations.

Results of research of an assessment of moral orientations are presented in article in culture Sakha by women of four generations representing rural and city selection. The analysis of estimates of proverbs was carried out by means of definition of degree of a consent by examinees. As a whole women Sakha different generation showed high degree of coherence with the traditional moral reference points presented in proverbs.

степень согласованности с традиционными моральными ориентирами, представленными в пословицах. С возрастом и у сельских женщин степень согласия с традиционными пословицами, отражающими моральные ориентиры культуры, увеличивается.

А.А. Калинин

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЛИЦ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Ключевые слова: социальная депривация, ценности, культурная ценность «благочестие».

В работе анализируются результаты эмпирического исследования базовых ценностей лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, в связи с их этнической принадлежностью. Целостность структуры личности осужденных обеспечивается ценностью «благочестие» (хранение веры, религиозные убеждения), помогающей справиться с трудной жизненной ситуацией.

Е.В. Каширская

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Ключевые слова: речемыслительная деятельность, языковые, речевые, смысловые особенности речемыслительной деятельности, адаптивная и развивающая стратегии становления речемышления, внутренний диалог, направленность на практическое решение задач.

В работе представлены результаты изучения речемыслительной деятельности студентов – будущих психологов, обозначены ее психологические особенности, выделены альтернативные стратегии становления речемыслительной деятельности у студентов – будущих психологов.

Е.В. Царева

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПРОФИЛАКТИКИ АГРЕССИИ СПОРТСМЕНА КАК ФАКТОРА ДОСТИЖЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: психологическая безопасность, спортсмен, спортивная деятельность, агрессия, агрессивность, профилактика.

Статья посвящена экспериментальному исследованию стратегии обеспечения психологической безопасности спортсмена – субъекта спортивной деятельности. Рассмотрен и проанализирован феномен агрессии спортсмена как фактор угрозы психологической безопасности личности. Приведены результаты экспериментального исследования агрессии спортсменов, занимающихся большим теннисом, на основе которых разработана программа профилактики агрессивности спортсмена. Ожидаемые результаты освоения программы: владение спортсменом приемами нейтрализации агрессии, формирование психологической безопасности личности спортсмена.

With age and rural women have a consent degree with the traditional proverbs reflecting moral reference points of culture, increases.

A.A. Kalinenko

BASIC VALUES PERSONS IN CONDITIONS OF SOCIAL DEPRIVATION

Keywords: social deprivation, values, cultural value «piety».

The paper analyzes the results of empirical research of the basic values of inmates in the penitentiary institutions, in connection with their ethnicity. The integrity of the structure of the personality of the convicted persons is ensured by the value of «piety» (keep the faith, religious beliefs) to help cope with a difficult situation in life.

E.V. Kashirskaya

ALTERNATIVE STRATEGIES OF FORMATION SPEECH AND MENTAL AKTIVITY OF FUTURE PSYCHOLOGISTS

Keywords: speech and mental activity, language, speech, semantic features of speech and mental activity, adapting and developing the strategy of establishment speech and mental activity, the internal dialogue, focus on the practical solution of the problems.

The work presents the results of studying speech and mental activity of students – future psychologists, outlines its psychological features are highlighted alternative strategy of establishment speech and mental activity of students – future psychologists.

E.V. Tsareva

THE EXPERIMENTAL PROGRAMME FOR THE PREVENTION OF AGGRESSION ATHLETE AS A FACTOR TO ACHIEVE THE PSYCHOLOGICAL SECURITY

Keywords: psychological security, athlete, sport activities, aggression, aggressiveness, prevention.

Article is devoted to a problem of ensuring psychological safety of the athlete of the subject of sports activity. The phenomenon of aggression of the athlete as a factor of threat of psychological safety of the personality is considered and analysed. Results of a pilot study of aggression of the athletes who are engaged in big tennis on the basis of which the program of prevention of aggression of the athlete is developed are given in article. Expected results of development of the program: possession of the athlete of receptions of neutralization of aggression, formation of psychological safety of the identity of the athlete.

В.Т. Ананьина

**ТЕОРИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ**

Ключевые слова: миграция, международная миграция, транснациональная миграция, транснационализм, трансмигрант, транснациональное сообщество, транснациональное социальное пространство.

В данной статье рассматриваются научные подходы к исследованию миграционных процессов в современном глобальном обществе. Особое внимание уделяется анализу теории транснациональной миграции, ее базовым понятиям, российской практике регулирования транснациональной миграции на примере государственной программы «Соотечественники».

О.В. Лисина

**СПЕЦИФИКА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО
ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО ВУЗОВ**

Ключевые слова: социокультурный эталон здоровья, здоровьесберегающие практики, уровни жизнестойкости, витальная метакомпетентность, стратегии здоровьесориентированности.

В статье представлен сравнительный анализ результатов социологического исследования социокультурных особенностей здоровьесберегающего поведения студентов технологического вуза различной профессиональной направленности и студентов духовного вуза, проведенного в рамках интегративно-эkleктического подхода с помощью качественного и количественного метода.

В.Т. Литвиненко

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ**

Ключевые слова и фразы: гражданское общество, политический дискурс, эпистемологический эволюционизм, общественный контроль, национальный социальный и экономический совет (НСЭС), МАЭСССИ.

В статье даётся характеристика и раскрывается сущность, значение, влияние общественного контроля в европейских государствах на систему государственного управления. Особое внимание автор акцентирует на существующем порядке взаимодействия государства и общества, их консолидации в вопросах решения существующих проблем.

А.Э. Ушамирский

**СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЙ ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ**

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, социальные факторы конфликта, соотношение государственного и регионального законодательства, нарушения прав человека, региональный конфликт.

V.T. Ananina

**THE THEORY OF THE TRANSNATIONAL
MIGRATION: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND
OPPORTUNITIES FOR PRACTICAL APPLICATION**

Keywords: migration, international migration, transnational migration, transnacionalizm, transmigrant, transnational community, transnational social space.

This paper discusses scientific approaches to the study of migration in today's global society. Special attention is paid to the analysis of the theory of transnational migration, the underlying concepts of the Russian practice of transnational migration in the State program «Compatriots».

O.V. Lisina

**SPECIFICS OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR
STUDENTS OF TECHNOLOGICAL AND
THEOLOGICAL HIGHER EDUCATIONAL
INSTITUTIONS**

Keywords: sociocultural standard of health, health-practice, levels of vitality, vital metacompetence, health-oriented strategy

The article presents a comparative analysis of the results of the survey of the sociocultural behavior of healthy technological university students of different professional orientation and spiritual university students conducted in the framework of integrative and eclectic approach, using qualitative and quantitative method.

V.T. Litvinenko

**FOREIGN EXPERIENCE OF FORMATION OF
PUBLIC CONTROL**

In article the characteristic is given and the essence, value, influence of public control in the European states on system of public administration reveals. The author focuses special attention on an existing order of interaction of the state and society, their consolidation in questions of the solution of existing problems.

A.E. Ushamirsky

**SOCIAL FACTORS OF HUMAN RIGHTS
VIOLATIONS ARE IN REGIONAL CONFLICTS**

Key words: human rights, the protection of human rights, social conflicts factors, the relationship of state and regional legislation, violation of human rights, regional conflict.

В статье анализируется проблема выявления системы социальных факторов, провоцирующих нарушения прав человека, в результате возникновения региональных конфликтов. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что главной задачей, в региональных конфликтах, возлагаемой на региональную власть становится предельно возможное использование полномочий для восстановления нарушенного права человека и гражданина.

The article analyzes the problem of identifying the system of social factors provoking human rights violations as a result of regional conflicts. The analysis suggests that the main task in regional conflicts, assigned to Regional power becomes the maximum possible use of the powers to restore the violated rights of man and citizen.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№12 2013

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-46452

Подписано в печать 30.12.2013

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

22,0 усл.печ.л. 25,3 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 3241.

Учредитель: ООО «Казанский Издательский Дом»

Адрес учредителя, издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

факс.(843) 238-32-01

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»